

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра истории Древнего мира и Средних веков

На правах рукописи

Белоруссова Татьяна Евгеньевна

Греко-латинский фронт на Пелопоннесе (вторая половина XIII–XIV в.):
политическое и социокультурное взаимодействие

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Доктор исторических наук, доцент
Куц Татьяна Викторовна

Екатеринбург – 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Греко-латинское взаимодействие в военно-политической сфере (вторая половина XIII–XIV в.).....	30
1.1. Военные конфликты и политические контакты во второй половине XIII в.: основные этапы и их особенности	39
1.2. Территориальное соперничество и проекты союзных соглашений в первой половине XIV в.....	70
1.3. Политическое взаимодействие во второй половине XIV в.....	97
Глава 2. Особенности социально-экономического взаимодействия между ромеями и латинянами	125
2.1. Правовой статус греков на территориях франков и венецианцев и латинян в Морейском деспотате	126
2.2. Пути и формы интеграции чужаков в полиэтничное общество морейских государств.....	157
2.3. Совместное греко-латинское землевладение (casaux de parçon)	168
2.4. Экономические связи в регионе	178
Глава 3. Социокультурные процессы на Пелопоннесе	201
3.1. Особенности локальной идентичности греко-латинской знати Пелопоннеса	201
3.2. Религиозное взаимодействие: конфликты, контакты и взаимовлияние	215
3.3. Греко-латинские смешанные браки	237
3.4. Отражение греко-латинского взаимодействия в культуре и языке	250
3.5. Влияние стереотипов на характер кросс-культурного взаимодействия на Пелопоннесе	259
Заключение	268
Список источников и литературы	273
Приложение 1: Просопография участников греко-латинского взаимодействия .	297
Приложение 2: Карты	319
Приложение 3: Таблицы	322
Приложение 4: Иллюстрации	323

Введение

Фронтир – это не только географическое пространство вокруг территориальных границ, но и контактная зона, в которой происходит встреча цивилизаций, соприкасаются человеческие коллективы, отличающиеся друг от друга в этнорелигиозном и социокультурном плане, складывается особый жизненный уклад смешанного населения¹. В мировой историографии наблюдается повышенный интерес к так называемым «фронтирным обществам», возникавшим в точках подобного соприкосновения². Этот интерес обусловлен стремлением исследователей определить характер, формы и особенности взаимовлияния и выявить результаты подобного диалога культур. Фронтир в современных исследованиях рассматривается как своеобразная синтезная зона, в пределах которой формируется особая, во многом самобытная культура, отличная от центров обеих цивилизаций. **Актуальность исследования** определяется тем, что позднесредневековый Пелопоннес был ярким примером подобного цивилизационного пограничья, где с начала XIII в. активно взаимодействовали византийские и латинские политические и правовые системы, культурные, религиозные и языковые традиции³. Длительное сосуществование ромеев и латинян в данном регионе, сопровождавшееся не только конфликтами, но и постоянными контактами, определило особенности исторического развития этой контактной зоны.

Анализ исторического опыта столкновения цивилизаций, их кросс-культурного диалога и диссонанса обладает актуальностью еще и потому, что в современном мире проблемы межкультурного и

¹ Berend N. Medievalists and the Notion of the Frontier // The Medieval History Journal. 1999. Vol. 2. P. 68.

² См.: Medieval Frontier Societies / ed. R. Bartlett, A. MacKay. Oxford, New York, 1989. 408 p.; Frontiers in Question: Eurasian Borderlands, 700–1700 / ed. D. Power, N. Standen. Basingstoke, Hampshire; New York, 1999. 293 p.; Medieval Frontiers: Concepts and Practices / ed. D. Abulafia, N. Berend. Aldershot, 2002. 306 p.

³ Page G. Being Byzantine. Greek Identity Before the Ottomans. Cambridge, 2008. P. 241–242.

межконфессионального взаимодействия приобрели необычайную остроту. В настоящее время происходит активизация в глобальных масштабах контактов между носителями разных этнокультурных и религиозных традиций. При этом конфессиональные и цивилизационные различия зачастую становятся причиной взаимного непонимания, ксенофобии и открытой вражды. Детальное изучение на конкретном историческом материале опыта межкультурных и межконфессиональных контактов в условиях военного и религиозного противостояния позволяет изучить механизмы установления кросс-культурного взаимодействия. В этом смысле история византийско-латинских конфликтов и контактов представляет не только исследовательский, но и общественный интерес.

Завоевание византийского Пелопоннеса крестоносцами в начале XIII в. превратило его в зону перманентного конфликта. Ромеи не смирились с латинским присутствием в регионе, что побуждало их вести борьбу за возврат утраченных владений, особенно после восстановления византийского присутствия на этих землях в 1262 г. Однако их отношения носили не только конфликтный характер – долгие годы сосуществования в ограниченном пространстве полуострова вынуждало обе стороны выстраивать диалог на уровне и государственном, и межличностном. Диссертационное исследование посвящено проблеме взаимодействия ромейского (восточно-христианского, грекоязычного) и латинского (западно-христианского, латиноязычного) миров в условиях серьезных геополитических перемен, происходивших в Восточном Средиземноморье в XIII–XIV вв. Объем и разнообразие сохранившегося источникового материала позволяет рассматривать именно позднесредневековый Пелопоннес как яркий пример истории фронтирного общества, что придает исследованию уникальность и новизну.

Объектом исследования выступают государственные образования, существовавшие на полуострове Пелопоннес во второй половине XIII–XIV в. **Предметом** исследования является греко-латинское взаимодействие на

Пелопоннесе в обозначенный период, в первую очередь, в его политических и социокультурных проявлениях.

Территориальные рамки исследования ограничены полуостровом Пелопоннес, где в исследуемый период существовали латинское Ахейское княжество, византийский Морейский деспотат (до середины XIV в. – провинция Морея) и венецианские колонии Корон и Модон. **Нижней хронологической границей** является 1262 г., когда был восстановлен византийский контроль над частью Мореи, поскольку с того времени можно говорить о греко-латинском взаимодействии на уровне взаимоотношений двух государственных образований. Однако для того, чтобы проследить процесс формирования на Пелопоннесе франкского государства и венецианских факторий и установления власти латинян над местным ромейским населением, в работе делаются экскурсы в более ранний период и рассматриваются события, связанные с Четвертым крестовым походом, в результате которого в 1204 г. перестала существовать Византия и на ее руинах возникла Латинская Романия. **Верхнюю хронологическую границу** условно можно обозначить концом XIV – началом XV в. – временем окончательного упадка латинских владений на северо-западе Пелопоннеса, утверждения Морейского деспотата в роли доминирующей политической силы на полуострове при деспоте Феодоре I (1383–1407) и включения в межкультурное взаимодействие на Пелопоннесе еще одной группы – турок-османов.

Цель диссертационного исследования – изучить характер взаимоотношений ромеев, франков и венецианцев на Пелопоннесе во второй половине XIII–XIV в., рассмотреть особенности их политических контактов, военных конфликтов и экономических связей, а также исследовать социокультурные процессы, протекавшие в регионе цивилизационного пограничья.

Для достижения поставленной цели ставятся следующие задачи:

1. Выделить и охарактеризовать этапы греко-латинского взаимодействия в политической сфере, выявить изменения в региональной политике латинян и греков;
2. Рассмотреть военно-политические конфликты между Ахейским княжеством, византийской провинцией Морея / Морейским деспотатом и венецианской администрацией Корона и Модона; определить их причины и способы урегулирования конфронтации;
3. Проанализировать примеры военного сотрудничества латинян и греков для защиты от общего врага, обозначить степень заинтересованности каждой из сторон в подобных союзах и их результативность;
4. Охарактеризовать формы мирного взаимодействия греков и латинян, выделить особенности интеграционных процессов и определить степень ассимиляции и аккультурации инородного населения в смешенных обществах, возникших в государственных образованиях Пелопоннеса;
5. Рассмотреть специфику экономических связей между латинянами и ромеями Пелопоннеса в региональном и общеевропейском масштабе;
6. На основе просопографических исследований проанализировать процессы диффузии и симбиоза латинских и византийских элит на Пелопоннесе в рассматриваемый период, а также городского и сельского населения, сведения о которых сохранились в источниках;
7. Рассмотреть проблему восприятия греками и латинянами полуострова своих соседей как носителей иной культуры и религии, а также выявить влияние стереотипов на характер кросс-культурного взаимодействия в регионе.

Источниковую базу диссертационного исследования составляют прежде всего письменные источники. Ключевую роль для решения поставленных задач играют *нарративные* и *актовые* источники латинского и византийского происхождения.

К нарративным источникам относится «*Морейская хроника*», составленная анонимным автором в начале XIV в. и дошедшая до нас в четырех версиях: греческой, старофранцузской, арагонской, итальянской⁴. Этот источник считается основным по истории франкского Ахейского княжества и греко-латинских взаимоотношений на Пелопоннесе в XIII – первой половине XIV в., поскольку является единственным дошедшим до наших дней нарративом, составленным непосредственно на Пелопоннесе и для населения Ахейского княжества. Хроника содержит подробное описание локальных обычаев и принципов функционирования франкской администрации на Пелопоннесе. Однако некоторые сведения хроники в силу особенности ее жанра как эпического произведения и ярко выраженной пролатинской направленности нуждаются в тщательной проверке и сопоставлении со сведениями других авторов.

Византийские нарративные источники представлены, прежде всего, *историческими сочинениями* Георгия Акрополита⁵, Георгия Пахимера⁶, Никифора Григоры⁷ и Иоанна Кантакузина⁸. К этой же группе относится

⁴ Греческая версия: *The Chronicle of Morea (Τὸ Χρονικὸν τοῦ Μορέως): A History in Political Verse, Relating the Establishment of Feudalism in Greece by the Franks in the Thirteenth Century* / ed. J. Schmitt. London, 1904. 640 p.; Английский перевод: *Crusaders as Conquerors: The Chronicle of the Morea* / ed. H. Lurier. New York, 1964. 346 p.; Старофранцузская версия: *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête de la princée de l'Amorée* / publ. par J. Longnon. Paris, 1911. 405 p.; Английский перевод: *The Old French Chronicle of Morea: an account of Frankish Greece after the Fourth Crusade* / ed. A. Van Arsdall, H. Moody. London, 2018. 258 p.; Арагонская версия: *Libro de los Féchos et Conquistas del Principado de la Morea. Chronique de Morée aux XIIIe et XIVe siècles* / publiée et traduit pur la première fois pour la Société de l'Orient Latin par Alfred Morel-Fatio. Genève, 1885. 177 p.; Испанский перевод: *La Crónica de Morea* / est., text. y trad. J. M. Egea. Madrid, 1996. 545 p.; Наиболее поздний итальянский текст, составленный в XVI в., не рассматривается в диссертации.

⁵ *Georgii Acropolitae. Opera* / rec. A. Heisenberg ed. corr. P. Wirth. Stuttgart, 1978. 366 s.; Русский перевод: *Георгий Акрополит. История* / пер., вступ. ст., коммент. и прил. П. И. Жаворонкова; отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб., 2013. 416 с.

⁶ *Georges Pachymères. Relations Historiques* / ed. A. Failler, V. Laurent. Paris, 1984–1999. Vol. 1. 325 p.; Vol. 2. 667 p.; Vol. 3. 305 p.; Vol. 4. 727 p.

⁷ *Nikephori Gregorae. Historia Byzantina* / ed. L. Schopen; E. Bekker. Bonn, 1829–1855. Vol. 1. 568 s.; Vol. 2. 824 s.; Vol. 3. 586 s.; Немецкий перевод: *Nicephorus Gregoras Rhomäische Geschichte (Historia Rhomaïke)* / Übersetzt und erläutert von J. L. van Dieten. Stuttgart, 1973–2007. Bd. 1. 219 s.; Bd. 2. 441 s.; Bd. 3. 438 s.; Bd. 4. 369 s.; Bd. 5. 469 s.; Bd. 6. 214 s.

⁸ *Ioannis Cantacuzeni Historiarum Libri IV* / ed. L. Schopen, E. Bekker. Bonn, 1830–1832. Vol. 1. 560 s.; Vol. 2. 615 s.; Vol. 3. 616 s.; Английский перевод: *McLaughlin B. S. An*

риторический трактат «Надгробная речь» Мануила II Палеолога, посвященная его брату, деспоту Морей Феодору I (1383–1407)⁹, и византийское сатирическое сочинение начала XV в. «Мазарис»¹⁰. Сведения из этих произведений дают бесценную информацию о значении Пелопоннеса для Византийской империи при династии Палеологов, иллюстрируют принципы взаимодействия местного населения с захватчиками, а также проливают свет на то, как воспринимались латиняне Пелопоннеса каждым из авторов и как это отношение изменялось в течение рассматриваемого периода.

При рассмотрении внешнеполитических связей Пелопоннеса и совместных военных действий латинян и греков против каталонцев и турок в исследовании необходимо также привлекать *западноевропейские хроники* Рамона Мунтанера¹¹ и Марино Санудо¹², а также *хронику Токко*¹³, которые содержат некоторую информацию о латинских государственных образованиях Пелопоннеса, особенностях их внутренней жизни и взаимоотношениях с местным населением.

Важными источниками для определения положения «Других» в обществах франков, ромеев и венецианцев на Пелопоннесе являются **актовые материалы**. Эта группа источников представлена преимущественно венецианской¹⁴ и франкской¹⁵ документацией,

Annotated Translation of John Kantakouzenos' Histories, Book III, Chapters 1–30. Doctoral Thesis. Royal Holloway, University of London, 2017. 491 p.

⁹ Manuel II Palaiologos. Funeral Oration on His Brother Theodore / introd., text, transl. and notes by J. Chrysostomides. Thessalonike, 1985. 310 p.

¹⁰ Boissonade F. Anecdota Græca e Codicibus Regiis. Paris, 1831. Vol. 3. P. 112–186; Русский перевод см: Мазарис // Византийский сатирический диалог / изд. подгот. С. В. Полякова и И. В. Феленковская; отв. ред. Я. Н. Любарский. Ленинград, 1986. С. 72–128.

¹¹ Ramon Muntaner. The Chronicle / transl. by Lady Goodenough. Cambridge; Ontario, 2000. 759 p.

¹² Marino Sanudo Torsello. The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross / ed. and transl. by P. Lock. Farnham, 2011. 475 p.

¹³ Cronaca dei Tocco di Cefalonia di anonimo / ed. J. Schirò. Roma, 1975. 610 p.

¹⁴ Régestes des Délibérations du Sénat de Venise Concernant la Romanie / ed. F. Thiriet. Paris, 1958. Vol. 1. 247 p.; Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata: euristica e critica documentaria per gli oculi capitals Communes Veneciarum (secoli XIV e XV) / ed. A. Nanetti. Athens, 1999. Vol. 1. 440 p.; Athens, 2007. Vol. 2. 580 p.

составленной в отношении Пелопоннеса XIII–XIV в., но также и византийскими документами о Пелопоннесе XV вв.¹⁶ Анализ этих документов позволяет дополнить и верифицировать полученные из нарратива данные, а также прояснить юридический статус латинян и греков в обществах друг друга и раскрыть на конкретных примерах аспекты их социально-экономического взаимодействия. К группе юридических источников относятся Ассизы Романии¹⁷ – свод законов Ахейского княжества в XIII–XIV вв., который проливает свет на правовой статус греческого населения при франках.

В исследовании также задействованы *эпистолярные* источники преимущественно византийского происхождения. Эта группа представлена корреспонденцией Димитрия Кидониса¹⁸, Григория Акиндина¹⁹, Мануила II Палеолога²⁰, Исидора Киевского²¹, в которой содержатся сведения о ситуации на Пелопоннесе и информация об отношении авторов к событиям в Морее, современниками которых они являлись. Кроме того, для анализа религиозного взаимодействия латинян и греков на Пелопоннесе привлекались письма римских пап XIII–XIV вв. к католическим иерархам Пелопоннеса²².

¹⁵ Actes relatifs a la Principauté de Morée, 1289–1300 / publiés par C. Perrat, J. Longnon. Paris, 1967. 243 p.; Documents sur le Régime des Terres dans la Principauté de Morée au XIVe siècle / ed. par J. Longnon, P. Topping. Paris, 1969. 326 p.; Monumenta Peloponnesiaca. Documents for the History of the Peloponnese in 14th and 15th centuries / Ed. J. Chrysostomides. Camberley (Surrey), 1995. 664 p.

¹⁶ Λαμπρος Σ. Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακὰ. Αθήνα, 1930. Τ. IV. 328 σ.

¹⁷ Les Assises de Romanie. Édition critique avec une introduction et des notes / ed. par G. Recoura. Paris, 1930. 350 p.; Английский перевод: Feudal Institutions as Revealed in the Assizes of Romania: the Law Code of Frankish Greece / transl. and comment. by P. W. Topping. Philadelphia, 1949. 192 p.

¹⁸ Démétrius Cydonès, Correspondence / ed. R-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956. Vol. 1. 220 p.; 1960. Vol. 2. 496 p.

¹⁹ Letters of Gregory Akindynos / ed. A. Constantinides-Hero. Washington, D.C., 1983. 465 p.

²⁰ The Letters of Manuel II Palaeologus / ed. G. T. Dennis. Washington, 1977. 252 p.

²¹ Счастнев П. Исидор, митрополит Московский и всея Руси: студенческая работа. МДА. Сергиев Посад, 1916 / Отдел рукописей РГБ. Ф. 172 (МДА). Картон № 409. Ед. хр. 1). Л. 79–87 об.

²² Die Register Innocenz' III: Texte und Indices / Hrsg. A. Gottsmann, T. Winkelbauer. Wien, 2014. Bd. 13: Jahrgang (1210/1211). 363 s.; Schabel Ch. Antelm the Nasty, first Latin

Степень разработанности темы. Тема греко-латинских взаимоотношений после Четвертого крестового похода и до падения Византии всегда привлекала внимание историков и вызывала множество дискуссий в исторической науке. История латинян в Леванте (и, в частности, на Пелопоннесе) начала активно изучаться с середины XIX в. В фундаментальных работах К. Хопфа²³ и Ж. А. Бюшона²⁴ в научный оборот был введен и систематизирован широкий круг письменных, сфрагистических и нумизматических источников XIII–XV вв., а также подробно рассмотрена политическая история Эгейского региона в позднее Средневековье. В работе У. Миллера²⁵, посвященной латинским государствам в Леванте, был дан подробный обзор *политического развития* «Франкской Греции» (в отечественной историографии чаще именуемой «Латинская Романия») и истории латинских государств на Балканах с XIII по XVI вв. в контексте поздних крестовых походов. Исследователь особо выделял важность периода с XIII по XV вв. в судьбе местного населения и его влияние на формирование национального греческого самосознания. Эти труды обратили внимание исследователей к латинским государствам, основанным на византийских территориях после 1204 г., и заложили основы изучения греко-латинских конфликтов и контактов в Восточном Средиземноморье XIII–XV вв.

Историография XX – начала XXI в. достигла значительных результатов в изучении проблемы греко-латинского взаимодействия на Пелопоннесе рассматриваемого периода. Среди многочисленных исследований,

Archbishop of Patras (1205 – ca. 1241) // *Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000–1500: Aspects of Cross-cultural Communication* / eds. A. D. Beihammer, M. G. Parani, Ch. Schabel. Boston; Leiden, 2008. P. 129–132.

²³ Hopf C. *Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit*. Nella *Enciclopedia universale delle scienze e delle arti* / ed. J. S. Ersch, J. G. Gruber. Leipzig, 1867. Vol. 1. 438 s.; Vol. 2. 512 s.

²⁴ Buchon J. A. *Recherches Historiques sur la Principauté Française de Morée et Ses Hautes Baronies*. Paris, 1845. Vol. 1. 529 p.

²⁵ Miller W. *The Latins in the Levant, a History of Frankish Greece (1204–1566)*. New York, 1908. 675 p.

посвященных Латинской Романии и поздней Византии, прежде всего необходимо назвать ставшие уже классическими работы А. Лайу²⁶, Д. Никола²⁷, Д. Яннакопулоса²⁸, М. Балара²⁹, Н. Неджипоглу³⁰, в которых рассматривалась *проблема конфликтов и контактов* Византийской империи с латинскими государствами Греции в позднее Средневековье. Исследования П. Лока³¹ и К. М. Сеттона³² рассматривают эти конфликты и контакты через призму латинского управления захваченными территориями, также уделяют внимание взаимоотношениям латинских элит с местным населением в политической, социальной и религиозной сферах. Эти труды объединяет анализ отношения византийцев к латинскому присутствию в Восточном Средиземноморье и их реакции на это вынужденное соседство. Кроме того, в перечисленных исследованиях выделены особенности политического взаимодействия греков и латинян, предприняты попытки определить результаты и значение кросс-культурного столкновения Византии и Запада. Эти исследователи, изучая историю латинского присутствия на Балканах, затрагивали также и более общую проблему междивизиационного взаимодействия в позднее Средневековье. Общий культурный контекст рассматриваемой эпохи освещают работы, посвященные интеллектуальной жизни поздней Византии. Проблемы отношения византийских интеллектуалов к союзу с Западом, и в особенности формирования

²⁶ Laiou A. E. Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328. Cambridge, 1972. 390 p.

²⁷ Nicol D. The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453. Cambridge, 1993. 463 p.

²⁸ Geanakoplos D. J. Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282: A Study in Byzantine-Latin Relations. Cambridge; Massachusetts, 1959. 434 p.

²⁹ Balard M. Les latins en Orient (XIe–XVe siècle). Paris, 2006. 408 p.; Latins in the Aegean and the Balkans (1300–1400) // The Cambridge History of the Byzantine Empire ca. 500–1492 / ed. J. Shepard. Cambridge, 2007. P. 834–851.

³⁰ Necipoğlu N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire. Cambridge, 2009. 350 p.

³¹ Lock P. The Franks in the Aegean, 1204–1500. London; New York, 1995. 400 p.

³² Setton K. M. The Papacy and the Levant (1204–1571). Philadelphia, 1976. Vol. 1: The Thirteenth and Fourteenth Centuries. 323 p.

латинофильского крыла в интеллектуальной среде XIV в., были пристально рассмотрены И. П. Медведевым³³, М. А. Поляковской³⁴, Т. В. Куш³⁵.

Если в исследованиях конца XIX – первой половины XX в., посвященных истории латинских государств Греции, акцент делался преимущественно на ключевых различиях и конфликтах между латинскими завоевателями и греческим населением, то со второй половины XX в. в фокусе внимания историков оказалась проблема греко-латинского взаимодействия. В частности, предпринимались попытки установить *природу социокультурных взаимодействий* греков и латинян, главным образом путем детального изучения сохранившихся официальных документов и изучения социальных институтов латинян в Греции. Вопросы *аккультурации и симбиоза* греков и латинян после Четвертого крестового похода на бывших византийских территориях, в частности в Морее, получили активную разработку в трудах Дж. Пэйдж³⁶, С. П. Карпова³⁷, М. Энголда³⁸, Н. И. Цугаракиса³⁹, М. Карра⁴⁰. Эти авторы в своих работах обращались к *проблемам греко-латинского сосуществования* на Балканах, отмечая, что после захвата византийских территорий латиняне оказались в совершенно иных для себя политических, экономических и культурных условиях, что толкало их на установление контактов и достижение компромиссов с местным населением. Выводы этих исследователей в

³³ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997. 340 с.

³⁴ Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов. Три очерка. Изд. второе, исправл. и дополн. СПб., 1998. 352 с.

³⁵ Куш Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013. 456 с.

³⁶ Page G. Being Byzantine. Greek Identity Before the Ottomans. Cambridge, 2008. 330 p.

³⁷ Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000. 256 с.

³⁸ Angold M. Greeks and Latins after 1204: The Perspective of Exile // *Mediterranean Historical Review*. 1989. Vol. 4. Iss. 1. P. 63–86; Angold M. After the Fourth Crusade: the Greek Rump States and the Recovery of Byzantium // *The Cambridge History of the Byzantine Empire, c. 500–1492* / ed. J. Shepard. Cambridge, 2008; Angold M. Michael VIII Palaiologos and the Aegean // *Liquid and Multiple. Individuals and Identities in the Thirteenth-century Aegean* / ed. G. Saint-Guillain, D. Stathakopoulos. Paris, 2012. P. 27–44.

³⁹ Tsougarakis N. I. The Latin Religious Orders in Medieval Greece, 1204–1500. Turnhout, 2012. 391 p.

⁴⁰ Carr M. Merchant Crusaders in the Aegean, 1291–1352. Woodbridge; Suffolk, 2015. 214 p.

значительной степени дополняют друг друга в характеристике смешанного общества средневековой Греции, отмечая особую динамику в социокультурном взаимодействии, а также обоюдной, хоть и неравнозначной, преемственности. В работах части этих исследователей также отмечена уникальность латинского государства франков (Ахейского княжества) на Пелопоннесе эпохи поздних крестовых походов и поставлен ряд вопросов, требующих продолжения изучения истории данного региона с точки зрения анализа межкультурных связей Западной Европы и Византийской империи.

Отдельно необходимо отметить многочисленные труды Д. Якоби⁴¹, посвященные торговому, социально-экономическому и социокультурным аспектам взаимоотношений латинян с ромеями в разных областях Греции, а также судьбе ромейского населения на завоеванных латинянами территориях после 1204 г. Благодаря всестороннему скрупулезному анализу реалий общественной и религиозной жизни в латинских государствах Греции, правовых институтов и экономической активности латинян в Восточном Средиземноморье ученый один из первых сумел взглянуть на этот период в истории Греции под иным углом и прийти к выводу, что латинские государства, образованные после Четвертого крестового похода, серьезно отличались друг от друга в принципах взаимоотношений завоевателей с местным населением. Таким образом, исследователь обозначил дальнейшие перспективы и актуальность изучения специфики этих контактов и конфликтов в обществах Восточного Средиземноморья.

⁴¹ Jacoby D. *La féodalité en Grèce médiévale: les «Assises de Romanie», sources, application et diffusion*. Paris, 1971. 358 p.; Jacoby D. *The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade* // *The American Historical Review*. 1973. Vol. 78, No 4. P. 783–906; Jacoby D. *From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change* // *Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204* / ed. B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. London, 1989. P. 1–44.

Также выделим в отдельную группу научные труды Р. Дж. Ленерца⁴², С. В. Близнюк⁴³, Х. Гаспариса⁴⁴, К. Станциу⁴⁵ по истории островных государств Латинской Романии и кросс-культурного взаимодействия на этих территориях. Эти исследователи в своих работах обратили особое внимание на пути политической интеграции греков в латинскую среду, специфику кооперации ромеев с захватчиками и ее эволюции, процессы взаимопроникновения византийской и латинской культур. Тщательная проработка сведений источников о способах сосуществования латинян с автохтонным населением этих территорий, выделение закономерностей и аспектов их взаимодействия послужили методологическим подспорьем данной диссертации и позволили наметить и конкретизировать задачи для анализа греко-латинского взаимодействия на Пелопоннесе.

С методологической точки зрения необходимо отметить работы, посвященные исследованиям фронта и контактных зон, к которым относится и позднесредневековый Пелопоннес. В исследованиях Н. Беренд⁴⁶, Н. Хасли⁴⁷, Р. М. Шукурова⁴⁸, В. А. Арутюновой-Фиданян⁴⁹ затрагиваются важные вопросы о сущности фронта и обосновывается

⁴² Loenertz R.-J. *Les Ghisi, dynastes vénitiens dans l'archipel (1207–1390)*. Venezia, 1975. 510 p.; Loenertz R.-J. *Byzantina et Franco-Graeca*. Rome, 1970–1978. Vol. 1. 632 p; Vol. 2. 541 p.; Loenertz R.-J. *Pour l'histoire du Péloponnèse au XIVe siècle (1382–1404) // Études byzantines*. 1943. T. 1. P. 152–196.

⁴³ Близнюк С.В. *Короли Кипра в эпоху крестовых походов*. СПб., 2014. 278 с.; Близнюк С.В. *Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв.* М., 2016. 832 с.

⁴⁴ Gasparis Ch. *Byzantine Families in Venetian Context: The Gavalas and Ialinas Families in Venetian Crete (XIIIth–XIVth centuries)*. Athens, 2019. 131 p.

⁴⁵ Stancioiu C. *Objects and Identity: An Analysis of Some Material Remains of the Latin and Orthodox Residents of Late Medieval Rhodes, Cyprus, and Crete*. PhD Dissertation. University of California, 2009. 421 p.

⁴⁶ Berend N. *Medievalists and the Notion of the Frontier // The Medieval History Journal*. 1999. Vol. 2. P. 55–72.

⁴⁷ Housley N. *Frontier Societies and Crusading in the Late Middle Ages // Mediterranean Historical Review*. 1995. Vol. 10. Iss. 1–2. P. 104–119.

⁴⁸ Шукуров Р. М. *Зона контакта: проблемы междивизиационных отношений в современной византистике // Византийский временник*. 1999. Т. 59. С. 258–268; Шукуров Р. М. *Тюрки в византийском мире (1204–1461)*. М., 2017. 631 с.

⁴⁹ Арутюнова-Фиданян В. А. *Армения и Византия (VI–XI вв.): контактные зоны в развитии цивилизаций*. М., 2022. 452 с.

правомерность употребления этого термина в контексте междивилизационных контактов в Средние века, поскольку жизнь во фронтальном регионе напрямую связана со взаимовлиянием культур в силу длительного совместного проживания этнических групп и, впоследствии, с формированием смешанных обществ с особым жизненным укладом.

История позднесредневекового Пелопоннеса также неоднократно попадала в поле зрения исследователей. Прежде всего историков интересовала судьба двух крупных государственных образований, возникших на полуострове после 1204 г. – византийской Мореи (позднее – деспотата) и Ахейского княжества. Важное значение для данного исследования имеют работы Д. Закифиноса⁵⁰, И. П. Медведева⁵¹, Х. Каллигаса⁵², С. Рансимена⁵³, в которых дана развернутая характеристика исторического развития поздневизантийской Мореи, ее специфика, а также рассмотрены случаи столкновений ромеев с латинянами, показаны постепенный переход латинских территорий под власть Византии в XIV в. и отмечены интеграционные процессы, которые привели к включению латинян в культурное пространство византийского Пелопоннеса.

История франкского Ахейского княжества также нашла отражение в ряде классических исследований XX в. В фундаментальном труде Ж. Лоньона⁵⁴ отводится особое внимание взаимовлиянию франков и греков на Пелопоннесе, которые они оказали друг на друга после 1205 г. Однако позднее исследователи ставили под сомнение его выводы о степени позитивного влияния франков на жизнь местного населения. Пожалуй,

⁵⁰ Zakythinos D. A. *Le Despotat Grec de Morée*. Paris, 1932. Vol. 1. 334 p.; Athenes, 1953. Vol. 2. 408 p.

⁵¹ Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. СПб., 1973. 163 с.; Медведев И. П. Право в эпоху латинского владычества // *Культура Византии XIII – первая половина XV в.* / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: 1991. С. 188–200.

⁵² Kalligas H. *Byzantine Monemvasia. The Sources*. Monemvasia, 1990. 292 p.; Kalligas H. *Monemvasia: a Byzantine City State*. London, 2013. 210 p.; Kalligas H. *The Miniatures in the Chrysobulls of Andronikos II for Monemvasia* // *Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников* / Отв. ред. Р. М. Шукуров. М., 2009. Р. 365–378.

⁵³ Runciman S. *Mistra. Byzantine capital of the Peloponnese*. London, 1980. 160 p.

⁵⁴ Longnon J. *L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée*. Paris, 1949. 363 p.

наиболее подробное и обстоятельное исследование истории Ахейского княжества по сей день принадлежит перу французского историка и археолога А. Бона⁵⁵, который осветил не только политическую жизнь княжества, но и особенности его внутреннего развития, уделив особое внимание изменениям во взаимоотношениях завоевателей и завоеванных на разных этапах политической истории княжества в связи с влиянием внешнеполитических обстоятельств. В работах П. Топпинга⁵⁶ сосуществование франков и греков рассмотрено в более широком контексте отношений между греческим Востоком и латинским Западом в Средние века. Исследователь, в частности, отмечал, что именно прагматические задачи и практические потребности способствовали выработке приемлемых моделей сосуществования в зоне греко-латинского пограничья.

Результаты научных изысканий этих историков показали, что несмотря на культурно-религиозную пропасть, эти две группы были связаны друг с другом в политическом, социально-экономическом и бытовом плане. Они обозначили принципиальную важность компромиссов латинского меньшинства с местным населением и доказали уникальность опыта Ахейского княжества с точки зрения включения греческих элит в состав феодальной латинской знати. Следует также упомянуть важные для настоящего исследования труды Ф. Тирье⁵⁷, Дж. Хрисостомидес⁵⁸, Д. Никола⁵⁹, К. Ходжеттс⁶⁰, А. Нанетти⁶¹, в которых затрагивается проблема

⁵⁵ Bon A. *La Morée franque: recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe (1205–1430)*. Paris, 1969. 746 p.

⁵⁶ Topping P. *Co-existence of Greeks and Latins in Frankish Morea and Venetian Crete* // *XVe Congrès International d'études Byzantines. Rapports et co-rapports*. Athens, 1976. Vol. 1. P. 3–23; Topping P. *The Morea (1311–1364); The Morea (1364–1460)* // *A History of the Crusades / ed. by K.M. Setton, H.W. Hazzard*. Madison, Wisconsin, 1975. Vol. 3: *The Fourteen and Fifteen Centuries*. P. 104–140; 141–166.

⁵⁷ Thiriet F. *Etudes la Romanie greco-venitienne (Xe–XVe siècles)*. London, 1977. 362 p.

⁵⁸ Chrysostomides J. *Byzantium and Venice, 1204–1453: Collected Studies* / ed. M. Heslop, Ch. Dendrinis. Farnham, 2011. 294 p.

⁵⁹ Nicol D. M. *Byzantium and Venice: a Study in Diplomatic and Cultural Relations*. Cambridge, 1988. 425 p.

⁶⁰ Hodgetts C. *Venetian Officials and Greek Peasantry in the Fourteenth Century* // *ΚΑΘΗΓΗΤΡΙΑ: Essays presented to Joan Hussey for her 80th Birthday*. London, 1989. P. 481–

венецианского присутствия на Пелопоннесе, значение этих территорий для Республики св. Марка, а также роль венецианцев во внутренней жизни полуострова и его связях с экономическими и политическими центрами Средиземноморья. В целом, исследования этого направления показали, что в изучении греко-латинских взаимоотношений на Пелопоннесе сохраняются лакуны, и обозначили важность дальнейшего анализа междивизиационных конфликтов и контактов на Пелопоннесе в позднее Средневековье.

Пожалуй, наиболее подробным исследованием греко-латинских отношений на сегодняшний день является монография А. Илиевой⁶², рассматривающая историю франкского Пелопоннеса через призму греко-латинского взаимодействия. Исследовательница анализирует мотивацию, которая побуждала греческое население сопротивляться франкам или сотрудничать с ними, и утверждает, что отношение греков к латинянам не оставалось неизменным и находилось под влиянием таких факторов, как социальный статус и род деятельности участников этого взаимодействия. Важно, что хронологические рамки этой монографии доходят до 1262 г., то есть, до нижней хронологической границы нашего диссертационного исследования, давая, таким образом, шанс продолжить это исследовательское направление, доведя его до конца XIV в.

Помимо ставших уже «классическими» исследований, посвященных истории региона, в диссертации использованы и работы, в которых изучение позднесредневекового Пелопоннеса проводилось с активным привлечением междисциплинарных и специальных исторических и антропологических методов. Исследование И. Ортеги⁶³, посвященное латинскому нобилитету

499; Hodgetts C. Land Problems in Coron: 1298–1347: A Contribution on Venetian Colonial Rule // *Byzantina*. 1983. Vol. 12. P. 137–157.

⁶¹ Nanetti A. Theseus and the Fourth Crusade: Outlining a Historical Investigation of a Cultural Problem // *Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Отв. ред. Р. М. Шукуров. М., 2009. П. 385–436.*

⁶² Ilieva A. Frankish Morea 1205–1262. Socio-Cultural Interaction Between the Franks and Local Population. Athens, 1991. 309 p.

⁶³ Ortega I. Les Lignages nobiliaires dans la Morée Latine (XIIIe–XVe siècle), permanences et mutations. Turnhout, 2012. 704 p.

Мореи, показало продуктивность применения просопографического анализа для изучения обществ, формировавшихся в зоне активных междивилизационных контактов. Гендерное исследование латинской Ахайи получило освещение в работе М. Герен⁶⁴. Работа же Т. Шоукросс⁶⁵, в которой проведен детальный историко-лингвистический и компаративный анализ четырех версий «Морейской хроники», не только подтвердила ее источниковедческий и информативный потенциал, но и показала различие восприятия и оценки межкультурного взаимодействия, отразившихся в разных версиях. Исследовательница, кроме того, дает новый взгляд на греко-латинские отношения в Морее, делая акцент на формировании смешанного общества и постепенном складывании чувства общности в среде франков и ромеев Ахейского княжества.

В последние десятилетия термины «кросс-культурные контакты» и «аккультурация» стали ключевыми в исследованиях латинского присутствия в Восточном Средиземноморье, сместив акцент с моделей конфликта на формы взаимодействия и поиск путей к мирному сосуществованию⁶⁶. В настоящее время в исторической науке активно разрабатываются вопросы развития территорий Восточного Средиземноморья с опорой на данные археологических и визуальных источников. Исследованием Мореи в

⁶⁴ Guérin M. *Les dames de la Morée franque (XIIIe–XVe siècle): Représentation, rôle et pouvoir des femmes de l'élite latine en Grèce medieval*. Thèse de doctorat. Histoire. Université Paris-Sorbonne, 2014. 545 p.

⁶⁵ Shawcross T. *Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece*. Oxford, 2009. 401 p.

⁶⁶ Beihammer A. *A Transcultural Formula of Rule: The Byzantine-Frankish Discourse on the Formation // Union in Separation: Diasporic Groups and Identities in the Eastern Mediterranean (1100–1800)* / ed. G. Christ, F.-J. Morche, R. Zaugg, W. Kaiser, S. Burkhardt, A. D. Beihammer. Rome, 2015. P. 437; также см.: *Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000–1500: Aspects of Cross-cultural Communication* / eds. A. D. Beihammer, M. G. Parani, Ch. Schabel. Boston; Leiden, 2008. 467 p.; *Contact and Conflict in Frankish Greece and Aegean, 1204–1453* / ed. N. G. Chrissis, M. Carr. London; New York, 2014. 232 p.; *A Companion to Latin Greece* / ed. N. Tsougarakis. Leiden; Boston, 2014. 529 p.; *Cross-Cultural Interaction Between Byzantium and West, 1204–1669. Whose Mediterranean Is It Anyway?* / ed. A. Lymberopoulou. London; New York, 2018. 346 p.

подобном ключе занимаются исследовательницы П. Армстронг⁶⁷, Ш. Герштель⁶⁸ и К. Раку⁶⁹. История позднесредневекового Пелопоннеса в настоящее время также привлекает внимание отечественных исследователей⁷⁰. В частности, в 2022 г. состоялась защита кандидатской диссертации Д. Л. Фролова⁷¹, посвященной социальным изменениям в ромейской среде после Четвертого крестового похода.

Достигнутые мировой историографией результаты доказывают необходимость комплексного подхода к изучению политических и социокультурных процессов, протекавших в регионе столкновения и активного взаимодействия представителей различных культур и традиций. Однако несмотря на достаточную изученность темы, ряд вопросов, связанных с историей позднесредневекового Пелопоннеса, по сей день являются дискуссионными и не до конца решенными. К их числу относятся формы и конкретные результаты сосуществования на замкнутой территории представителей двух разных культур и их последствия для греческого мира, характер экономических связей латинян и греков на материалах частноправовых источников, а также вопросы распространенности смешанных браков на Пелопоннесе в исследуемый период. Кроме того, в настоящее время среди исследователей отсутствует единая точка зрения по

⁶⁷ Armstrong P. The Survey Area in the Byzantine and Ottoman Periods // *Continuity and Change in a Greek Rural Landscape: the Laconia Survey* / ed. W. Cavanagh, J. Crouwel, R. W. V. Catling, G. Shipley. London, 2002. Vol. 1. P. 339–402.

⁶⁸ *Viewing the Morea: Land and People in the Late Medieval Peloponnese* / ed. Sh. E. J. Gerstel. Washington, 2013. 520 p.

⁶⁹ Ragkou K. The Economic Centrality of Urban Centers in the Medieval Peloponnese: Late 11th – Mid 14th Centuries // *Land*. 2018. Vol. 7 (4). No. 153. P. 1–23.

⁷⁰ Жигалова Н. Э. Битвы за Ахайю: военно-политическая ситуация на Пелопоннесе в 1420-е гг. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. Вып. 4 (90) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840009229-0-1/> (дата обращения: 01.09.2020); Рязанов П. А. Гексамиллион и проблема защиты Пелопоннеса от турок в византийской политике конца XIV – первой половины XV века // *Средние века*. 2022. Вып. 83. № 1. С. 137–163; Фролов Д. Л. Термин «ἄρχων» в «Морейской хронике» и «Ассизах Романии» // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. № 2. С. 38–41.

⁷¹ Фролов Д. Л. Ромейское общество в период «франкократии»: структура и социальные отношения: дис. ... канд. ист. наук : 5.6.2 / Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2022. 334 с.

поводу самоидентификации элит Пелопоннеса в XIII–XIV вв. и влияния на нее непосредственного опыта совместной проживания представителей разных культур в этом регионе цивилизационного пограничья. Данное диссертационное исследование нацелено на разрешение этих спорных вопросов.

Методология и методы исследования. Исследование проблемы греко-латинского взаимодействия на балканских территориях в позднее Средневековье и природы «фронтирного общества» Пелопоннеса требует применения междисциплинарного подхода. Работа строится прежде всего на концепции фронта, подразумевающей не только и не сколько изучение границ в их политико-географическом смысле, а фокусировку на культурном взаимодействии на зоне соприкосновения и противостояния двух культур. В контексте данного исследования под фронтиром подразумевается социокультурное и политико-ментальное пограничье. Использование такого подхода позволяет понять своеобразие обществ, формировавшихся в пограничных контактных зонах. На примере Пелопоннеса будут рассмотрены такие фронтирные черты, как этнокультурная и конфессиональная неоднородность, амбивалентно-конфликтное взаимодействие с последующей социокультурной ассимиляцией фронтирующих групп, «окраинное» геополитическое расположение территории, отличие принципов управления от митрополии⁷². Для решения поставленных задач необходимо привлечение методологического инструментария не только исторической науки, но также смежных с ней социокультурной и военной антропологии, лингвистики, религиоведения и культурологии.

⁷² См.: Berend N. *Medievalists and the Notion of the Frontier...* P. 65; Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сеня // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1(27). С. 83–85; Крупенкин Е. Н. Концепция фронта в современной отечественной литературе: эвристические возможности и пределы применения // *Вестник Брянского государственного университета*. 2018. № 1. С. 89.

Одним из основополагающих методов в работе является *просопографический анализ*, который позволяет изучить деятельность, статус и поведение отдельной личности с учетом принадлежности к ее политической и социокультурной общности. Создание коллективных портретов участников греко-латинского взаимодействия с каждой из сторон прояснит, как воспринималось ими это соседство на пограничье культур и каким они видели свое будущее на этих землях, а также было ли в нем место соседям и в каком положении. Ответы на эти вопросы дают возможность более четко определить модели поведения участников греко-латинского взаимодействия и комплексно рассмотреть характер конфликтов и контактов между представителями различных политических и правовых культур Пелопоннеса.

В определении и реконструкции способов взаимодействия франков, венецианцев и ромеев друг с другом необходимо задействовать *метод имагологического исследования*, позволяющий проанализировать образ «Других» в восприятии их соседей. В сочетании с *микроисторическим подходом* он даст возможность наиболее детально рассмотреть их представления друг о друге и, следовательно, сформировать более четкую картину их взаимоотношений на каждом этапе.

При работе с нарративными источниками в исследовании задействуются *текстологические и лингвистические методы* для наиболее точного понимания их содержания и правильности последующей интерпретации. Наиболее точно охарактеризовать и интерпретировать сведения латинского и византийского нарратива о греко-латинском взаимодействии, его характере и основных проявлениях на Пелопоннесе позволяет *герменевтический анализ*. Работа с актовым материалом исследуемого периода требует применения инструментария из области *дипломатики*. Использование *контент-анализа* в изучении актового и законодательного материала позволяет почерпнуть новые сведения о специфике политического и экономического функционирования Ахейского

княжества, Морейского деспотата и венецианских колоний, их взаимодействия, связей каждой территории с центральной администрацией и их месте в политике государств, которым они принадлежали. Сведения «Морейской хроники», считающейся основным источником по истории франкского Ахейского княжества на Пелопоннесе, нуждаются в тщательной проверке и сравнении с данными других источников. Применение *компаративного метода* упорядочит полученный из источников материал и позволит соотнести данные об особенностях греко-латинского взаимодействия на Пелопоннесе во второй половине XIII–XIV в.

Научная новизна диссертации заключается в выявлении, обосновании и анализе ярко выраженной локальной специфики фронтального общества Пелопоннеса. Привлечение частноправового венецианского материала, мало изученного в других исследованиях, в совокупности с детальным изучением нарративных, актовых и эпистолярных документов эпохи позволило раскрыть ряд принципиально важных аспектов греко-латинского взаимодействия на Пелопоннесе (политический, социально-экономический, социокультурный), а также наиболее точно выделить и охарактеризовать основные этапы развития отношений политических образований, существовавших в этом регионе цивилизационного пограничья.

Комплексное изучение специфики конфликтов и контактов между греками и латинянами на Пелопоннесе помогло наиболее четко определить характер политического соперничества и сотрудничества греков, франков и венецианцев, выделить факторы, влиявшие на выбор той или иной стратегии в отношении соседей, определить специфику их экономических связей в региональном и общеевропейском масштабе, показать процессы инкорпорирования в политические и экономические структуры друг друга и пути социокультурной интеграции в общества соседей.

Важным практическим результатом исследования стало создание просопографической базы данных (Приложение 1), в которой зафиксированы участники греко-латинского взаимодействия на Пелопоннесе, сведения о

которых сохранились в исторических источниках. Общая численность проанализированных персоналий составила 199 человек. Отбор материала происходил на основании упоминаний в источниках всех ромеев и латинян Пелопоннеса, которые были вовлечены в межкультурное взаимодействие. Полученный материал был систематизирован, исходя из географического и социального происхождения персоналии. Основываясь на полученных данных, были реконструированы модели поведения в отношении соседей, а также воссоздан коллективный портрет элит территориальных образований Пелопоннеса.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политическое взаимодействие между греками Морейского деспотата, франками Ахейского княжества и венецианцами, владевшими Короном и Модоном, в течение всего рассматриваемого периода носило преимущественно конфликтный характер. Наиболее активный период военных действий между франками и ромеями пришелся на 1260-е и 1270-е гг. Главной политической целью обеих сторон тогда было сохранение своих текущих позиций и отвоевание территорий соседей. Однако отсутствие достаточного количества ресурсов у каждой из противоборствующих сторон сделало очевидным невозможность полной военной победы над противником и вынудило их изменить стратегию, сделав ставку на дипломатическое урегулирование конфликтов. С помощью дипломатии к концу XIII в. удалось нормализовать обстановку. С начала XIV в. появились новые акторы политического взаимодействия (венецианцы, каталонцы, в дальнейшем турки), что осложнило ситуацию в регионе. Если в XIII в. военная инициатива поочередно переходила от франков к ромеям и наоборот, то в XIV в. она преимущественно принадлежала греческой стороне. Франки же с первой половины XIV в. и до конца рассматриваемого периода были вынуждены сосредоточиться на обороне оставшихся владений. К концу XIV в. ведущими политическими силами на Пелопоннесе стали Морейский

деспотат и венецианцы, расширившими свое присутствие за счет захвата Аргоса и Навплиона.

2. Предпосылки к установлению политического сотрудничества между латинянами и греками наиболее ярко проявились в начале XIV в., когда Балканы подверглись каталонской угрозе. Политическое сотрудничество государственных образований (Ахейского княжества и византийской Мореи) оказалось возможным и эффективным, хотя и ситуативным. Совместный отпор каталонским наемникам в 1316 г. стал кратковременным стимулом сближения латинян и греков Мореи перед лицом общего врага, несколько видоизменив их модель поведения в отношении друг друга. На этом этапе, однако, франки были заинтересованы в этом сотрудничестве гораздо сильнее, нежели греки Мистры. Тенденция к налаживанию греко-латинского сотрудничества получила окончательное оформление во время правления в Морее в качестве наместника деспота Мануила Кантакузина (1348–1380). Факт, что часть ахейской знати, не отрекаясь от сюзерена, была готова выступать под началом греческого правителя, говорит о зарождении новой, более сложной модели греко-латинских отношений на Пелопоннесе. Сегментация франкских владений во второй половине XIV в. окончательно привела к исчезновению единой политической линии в отношении византийского соседа, и в последние десятилетия XIV в. устойчивое политическое сотрудничество наблюдалось только на уровне элит княжества и деспотата, тогда как на государственном уровне оно до конца рассматриваемого периода оставалось ситуативным.

3. Для большей части населения полуострова взаимоотношения с соседями чаще всего носили компромиссный характер, и со временем культурные границы между ними в повседневной жизни все больше стирались. Степень аккультурации латинян в византийскую среду и греков в латинскую можно охарактеризовать как весьма высокую на культурном, религиозном, языковом и бытовом уровнях, однако она не завершилась по причине отсутствия политической стабильности в регионе и стремления

центральной администрации всех трех государственных образований Пелопоннеса не допустить чрезмерного сближения латинян и греков. Хотя нельзя говорить о формировании на Пелопоннесе единой смешанной греко-латинской культуры, все же здесь происходили весьма интенсивный культурный обмен и взаимовлияние. Основными путями интеграции инородного населения в административные структуры государственных образований Пелопоннеса стали: проникновение этнических греков в управленческие структуры Ахейского княжества, возведение греческих архонтов в статус баронских вассалов, добровольное принятие византийской власти латинянами применительно к XIV в., переход на службу деспоту части франков, а также смешанные браки.

4. Экономическое взаимодействие между греками и латинянами в рассматриваемый период было очень интенсивным и чаще находило проявление в мирных контактах. Локальные экономические связи способствовали сокращению дистанции между латинским и греческим населением, поскольку торговля являлась важной частью повседневной жизни греко-латинского общества Пелопоннеса. За исключением периодов политических конфликтов, на время которых приостанавливались экономические контакты, внутрирегиональная торговля велась почти непрерывно. Самыми крупными участниками торговли как на Пелопоннесе, так и во всем Эгейском регионе, были венецианцы, которые вели свою деятельность не только в принадлежащих республике Короне и Модоне, но также в ахейских и реже в византийских портах.

5. В течение рассматриваемого периода в среде местных элит (франкской и греческой) сформировалась особая локальная идентичность, основанная на противопоставлении себя чужакам, не пелопоннесцам по происхождению, и прежде всего представителям центральной администрации из Константинополя или Неаполя, действия которых противоречили их собственным интересам. Носителями этой «морейской» идентичности стали как греки, так и латиняне, неоднократно действовавшие

сообща с архонтами. Во второй половине XIV в. наличие общего соперника в лице центральной византийской администрации сблизило землевладельческую элиту Пелопоннеса. Связующим звеном для греческой и латинской знати стало, в первую очередь, стремление отстаивать собственные позиции и интересы на полуострове. Эта идентичность, впитавшая в себя как ромейские, так и латинские черты, характеризуется выраженной самоидентификацией по территориальному происхождению и социальному статусу, сильным сепаратистским настроем, воинственностью, билингвизмом, настороженностью в отношении чужаков.

6. Образы соседей в восприятии греков и латинян Пелопоннеса в течение второй половины XIII–XIV в. претерпели ряд трансформаций. В отношении византийцев к латинянам в XIII – первой половине XIV в. наблюдалась ярко выраженная враждебность, в первую очередь, как к «варварам» и захватчикам по праву принадлежавших ромеям территорий. Аналогично враждебным тот период было и отношение латинян к «вероломным и хитроумным» грекам, стремившимся изгнать франков за пределы Пелопоннеса. Ситуацию изменил политический кризис Ахейского княжества в 1310-х гг., который так и не смогли преодолеть франки, а также внешняя угроза со стороны каталонцев и турок. В XIV в. соседи стали восприниматься и латинянами, и греками как потенциальные союзники, несмотря на сохранявшиеся между ними территориальные претензии и культурные различия. На смену негативизму в оценке соседей приходило более сдержанное и нейтральное отношение. В целом, характерной особенностью межкультурного взаимодействия на Пелопоннесе в XIV в. было отсутствие полного культурного неприятия в отношении друг друга, что можно объяснить, прежде всего, высоким уровнем взаимовлияния и тесными контактами.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов диссертационного исследования при разработке лекционных и практических занятий по общим

и модульным дисциплинам на уровнях бакалавриата и магистратуры по направлению «История», а также при разработке учебных пособий. Рассмотренные в рамках диссертационного исследования вопросы углубляют представления об особенностях греко-латинского взаимодействия в Восточном Средиземноморье XIII–XIV вв. в его политических и социокультурных проявлениях. Результаты исследования могут быть использованы в рамках дальнейшего изучения междивизиационного взаимодействия в Позднее Средневековье.

Степень достоверности исследования определяется комплексным анализом латинских и византийских нарративных и эпистолярных источников, а также актового материала, позволяющих реконструировать обстоятельства конфликтов и контактов между латинянами и греками Пелопоннеса, их отношение к соседям и его эволюцию, а также способы их интеграции в общества соседей. Результаты диссертационного исследования и его основные положения были апробированы и опубликованы.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование проводилось при грантовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) («Аспиранты», проект № 20–39–90019 «Греко-латинский фронт на Пелопоннесе (середина XIII–XIV вв.): политическое и социокультурное взаимодействие», исполнитель проекта). Исследования также были поддержаны грантами Российского научного фонда (РНФ) в 2020 г. (проект № 20–78–00138 «Этно-религиозные меньшинства в Поздней Византии: проблема интеграции и обособления», исполнитель проекта) и в 2022 г. (проект № 22–18–00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XV вв.: формы, динамика, результаты», исполнитель проекта), а также грантом Президента РФ для ведущих научных школ РФ в 2022 г. (проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них», исполнитель проекта).

Положения диссертации также изложены в 18 научных публикациях (общий объем – 7,8 п.л.), в том числе 5 статей опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ. Три статьи проиндексированы в МБД Web of Science, четыре – в Scopus. Основные результаты исследования представлены в виде докладов на 19 всероссийских и международных конференциях: II Всероссийская конференция молодых антиковедов и медиевистов «Scholia studiorum: пространство исторического нарратива» (Екатеринбург, 2018); XIV Всероссийская научная конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения» (Томск, 2018); III Международный Молодежный конвент Уральского федерального университета «Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии» (Екатеринбург, 2019); XXXIX Всероссийская конференция «Курбатовские чтения» (Санкт-Петербург, 2019); IV Молодежный международный конвент УрФУ «Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации» (Екатеринбург, 2020); IV международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» (Севастополь, 2020); Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых», (Новосибирск, 2020); Научная школа молодых ученых «Войны и революции Нового времени в исторической памяти» (Москва, 2020); Всероссийская научная конференция студентов-стипендиатов Оксфордского Российского Фонда «Мир и пандемии: трансформации, коммуникации, стратегии» (Екатеринбург, 2020); III Всероссийская научная конференция молодых антиковедов и медиевистов «Scholia Studiorum: пространство исторического нарратива» (Екатеринбург, 2021); V Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока»

(Севастополь, 2021); Всероссийская научная конференция студентов и молодых ученых «Историческое Вече: проблемы истории и археологии» (Великий Новгород, 2022); XXV Межрегиональная научная конференция по антиковедению и медиевистике студентов, аспирантов и молодых ученых «Древняя и средневековая Европа: социально-политическое и культурное разнообразие» (Ярославль, 2022); VI Международный молодежный конвент УрФУ «Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания» (Екатеринбург, 2022); Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 2022); VI Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» (Севастополь, 2022); Всероссийская научная конференция «“Три Рима” Софы Палеолог (к 550-летию прибытия в Москву)» (Москва, 2022); XXIII Всероссийская научная сессия византинистов «Византийский «круг земель» / *Orbis terrarium Byzantinus...*» (Судак, 2022); Научная школа молодых ученых «Человек на войне в Средние века и Новое время» (Московская обл., пос. Софрино, 2022).

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, состоящих из параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

Глава 1. Греко-латинское взаимодействие в военно-политической сфере (вторая половина XIII–XIV в.)

В данной главе предполагается рассмотреть эволюцию греко-латинских политических отношений на Пелопоннесе на протяжении второй половины XIII–XIV в. Чтобы показать это взаимодействие в динамике, выделим внутри исследуемого периода отдельные этапы и проанализируем стратегические планы, которых придерживались стороны, вовлеченные в территориальные споры и конфликты за сферы влияния на полуострове, на каждом из них. Кроме того, обратим пристальное внимание на случаи сотрудничества франков, греков и венецианцев, а также обстоятельства ведения мирных переговоров и дипломатических контактов. Но, прежде чем перейти к анализу, стоит обозначить политическую ситуацию, сложившуюся к началу рассматриваемых событий.

Четвертый крестовый поход (1202–1204), завершившийся падением Константинополя, стал катализатором серьезных политических, экономических и социокультурных изменений в Юго-Восточной Европе. Временное исчезновение целостной империи ромеев, рассредоточение ромейской власти⁷³ и образование крестоносных государств на Балканах серьезно изменили политический и этноконфессиональный ландшафт региона. На бывших византийских территориях существенно увеличилась доля латинского населения, интенсифицировались разного рода контакты между носителями разных культур⁷⁴. Появление в регионе латинян нарушило привычный жизненный уклад византийцев не только на захваченных, но и на оставшихся под греческим управлением территориях. Захват и утверждение латинян в бывших византийских владениях усилили негативное отношение

⁷³ После падения Константинополя Византийская империя распалась на Никейскую империю, Эпирское царство (деспотат) и Трапезундскую империю. См.: Nicol D. M. *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453*. Cambridge, 1993. P. 10–11.

⁷⁴ Nicol D. M. *Mixed Marriages in Byzantium in the Thirteenth Century* // *Studies in Church History* / ed. C.W. Dugmore, C. Duggan. London, 1964. Vol. 1: *Papers Read at the First Winter and Summer Meetings of the Ecclesiastical History Society*. P. 171.

ромеев к представителям других этносов и усугубили пропасть между западным и восточным христианскими мирами⁷⁵.

Бывшая византийская провинция Пелопоннес, значительная часть которой была захвачена западноевропейскими рыцарями в 1205–1212 гг., превратилась в зону перманентного конфликта между завоевателями и местным греческим населением, которое сопротивлялось попыткам латинян расширить свое присутствие на полуострове. Одним из результатов крестового похода стало образование на полуострове франкского Ахейского княжества, из-за чего на ограниченном пространстве в течение длительного времени соседствовали и взаимодействовали представители различных культур и носители различных правовых и религиозных традиций. Среди крестоносных государств, возникших в результате Четвертого крестового похода, Ахейское княжество оказалось наиболее жизнеспособным, благодаря относительной скорости завоевания, осуществленного небольшим отрядом рыцарей, продолжительности латинской оккупации (вплоть до 1432 г.) и привнесением сюда политических институтов, транслирующих западноевропейский феодальный строй на местную аристократическую власть греческих архонтов⁷⁶. Однако греки так окончательно и не смирились с латинским присутствием на Пелопоннесе, поскольку утрата части полуострова являлась для них не только потерей владений, но и сокращением их культурного пространства⁷⁷. Это побуждало византийцев вести борьбу за возвращение утраченных территорий.

Пелопоннес с начала XIII в. представлял собой политически и этнически неоднородную территорию. Северную часть полуострова занимало Ахейское княжество франков. На юго-западной его оконечности располагались венецианские порты Корон и Модон – ключевые транзитные пункты

⁷⁵ Куш Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013. С. 341.

⁷⁶ Balard M. Les latins en Orient (XIe–XVe siècle). Paris, 2006. P. 222.

⁷⁷ Куш Т. В. Судьба утраченных территорий: взгляд византийского императора Мануила II Палеолога // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История, Регионоведение, международные отношения. 2018. Т. 23. №5. С. 148.

Венеции на морском пути из Адриатики в Восточное Средиземноморье и Причерноморье⁷⁸. Юго-восточные земли, дольше всего сопротивлявшиеся франкам, с 1262 г. вновь вернулись в состав Византийской империи. Из-за постоянного греко-латинского противостояния границы часто смещались (Приложение 2), и регион в XIII–XIV вв. отличался крайней политической нестабильностью⁷⁹.

Большая часть греческого населения Пелопоннеса, оказавшаяся в начале XIII в. под властью латинян, приняла их в качестве новой политической элиты⁸⁰, однако не утратила свою идентичность. Важнейшим моментом в налаживании отношений между завоевателями и завоеванными стали обещания первых сохранить за греческим населением право свободного совершения своих религиозных обрядов, право собственности на вотчинные земли и традиционную систему наследования, предполагавшую раздел имущества между всеми наследниками обоих полов. Для закрепления военного успеха и утверждения на завоеванных землях франки нуждались в сотрудничестве с греческим населением и в поддержке местных архонтов. Чтобы обеспечить их взаимодействие была создана специальная комиссия из шести греков и шести франков, на которую новые власти возложили ответственность за составление реестра землевладений⁸¹. Таким образом, взаимоотношения франков и греков базировались на соглашениях крестоносцев с местным населением. За теми, кто признал власть франков, сохранялись их права на имущество и возможность придерживаться православной веры⁸². В отличие от латинского королевства Кипр, где местное население изначально было вытеснено из многих сфер

⁷⁸ Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000. С. 111.

⁷⁹ Necipoğlu N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins... P. 235.

⁸⁰ Lock P. The Franks in the Aegean, 1204–1500. London; New York, 1995. P. 290.

⁸¹ Ibid. P. 74.

⁸² Angold M. Greeks and Latins after 1204: The Perspective of Exile // Mediterranean Historical Review. 1989. Vol. 4. Iss. 1. P. 80.

деятельности⁸³, греки Пелопоннеса сохранили позиции в местной администрации и торговле, а со временем некоторые греческие архонты и вовсе вошли в число немногочисленной ахейской знати⁸⁴.

В 1205 г., когда была завоевана западная часть Пелопоннеса, Гийом де Шамплит, один из двух лидеров этого военного похода, начал именовать себя «князем (*prince*) всей провинции Ахайя». Три года спустя он отправился во Францию, чтобы вступить в наследство, и там умер. Его младший соратник Жоффруа де Виллардуэн, племянник маршала и хрониста крестового похода, был избран новым князем. Князь Ахайи являлся вассалом Венеции и латинского императора Константинополя, которые признали его главой новообразованного княжества. К 1212 г. завоевание было почти завершено, за исключением южной Мессении и горной юго-восточной части полуострова (крепость Монемвасия была завоевана только в 1248/1252 гг.)⁸⁵.

Франкам удалось закрепиться на полуострове благодаря своей крепкой военной организации и лидерским качествам первых ахейских князей из династии Виллардуэнов. Эти условия делали возможным оказание помощи латинянам Константинополя, а также участие в различных крестоносных экспедициях. Однако в середине XIII в. политическая ситуация резко изменилась. В начале 1259 г. регент Никейской империи при малолетнем Иоанне IV Ласкарисе (1258–1261) Михаил Палеолог узурпировал престол, что заставило эпирского правителя Михаила II Ангела Комнина Дуку (1231–1268) начать активную военную подготовку. Годом ранее через династические браки своих дочерей он связал себя союзами с правителем Сицилии Манфредом (1258–1266) и князем Ахайи Гийомом II Виллардуэном (1246–1278), наиболее могущественным франкским правителем в Греции. В

⁸³ Близнюк С. В. Греко-латинское взаимодействие на Кипре в XIII–XV в. // Византия: Кумуляция и трансляция культур. Тезисы докладов IX научных Сюзюмовских чтений (24–27 августа 1997 г.). Екатеринбург, 1997. С. 9.

⁸⁴ Jacoby D. The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade // *The American Historical Review*. 1973. Vol. 78. № 4. P. 891–892.

⁸⁵ Balard M. Les latins en Orient (XIe–XVe siècle). P. 222.

результате, между Сицилийским королем Манфредом, правителем Эпира и князем Ахайи была сформирована военная коалиция, направленная против усилившейся Никейской империи⁸⁶. Георгий Акрополит упоминает, что василевс Никеи отправлял к Гийому II и Манфреду послов, чтобы урегулировать назревший конфликт хотя бы на время. Однако оба отказались от переговоров, поскольку «полагались на родство с правителем Эпира и ожидали от этого союза больших выгод для своих государств»⁸⁷.

В сентябре 1259 г. военные силы Эпира, Ахайи и Сицилийского королевства встретились с никейскими силами, во главе которых стоял севастократор Иоанн Палеолог⁸⁸, на равнине Пелагония в Северной Македонии. Анонимный автор «Морейской хроники», описывая настроения латинских воинов перед битвой, передает слова одного из вассалов Гийома II: «Не бойтесь того, что они превосходят нас числом, ведь войско, где говорят на разных языках, не может иметь согласия между собой. Мы же, хотя малы по сравнению с ними, являемся друг другу братьями и говорим на одном языке, и нам предстоит показать, являемся ли мы воинами на самом деле»⁸⁹. Однако на этот раз прямое столкновение в бою с греками закончилось не в пользу латинян.

Историк Георгий Пахимер называет главной причиной печального для франков исхода битвы личную обиду Иоанна Дуки⁹⁰, незаконнорожденного сына Михаила II, на князя Ахайи, грубо указавшего ему на его более низкий, чем у его баронов, статус во франкской иерархии. По мнению Пахимера, гордость Виллардуэна обошлась ему и всему княжеству очень дорого,

⁸⁶ Geanakoplos D. J. *Greco-Latin Relations on the Eve of the Byzantine Restoration: the Battle of Pelagonia* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1953. No. 7. P. 101–102; Денисов С. А. *Политическая элита Эпирского царства в 1205–1261 гг.* М.; СПб, 2017. С. 9.

⁸⁷ Georgii Acropolitae. *Opera* / Rec. A. Heisenberg. Ed. P. Wirth. Stuttgart, 1978. Vol. 1. P. 165.

⁸⁸ *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* / erst. E. Trapp, R. Walther, H.-V. Beyer u. a. Wien, 1976–1995. Fasc. 1–12. № 21487 (далее – PLP).

⁸⁹ *The Chronicle of Morea (Τὸ Χρονικὸν τοῦ Μορέως): A History in Political Verse, Relating the Establishment of Feudalism in Greece by the Franks in the Thirteenth Century* / ed. J. Schmitt. London, 1904. P. 254. 3838–3845.

⁹⁰ PLP. № 208.

поскольку затаивший обиду Иоанн Дука предложил севастократору Иоанну заключить с ним союз. Условием его присяги императору Никеи была гарантия безопасности его отца, правителя Эпира Михаила II, а также его законного сына Никифора⁹¹. В итоге, когда началось сражение, отряды Иоанна Дуки перешли на сторону Палеолога, а предупрежденное войско Эпира не стало принимать в нем участия и отступило: «Когда итальянцы (латиняне. – *Т. Б.*) узнали, что их предали, они решили бежать с поля боя, но так и не сумели сбежать от опасности. Многие из них были настигнуты и повержены скифами [куманами и венграми⁹²], а другие пленены персами (тюрками. – *Т. Б.*). Сам же князь, спрятавшийся где-то в кустарнике, был обнаружен и подвергнут постыдному плену»⁹³. Таким образом, никейские силы вместе с венгерскими и тюркскими контингентами наголову разбили латинян, а князь Гийом II был взят в плен. Византийский историк Георгий Акрополит сообщает, что князя смогли опознать благодаря его неординарной, легко узнаваемой внешности: «Он прятался в каком-то стогу соломы и был опознан одним воином по зубам – ибо передние зубы [у него] были очень большими и выступали из-за губ – и в оковах отправлен к императору»⁹⁴. Вместе с ним были пленены его родственники и лучшие военачальники, такие как Асель (Ансо) де Туси⁹⁵ и Жоффруа де Бриэль, владетель Каритены⁹⁶. В конце октября 1259 г. они в оковах были доставлены к императору Михаилу VIII Палеологу (1258/61–1282)⁹⁷. В византийском

⁹¹ Georges Pachymérés. *Relations Historiques* / ed. A. Failler, V. Laurent. Paris, 1984. Vol. 1. P. 119. 10–25; P. 121. 1–5.

⁹² Георгий Акрополит. *История* / пер., вступ. ст., коммент. и прил. П. И. Жаворонкова; отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб., 2013. С. 292–293.

⁹³ Georges Pachymérés. *Relations Historiques*. Vol. 1. P. 121. 12–22.

⁹⁴ Цит. по: Георгий Акрополит. *История...* С. 130; См.: Georgii Acropolitae. *Opera...* P. 170. 8–14.

⁹⁵ PLP. № 29198.

⁹⁶ Ibid. № 19823.

⁹⁷ Georgii Acropolitae. *Opera...* P. 170. 15–19.

плену Виллардуэну и его соратникам предстояло провести около трех лет, причем некоторые из баронов его не пережили⁹⁸.

Автор «Морейской хроники», осуждая предательство эпирского правителя, предостерегал читателей: «Никогда не верьте ромею в чем-либо, в чем он может поклясться, поскольку, когда он хочет предать вас, он сделает вас крестным отцом ребенка или вступит в родство, чтобы ему было проще истребить вас»⁹⁹. Тот факт, что даже династические браки, заключенные с латинскими правителями, не остановили греческого правителя Эпира Михаила II от военных действий, говорит о крайней ненадежности латино-греческого союза, на который участники возлагали большие надежды. Поражение при Пелагонии положило конец амбициозной идее союза латинян и греков¹⁰⁰. Так подошел к концу первый и наиболее успешный период истории франкской Греции. Латинское господство на полуострове оказалось под угрозой. Битва при Пелагонии, таким образом, ознаменовала постепенный закат франкского господства на Пелопоннесе¹⁰¹.

Весной 1260 г. к Ахейскому княжеству, почти вся знать которого была пленена или убита, пришел на помощь вернувшийся из Франции герцог афинский Ги де ла Рош¹⁰². В первую очередь он заключил соглашение с венецианцами и отправил послов к Михаилу VIII для согласования суммы выкупа за пленного князя и баронов. Однако после победы над латинянами никейский правитель, обезопасив себя от нападений с Запада, направил все свои силы в сторону Константинополя. Он отказался рассматривать те варианты мира и условия выдачи пленных, которые предлагали франки, намереваясь в будущем вернуть весь Пелопоннес под византийский

⁹⁸ Miller W. *The Latins in the Levant, a History of Frankish Greece (1204–1566)*. New York, 1908. P. 115.

⁹⁹ *The Chronicle of Morea...* P. 260. 3933–3937.

¹⁰⁰ Gilles E. J. «Nova Francia»? Kinship and Identity among the Frankish Aristocracy in Conquered Byzantium, 1204–1282. PhD Dissertation. Princeton University, 2010. P. 302–303.

¹⁰¹ Miller W. *The Latins in the Levant...* P. 119.

¹⁰² PLP. № 24399.

контроль¹⁰³. После отвоевания Константинополя в 1261 г. пленные франки Ахейского княжества оказались перед выбором: принятие тяжелых условий освобождения или пожизненное пребывание в плену.

К концу 1261 г. наконец было достигнуто соглашение между византийцами и франкскими сеньорами, по условиям которого за освобождение князя и его соратников Византия получала несколько важных морейских крепостей в южной части Пелопоннеса. Согласно Георгию Пахимеру, «князь передавал ромеям и императору в непосредственное владение и неотъемлемую верховную власть следующие места на Пелопоннесе: Монемвасию, Майну, Гераки и Мистру»¹⁰⁴. Кроме того, франки выплачивали за освобождение из плена денежную компенсацию¹⁰⁵. Помимо перечисленных территориальных уступок в соответствии с договором князь был вынужден признать над собой сюзеренитет императора, получив титул великого доместика¹⁰⁶. После подписания договора Виллардуэн и его соратники были освобождены из-под стражи и «приняты при дворе надлежащим образом»¹⁰⁷. Михаил Палеолог решил также сделать ахейского князя крестным отцом своего новорожденного сына, вероятнее всего, Константина¹⁰⁸, по словам историка Георгия Пахимера, «в знак совершенного примирения»¹⁰⁹. Этот эпизод упоминается также и в «Морейской хронике», где, помимо всего прочего, говорится о договоренности всегда поддерживать мир друг с другом, а также выступать в войне союзником, если на одного из двух напала третья сторона¹¹⁰. Таким

¹⁰³ Bon A. *La Morée franque: recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe (1205–1430)*. Paris, 1969. P. 122–123.

¹⁰⁴ Georges Pachymérès. *Relations Historiques*. Vol. 1. P. 123. 22–24.

¹⁰⁵ Piieva A. *Frankish Morea 1205–1262. Socio-cultural Interaction Between the Franks and Local Population*. Athens, 1991. P. 152.

¹⁰⁶ Четвертый титул в византийской чиновной иерархии. См.: Поляковская М. А. *Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти»*. Екатеринбург, 2011. С. 294.

¹⁰⁷ Georges Pachymérès. *Relations Historiques...* Vol. 1. P. 123. 9–17.

¹⁰⁸ Bon A. *La Morée franque...* P. 123.

¹⁰⁹ Georges Pachymérès. *Relations Historiques...* Vol. 1. P. 123. 13–17.

¹¹⁰ *The Chronicle of Morea...* P. 286–288. 4336–4342.

образом, франки и византийцы в 1261 г. достигли определенного компромисса в вопросах их мирного сосуществования на Пелопоннесе.

После достижения этого соглашения Жоффруа де Бриэль, плененный сеньор Каритены, был отправлен из Константинополя на Пелопоннес для передачи местным франкам условий договора, заключенного князем¹¹¹. Не все вассалы поддержали принятое князем решение. Ярким противником сдачи крепостей на юго-востоке выступал Ги де ла Рош. Согласно «Морейской хронике», он настаивал на том, что, если Византии передать эти крупные крепости, «то она получит со временем всю Морею»¹¹². Следовательно, князю следовало героически принять смерть в византийском плену, но не отдавать франкских владений грекам. Эти опасения, как покажет время, были полностью оправданными. Однако переходящие по договору к Византии крепости находились в личном домене Виллардуэна, следовательно, ими он был в праве распоряжаться по своему усмотрению, а так называемый «дамский парламент», состоявший преимущественно из жен пленных франков, поддержал условия соглашения с императором¹¹³. Таким образом, недолгое время владычества франков на всей территории полуострова подошло к концу.

После того, как Жоффруа де Бриэль передал крепости византийцам, он вернулся с Пелопоннеса в Константинополь вместе с заложниками из числа родственниц морейской знати – еще одно условие греко-латинского перемирия, освобождения князя из плена и залог соблюдения мирных договоренностей¹¹⁴. Среди ахейских заложников были Маргарита из Пассавы¹¹⁵, дочь маршала Мореи Жана де Нейи, а также сестра великого

¹¹¹ The Chronicle of Morea... P. 288. 4343–4348.

¹¹² Ibid. P. 288–290. 4363–4384.

¹¹³ Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000. С. 82.

¹¹⁴ Ortega I. Les lignages nobiliaires dans la Morée Latine (XIIIe–XVe siècle), permanences et mutations. Turnhout, 2012. P. 248–249.

¹¹⁵ PLP. № 16836.

коннетабля княжества Жана де Шодерона¹¹⁶. По прибытии в византийскую столицу княжеского доверенного лица и заложников Гийом II окончательно утвердил договор, и «вечный мир» между Константинополем и Ахайей был оформлен. Князь Гийом II и его вассалы были окончательно освобождены из плена и вернулись на Пелопоннес к весне 1262 г. Георгий Пахимер отмечал, что князь по прибытии сразу же распорядился выдать обещанный выкуп за освобождение из плена сопровождающим его византийцам¹¹⁷, следовательно, все формальности соглашения были соблюдены.

С этого времени начался новый этап во взаимодействии латинян и греков на Пелопоннесе. Под властью Ахейского княжества теперь находились исторические области Ахайя и Элида на северо-западе Пелопоннеса, а также Аркадия в его центральной части (Приложение 2)¹¹⁸. Убежденность как латинян, так и византийцев в легитимности своих притязаний на всю территорию полуострова не оставляла сомнений в неизбежности военных столкновений. По сути, территория Пелопоннеса еще с начала франкского завоевания превратилась в зону конфликта между латинянами и греками, однако наиболее острый период их военно-политического противостояния пришелся на вторую половину XIII в.

1.1. Военные конфликты и политические контакты во второй половине XIII в.: основные этапы и их особенности

После поражения франков в битве при Пелагонии политическая расстановка сил на Пелопоннесе серьезно изменилась, а целостность Ахейского княжества оказалась под угрозой. Утрата франками территорий, отошедших по договору между князем и императором к Византии, привела к восстановлению ромейского присутствия в регионе. Полученные греками крепости стали плацдармом для осуществления так называемой

¹¹⁶ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis zu 1453. München; Berlin, 1932. Т. 3. P. 38. № 1894.

¹¹⁷ Georges Pachymères. Relations Historiques... Vol. 1. P. 125. 5–7.

¹¹⁸ Пиева А. Frankish Morea... P. 152.

«византийской реконкисты» на Пелопоннесе, изначально принявшей характер перманентной приграничной борьбы. Первостепенной целью франкского нобилитета с этого времени стало не допустить дальнейшее территориальное продвижение греков в Морее, тогда как император стремился вернуть под контроль ромеев весь полуостров. Заполучив Мистру, Монемвасию и Великую Майну в 1262 г., греки закономерно начали наступление, чтобы вернуть всю Морею под византийский контроль¹¹⁹. Помимо имперского стремления возвратить утраченные византийские территории и вновь расширить культурное пространство империи, мотивации ромейской стороне добавляло важное политико-экономическое значение Морей для возрожденной империи, которое она обрела благодаря своему географическому положению и тесному соседству с венецианскими владениями¹²⁰. Это также подстегивало греческую сторону к решительным действиям.

Предательство эпирских греков в битве при Пелагонии определенно должно было негативно сказаться на отношении ахейских франков к ромеям. Память об этих событиях усилила непримиримость латинского нобилитета с вынужденным соседством. Византийцы же не могли простить им разрушительные последствия 1204 г. и ущерб, нанесенный империи их предшественниками. Обе стороны с этого времени должны были быть вовлечены в постоянные военные столкновения друг с другом¹²¹. Политическое взаимодействие, таким образом, носило определяющий характер в отношениях греков и франков во второй половине XIII в., поскольку намерения обеих сторон были ориентированы на острое соперничество за территории. Мирное сосуществование, обговоренное в соглашении князя и императора, на практике осталось не реализуемым.

¹¹⁹ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 83.

¹²⁰ Matschke K. P. Commerce, Trade, Markets, and Money, Thirteenth–Fifteenth Centuries // The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century / ed. A. E. Laiou. Washington, 2002. Vol. 2. P. 786–787.

¹²¹ Bon A. La Morée franque... P. 125.

Предпосылки для продолжительного и непримиримого соперничества в отношениях франков и греков сложились с самого начала их проживания в новых условиях. В 1262 г. обе стороны, обоюдно опасавшиеся своих противников, начали планировать военное наступление на соседей, что вскоре приняло форму ожесточенной борьбы. Отошедшей к ромеям и хорошо укрепленной крепости Мистра, возведенной незадолго до этого по приказу Виллардуэна, было суждено сыграть роль основного опорного пункта византийцев в их длительном противостоянии¹²². Для управления приобретенными крепостями Михаил VIII направил на Пелопоннес своего брата севастократора Константина Палеолога¹²³ с примерно тысячей конных воинов и каким-то количеством пехотинцев¹²⁴. В его распоряжении также находилось около полутора тысяч турецких наемников из Малой Азии¹²⁵. Византийцев в их действиях также поддерживали генуэзцы, которые не отказались от соглашения с империей, несмотря на интердикт за сотрудничество с византийским императором и «предательство христианской веры и Римской церкви», который папа наложил на всю Геную¹²⁶. Именно на генуэзских кораблях Константин Палеолог добрался из Константинополя до Монемиасии за 15 дней пути¹²⁷. Вместе с военачальниками Иоанном Макрином (Μακρινός / Μακρινός)¹²⁸ и Михаилом Кантакузином (Καντακουζηνός)¹²⁹, уже находившимися в Морее¹³⁰, а также управлявшим византийским флотом¹³¹ Алексеем Филантропином (Ἀλέξιος

¹²² Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. СПб., 1973. С. 23.

¹²³ Nikephori Gregorae. *Historia Byzantina* / ed. L. Schopen; E. Bekker. Bonn, 1829. Vol. 1. P. 79.

¹²⁴ *The Chronicle of Morea*... P. 306. 4631–4634.

¹²⁵ *Ibid.* P. 308. 4670–4673.

¹²⁶ Setton K. M. *The Papacy and the Levant*. Vol 1. P. 96.

¹²⁷ Колотова О. Е. Византийские флот и пиратство при императоре Михаиле VIII Палеологе (1261–1282) // *Античная древность и средние века*. 2011. Вып. 40. С. 304.

¹²⁸ PLP. № 16358.

¹²⁹ PLP. № 10953.

¹³⁰ *The Chronicle of Morea*... P. 306. 4635–4638.

¹³¹ Georges Pachymérés. *Relations Historiques*... Vol. 1. P. 273. 16–17.

Φιλανθρωπηνός)¹³² и великим домашником Алексеем Филом (Ἀλέξιος Φιλῆς)¹³³ севастократору Константину предстояло по указу императора вернуть весь Пелопоннес под контроль возрожденной Византии¹³⁴.

Согласно источникам, атмосфера на Пелопоннесе в первые десятилетия после восстановления византийской власти была очень напряженной¹³⁵. Греческий и французский тексты «Морейской хроники» содержат несколько пространных пассажей об ожесточенных военных столкновениях, случившихся вскоре после возвращения князя и его соратников из византийского плена. Византийские акты также свидетельствуют о пристальном внимании императора Михаила VIII в этот период к ситуации на полуострове¹³⁶. Рассмотрев каждый из них мы попытаемся восстановить общую канву событий и охарактеризовать динамику греко-латинских взаимоотношений во второй половине XIII в.

Крайне беспокойным для византийской Лаконии – области, где сталкивались греческие и латинские интересы, – стал период 1262–1264 гг. Эта приграничная часть полуострова неоднократно страдала от разорений и опустошений вследствие частых стычек франков с византийцами¹³⁷. По возвращении из византийского плена князь Гийом II незамедлительно начал подготовку обороны уцелевших латинских владений, в частности, он посетил Лакедемон (Спарта), устранив местное население и византийских разведчиков, что ускорило начало военных действий на суше¹³⁸. Этому посодействовал и папа Урбан IV (1261–1264), признавший недействительными клятвы князя византийскому императору, как данные в

¹³² PLP. № 29751.

¹³³ Ibid. № 29809.

¹³⁴ The Chronicle of Morea... P. 306. 4639–4644.

¹³⁵ Georges Pachymérès. Relations Historiques... Vol. 1. P. 275. 16–20; The Chronicle of Morea... P. 300. 4546–454553; Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 123–124. 330.

¹³⁶ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden... Т. 3. № 1907, 1908, 1934.

¹³⁷ Armstrong P. The Survey Area in the Byzantine and Ottoman Periods // Continuity and Change in a Greek Rural Landscape: the Laconia Survey / ed. W. Cavanagh, J. Crouwel, R. W. V. Catling, G. Shipley. London, 2002. Vol. 1. P. 368; Bon A. La Morée franque... P. 133.

¹³⁸ Медведев И. П. Мистра... С. 15.

неволе и под давлением. Примечательно, что византийский историк Георгий Пахимер возложил вину за отступление от клятвы не на Гийома, поскольку считал, что «Виллардуэн до конца остался бы верен слову, являясь великим домашником византийского императора, если бы не расстроил этого папа. Впоследствии же, в этом регионе постоянно вспыхивали конфликты между ранее договорившимися сторонами»¹³⁹. Эта цитата ярко иллюстрирует ситуацию на Пелопоннесе в рассматриваемый период: военные действия были неизбежны с самого начала, поскольку политический конфликт был намного глубже, чем просто локальный территориальный спор. Морея, как и другие греческие территории, стала своеобразным полем битвы за влияние в Восточном Средиземноморье между православным и католическим мирами. Папский престол внимательно следил за ходом военных действий в Романии, надеясь вернуть Константинополь под власть латинян и усилить влияние католической церкви в регионе¹⁴⁰.

Уже в конце 1262 г. Михаил Кантакузин, находившийся в Монеувасии в качестве представителя Михаила VIII Палеолога, предупредил василевса о подозрительных действиях ахейского князя на границе с греческими владениями. Реакцией на это и стала отправка в начале 1263 г. войска из греческих солдат и турецких наемников под командованием севастократора Константина на Пелопоннес. По всей видимости, столь оперативные действия предпринимались, чтобы не допустить отвоевания франками важных опорных пунктов, как Мистра и Монеувасия.

В попытке восстановить прежнюю власть на утраченных территориях ромеи столкнулись со множеством препятствий. Возвращенные византийцами крепости Мореи оказались окружены территориями, контролируемые латинянами: Ахейским княжеством франков с севера и венецианскими портами Корон и Модон с юго-западной стороны на

¹³⁹ Georges Pachymérès. *Relations Historiques...* Vol. 1. P. 125. 8–15.

¹⁴⁰ Setton K. M. *Papacy and Levant (1204–1571)*. Philadelphia, 1976. Vol. I: The Thirteenth and Fourteenth Centuries. P. 99; Geanakoplos D. J. *Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282: A Study in Byzantine-Latin Relations*. Cambridge; Massachusetts, 1959. P. 171.

побережье. В подобных условиях деятельность местной византийской администрации, базировавшейся в Мистре, была направлена на укрепление своих позиций и подготовку к объединению всего полуострова¹⁴¹. Действия ромейских лидеров были напрямую связаны с подготовкой к ведению военных действий. Силы византийцев были ограничены, и для них, по всей видимости, было принципиально важно возобновить сотрудничество с местным населением, включая этнические общности, которые во время франкского правления были изолированы от греческих центров. В первую очередь это касалось славянских племен, проживавших в труднодоступных горных районах полуострова.

История славянского заселения Пелопоннеса выходит за рамки исследуемого периода, к которому славянское население в большей степени уже было интегрировано в византийскую среду. Тем не менее некоторые славянские «островки» в Византии и, в частности, на Пелопоннесе, сохранились вплоть до рассматриваемого периода¹⁴². Славянские общины милингов (Μηλιγγοί) и эзеритов (Ἐζερῖται) населяли горные районы Тайгета, и этот географический фактор во многом повлиял на их обособленность. Они оставили значительный след в византийских источниках VII–X вв., которые сообщают о них как о воинственном и непокорном варварском народе, долгие годы беспокоившем греков Пелопоннеса¹⁴³. С момента их вхождения в империю в IX в. они имели особый статус, который заключался в уплате пактона (πάκτων) – дани, подтверждающей их мир с императором, вместо регулярных византийских налогов¹⁴⁴. К этому времени милинги и эрезиты уже говорили по-гречески, а в течение IX в. также приняли христианство по

¹⁴¹ Zakythinis D. A. *Le Despotat Grec de Morée*. Athenes, 1953. Vol. 2. P. 47.

¹⁴² Brendan O. *The Ethnic Composition of Medieval Epirus // Imagining Frontiers, Contesting Identities*. Pisa, 2007. P. 144.

¹⁴³ См.: Васильев А. А. *Славяне в Греции // Византийский временник*. 1898. Т. 5. С. 404–438.

¹⁴⁴ Laiou A. E. *Institutional Mechanisms of Integration // Byzantium and the Other: Relations and Exchanges / ed. C. Morrisson; R. Dorin*. Farnham; Burlington, 2012. P. 180.

греческому образцу¹⁴⁵. Факторы языкового и религиозного единства, таким образом, в значительной мере способствовали их постепенной интеграции в византийский социум. Греков со славянами Пелопоннеса связал длительный опыт совместного проживания. О славянских общинах Мореи ко времени латинского вторжения уже долгое время византийские источники не упоминали, что косвенно подтверждает их частичную ассимиляцию с греческим населением и аккультурацию.

После франкского завоевания славянам Мореи удавалось долго сохранять независимость, и только к середине XIII в. князь Гийом II, подчинивший юго-восточные территории Пелопоннеса, заручился их согласием служить франкам на аналогичных византийским условиях¹⁴⁶. Однако вскоре они перестали подчиняться князю: уже в 1262 г. византийский военачальник Макрин заключил от имени императора договор со славянским населением Тайгета и Скорты об их содействии в военных действиях против Ахейского княжества. Прийти к соглашению с этими группами населения византийской стороне удалось путем дарования им привилегий, а также титулов их лидерам при условии, что те примут сторону императора¹⁴⁷. В результате, «цаконцы¹⁴⁸ и население Славянских гор выступили против князя»¹⁴⁹. Обозначение Тайгета местом проживания именно славянских племен говорит нам о том, что это население Мореи обладало значительной автономией, о чем были хорошо осведомлены не только греки, но и франки.

¹⁴⁵ Васильев А. А. Славяне в Греции... С. 424.

¹⁴⁶ Buchon J. A. Recherches Historiques sur la Principauté Française de Morée et Ses Hautes Baronies. Paris, 1845. Vol. 2. P. 113. 1705–1715; Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête de la princée de l'Amorée / publ. par J. Longnon. Paris, 1911. P. 79. 218.

¹⁴⁷ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden... Т. 3. № 1907.

¹⁴⁸ Цаконцы по одной из версий были автохтонным населением Пелопоннеса. Согласно другой точке зрения, они являлись эллинизированным славянским племенем. Высказывалось также мнение, что цаконцами называли горцев Пелопоннеса, т. е. термин мог носить не этнический, а географический характер. См.: Сюзюмов М. Я. Рец. на кн.: Х. П. Συμεωνίδης. Οι Τζάκωνες και η Τζακωνία. Θεσσαλονίκη, 1972, 188 σελ // Византийский временник. 1974. Т. 36. С. 210–212.

¹⁴⁹ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 124–125. 332–333.

Хрисовулом императора Михаила VIII, датированным весной 1262 г., милингам и цаконцам Пелопоннеса было даровано право ношения оружия, а также освобождение от подчинения любому господину, кроме собственных вождей и императора, то есть, от прежних договоренностей с франками. Наиболее знатным из них были также пожалован титул севаста¹⁵⁰. Тем самым их лидеры включались в чиновную иерархию возрожденной империи¹⁵¹. Подчинение императору, который находился в далеком Константинополе, очевидно, давало больше свободы милингам.

Действия византийской администрации по отношению к славянам Пелопоннеса весьма красноречиво демонстрируют, насколько для нее было важно иметь поддержку этих воинственных племен. Их взаимодействие со славянами сохранилось после реставрации империи в прежней форме. Однако, в отличие от предшествующего латинскому завоеванию периода, мы не встречаем в источниках открыто негативных оценок этого населения, упоминаний о серьезных конфликтах с ними и их восстаниях. Теперь в центре византийской политики в регионе было противодействие латинянам Ахейского княжества, и славяне, также долго сопротивлявшиеся латинскому владычеству, стали естественными союзниками ромеев. Византийская политика налаживания диалога с горцами Мореи оказалась весьма продуктивной: под контроль византийцев попали территории Цаконии, Гелоса, Тайгета и Мани, т. е. почти все южное побережье Пелопоннеса с прилегающими с горными районами¹⁵².

В 1263 г. инициативу в наступлении взяли ромеи¹⁵³. Севастократор Константин, прибыв на Пелопоннес, в короткие сроки организовал продвижение к франкским территориям Пелопоннеса. К моменту его прибытия Иоанн Макрин со своим войском уже осаждал франкский

¹⁵⁰ Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden...* Т. 3. № 1907.

¹⁵¹ Севасты занимали в византийской чиновной иерархии 77 место из 80. См.: Поляковская М. А. *Византийский дворцовый церемониал...* С. 304.

¹⁵² Kalligas H. *Byzantine Monemvasia. The Sources. Monemvasia, 1990. P. 97.*

¹⁵³ Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 83.

Лакедемон, и Константин поспешил туда, чтобы объединить византийские силы¹⁵⁴. В то же время византийский флот, насчитывающий около 60 гонуэзских триер и состоящий преимущественно из гасмулов¹⁵⁵ и цаконцев, под командованием протостатора¹⁵⁶ Алексея Филантропина¹⁵⁷ начал опустошать побережье Лаконии, и не исключено, что добрался до Патр, подчинив контролю Палеологов южное побережье Пелопоннеса¹⁵⁸. Византийцы, по всей видимости, намеревались в короткий срок отвоевать Пелопоннес, развивая успех 1261 г. по восстановлению империи в ее прежних границах.

Согласно «Морейской хронике», когда греки начали наступление на княжество, Гийом II находился в другой части полуострова, собирая франкские силы в Коринфе¹⁵⁹. Не встретив сопротивления в приграничных землях, ромеи беспрепятственно продвинулись к равнинной части полуострова, опустошая территории, находившиеся под франкским контролем¹⁶⁰. Отметим, что к войску севастократора Константина и Макрина присоединились отряды славян Тайгета и Скорты, а также греческое население, согласившееся выступать проводниками для византийского войска¹⁶¹. Числом византийские силы значительно превосходили франкские. Хронист отмечает, что в окрестностях Лакедемона турецкими наемниками был разрушен цистерианский¹⁶² монастырь у притока р. Алфей в Исове¹⁶³,

¹⁵⁴ The Chronicle of Morea... P. 306. 4629–4649.

¹⁵⁵ Гасмулами (γασμοῦλος) именовались дети смешанных греко-латинских браков. См.: Lock P. The Franks in the Aegean... P. 293–294.

¹⁵⁶ Протостратором (πρωτοστράτωρ) в Византийской империи именовался глава императорской конюшни. Должность принадлежала к первому разряду и занимала восьмую позицию из десяти, см.: Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал... С. 295; Аналогичной должностью в Западной Европе была должность маршала, см.: Miller W. The Latins in the Levant... P. 53–54.

¹⁵⁷ Колотова О. Е. Византийские флот и пиратство... С. 304.

¹⁵⁸ Пиева А. Frankish Morea 1205–1262... P. 153.

¹⁵⁹ The Chronicle of Morea... P. 308. 4653.

¹⁶⁰ Ibid. P. 308. 4655–4666.

¹⁶¹ The Chronicle of Morea... P. 308. 4660–4663; 4675–4678.

¹⁶² Lock P. The Franks in the Aegean... P. 83.

¹⁶³ The Chronicle of Morea... P. 308. 4670–4672.

что приравнялось к им к высочайшему злодеянию. Учитывая, что пострадали даже церковные владения, то масштаб разрушений в этой части Пелопоннеса был действительно велик. Однако несмотря на превосходящие силы византийцев, на границах Элиды севастократор Константин был встречен небольшим франкским отрядом (согласно «Морейской хронике», насчитывающим 312 рыцарей) под командованием маршала Ахайи Жана де Катава¹⁶⁴, на которого князь возложил защиту Морей в его отсутствие. Вблизи руин Олимпии, у Принницы, разбитые франкской конницей византийцы отступили¹⁶⁵. Сам севастократор не участвовал в битве, и после поражения был вынужден тайно пробираться в Мистру в сопровождении местных жителей¹⁶⁶.

Хронист объяснял это поражение византийцев гневом Пресвятой Богородицы за сожженный монастырь в Исове, а также нарушенной клятвой василевса, который отправил на Пелопоннес войско после договора о мире с князем, чем навлек на византийцев Божий гнев¹⁶⁷. Подобная точка зрения не удивительна, поскольку хроника, хоть и составленная на греческом языке, носит явно пролатинский характер. Напомним, что князь Виллардуэн, согласно хронике, по возвращении из плена сосредоточился на усилении обороны приграничных земель, чтобы сдержать возможный ромейский натиск. Таким образом, в этой войне обе стороны видели себя в роли оборонявшихся, а не нападавших.

Весной 1264 г. ромей под началом севастократора Константина, Макрина и Кантакузина снова перешли в наступление на франкские земли, двигаясь к укрепленной резиденции князя в Андравиде¹⁶⁸. Византийский авангард возглавлял Михаил Кантакузин, по словам хрониста, «достойный и

¹⁶⁴ PLP. № 11404.

¹⁶⁵ The Chronicle of Morea... P. 318. 4821–4829.

¹⁶⁶ Ibid. P. 318. 4829–4836.

¹⁶⁷ Ibid. P. 316. 4793–4803.

¹⁶⁸ Geanakoplos D. J. Emperor Michael Palaeologus and the West... P. 171.

прославленный воин»¹⁶⁹. Уверенный в превосходстве над латинянами, он, по-видимому, решил утратить противника и деморализовать франков перед сражением. Однако во время демонстрации своего искусства верховой езды конь Кантакузина оступился и упал вместе со всадником, который получил смертельный удар. Так, согласно хронике, прославленный византийский военачальник погиб из-за своего тщеславия¹⁷⁰ – черты, которую ромеи, как правило, приписывали латинянам. Византийское сознание культурного превосходства над франками оказалось поистине губительным в случае Кантакузина – и лишь добавило напряжения между греками и франками Пелопоннеса. Потрясенное войско ромеев во главе с Константином и Макрином после гибели военачальника отступило в сторону Никли, чтобы взять город в осаду¹⁷¹. Военный конфликт, таким образом, не удалось разрешить в короткий срок, как того ожидали византийцы.

Неудачи Константина Палеолога в противостоянии с франками не закончились гибелью одного из военачальников. В скором времени турецкие наемники, которым порядка шести месяцев не платили жалование, покинули ромеев и перешли на службу к Виллардуэну, у которого была репутация «человека слова»¹⁷². Отметим, что решающую роль в переходе турок на службу к латинянам сыграл родственник Гийома II Ансо де Туси, отправленный вести с ними переговоры, поскольку помимо греческого он знал и турецкий язык¹⁷³. Фигура этого знатного франка демонстрирует, помимо прочего, что как минимум часть латинян Пелопоннеса к этому времени хорошо адаптировалась к местным условиям и была достаточно интегрирована в иную для их предшественников среду.

Столь резкий поворот событий застал севастократора врасплох, и он, сославшись на болезнь, оставил свою армию и вернулся в

¹⁶⁹ The Chronicle of Morea... P. 332. 5060.

¹⁷⁰ Ibid. P. 332. 5073–5078.

¹⁷¹ Zakythinos D. A. Le Despotat Grec de Morée. Vol. 1. P. 39.

¹⁷² The Chronicle of Morea... P. 342. 5219–5239.

¹⁷³ Жаворонков П. И. Никейская империя и французское рыцарство (Ансо де Кайо и Ансо де Туси) // Византийский временник. 2000. Т. 59 (84). С. 82.

Константинополь¹⁷⁴. Войско же латинян, пополненное турецкими контингентами, насчитывало теперь до пяти тысяч воинов. Княжеские силы направились к Мессении, которую Гийом стремился отстоять любой ценой. Противники встретились у перевала Макри-Плагы, и несмотря на то, что греки занимали более выгодные позиции, франкам удалось обратить врагов в бегство и пленить греческое командование: высокородных византийцев и примкнувших к ним пелопоннесских архонтов. Всего количество плененных насчитывало более пяти тысяч человек¹⁷⁵. В частности, был взят в плен сам паракимомен Иоанн Макрин, а также такие греческие командиры, как великий domestik Алексей Фил, Алексей Каваларий (Ἀλέξιος Καβαλλάριτσης)¹⁷⁶ и другие. На Макрина впоследствии Ансо де Туси обменял своего старшего брата Филиппа¹⁷⁷, находившегося в плену в Константинополе после 1261 г. Примечательно, что исторические описания этих двух лет изобилуют именами византийских аристократов и должностных лиц на Пелопоннесе в значительно большем объеме, чем в последующие периоды: из 26 греческих и латинских имен, относящихся к 1260-м гг., по меньшей мере 6 принадлежит высокородным ромеям (Приложение 1). Без сомнения, события этих лет оказали большое влияние на последующие десятилетия в истории полуострова, поскольку принесли серьезные разрушения и показали, что у обеих сторон недостаточно сил для полного превосходства над противником.

Отметим, что хронист вновь возвращается к поводу этой двухлетней войны, которая стала источником разрушений и бед на Пелопоннесе. После пространного вымышленного им описания взаимных обвинений Гийома и великого domestика Алексея Фила, которое обнажало проблему неразрешимого между ними территориального конфликта, он резюмирует, что вина за нарушение мирного договора была возложена на монемвасиотов.

¹⁷⁴ Geanakoplos D. J. *Emperor Michael Palaeologus and the West...* P. 174.

¹⁷⁵ Медведев И. П. *Мистра...* С. 24.

¹⁷⁶ PLP. № 10045.

¹⁷⁷ Ibid. № 29199.

То есть, к кровопролитной и изматывающей войне привела дезинформация, поступившая к императору от обеспокоенных жителей Монемасии. Император Михаил VIII же был виноват, по версии хрониста, лишь в том, что внял этой информации¹⁷⁸. Таким образом, возложение ответственности на наиболее непокорных франкскому правительству греков позволило поставить паузу в повествовании о первом этапе войны франков с ромеями в греческом варианте «Морейской хроники».

На море силы ромеев также потерпели поражение, лишившись контроля над Эгейским морем. Это произошло из-за разгрома венецианцами союзных ромеям генуэзских кораблей в заливе Навплиона еще в 1263 г.¹⁷⁹ Благодаря военным успехам на данном этапе армия Виллардуэна в 1264 г. продвинулась почти до Мистры, укрепив и снова заселив покинутую долину Спарты «верными франками, которым он (князь. – *Т. Б.*) доверял более, чем другим»¹⁸⁰. Вероятно, этот шаг предпринимался для осуществления контроля за этими нестабильными территориями и поддержания авторитета княжеской власти среди мирного греческого населения. В дальнейших планах князя и баронов была осада Мистры, однако вскоре Гийом II получил известия, что в приграничных землях «греческое население вслед за горцами восстало против его власти»¹⁸¹. Князь в ответ на это предательство приказал своим вассалам разграбить вышедшие из-под его контроля земли¹⁸², что, несомненно, обострило конфликт и негативно сказалось на репутации князя и ахейского нобилитета в среде рядового населения Лаконии.

Обеспечив безопасность Лакедемона и его округа от захвата греками, франки направились на зимовку к Элиде. Исходя из отсутствия в источниках сведений о каких-либо столкновениях после 1264 г., можно резюмировать, что наиболее активные военные действия на время прекратились. В целом, на

¹⁷⁸ The Chronicle of Morea... P. 362. 5569–5578.

¹⁷⁹ Lock P. The Franks in Aegean... P. 136.

¹⁸⁰ The Chronicle of Morea... P. 366. 5636–5643.

¹⁸¹ Ibid. P. 320. 4875–4879.

¹⁸² Ibid.

Пелопоннесе продолжались военные стычки на приграничных территориях княжества и византийской провинции, сопровождаемые грабежами и разрушениями, однако теперь они носили произвольный характер и в них было вовлечено намного меньше участников. В историографии преобладает точка зрения, что как франки, так и византийцы ранее задействовали все свои силы в борьбе против противника, и теперь попросту не располагали ресурсами для продолжения активного и последовательного наступления на соседей¹⁸³.

Таким образом, после двух лет ожесточенных военных действий, которые исчерпали возможности их участников, в политических отношениях греков и латинян наступило некоторое затишье. С крахом планов скорого объединения Южной Греции под эгидой Византии император переориентировался на установление перемирия с латинянами. Ахейский князь также четко осознавал, что его силы на исходе, а княжество опустошено двумя годами войны. В результате, к 1266 г. между Византией и Ахейским княжеством было заключено перемирие и произведен обмен пленными. Для закрепления греко-латинского мира на Пелопоннесе Михаил VIII весьма расчетливо предлагал брачный союз своего сына и наследника Андроника с наследницей Гийома II Изабеллой Виллардуэн¹⁸⁴. Однако ахейские бароны категорически отказались ратифицировать такой договор, небезосновательно опасаясь в перспективе захвата всего Пелопоннеса византийцами¹⁸⁵.

Франкская знать, опиравшаяся в своем могуществе на земельные надель, не была готова к союзу с Византией, где императору принадлежала верховная власть над территориями. И хотя восстановленная Византийская империя в последующие годы постепенно продвигалась в Морею, относительно стабильная структура княжества не давала этим военным

¹⁸³ Lock P. The Franks in Aegean... P. 83–84.

¹⁸⁴ PLP. № 6445.

¹⁸⁵ Geanakoplos D. J. Emperor Michael Palaeologus and the West... P. 175.

операциям вызвать какие-либо радикальные изменения. Можно сделать вывод, что этот короткий, но насыщенный этап взаимоотношений франков и греков продемонстрировал, насколько остро в новой политической обстановке было необходимо достижение компромиссов.

Несмотря на заключенное греко-латинское перемирие, на Пелопоннесе вскоре произошли серьезные изменения в политической ситуации. Франки не могли чувствовать себя в безопасности, поскольку Византийская империя заполучила на полуострове территории с исключительными стратегическими преимуществами для наступательных и оборонительных действий. Кроме того, балканские интересы империи и ее непростые отношения с правителями Западной Европы сделали Морею одним из центров византийских интересов¹⁸⁶, что делало положение франкской феодальной знати еще более уязвимым. В итоге, пока действовало перемирие с греками, князь Гийом II сосредоточил свои силы на поиске поддержки за пределами Пелопоннеса.

В сложившихся политических обстоятельствах найти помощь извне было достаточно трудно, ведь еще с 1262 г. папа запрашивал помощи для Франкской Греции в Европе, но особых успехов в этом не добился, поскольку западные правители были заняты решением собственных проблем¹⁸⁷. Венецианцы же, получившие назад свои привилегии на территории Константинополя¹⁸⁸, не желали подвергать свои успехи опасности, поэтому предпочитали соблюдать нейтралитет на Пелопоннесе. В начале 1266 г. новым королем Сицилии стал Карл Анжуйский, младший брат короля Франции Людовика IX (1226–1270). События на юге Италии оказали влияние на политическую ситуацию в Морею, поскольку папский кандидат против Гогенштауфенов с самого начала серьезно интересовался

¹⁸⁶ Пиева А. Frankish Morea 1205–1262... P. 154.

¹⁸⁷ Setton K. M. The Papacy and the Levant... P. 95.

¹⁸⁸ Хвальков Е. А. Текст византийско-венецианского договора 1265 г. // Античная Древность и Средние века. 2014. Вып. 42. С. 238.

делами Латинского Востока¹⁸⁹. Когда стало ясно, что обстановка на Пелопоннесе без внешней помощи не стабилизируется и изгнать византийцев своими силами им не удастся, Гийом и его вассалы приняли решение начать переговоры с сицилийским королем¹⁹⁰.

В начале 1267 г. князь отправился в Рим, где связался с Карлом и встретился с папой Климентом IV (1265–1268). После интенсивных переговоров в мае 1267 г. в городе Витербо был заключен торжественный договор между Карлом Анжуйским и Гийомом Виллардуэном, связавший судьбу Ахейского княжества и всего Пелопоннеса с Анжуйским домом. В обмен на обещанную военную помощь против ромеев князь Гийом II признавал себя вассалом Карла, сохраняя право на княжество до конца своей жизни. Его наследница Изабелла Виллардуэн должна была по достижении брачного возраста выйти замуж за одного из сыновей Карла. То есть, после смерти Гийома князем должен был стать его зять, а потом его наследник. В случае же если брак не принесет наследника мужского пола, княжество на Пелопоннесе должно было перейти в домен Карла Анжуйского или к его прямому наследнику¹⁹¹. Через три дня Карл заключил договор и с латинским императором в изгнании Балдуином II, который в обмен на две тысячи конных солдат для отвоевания Константинополя подтверждал передачу сюзеренитета над Ахайей, а также над островами Архипелага, Корфу и латинскими владениями в Эпире в районе Фессалоники и Албании – почти всеми латинскими землями на Балканах¹⁹². С этого момента княжество вошло в состав владений Карла Анжуйского, стремившегося создать на Востоке империю, и на последующие полтора десятилетия этот фактор определил политический характер греко-латинского взаимодействия на полуострове как исключительно конфликтный.

¹⁸⁹ Tzavara A. Clarentza: une ville de la la Morée latine, XIIIe–XVe siècles. Venice, 2008. P. 29.

¹⁹⁰ The Chronicle of Morea... P. 408. 6295–6345.

¹⁹¹ Sampsonis F. L'administration de la Morée par Charles Ier d'Anjou (1267–1285). L'apport majeur d'une source délicate: les registres angevins // Mélanges de l'école française de Rome. 2008. Vol. 120. № 1. P. 139.

¹⁹² Nicol D. The Last Centuries of Byzantium... P. 51.

Императору Михаилу VIII, чей политический соперник заполучил плацдарм по соседству с византийскими крепостями, пришлось сфокусироваться на вопросе западных границ империи. Карл Анжуйский представлял для Византийской империи наибольшую угрозу в течение следующих 15 лет, поскольку стремился сделать Пелопоннес одним из форпостов в борьбе против Константинополя, тогда как целью Михаила Палеолога стали ослабление франков и демонстрация Карлу Анжуйскому, что обладание Ахайей не поможет ему в войне против Византии¹⁹³.

В новых условиях ромеям Пелопоннеса было необходимо действовать решительно, но в то же время очень осторожно. Поражения 1263–1264 гг. показали, что в прямом столкновении их отряды малоэффективны против рыцарского войска Ахейского княжества. Анонимный хронист описывает новую модель поведения греков в отношении латинян следующим образом: «Василевс... приказал, чтобы в Морее никогда ромеи не встречались с франками на поле боя и с копьями... Он наказал ромеям занять позиции в горах и охранять землю, вооружившись луками, и всякий раз, когда представятся возможность и преимущество, хитростью и стратегией они должны были сражаться с франками»¹⁹⁴. Урок открытых столкновений с франкской конницей, таким образом, был прекрасно усвоен греками Пелопоннеса и отразился на дальнейшей стратегии империи в отношении соседей. Для анализа политического взаимодействия между франками и греками Пелопоннеса на этом этапе необходимо также учитывать, что франки Ахейского княжества оказались также вовлечены во внешнюю политику Сицилийского королевства. В качестве вассала сицилийского короля Виллардуэн был обязан приходить на помощь к сюзерену по его зову. По этой причине в первые годы после договора в Витербо у князя не

¹⁹³ Bartusis M. C. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, 1997. P. 58.

¹⁹⁴ *The Chronicle of Morea...* P. 432. 6660–6674.

получалось сосредоточиться на проблемах собственного княжества¹⁹⁵, что дало византийцам возможность перейти к активным действиям.

Летом 1270 г. Карл Анжуйский отбыл вместе со своим братом в Восьмой крестовый поход (1270). Император Михаил VIII воспользовался отсутствием своего соперника и возобновил войну против Ахейского княжества. В 1270 г. византийцы получили крупное подкрепление из Константинополя, предположительно, под командованием племянника Михаила VIII протостратора Алексея Филантропина¹⁹⁶. Согласно источникам, ромеи опустошили княжеские земли и одержали ряд побед, однако подкрепление из Неаполя, подошедшее в Морею в феврале 1272 г., уравнило силы соперников. Дополнительные силы из семисот кавалеристов и пехотинцев были отправлены в Морею Карлом под командованием его бальи (наместника) Дре де Бомона¹⁹⁷. Приняв на себя управление военными операциями, де Бомон основал свою базу в Никли, недалеко от византийской Мистры. Он намеревался вступить в открытый бой с греческими войсками, но военачальник ромеев по прямому приказу Палеолога позаботился о том, чтобы избежать столкновения на равнинах. Неспособность встретиться с греческими войсками в генеральном сражении, а также труднопроходимая местность побудили франков выжидать врага в Никли, пока часть их отрядов занимались грабежом греческой территории. После достижения ими порта Монеувасия князь и анжуйский бальи отступили в Элиду¹⁹⁸, доверив безопасность приграничного района отряду войск под командованием Жана де Нивеле¹⁹⁹.

В течение следующих двух лет греко-латинская борьба за Морею была менее ожесточенной, поскольку фокус византийской и сицилийской

¹⁹⁵ Sampsonis F. La place de la Morée franque... P. 89.

¹⁹⁶ Geanakoplos D. J. Emperor Michael Palaeologus and the West... P. 229.

¹⁹⁷ Ibid. P. 230.

¹⁹⁸ The Chronicle of Morea... P. 436. 6721–6731.

¹⁹⁹ PLP. № 20231.

политики сместился в другие районы (Эгейские острова, Албания)²⁰⁰. По всей вероятности, только ко времени некоторого затишья около 1274 г. император освободил ахейских заложников, отправленных в Константинополь еще в 1262 г.²⁰¹ Можно, таким образом, говорить о новой характерной черте для этого этапа греко-латинских взаимоотношений на Пелопоннесе, заключающейся в привлечении крупных военных контингентов извне с целью преломить ход военных действий и окончательно вытеснить противника с Пелопоннеса. Однако поскольку и для Карла, и для Михаила VIII Мореев была лишь одним из многих конфликтных очагов, регулярная отправка подкреплений для борьбы против соседей оказалась трудновыполнимой и не принесла весомых результатов.

Очередное обострение конфликта между византийской Мореей и княжеством произошло, вероятнее всего, около 1275 г.²⁰² Согласно Д. Закифиносу, этот фрагмент хроники является наиболее запутанным и изобилует хронологическими и фактическими неточностями, усложняющими процесс датировки греко-латинских конфликтов в Морее²⁰³. По-видимому, во время отсутствия князя и его лучших воинов на Пелопоннесе греки Мистры нарушили заключенное перемирие и совершили ряд набегов на франкские земли²⁰⁴. При этом важно отметить, что перед отплытием к сюзерену в Италию Гийом отправил посланника к византийскому кефалу (κεφαλή – «глава») с просьбой продлить перемирие между их землями на год²⁰⁵. Это было уже третье греко-латинское перемирие на Пелопоннесе, нашедшее отражение в источнике. И хотя оно было вскоре нарушено, можно проследить формирование новой закономерности в политических взаимоотношениях франков и греков во второй половине XIII в.

²⁰⁰ Geanakoplos D. J. *Emperor Michael Palaeologus and the West...* P. 229–230.

²⁰¹ Bon A. *La Morée franque...* P. 143; *The Chronicle of Morea...* P. 7308–7330.

²⁰² Geanakoplos D. J. *Emperor Michael Palaeologus and the West...* P. 326; Bon A. *La Morée franque...* P. 143.

²⁰³ Zakythinis D. A. *Le Despotat Grec de Morée. Vol. 1.* P. 53–54.

²⁰⁴ *Ibid.* P. 47.

²⁰⁵ *The Chronicle of Morea...* P. 446. 6879–6881.

Инициирование пауз в военных действиях против соседей в будущем станет фигурировать все чаще, что позволяет говорить о постепенном установлении определенных дипломатических взаимоотношений княжества и византийских наместников Мистры.

Согласно хронике, пока князь находился в Италии, на Пелопоннесе пустили слух о его гибели в битве. Это развязало руки византийцам, в первую очередь, кефалу Мистры, заключившим перемирие лично с ним. Получив известие, что «его противники, вероломные ромеи, нарушили свою клятву и возобновили войну, отказавшись от условий заключенного перемирия», Гийом попросил сюзерена отпустить его «защитить свою землю от опасностей»²⁰⁶. По прибытии он узнал, что кто-то из греков лжесвидетельствовал о его смерти. Хронист приводит его реакцию на известия следующими словами: «У неверных ромеев нет недостатка в предложениях, поскольку кроме лжесвидетельства они виновны и в иных злых умыслах»²⁰⁷. Трудно сказать, являлось это представление франков о византийских греках характерным для второй половины XIII в. или же оно сильнее отражает франкские настроения во время составления хроники, однако факт сильной нестабильности в их политических взаимоотношениях и непримиримости с подобным соседством налицо.

Немногочисленные сохранившиеся сведения этого периода подтверждают, что грекам удалось одержать ряд военных побед. В частности, в Аркадии франки были наголову разбиты, после чего Карлу Анжуйскому пришлось обратиться за помощью к своему вассалу правителю Эпира²⁰⁸, а франкам Ахайи сосредоточиться исключительно на обороне своих земель. В последующие несколько лет Византийская империя сумела укрепить свои позиции на полуострове, и к 1277 г. ромеи заняли крепость

²⁰⁶ The Chronicle of Morea... P. 462. 7131–7137.

²⁰⁷ Ibid. P. 466. 7185.

²⁰⁸ Медведев И. П. Мистра... С. 24.

Калавриту в восточной Аркадии²⁰⁹. Латиняне, таким образом, оказались отброшены к равнинным северо-западным территориям полуострова, на которых они еще с начала XIII в. утвердились более прочно. После смерти Гийома II в 1278 г. Ахейское княжество перешло под прямое управление Анжуйского дома, что не в лучшую сторону отразилось на его внутренней жизни. Поскольку сам Карл никогда не был в Морее, управляя княжеством через своих представителей, постепенно система франкского управления все сильнее ослабевала. Во внутренней жизни Ахейского княжества начали развиваться кризисные явления, что было на руку византийскому императору²¹⁰.

Примечательным эпизодом о характере греко-латинских взаимоотношений этого времени, зафиксированным в хронике, выступает рассказ о судьбе баронии Каритена, чей сеньор Жоффруа де Бриэль был лишен права передавать ее по наследству из-за самовольной отлучки с Пелопоннеса во время военных действий. Через несколько лет после его смерти в 1275 г.²¹¹ в Морею прибыл его племянник, Жоффруа II (или Жоффруа Младший), желая вступить во владение Каритеной. Совет баронов Ахайи, однако, принял решение отказать ему в праве на вступление в наследство, аргументируя его давним постановлением князя о судьбе баронии после смерти владетеля²¹². Жоффруа Младший, неудовлетворенный отказом, принял решение захватить замок Аракловон и предъявить франкам ультиматум: обмен этого мощного стратегического пункта на границе с византийскими землями в Скорте на домен его дяди. В противном случае он угрожал передать этот замок кефалу императора. Эта угроза должна была подействовать, ведь «если ромеи заполучат эту крепость, они завоюют всю

²⁰⁹ Bon A. *La Morée franque...* P. 145–146.

²¹⁰ Geanakoplos D. J. *Emperor Michael Palaeologus and the West...* P. 326.

²¹¹ Вероятнее всего, в 1279 г., когда присутствие Жоффруа Младшего в Неаполе, откуда он направился в Грецию, было задокументировано Анжуйскими регистрами. См.: Bon A. *La Morée franque...* P. 155.

²¹² *The Chronicle of Morea...* P. 530. 8165–8175.

Скору, а следом и все княжество»²¹³. Такая манипуляция хорошо иллюстрирует сложность греко-латинских взаимоотношений на почве взаимных территориальных претензий, ведь сам ее инициатор не проживал регулярно в Морее, а значит, о трудности обстановки в Греции были хорошо осведомлены в Европе.

Жоффруа действительно сумел направить посланников к византийскому кефалу, однако франки во главе с анжуйским бальи успели взять Аракловон в осаду раньше, чем к крепости подошли греческие отряды. Все дороги к этому замку были также перекрыты франкскими рыцарями, чтобы не допустить продвижения спровоцированных к войне ромеев на земли княжества²¹⁴. Византийский кефал не проигнорировал столь выгодное предложение, следовательно, вопрос вытеснения франков с Пелопоннеса по-прежнему стоял достаточно остро, и греки лишь выжидали удачный момент для активных действий. Византийские отряды были встречены на границе одним из франкских капитанов, неким Симоном, преградившим им проход вместе со своей конницей²¹⁵. Исходя из того, что в дальнейшей истории они не участвуют, можно сделать вывод, что они были либо разбиты франками, либо приняли решение не вступать в прямое столкновение с противником. Второй случай представляется более вероятным, учитывая стратегию избегания битв с франками на открытом пространстве и общее истощение ресурсов из-за многолетней войны с соседями.

После 1278 г. вдова Гийома II Виллардуэна эпирская гречанка Агнес (до католического крещения Анна)²¹⁶, унаследовавшая после смерти мужа крепости Каламату и Клермон (Хлемутци), вышла замуж за владельца половины Фив Николя II де Сент-Омера²¹⁷. Назначенный новым бальи княжества (1285–1287) этот человек приложил все усилия, чтобы

²¹³ The Chronicle of Morea... P. 536. 8276–8285.

²¹⁴ Ibid. P. 542–544. 8376–8383.

²¹⁵ Ibid. P. 544. 8384–8393.

²¹⁶ PLP. № 1000.

²¹⁷ Ibid. № 24699.

поддерживать мир с греками и сохранить франкские земли в прежнем объеме²¹⁸. Византии же пришлось умерить военную активность с избранием папы Мартина IV в 1281 г. При его содействии Карл и наследник латинского императора Балдуин II Филипп заключили с Венецией договор, который обеспечивал правомерность отвоевания Константинополя и восстановления на Балканах Латинской империи под началом Карла Анжуйского²¹⁹. Благодаря умелой дипломатии Михаил Палеолог сумел в 1282 г. спровоцировать восстание в Палермо, известное как Сицилийская вечерня. Это вынудило Карла отказаться от завоевательных мероприятий на Востоке и сосредоточить все свои силы на подавлении восстания. В частности, балыи Филипп де Лагонесс (1280–1282) для этой цели был отозван из княжества, а франкские бароны также приняли участие в этой войне²²⁰. О поддержке анжуйцами франков в последующие годы, как и о возвращении контроля над всем Пелопоннесом, не могло быть и речи. Княжество, таким образом, в вопросах обороны границ могло рассчитывать исключительно на собственные ресурсы, а активная наступательная политика стала невозможной.

Включение Пелопоннеса в орбиту политического конфликта императора с сицилийским королем привело к разрушительным последствиям для внутренней жизни как франкского, так и византийского Пелопоннеса. Несмотря на привлечение крупных контингентов извне, борьба Михаила VIII с Карлом Анжуйским за Морею не принесла ощутимых результатов. Исходя из того, что во второй половине 1270-х гг. византийцам удалось захватить позиции в Аркадии, можно говорить о некотором перевесе чаши весов в пользу греков. На этом силы ромеев, по-видимому, также иссякли. В результате, в политических взаимоотношениях франков и греков Морей в 1280-е гг. наступила некоторая вынужденная стабилизация. Учитывая, что

²¹⁸ The Chronicle of Morea... P. 526. 8105–8109.

²¹⁹ Laiou A. E. Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II 1282–1328. Cambridge: Harvard University Press, 1972. P. 13.

²²⁰ Bon A. La Morée franque... P. 179.

краткосрочные перемирия стали заключаться все чаще, этот напряженный и противоречивый этап греко-латинских взаимоотношений заложил основу для дипломатических контактов княжества и византийской Мореи, и постепенно начала формироваться традиция греко-латинской политической коммуникации.

В 1282 г. трон Михаила VIII наследовал его сын Андроник II (1282–1328). Немногочисленные по сравнению с предыдущими десятилетиями упоминания об отношениях Византии и Ахейского княжества в конце XIII в. свидетельствуют о том, что для нового правителя Пелопоннес не был первостепенной целью²²¹. О политических взаимоотношениях франков и ромеев в 1280-е гг. известно крайне мало, поскольку «Морейская хроника» в большей мере повествует о внутренних проблемах феодальной ахейской знати того времени. Затишье, вызванное истощением ресурсов и переключением политических лидеров на иные направления, позволило в какой-то мере восстановиться как княжеству, так и ромеям. Византийские наместники продолжали назначаться из Константинополя в Мистру со сроком на один год²²², из-за чего каждый новый кефал стоял перед выбором, как выстраивать свою политику в отношении франкских соседей.

Остановимся на тех сведениях, которые дает нам «Морейская хроника» о характере греко-латинских взаимоотношений в эти годы. В 1289 г. ахейским князем благодаря женитьбе на наследнице Гийома II стал супруг Изабеллы Виллардуэн Флорис д'Эно (1289–1297)²²³. Согласно «Морейской хронике», совет баронов Ахайи единогласно предложил новому князю заключить прочный мир с византийцами, поскольку, как сообщает источник, «страна была разорена... длительной войной с василевсом», ведь «даже самые лучшие земли, которые есть в мире, война... разрушает и полностью

²²¹ Nicol D. The Last Centuries of Byzantium... P. 114.

²²² Медведев И. П. Мистра... С. 24.

²²³ PLP. № 29982; The Chronicle of Morea... P. 552. 8511–8512.

опустошает»²²⁴. Приведенная цитата недвусмысленно говорит нам о том, что политические отношения франков и греков в этот период были крайне непредсказуемы, и время от времени их неразрешенный конфликт переходил в активную фазу, а ресурсы франков были исчерпаны.

Флорис д'Эно, стремившийся привести в порядок внутренние дела княжества, должен был понимать необходимость прочного мира с византийцами. В том же 1289 г. он направил своих послов к наместнику императора в Мистру с просьбой о длительном мире. Время на восстановление требовалось и грекам, истощенным тремя десятилетиями войны. Действительно, византийский наместник охотно откликнулся на предложение князя. Однако в силу того, что срок его службы подходил к концу, он рекомендовал посланникам обратиться напрямую к императору для ратификации «перемирия на столько лет, сколько потребуется... чтобы их народ, ромеи и франки, могли отдохнуть (от войны. – *Т. Б.*) и жить в мире»²²⁵. Наместник также предложил «для благополучия страны известить об (этом предложении. – *Т. Б.*) своего господина василевса», отправив посланника в Константинополь²²⁶. Андроник II, обеспокоенный в этот момент войной с Болгарией и Эпиром, также с энтузиазмом воспринял возможность заключить длительное перемирие с франками Пелопоннеса²²⁷.

Император решил направить следующим кефалом в Морею своего придворного Филантропина²²⁸ для личной встречи с князем и заключения перемирия с франками. Для проведения переговоров была избрана княжеская резиденция в Андравиде, куда князь пригласил византийского кефала, письменно гарантировав ему и его сопровождавшим безопасность. В Андравиде Флорис и Филантропин в присутствии франкских баронов и

²²⁴ The Chronicle of Morea... P. 562. 8680–8686.

²²⁵ Ibid. P. 564. 8703–8706.

²²⁶ Ibid. P. 564. 8695–8701.

²²⁷ Bon A. La Morée franque... P. 165–166.

²²⁸ PLP. № 29748.

греческих архонтов поочередно принесли клятвы хранить мир в Море²²⁹. Это первый известный нам акт официальных дипломатических переговоров между греками и франками Пелопоннеса, который состоялся в резиденции ахейского князя и которому не предшествовали активные военные действия. Отметим, что для продолжения этого мира при последующих византийских кефалах был необходим хрисовул императора, скрепляющий мирное соглашение князя и действующего византийского кефала. Филантропин предложил Флорису отправить с ним двух рыцарей, чтобы те в сопровождении двух византийских аристократов отправились в Константинополь к императору скрепить их договор золотой печатью²³⁰. Таким образом, речь уже шла о совместном визите франков и ромеев Пелопоннеса в Константинополь, а также налицо была обоюдная заинтересованность мире с соседями.

Князь поручил это посольство великому коннетаблю Жану Шодерону и барону Аркадии Жоффруа д'Онэ, которым «были хорошо известны язык и обычаи греков»²³¹. Со стороны ромеев с ними отправился сам кефал Филантропин, благодаря чему, как сообщает хронист, им оказали хороший прием при дворе, что еще раз говорит о заинтересованности византийской стороны в мире. Необходимость сопровождения византийским должностным лицом, как гаранта приема княжеских послов при дворе, свидетельствует и об отсутствии дипломатической коммуникации между византийской столицей и франкской Ахайей в тот период. Хронист при этом отмечает, что и для самого императора этот мир был очень желателен, поскольку «он нес большие расходы на армии, которые посылал в Морею для войн с франками»²³² – следовательно, и в эти годы Морея регулярно поддерживалась ресурсами из Константинополя.

²²⁹ The Chronicle of Morea... P. 566. 8721–8730.

²³⁰ The Chronicle of Morea... P. 566. 8741–8745; Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 240. 599–604.

²³¹ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 279. 702.

²³² The Chronicle of Morea... P. 568. 8756–8768.

Итог мирных переговоров был отражен в хрисовуле Андроника II от 1289 г., согласно которому каждая из сторон сохраняла принадлежавшие ей территории на необходимое для восстановления время²³³. Благодаря заключенному договору в течение семи лет Пелопоннес пребывал в мире, который приветствовали обе стороны. По сравнению с предыдущими десятилетиями, в истории греко-латинского взаимодействия подобный по протяженности мир был уникальным. Достигнутое соглашение дало населению Пелопоннеса восполнить принесенные долгой войной потери и интенсифицировало мирные контакты латинян с греками. И хотя временами и происходили локальные военные столкновения, все же, по словам автора хроники, «франки и ромеи богатели, и процветание вернулось в страну»²³⁴. Можно резюмировать, что с заключением длительного греко-латинского перемирия их политические взаимоотношения вышли на новый дипломатический уровень, который предполагал мирную политическую коммуникацию.

Почти одновременно с заключением мира с Ахейским княжеством Андроник II начал переговоры о браке своего сына Михаила с титулярной императрицей Константинополя Екатериной де Куртенэ, которая жила в Неаполе при анжуйском дворе²³⁵. Переговоры закончились неудачно, однако за эти пять лет через Морею неоднократно переправлялись послы между Неаполем и Константинополем²³⁶, что также позволяет судить об интенсификации греко-латинских дипломатических связей на Пелопоннесе.

Греко-латинский мир, однако, несколько раз находился под угрозой. Так, в 1293 г. милинги, проживавшие в Яннице (крупное славянское поселение на западном склоне Тайгета²³⁷, выставившее до 600 воинов²³⁸),

²³³ Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis zu 1453*. München; Berlin, 1960. T. 4: *Regesten von 1282–1341*. P. 14–15. № 2138.

²³⁴ *The Chronicle of Morea...* P. 568. 8776–8781.

²³⁵ Bon A. *La Morée franque...* P. 166.

²³⁶ *Actes relatifs a la Principauté de Morée 1289–1300 / publiés par C. Perrat, J. Longnon*. Paris, 1967. P. 14–15.

²³⁷ Медведев И. П. *Мистра...* С. 11.

захватили находившийся неподалеку франкский замок Каламата – родовое владение князей Виллардуэнов. Французская версия «Морейской хроники» сообщает, что «славяне (*Esclavons*) ворвались в замок, выкрикивая имя императора»²³⁹. В ответ на это князь обратился к наместнику императора в Мистре с просьбой убедить славян покинуть крепость, но получил ответ, что эти племена «не находятся в его подчинении и предприняли захват не по его приказу или совету», поэтому византийцы не могут за них отвечать²⁴⁰. Это сообщение хроники подтверждает положение славян, закрепленное за ними хрисовулом Михаила VIII от 1262 г. Чтобы вернуть замок, князю пришлось направить посольство в Константинополь, в которое вновь вошли Жан де Шодерон и Жоффруа д'Онэ²⁴¹, что позволяет проследить установление некоторых закономерностей в дипломатических взаимоотношениях Ахайи с греками как Мистры, так и Константинополя.

Не без труда на этот раз получив аудиенцию императора, франкам удалось добиться сдачи славянами Каламаты. Андроник II утверждал, что и его приказы славяне выполняли не всегда, но хронист резюмировал: «хотя славяне не признают никакого господина, хорошо известно, что они верны императору больше, чем кому-либо»²⁴². Д. Закифинос расценивал захват Каламаты как акт неповиновения славянского народа византийским властям, поскольку славяне Янницы в этом предприятии проявили крайнюю самостоятельность²⁴³. Однако изгнание франков с захваченных ими территорий оставалось, несмотря на перемирие, стратегической задачей для византийцев. Следовательно, их выгода в случае приобретения франкской крепости очевидна, и действия славян никак не противоречили византийским

²³⁸ Medieval Greece: Encounters Between Latins, Greeks and Others in Dodecanese and the Mani / ed. M. Heslop. London; New-York, 2021. P. 234.

²³⁹ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 277. 696.

²⁴⁰ Ibid. P. 278. 701.

²⁴¹ Bon A. La Morée franque... P. 168.

²⁴² Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 279. 740–750.

²⁴³ Zakythinios D. A. Le Despotat Grec de Morée. Vol. 2. P. 28.

интересам, хотя они и атаковали ее без согласования с византийскими властями.

Сильнее греко-латинские взаимоотношения накалились к самому концу XIII в. Согласно французской версии «Морейской хроники», в 1296 г. на ярмарке (*Panejours*) в Скорте, посещаемой как франками, так и греками, произошел конфликт между рыцарем Жераром де Реми и греком Коркондилем (*Corcondille*)²⁴⁴. Последний, выйдя из спора пострадавшим, задумал отомстить латинянину за свою обиду. Он договорился со своим родственником, занимавшим должность во франкском замке св. Георгия и водившим дружбу с сержантом охраны Бонифацием (очевидно, франком), чтобы тот помог византийцам захватить этот ключевой пункт на границе между франкскими и греческими землями²⁴⁵. В результате как минимум одно должностное лицо латинского происхождения было вовлечено в эту диверсию. Необходимо отметить, что, Бонифацию за участие в передаче замка ромеям была обещана награда от императора, в которой заговорщики были уверены, поскольку это была «та самая крепость, которую император желал больше всего... так как она находилась на границе Скорты... Имея этот замок, он мог бы получить всю Скорту, а имея Скорту, он смог бы легко заполучить всю Морею»²⁴⁶. Хронист закономерно наделяет этого франка эпитетами «лживый предатель»²⁴⁷. Ромеи, несмотря на перемирие, охотно приняли помощь заговорщиков и тайно направили отряды к замку св. Георгия. Его захват ознаменовал конец семилетнего мира между византийцами и франками²⁴⁸.

Из приведенного эпизода следует, что восстановление византийского присутствия возродило ромейскую гордость у греков, которая выражалась и

²⁴⁴ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 319–320. 802–804.

²⁴⁵ Ibid. P. 320–323. 805–813.

²⁴⁶ Ibid. P. 322. 810–811.

²⁴⁷ Ibid. P. 321. 807.

²⁴⁸ Page G. Being Byzantine. Greek Identity Before the Ottomans. Cambridge, 2008. P. 228.

подобным образом²⁴⁹. Население полуострова в своей политической лояльности, можно сказать, демонстрировало определенную гибкость. Это также влияло на характер политического взаимодействия между франкской и греческой частями Пелопоннеса. Родственные и дружеские связи разноэтничного населения в рассмотренной ситуации значили больше, чем их верность франкскому князю или византийскому кефалу, а план по захвату франкской крепости был следствием бытового конфликта франка и грека, а не политической стратегии византийской администрации. Устоявшиеся греко-латинские связи, таким образом, к концу XIII в. уже имели большое значение в смешанном обществе Пелопоннеса. Мирное время, помимо восстановления от военного ущерба, способствовало активизации экономического и культурного обмена между княжеством и византийской Мореей²⁵⁰.

Очевидно, что мирное время позволило обеим сторонам конфликта оправиться от многолетних военных действий, и «мир на столько, сколько потребуется» стал менее необходимым. Цель Византии распространить ромейское влияние на весь полуостров оставалась неизменной, и обретение замка св. Георгия стало для греков одной из ступеней на пути к ее достижению. Разумеется, князь предпринял попытку отбить замок. Запросив поддержку у венецианцев и славян Майны, он осадил замок св. Георгия, однако даже несмотря на помощь в виде осадных орудий из Корона, взять замок не удалось²⁵¹. В итоге, в начале зимы Флорис принял решение отступить, оставив гарнизоны в ближайших крепостях – Диматре и Бофорте. Замок же св. Георгия, а также местности вокруг него и Араховы были потеряны франками²⁵².

²⁴⁹ Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 297.

²⁵⁰ Bon A. *La Morée franque...* P. 166.

²⁵¹ *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête...* P. 324–326. 817–825.

²⁵² Bon A. *La Morée franque...* P. 170; *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête...* P. 326. 825.

После скорой смерти в январе 1297 г. Флориса д'Эно взаимоотношения между греками и франками ухудшились. О греко-латинских столкновениях в последние годы XIII в. известно мало, поскольку хронист не распространяется об этом²⁵³. Однако княгиня Изабелла в это время сочла необходимым построить крепость на севере Мессении, которая должна была защищать Аркадию от посягательств греков Мистры и Гардики²⁵⁴. Это косвенно подтверждает, что ситуация на Пелопоннесе во взаимоотношениях греков и франков не была спокойной. В апреле 1300 г. верховный сюзерен Ахайи Карл II приказал капитану Романии объединиться с княгиней Изабеллой для совместной защиты, а также соблюдать перемирие, которое она могла бы заключить с императором Андроником²⁵⁵. Определенная угроза со стороны Мистры, по-видимому, присутствовала. Следовательно, к концу XIII в. Ахейское княжество в отношениях с греческими соседями наиболее пристально сосредоточилось на обороне территорий.

Таким образом, греко-латинское противостояние, сопровождавшееся в ходе второй половины XIII в. острой борьбой, не закончилось полной победой ни одной из сторон. Пожалуй, некоторый перевес в затянувшемся военном противостоянии получила греческая сторона, сумевшая захватить несколько стратегических позиций в приграничных районах, распространив свое влияние на близлежащие территории и заручившись поддержкой местного населения. Франкская знать с середины XIII в. наблюдала, как к грекам переходили крепости, бывшие стратегическими пунктами в борьбе за обладание всем Пелопоннесом. Разумеется, территориальные потери второй половины XIII в. вызывали у них серьезное беспокойство. Соперники со временем были вынуждены обратиться к поиску компромиссов и заключению временных договоренностей о мире, однако конфликт оставался не разрешенным, и очаг напряжения в регионе ликвидирован не был.

²⁵³ Bon A. *La Morée franque...* P. 171.

²⁵⁴ *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête...* P. 328–329. 830.

²⁵⁵ *Actes relatifs a la Principauté de Morée...* P. 19.

Несмотря на достигнутые соглашения, во второй половине XIII в. сохранялось убеждение и греков, и латинян в правомерности их притязаний на территорию всего Пелопоннеса, вследствие чего новый этап военных столкновений был лишь вопросом времени. Однако можно сделать вывод, что их отношения претерпели изменения, поскольку противники были вынуждены идти на взаимные уступки и искать пути мирного сосуществования друг с другом в этом регионе цивилизационного пограничья. Во второй половине XIII в. в отношениях франков и греков был сделан ряд дипломатических шагов навстречу друг к другу, которые заложили основу для нормализации их мирного сосуществования в восприятии греко-латинского населения Пелопоннеса.

1.2. Территориальное соперничество и проекты союзных соглашений в первой половине XIV в.

В политических взаимоотношениях греков и франков в начале XIV в. не было стабильности. После падения замка св. Георгия в 1296 г. военные действия возобновились, но их итоги не удается проследить из-за крайне отрывочной информации в источниках. Французская версия «Морейской хроники» сообщает, что при объявлении о помолвке овдовевшей Изабеллы Виллардуэн с Филиппом Савойским в 1300 г. латиняне возлагали надежды на то, что этот союз позволит укрепить княжество и «вернуть наследство Виллардуэнов из рук греков»²⁵⁶, а 25 февраля 1301 г. Карл II подписал свое разрешение на этот брак²⁵⁷. Взаимные территориальные претензии по-прежнему являлись краеугольным камнем в политическом взаимодействии Ахейского княжества с византийской Мореей. Папа Климент V (1305–1314) в своих письмах примерно в то же время сетовал, что «большая часть Ахайи

²⁵⁶ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 336–337. 850.

²⁵⁷ Guérin M. Les dames de la Morée franque (XIIIe–XVe siècle)... P. 485.

пребывает в руках ромеев» и призывал оказывать поддержку ее князю для возвращения утраченных земель княжества²⁵⁸.

В качестве князя Филипп Савойский (1301–1307) однако не проявил себя прагматичным правителем. Хронист с возмущением отмечает, что «он сместил всех кастелянов, коннетаблей и часть сержантов в замках Ахайи, и заменил их людьми, которых он привел за собой из Пьемонта и Савойи»²⁵⁹. Также в хронике нашла отражение его заинтересованность, прежде всего, в увеличении собственного финансового состояния²⁶⁰. Очевидно, что в подобной ситуации военный успех франков был маловероятен. Кроме того, стремление Филиппа преумножить свою казну спровоцировало восстание греческого населения Скорты, поводом которому послужило повторное обложение налогом этих земель. Возмущенные жители приняли решение под предлогом паломничества отправиться в Мистру и просить о помощи в восстании у византийского кефала²⁶¹. Косвенно, таким образом, князь своей налоговой политикой развязал очередную войну с Мистрой.

Наместник откликнулся на этот призыв, и направил свои войска через равнину Никли в Скорту. Греками был взят и разрушен франкский замок св. Елены, после чего они потерпели поражение у Бофора и заняли позиции около замка св. Георгия. Оповещенный о восстании князь также направил в Скорту войска своих вассалов, превышающие греков числом. В результате, как сообщает хронист, «хитрые греки» ночью предпочли отступить²⁶². По мнению А. Бона, это восстание закончилось без особых последствий для франкской стороны²⁶³. Для нашего же исследования данный эпизод позволяет подтвердить факт военных действий между франками и греками в первые годы XIV в. Греческая стратегия в этой ситуации видится более

²⁵⁸ Miller W. *The Latins in the Levant...* P. 208.

²⁵⁹ *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête...* P. 338. 854.

²⁶⁰ *Ibid.* 855–856.

²⁶¹ Bon A. *La Morée franque...* P. 178–179.

²⁶² *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête...* P. 366–369. 929–938.

²⁶³ Bon A. *La Morée franque...* P. 179.

рациональной, поскольку восстание в Скорте позволило им причинить урон соседям, не понеся, по всей видимости, крупных потерь.

Недоволен управлением Ахайей был и сюзерен княжества Карл II, который в 1306 г. принял решение назначить князем своего сына Филиппа Тарентского (1307–1313)²⁶⁴. Известно, что около 1309 г. франки под его командованием одержали ряд побед над греками, захватив несколько приграничных крепостей. Однако вскоре князь утратил интерес к своим греческим владениям и возвратился в Италию, после чего греки достаточно легко смогли вернуть утраченные территории²⁶⁵. Об иных греко-латинских столкновениях первого десятилетия XIV в. источники не сообщают.

Главной отличительной чертой этого периода по сравнению с предыдущим стали события за пределами Пелопоннеса, повлиявшие на жизнь всего восточного Средиземноморья. В начале XIV в. греко-латинское население Мореи остро беспокоила опасность, которую представляли собой каталонские наемники, обосновавшиеся на Балканах. Еще с конца XIII в. отряды каталонского адмирала Рожера де Лауриа неоднократно совершали набеги на византийские Монемвасию и Майну²⁶⁶, а в 1292 г. отбили нападение ахейских баронов, чья армия состояла из франков и греков, и взяли в плен наиболее знатных рыцарей. Сохранилось упоминание, что граждане Кларенцы ссудили крупную сумму Изабелле де Виллардуэн, чтобы княжество могло заплатить выкуп за баронов, требуемый каталонским адмиралом²⁶⁷. Хронист и участник каталонской экспедиции Рамон Мунтанер отмечал нехватку у франков людей для защиты Мореи²⁶⁸, что соотносится со сведениями «Морейской хроники» об истощении ресурсов франков и греков из-за длительной войны друг с другом накануне заключения «вечного мира»

²⁶⁴ PLP. № 29866.

²⁶⁵ Runciman S. *Mistra. Byzantine capital of the Peloponnese*. London, 1980. P. 48.

²⁶⁶ *Ibid.* P. 52.

²⁶⁷ Tzavara A. *Clarentza: une ville de la Morée latine...* P. 212.

²⁶⁸ Ramon Muntaner. *The Chronicle*. CLIX. P. 327–328.

при Флорисе д'Эно. В Константинополе также прекрасно осознавали рискованность сложившейся на полуострове ситуации. В 1309–1310 гг. император разослал письма в византийскую Морею и юго-западную Грецию, в которых просил мужское население вооружиться и выступить против каталонцев в Фессалии, обещав взамен освобождение от уплаты налогов²⁶⁹. Таким образом, новый этап политического взаимодействия Ахейского княжества и византийской Мореи ознаменовало появление вероятного общего врага.

Усугубило и без того трудное положение перед надвигающейся каталонской угрозой и то, что в конце XIII в. Анжуйская династия вела войну с Арагоном за Сицилию. Из-за этого анжуйцы были не в состоянии оказывать материальную и военную поддержку своему вассальному княжеству на Пелопоннесе. Победа же в 1302 г. Арагона ослабила анжуйцев и, по мнению У. Миллера, окончательно обрекла греческие земли на нашествие каталонских наемников²⁷⁰. Эта угроза была прежде всего связана с тем, что отпала необходимость в услугах каталонцев на Сицилии, и их отряды устремились на греческие земли, где регулярно велись военные действия. Предводитель каталонцев Рожер де Флор²⁷¹ решил предложить свои услуги византийскому императору. С трудом сдерживая турецкий натиск на малоазийских территориях, император, осведомленный о боевых качествах каталонских наемников, не смог отказаться от столь своевременного предложения²⁷². Все условия, продиктованные каталонцами и переданные императору личным секретарем де Флора, были одобрены и утверждены императором в конце 1303 г. несмотря на то, что наемников оказалось значительно больше, чем ожидал Андроник II²⁷³.

²⁶⁹ Laiou A.E. Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328. Cambridge, Massachusetts, 1972. P. 227–228.

²⁷⁰ Miller W. The Latins in the Levant... P. 211.

²⁷¹ PLP. № 24386.

²⁷² Setton K. M. Catalan Domination of Athens, 1311–1388. Cambridge, 1948. P. 3–4.

²⁷³ Georges Pachymères. Relations Historiques / Ed. A. Failler, V. Laurent. Paris, 1999. Vol. 4. P. 431. 6–12.; P. 561. 31–32.

Выполнив возложенную на них задачу, каталонцы очень быстро вышли из-под византийского контроля. Изгнав турок с захваченных ими земель, каталонские авантюристы, мотивировав свои действия задержкой выплат от императора, приступили к грабежу освобожденных территорий. По словам Георгия Пахимера, «латиняне Рожера причинили больше зла ромеям, чем их врагам»²⁷⁴. Другой византийский историк, Никифор Григора, писал: «Латиняне под предводительством кесаря Рожера, вступив в оставленные ромеями города, поступили скверно, обратив силу против тех, кому они были призваны на помощь»²⁷⁵. Таким образом, взаимное недовольство и недоверие в отношениях византийцев и войска наемников обнаружило себя с первых лет каталонского присутствия в византийских владениях, как и неспособность империи их обуздать.

Рожер де Флор был убит в 1305 г. в Адрианополе по приказу сына и соправителя императора Михаила IX Палеолога²⁷⁶. Вероятно, этот шаг был предпринят из-за подозрений в шпионаже, а также по причине жестокостей его наемников, вызывавших недовольство византийцев²⁷⁷. Однако это убийство не решило проблемы, а лишь усилило каталонскую опасность для Греции, где они бесчинствовали после выдворения из анатолийских территорий. Лишившиеся предводителя и жаждавшие наживы каталонцы стремились закрепиться в регионе, поскольку земельные владения являлись для них, как для западных европейцев, главным богатством. Они обратили свои взоры на Фессалию, откуда их удалось изгнать лишь с помощью византийской армии. Получив от фессалийской знати дары и проводников в «наиболее удобные для поселения и процветающие Беотию и Ахайю»²⁷⁸, они двинулись во франкскую Грецию. Их целью стали франкские Афины, где недавно скончался последний герцог из династии де ла Рошей.

²⁷⁴ Ibid. P. 563. 4–6.

²⁷⁵ Nikephori Gregorae. *Historia Byzantina...* Vol. 1. P. 222. 20–23.

²⁷⁶ Morfakidis M. Andrónico II et Roger de Flor: causas de su enfrentamiento // *Erytheia: Revista de estudios bizantinos y neogriegos*. 1987. No 8. 1. P. 19.

²⁷⁷ Georges Pachymérés. *Relations Historiques...* Vol. 4. P. 575. 6–16.

²⁷⁸ Nikephori Gregorae. *Historia Byzantina...* Vol. 1. P. 250. 4–7.

Приближение каталонских отрядов к франкским владениям в Греции поставило под угрозу и территории Пелопоннеса, поскольку Ахейских князей связывали вассальные отношения с Афинским герцогством, к территории которого вплотную подошел каталонский отряд. Новый герцог Афин Готье II де Бриенн (1308–1311) совершил роковую ошибку, решив использовать каталонское оружие против своих греческих соперников в Фессалии. Выполнив свою задачу, каталонцы предложили герцогу принести оммаж за захваченные у его противников замки, аргументируя это тем, что им некуда больше идти. Однако молодой Готье II, весьма высокомерно, по мнению автора «Морейской хроники», заявил им, что если те не уйдут с его земель сами, то он изгонит их силой оружия²⁷⁹. Он сдержал слово и зимой 1310 г., когда император призывал к защите Греции от каталонцев, разослал по всей франкской Греции призыв о помощи против общего врага. В числе откликнувшихся на этот зов был новоиспеченный маршал Ахейского княжества Тома III Салонский²⁸⁰ и другие вассалы анжуйцев на Пелопоннесе, которым неаполитанский двор охотно разрешил выступить под афинским стягом против ставленников арагонской партии²⁸¹. Так, на греческих землях развернулось противостояние, став, в том числе, отражением соперничества европейских государств.

Оказавшись под угрозой разгрома, каталонцы приняли для себя решение сражаться до победы или погибнуть в землях, в которых они намеревались укрепиться. Опытные в военном деле и осознававшие неминуемость военного столкновения, они выбрали выгодное место для сражения неподалеку от правого берега реки Кефисс. Каталонцы располагали временем, чтобы подготовиться к отражению удара франкских рыцарей, о чьей воинской доблести и мужестве знали в Европе. Болотистая местность Беотии подходила сражения как нельзя лучше. В марте 1311 г. численно

²⁷⁹ The Chronicle of Morea... P. 472. 7285–7295.

²⁸⁰ PLP. № 29017.

²⁸¹ Miller W. The Latins in the Levant... P. 225.

превосходившее воинство франков и греков выступило против новых претендентов на земли, где крестоносцы, предки франков, осели более века назад. Увязнувшие в трясине конные тяжеловооруженные рыцари были на голову разбиты каталонцами. Почти весь цвет морейского рыцарства, выступивший в поход с одобрения далекого сюзерена, пал в этой битве²⁸². Уцелели лишь, согласно Мунтанеру, два франкских рыцаря²⁸³. Хронист отмечал величие морейских рыцарей и полагал, что к их поражению в битве с каталонскими воинами привела гордыня афинского герцога, отказавшегося от оммажа каталонцев: «Считалось, что самым благородным рыцарством в мире являлось морейское, говорившее по-французски столь же красиво, как в Париже. И оно просуществовало (в Ахайе. – *Т. Б.*) до тех пор, пока не было убито в один день каталонскими воинами, когда герцог де Бриенн напал на них. И будьте уверены, что погибли все без исключения, и ни один из них не сбежал»²⁸⁴. Это сражение повлекло за собой серьезные последствия, сократив франкское население Пелопоннеса, и без того стремительно уменьшавшееся с момента перехода княжества под сюзеренитет Неаполя²⁸⁵.

Вскоре каталонским наемникам удалось подчинить оставшиеся без защиты территории Афин и разрушить фамильный замок династии Сент-Омер. Этот поступок осуждает автор хроники и называет каталонцев «приносящими одно лишь зло»²⁸⁶. Каталонский триумф осложнил положение франков, которые занимали северо-западные территории полуострова, которые, в целом, были легко доступны к атаке и Афин. Осознавая, что они находятся во враждебном окружении, каталонцы поспешили узаконить свои земельные приобретения, принеся клятву верности члену Арагонского дома и сицилийскому королю Фридриху II (1295–1337), сыну короля Арагона Педро III (1276–1285). Сюзеренов Мореи сильно беспокоило закрепление на

²⁸² The Chronicle of Morea... P. 472. 7275–7284.

²⁸³ Ramon Muntaner. The Chronicle. CCXL. P. 481–482.

²⁸⁴ Ibid. CCLXI. P. 524.

²⁸⁵ Ortega I. Les Lignages Nobiliaires... P. 27.

²⁸⁶ The Chronicle of Morea... P. 524. 8078–8092.

греческих землях вассалов Арагона²⁸⁷. Латинскую же знать Ахайи, по всей видимости, тревожило, что следующая волна каталонских завоеваний устремится на Пелопоннес. Это накаляло и без того напряженную обстановку, поскольку княжеству остро не хватало защитников. Учитывая географический фактор, каталонцы угрожали на Пелопоннесе в большей степени латинянам, нежели византийцам, располагавшимся, за исключением прибрежных территорий, в горных районах юго-восточной части полуострова.

События тех лет вынуждали ахейскую элиту осознать необходимость совместной борьбы с греками Мистры за благополучие их земель. Византийцы в этот период находились в бесспорно более выгодном положении. Во многом это было обусловлено решением императора изменить способ управления этой провинцией, назначая своего наместника на продолжительный срок, а не на один год, как это делалось прежде. Первым таким «капитаном земли и замков Пелопоннеса» стал молодой представитель семьи Кантакузинов, управлявший от имени императора примерно восемь лет, до 1316 г.²⁸⁸ Византийская Морья, таким образом, стала одной из более или менее автономных местных административных единиц империи, в которых внешнеполитические решения могли приниматься независимо от решений центрального правительства в Константинополе²⁸⁹. В противовес регулярно сменяющимся франкским князьям и их наместникам (бальи), часто не принадлежавших к старой морейской знати, этот шаг привел к укреплению греческих позиций на Пелопоннесе²⁹⁰. Однако вскоре после этого в регионе разразился совсем иной политический конфликт, в котором франкам и грекам предстояло выступить единым фронтом против общего врага.

²⁸⁷ Topping P. The Morea (1311–1364) // A History of the Crusades / ed. K.M. Setton, H.W. Hazzard. Madison, Wisconsin, 1975. Vol. III. The Fourteen and Fifteen Centuries. P. 107.

²⁸⁸ Runciman S. Mistra... P. 50–51.

²⁸⁹ Necipoğlu N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins... P. 22.

²⁹⁰ Runciman S. Mistra... P. 49.

В начале XIV в. был заключен династический брак Матильды²⁹¹, дочери Флориса д'Эно и Изабеллы де Виллардуэн, наследницы Ахайи, и Людовиком, младшим братом герцога Бургундии Гуго V (1306–1315). Этот брак стал частью компенсации бургундцам за расторжение помолвки их герцога с титулярной латинской императрицей Екатериной де Валуа (1308–1346), выданной замуж за Филиппа Тарентского. Людовик в итоге принес Филиппу оммаж за земельное владение Ахайей, и права на княжество перешли к бургундскому дому²⁹². Однако о притязаниях на княжество в тот же период заявила Маргарита, леди Аковы²⁹³ и младшая сестра недавно умершей Изабеллы де Виллардуэн. Не найдя поддержки ни у ахейских баронов, ни у Неаполя, чьи правители тщательно следили за наследованием титула главы княжества и определяли верховенство наследников, Маргарита обратилась к инфанту Фернандо Майоркскому²⁹⁴, которого связывали давние отношения с каталонцами. Фернандо, заинтересованный в земельных приобретениях, охотно принял от леди Аковы предложение союза и взял в жены ее дочь Изабеллу. Этот союз принес ему не только права на баронию Аковы, одну из франкских вотчин в Ахайе, но и дал повод для притязаний на титул ахейского князя²⁹⁵. Заключение этих браков обрекло и без того ослабленное княжество на новую волну военных действий.

²⁹¹ PLP. № 16001.

²⁹² Jacoby D. La «Compagnie catalane» et l'Etat catalan de Grèce: quelques aspects de leur histoire // *Journal des Savants*, 1966. P. 94.

²⁹³ Барония Акова, одна из 12 первоначальных бароний Ахейского княжества, располагалась в Скорте – горной части полуострова Пелопоннес. В состав Аковы входило 24 рыцарских фьефа, что делало ее крупнейшей, наряду с баронией Патр. Первым ее бароном стал Готье де Розье (*Gautier de Rosières*) – дядя или же, что более вероятно, двоюродный дед Маргариты из Пассавы, которая не сумела, находясь в константинопольском плену вовремя вступить в наследство. Итогом судебного разбирательства стал переход двух третей баронии во власть князя Гийома II, одна же треть осталась за наследницей. Именно эти две трети Аковы Гийом II завещал своей младшей дочери Маргарите. См.: Bon A. *La Morée franque...* P. 393–394.

²⁹⁴ *Libro de los Féchos et Conquistas del Principado de la Morea. Chronique de Morée aux XIIIe et XIVe siècles / publiée et traduit pur la première fois pour la Société de l'Orient Latin par Alfred Morel-Fatio. Genève, 1885. P. 121. 555–556.*

²⁹⁵ Ramon Muntaner. *The Chronicle...* CCLXII. P. 527.

Когда к лету 1314 г. Маргарита вернулась с Майорки на Пелопоннес, местные феодалы стали ее упрекать за брак ее дочери с союзником каталонцев, от которых княжество недавно потерпело столько зла. Совет ахейской знати, руководствуясь инструкциями их сюзерена, неаполитанского короля Роберта (1309–1343), конфисковал владения Маргариты в Акове, а балыи Людовика Бургундского заключил ее под стражу в замке Хлемуци (Клермон) в Элиде²⁹⁶, где она и умерла в 1315 г.²⁹⁷ Каталонское владычество Афинским герцогством определенно восприняли на Пелопоннесе как опасное, а поступок дочери покойного князя Гийома II посчитали предательством, раз сочли необходимым ее столь сурово наказать.

Действия баронов спровоцировали активные военные действия со стороны Фернандо Майоркского. В ответ на пленение Маргариты он обратился за помощью к своему родственнику, королю Сицилии, который принял его оммаж за Ахейское княжество и оказал ему военную поддержку. В начале 1315 г. Фернандо с пятью сотнями тяжеловооруженных конников и значительно большим числом каталонских пеших воинов выступил в поход против княжества. Летом он занял Кларенцу, главный портовый город княжества, где узнал неприятное для него известие о смерти Маргариты в заточении²⁹⁸. Население города и окрестностей было вынуждено признать инфанта в качестве правителя. Помимо Кларенцы, Фернандо удалось захватить Халандрицу на северо-западе Пелопоннеса, но попытка взять Патры успеха не имела – хорошо укрепленный город выстоял. Осенью того же года на Пелопоннес прибыла Матильда д'Эно со значительной частью воинов своего мужа. Согласно арагонской версии «Морейской хроники», ахейские феодалы, ранее присягнувшие инфанту, поспешили явиться к законной наследнице и сопроводить ее в Каламату. Матильда первым делом объявила, что те, кто ранее присягнул инфанту, могут явиться к ней,

²⁹⁶ Libro de los Féchos... P. 122. 557–559.

²⁹⁷ Topping P. The Morea... P. 111.

²⁹⁸ Libro de los Féchos... P. 124. 567.

принести клятву верности и получить прощение²⁹⁹. Примечательно, что мы не встречаем в источниках упоминаний о греческой активности на Пелопоннесе в это время.

Вскоре каталонцы смогли разбить бургундцев Матильды д'Эно, несмотря на попытку патрского архиепископа помочь им³⁰⁰. Людовик Бургундский, заручившийся венецианской поддержкой, прибыл на Пелопоннес примерно в то же время, когда его люди потерпели поражение от каталонцев. Венецианская помощь законному князю говорит о том, что каталонское присутствие беспокоило и осторожных венецианцев, хотя на их порты наемники «из уважения к республике» не нападали³⁰¹. Не сумев отбить Халандрицу, Людовик отправился в Патры. Инфант Фернандо, узнав о прибытии соперника на Пелопоннес, запросил поддержку с Майорки, а также из Афин, в которых несколько лет назад утвердились каталонцы. Согласно арагонской версии хроники, он просил наемников «явиться в Морею и помочь ему в восстановлении княжества – наследия его жены, и ему ответили согласием»³⁰². Так, с подачи Фернандо франкская часть Пелопоннеса оказалась под прямой угрозой каталонского вторжения. Сами каталонцы Афин в первые годы не располагали средствами для осады крепостей³⁰³, однако в составе сильного войска опасность, исходившую от этих наемников, было сложно недооценить.

Принимая во внимание серьезность положения, на совете Ренье, архиепископ Патр, и ахейские бароны рекомендовали новому князю обратиться за помощью к наместнику императора в Мистре. Это был первый случай в истории греко-латинских отношений на Пелопоннесе, когда латиняне в условиях войны рассматривали в качестве союзников именно византийцев. Прошло не так много времени после заключения длительного

²⁹⁹ Libro de los Féchos... P. 128. 584–586.

³⁰⁰ Bon A. La Morée franque... P. 192.

³⁰¹ Ibid. P. 167.

³⁰² Libro de los Féchos... P. 132. 602.

³⁰³ Jacoby D. La «Compagnie catalane» et l'Etat catalan de Grèce... P. 96.

мира, который приветствовали и франки, и греки. Принимая во внимание, что воспоминания о мире и принесенном им процветании содержатся в «Морейской хронике»³⁰⁴, можно предположить, для латинян этот период без военных действий имел огромное значение. Слухи об авторитете кефала, назначенного в 1308 г., судя по всему, успели распространиться и на франкскую часть Пелопоннеса. Сведения о переговорах с греками сохранились в арагонской версии «Морейской хроники»³⁰⁵, а также в письме королю Арагона от 5 мая 1316 г., в котором сообщается об успехах инфанта в Морее³⁰⁶. Людовик прислушался к местной знати и направил в Лакедемон послов для переговоров с кефалом. Согласно хронике, посланники сумели договориться с греками, и наместник собрал «две тысячи воинов, конных и пеших, для помощи князю»³⁰⁷. Такое подкрепление обеспечило франкам численное преимущество перед противником. Почему византийские власти Морей пошли на переговоры со своими заклятыми врагами? Не исключено, что этому, помимо очевидной каталонской угрозы, способствовало продолжительное правление наместника Мистры, хорошо изучившего к этому времени своих соседей и установившего определенные контакты с баронами. Греки, к тому же, также осознавали, что в лице каталонцев могут получить более свирепого врага, чем переживавшее не лучшие времена франкское княжество.

В июле 1316 г. при Маноладе, на равнине Элиды к северо-западу от Кларенцы, произошло решающее сражение, в котором франко-греческие силы одержали решительную победу. Хронист уделяет особое внимание тому, что у князя в ходе преследования войска инфанта была налажена коммуникация с греческими отрядами, а в самой битве франки и греки сражались бок о бок³⁰⁸. В этом сражении был убит Фернандо, несмотря на

³⁰⁴ The Chronicle of Morea... P. 564. 7700–7706.

³⁰⁵ Libro de los Féchos... P. 133. 608.

³⁰⁶ Zakythinos D. Le Despotat Grec de Morée... T.1. P. 70.

³⁰⁷ Libro de los Féchos... P. 133–135. 608–610.

³⁰⁸ Libro de los Féchos... P. 134. 612; P. 135. 613.

приказы Людовика взять его живым. Оставшиеся воины инфанта бежали в Кларенцу, а каталонцы Афин после известия о смерти инфанта повернули назад³⁰⁹. Таким образом, совместными усилиями франки и греки смогли уберечь Пелопоннес от каталонской экспансии. Политические связи латинян и византийцев в этот период (1313–1316) можно было назвать даже дружественными³¹⁰, но этот союз ради отпора каталонцам, как покажут последующие события, в целом не изменил общие принципы их взаимоотношений.

Необходимо отметить, что в вопросе эволюции отношения франков к их греческим соседям важную роль сыграла постепенная утрата латинской элитой прежней гомогенности. С последней трети XIII в. знатные франки, перебивавшиеся на службу к сюзерену в Неаполь³¹¹, сменялись итальянцами, фламандцами и бургундцами. Но даже несмотря на это, до 1311 г. вся документация княжества велась на французском языке³¹². В ряды ахейской элиты постепенно вливалось и местное греческое население, что в первую очередь было вызвано нехваткой феодальных и административных кадров – этот аспект греко-латинских взаимоотношений будет подробно рассмотрен в следующей главе. Усиление интеграции греков в феодальную иерархию Ахейского княжества было обусловлено необходимостью компенсировать истончение слоя франкской элиты. Растущая неоднородность знати заставляла задуматься о том, что сотрудничество с греческими соседями было бы более перспективным, нежели взаимодействие с чуждыми им европейцами, которые, как правило, не задерживались на Пелопоннесе надолго.

Черeda потрясений для франков Пелопоннеса не закончилась их победой над инфантом и каталонцами. Людовик Бургундский, потенциально

³⁰⁹ Topping P. *The Morea (1311–1364) ...* P. 113.

³¹⁰ Zakythinos D. *Le Despotat Grec de Morée...* T. 1. P. 70.

³¹¹ Shawcross T. *Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece*. Oxford, 2009. P. 243.

³¹² Jacoby D. *La féodalité en Grèce médiévale: les «Assises de Romanie», sources, application et diffusion*. Paris, 1971. P. 83.

способный уладить дела в перешедшем к нему княжестве, пережил соперника всего на месяц, а его соратники после смерти лидера возвратились в Бургундию³¹³. Отметим, что современники не исключали отравление нового князя кем-то из представителей местной латинской элиты, опасавшихся за свою свободу действий при сильном сюзерене (к примеру, графом Кефалонии)³¹⁴. Неаполитанский же сюзерен Ахайи после смерти вассала стремился, в первую очередь, как можно скорее выдать овдовевшую Матильду замуж за своего младшего брата, чтобы вновь закрепить территории княжества за своим домом³¹⁵. В 1318 г., благодаря помолвке с Матильдой д'Эно, князем стал брат неаполитанского короля Иоанн де Гравина (1318–1332). Отметим, что внучке Виллардуэна этот брак навязали, и в неаполитанском заточении она оставалась вплоть до своей смерти³¹⁶. Можно утверждать, что каталонский фактор выступил своего рода катализатором дальнейшего ослабления латинских территорий Пелопоннеса и, соответственно, определенного усиления греческих земель. Без авторитетного правителя, способного навести порядок и консолидировать разрозненные территории, Ахейское княжество постепенно погружалось в анархию.

«Каталонский вызов» показал, что сотрудничество представителей двух политических систем Мореи было возможным. Отпор наемникам стал кратковременным стимулом сближения латинян и греков Мореи перед лицом общего врага, несколько видоизменив их модель поведения в отношении друг друга. Однако конкретно этот союз оказался ситуативным, что обнаружили следующие несколько лет истории Пелопоннеса. По той причине, что каталонцы представляли непосредственную опасность для Ахайи, выступление против них в союзе с франками лишь обезопасило

³¹³ Libro de los Féchos... P. 140. 640.

³¹⁴ Runciman S. Mistra... P. 48.

³¹⁵ Miller W. The Latins in the Levant... P. 257.

³¹⁶ Bon A. La Morée franque... P. 199.

византийцев от утверждения наемников на полуострове³¹⁷. Византийцы понесли значительно меньше ущерба от участия в борьбе с каталонцами на Пелопоннесе, чем франки. К этому времени император Андроник II, потерпевший поражение в Малой Азии, сфокусировался в своей политике на европейских территориях³¹⁸. Об этом, в частности, свидетельствует его хрисовул от 1316 г., подтверждавший и расширявший торговые привилегии Монемиасии и гарантировавший защиту монемиасиотским купцам на всех ярмарках Пелопоннеса³¹⁹. В этот период Византия, таким образом, располагала возможностями для регулярного сообщения с Пелопоннесом, осуществления его защиты и обеспечения контингентами для войны против франков.

Выгода участия в войне против инфанта была для греков очевидной: тем самым не только была ликвидирована потенциальная для них внешняя угроза, но истощенное войной Ахейское княжество стало уязвимым, чем греки не преминули воспользоваться. В результате византийцы получили новую возможность расширить свою власть на Пелопоннесе путем вытеснения латинян и присоединения ослабленных и разрозненных их владений. Таким образом, если и говорить об изменениях в греко-латинских отношениях на Пелопоннесе в условиях угрозы каталонского вторжения, висевшей над Пелопоннесом с 1311 г., то лишь в одностороннем порядке и применительно к латинянам. Следовательно, каталонский фактор скорее ускорил ослабление Ахейского княжества, чем привел к обоюдной смене модели поведения греков и латинян Пелопоннеса в отношении друг друга.

В силу того, что Ахейское княжество после внутренних междоусобиц оказалось беспрецедентно ослабленно, византийцы получили шанс отвоевать

³¹⁷ Белоруссова Т. Е. Греко-латинское сотрудничество на Пелопоннесе в условиях каталонской угрозы (1292—1321 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 4 (90). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840008956-0-1/> (дата обращения: 13.06.2020).

³¹⁸ Laiou A.E. Constantinople and the Latins... P. 243.

³¹⁹ Dölger F. Regesten... Т. 4: Regesten von 1282–1341. P. 67–68. № 2383.

часть франкских территорий. Менее чем через год после союза с латинянами византийцы перешли в наступление, стремясь распространить власть императора на весь Пелопоннес. Так, им удалось окончательно возвратить территории, которые они потеряли после поражения от франков еще в 1308 г.³²⁰ После смерти Кантакузина в 1316 г. и известий о смерти князя Ахайи наместником Мистры был назначен Андроник Асень (1316–1321)³²¹, родственник императора и талантливый военачальник, который в арагонской версии «Морейской хроники» охарактеризован как «мудрый и энергичный правитель»³²². Он прибыл на Пелопоннес в 1316 г. с византийскими военными контингентами, готовый к завоевательной кампании против франков³²³. Ему удалось не только сдержать каталонскую угрозу, отразив ряд их морских атак³²⁴, но и, пользуясь отсутствием ахейского князя, перейти в активное наступление на франкские территории.

Первым делом греки осадили и взяли замок Метагрифон, после чего начали дальнейшее продвижение в Скорту³²⁵. Известно, что 8 мая 1317 г. в Морею «для защиты княжества от набегов врагов, пытавшихся его захватить», был отправлен новый неаполитанский бальи Эсташ Пагано де Ночера. Через несколько месяцев, 30 сентября, король Роберт вновь отправил подкрепления на Пелопоннес во главе с адмиралом Конрадом Спинолой³²⁶, что говорит о неспособности ослабленного баронства Ахайи оказать сопротивление грекам в одиночку. Однако, судя по всему, неосведомленные о жизни княжества, наместники ахейского сюзерена не сумели дать решительный отпор ромеям, и успехи Мистры на этом не закончились.

³²⁰ Zakythinios D. *Le Despotat Grec de Morée*. Vol. 1. P. 69.; См.: *Libro de los Féchos...* P. 115. 523.

³²¹ PLP. № 1489.

³²² *Libro de los Féchos...* P. 141. 646.

³²³ *Ibid.* P. 140. 641.

³²⁴ Zakythinios D. *Le Despotat Grec de Morée*. Vol. 1. P. 73.

³²⁵ *Libro de los Féchos...* P. 140–141. 642.

³²⁶ Zakythinios D. *Le Despotat Grec de Morée*. Vol. 1. P. 71.

В 1320 г. Андроник Асень подчинил ромеям значительную часть Аркадии, разбив в битве у замка св. Георгия княжеского бальи³²⁷. В этом военном походе греки захватили центры бароний Акова и Каритена³²⁸. Вслед за этими поражениями латинян грекам сдалось еще несколько приграничных замков, чьи кастеляны предпочли принять византийскую сторону, сохранив право распоряжаться фьефом. Наиболее знатные латиняне, включая коннетабля княжества Бартоломео II Гизи и Жака, епископа Олены, попали в византийский плен и, за исключением епископа³²⁹, были отправлены в Константинополь³³⁰, тогда как феодалы рангом ниже решили добровольно передать свои земли под власть империи³³¹. Отметим, что этот путь во многом повторял судьбу архонтов Пелопоннеса в начале франкского завоевания, однако отличие состояло в том, что латиняне вместе с властью императора принимали греческую веру. Подобные процессы происходили в приграничных с греческими территориях и ранее, но особенно они усилились во время завоевательных походов Андроника Асеня³³². Это подтверждает корреспонденция папы Иоанна XXII (1316–1334), призывавшего, в частности, архиепископа Патр способствовать сохранению латинянами Морей верности князю и, вероятно, католической вере³³³. Подобный шаг со стороны папского престола был неудивителен, поскольку на лояльности латинских элит базировалась жизнеспособность этой территории, поддерживавший латинское влияние в Восточном Средиземноморье. Зарождением провизантийских настроений в княжестве были обеспокоены и неаполитанские сюзерены.

³²⁷ Bon A. *La Morée franque...* P. 202.

³²⁸ Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 110.

³²⁹ Zakythinos D. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. I. P. 73.

³³⁰ Loenertz R.-L. *Les Ghisi, dynastes vénitiens dans l'archipel (1207–1390)*. Venezia, 1975. P. 143.

³³¹ Zakythinos D. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 1. P. 72.

³³² Runciman S. *Mistra...* P. 50–51.

³³³ Carr M. *Motivations and Response to Crusades in the Aegean: c.1300–1350*. Doctoral Thesis: Royal Holloway, University of London, 2011. P. 68.

Ахейская знать еще в начале 1320-х гг. стремилась надежно обезопасить себя и свои земли от окончательного захвата византийцами и каталонцами. В условиях истощения ресурсов и отсутствия авторитетного правителя это было возможно лишь при поддержке нового покровителя, который бы сменил анжуйского сюзерена, пребывавшего в Неаполе и ведшего дела на Пелопоннесе через постоянно сменявшихся наместников. Уже в июне 1321 г., вскоре после потери замка св. Георгия и плена части знатных феодалов, группой ахейских баронов, включая Жана де Бо, епископа Олены и канцлера княжества Беньямина³³⁴, было направлено письмо дожу Венеции с их предложением присягнуть республике св. Марка в обмен на ее защиту. Д. Закифинос приводит цитату из этого письма: «По причине слабости нашего княжества и недостаточных мер, принятых нашими правителями, а также вторжений врагов упомянутого княжества, как греков, так и каталонцев, которые пытаются оккупировать нашу территорию, и подчиняясь их власти, мы стремимся принять меры, которые обеспечат нам лучшее положение и облегчат защиту наших земель»³³⁵. Однако к каким-либо соглашениям это не привело, поскольку осторожные венецианцы не спешили принимать на себя ответственность за столь крупные и нестабильные территории³³⁶. Исходя из приведенной цитаты, можно сделать вывод, что лишь небольшая часть латинской знати Пелопоннеса в первые десятилетия XIV в. была настроена на сотрудничество с византийцами и особенно на подчинение им. Посольство к венецианцам явно дает понять, что во время войны с греками франкская элита старалась заручиться поддержкой венецианцев – еще одних латинян Пелопоннеса.

Стремление франков к сотрудничеству с византийской стороной в 1310–1320-е гг. в первую очередь относилось к приграничным районам Аркадии, стремительно переходившим под византийский контроль. Учитывая то, что

³³⁴ Zakythinus D. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 1. P. 73.

³³⁵ Цит. по: *Ibid.*

³³⁶ Bon A. *La Morée franque...* P. 203.

после потери Аркадии под властью анжуйского дома остались лишь всего четыре из двенадцати изначальных бароний Пелопоннеса³³⁷, современники этих событий не могли не осознавать, что былое могущество франкского княжества подошло к концу. В изменившихся условиях ахейские бароны были озабочены прежде всего сохранением земельных владений, которые обеспечивали им высокий социальный статус и экономическое благополучие. Вероятно, стремление франкских кастелянов к сотрудничеству с византийцами отражало беспокойство населения приграничных земель о неспособности анжуйских правителей защитить княжество и дать отпор наместникам императора, а также страхом близкого каталонского присутствия, к которому вскоре предстояло добавиться турецкой угрозе.

За время наместничества Андроника Асеня территория франков на Пелопоннесе существенно сократилась. Сам кефал, однако, в 1321 г. покинул Морею и отправился в Константинополь, где в то время разгорелась династическая борьба³³⁸. Следующим кефалом был назначен будущий император Иоанн VI Кантакузин (1347–1354), однако он сумел избежать отправки в Морею, предпочтя остаться при дворе³³⁹, и о следующих нескольких годах в истории византийского Пелопоннеса нам почти ничего не известно.

В конце 1322 г., однако, папа Иоанн XXII даровал индульгенции на три года «всем, кто сражается с греками, болгарами, аланами, турками и прочими неверными в Ахейском княжестве»³⁴⁰. В 1322–1323 гг. в Неаполе планировалась масштабная экспедиция в греческие земли. Иоанн де Гравина предложил лично провести кампанию в Морее. Его брат Филипп Тарентский должен был в то же время начать кампанию в Эпире, а Готье II де Бриенн – в центральной Греции с целью вытеснить каталонцев из Афин. В 1322 г. также

³³⁷ Ortega I. *Les Lignages nobiliaires dans la Morée Latine...* P. 12.

³³⁸ Zakythinos D. *Le Despotat Grec de Morée...* T. I. P. 73.

³³⁹ Nicol D. *The Byzantine Family of Kantakouzenos, ca. 1100–1460. A Genealogical and Prosopographical Study.* Washington, 1968. P. 36.

³⁴⁰ Carr M. *Merchant Crusaders in the Aegean, 1291–1352.* Woodbridge, Suffolk, 2015. P. 158–159.

известно об отправке вооружения и продовольствия в главный порт Ахейского княжества Кларенцу, однако само планирование военной кампании затянулось, и в итоге войны против Эпира и Афин так и не были начаты³⁴¹. Только в январе 1325 г. Иоанн де Гравина лично прибыл в Кларенцу с флотом из 25 галер, насчитывающим 4 тыс. рыцарей и 1 тыс. пехотинцев. Князь намеревался принять клятву верности баронов и возглавить военный поход против греков³⁴². У латинского нобилитета Ахайи появилась надежда на возрождение могущества княжества и улучшение собственного положения.

На встрече с баронами князь приказал собрать всех вассалов, «чтобы выступить против греческих земель и вернуть потерянные замки»³⁴³. Помимо пелопоннесских феодалов, в числе которых упоминаются архиепископ Патр Гийом Франжипани и владетель Аркадии Этьен ле Мор, Иоанн привлек к этой кампании крупных сеньоров латинской Романии, в частности владетеля Негропонта Пьетро делла Карчери, Бартоломео II Гизи и герцога Архипелага Николая Санудо. Собранная им армия без промедления подошла к Скорте и осадила замок Каритена³⁴⁴. Согласно К. М. Сеттону, это была последняя крупная военная кампания франков против греков Мистры³⁴⁵. Император направил в Морею военачальника, некоего протокинига (πρωτοκυνήγος)³⁴⁶, чье имя осталось не названным, который укрепил приграничные с франками крепости и совершал набеги на лишенную защитников территорию княжества³⁴⁷. Греки, таким образом, продолжали придерживаться стратегии

³⁴¹ Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 128–129.

³⁴² *Libro de los Féchos...* P. 144. 655–657.

³⁴³ *Ibid.* 657.

³⁴⁴ Zakythinis D. *Le Despotat Grec de Morée. Vol. 1.* P. 74; См.: *Libro de los Féchos...* P. 144–145. 657–659.

³⁴⁵ Setton K. M. *The Papacy and the Levant...* P. 158.

³⁴⁶ Византийская должность ответственного за службу императорской охоты, командующего стрелками. См.: Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург, 2011. С. 299. Согласно Д. Закифиносу, этим обозначением в Арагонской хронике могло быть и имя греческого военачальника, а не его должность. См.: Zakythinis D. *Le Despotat Grec de Morée. Vol. 1.* P. 74–75, примечание №8.

³⁴⁷ *Libro de los Féchos...* P. 145. 659–660.

избегания прямых столкновений с многочисленной франкской конницей, предпочитая опустошать их незащищенные земли.

Попытка Иоанна отбить у греков Каритену также не имела успеха, и с наступлением зимы Иоанн снял осаду и направился на зимовку в Кларенцу. Проведя зиму на Пелопоннесе, князь, не располагавший более средствами для новой военной кампании против греков, навсегда покинул Ахайю, оставив в качестве своего бальи архиепископа Патр, а в качестве военачальника княжества Николая Санудо³⁴⁸. Согласно Арагонской версии «Морейской хроники», бальи Гийом Франжипани и Николай Санудо после отплытия князя в Неаполь приняли решение продолжить войну с греками, опустошавшими княжество. Они дали решительный отпор грекам, которые были вынуждены отступить к Мистре через равнинные области Пелопоннеса. На этот раз ромеям не удалось избежать прямого столкновения с рыцарями, и они были повержены франками в ожесточенном бою, «и предводитель греков со сбежавшими воинами вернулись домой с великим поражением и великим позором»³⁴⁹. Оказавшись перед угрозой полного разграбления соседями, франки все же сумели выдворить ромеев с территории княжества, однако эта военная экспедиция принесла франкам больше ущерба, чем новых территориальных приобретений.

О последующих годах в истории Пелопоннеса известно также немного. Нежелание правителя Ахейского княжества оставаться на Пелопоннесе во время бедствий, вероятно, должно было еще сильнее натолкнуть франков на мысль о необходимости обрести иного лидера. Сам же Иоанн в 1332 г. отказался от княжества в пользу малолетнего Роберта и его матери Екатерины де Валуа-Куртене (1333–1346), которая в качестве регента приняла титул княгини ахейской³⁵⁰. По-видимому, затратное управление погрязшей во внутренних проблемах Ахайей, которой регулярно грозили

³⁴⁸ Ibid. 662–663.

³⁴⁹ Ibid. P. 145–147. 663–668.

³⁵⁰ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 129. См.: Libro de los Féchos... P. 147–148. 671–672.

войны с соседями и в которую было необходимо вкладывать немалые средства, к этому времени не казалось сюзеренам слишком заманчивым.

Период после отъезда Андроника Асеня с Пелопоннеса и до фактического образования Морейского деспотата в 1348 г.³⁵¹, по всей видимости, не отличался стабильностью и для ромеев, живших на полуострове. Примерно в те же годы, когда Иоанн де Гравина отказался от прав на Ахайю, обострились в византийско-венецианские взаимоотношения. Как правило, республика стремилась соблюдать нейтралитет на Пелопоннесе, поддерживая мир и порядок в своих торговых факториях, однако документы первой половины XIV в. все же сообщают о нескольких конфликтах между византийцами и венецианцами. Согласно записи от 8 марта 1334 г., венецианский Сенат рассматривал жалобы кастелянов Корона и Модона на частые набеги славянских отрядов, совершаемых с греческих территорий, под предводительством некоего Засси (*Zassi*) из Янницы. Эти нападения на венецианские порты косвенно свидетельствуют о возрастании военного потенциала и ресурсов византийской части полуострова, происходившем на фоне ослабления княжества франков.

Сенат, рассмотрев эти жалобы, предписал двум капитанам республики отправиться в Модон, чтобы изучить ситуацию и избрать меры для обеспечения безопасности в заливе Корона³⁵². Как правило, в подобных ситуациях республика направляла одно должностное лицо для разбирательств³⁵³. Отправка же двух представителей может свидетельствовать о серьезной обеспокоенности Сената ситуацией вокруг ее пелопоннесских портов, подвергавшимся постоянным нападениям со

³⁵¹ По одной из версий, о существовании Морейского деспотата можно говорить, начиная с «византийской реставрации» 1262 г. См.: Ченцова В. Г. К вопросу о титуле «деспот» в Морее. (Интерпретация фрагмента из «Истории» Георгия Пахимера) // Господствующий класс феодальной Европы. М., 1989. С. 26–38; Barker J. W. The Problem of Appanages During the Palaiologan Period // *Byzantina*. 1973. Т. 3. P. 105–122.

³⁵² *Régestes des Délibérations du Sénat de Venise Concernant la Romanie* / ed. par Fr. Thiriet. Paris, 1958. Vol. 1. P. 32. № 45.

³⁵³ *Régestes des Délibérations...* P. 86. № 313; P. 92. № 344; P. 110. № 426.

стороны греков. Распоряжением Сената от 13 мая 1334 г. кастелянам Корона и Модона была предоставлена свобода действий в отношении Засси, а венецианским купцам запрещалось иметь любые дела с этим «врагом Коммуны»³⁵⁴. Запрет на ведение торговли в определенном месте или с определенными лицами был обычным венецианским методом давления на противника. В дальнейшем новых постановлений Сената по этому вопросу издано не было, что, вероятно, говорит об относительной стабилизации ситуации во взаимоотношениях ромеев с венецианцами.

В 1330-е гг. на фоне усугублявшегося внутреннего кризиса Ахейского княжества в среде франкской элиты активнее распространялась идея союза с византийцами. Общий политический фон стремительно ухудшался из-за активизации тюрков, которые к этому времени уже представляли основную опасность для региона³⁵⁵. Новый вызов еще больше подталкивал латинян к пересмотру отношений с ромеями. Серьезные внутренние проблемы побудили княгиню-регента Екатерину де Валуа-Куртене в 1338 г. посетить Пелопоннес и провести там два с половиной года, намереваясь восстановить лояльность баронов, а также обеспечить мир и порядок в Ахайе³⁵⁶. Местная франкская элита в тот период руководствовалась, прежде всего, прагматичными установками. В условиях серьезного ослабления княжества сохранение верности анжуйским сюзеренам стало для нее вопросом выживания. Часть ахейской знати к этому времени уже открыто демонстрировала провизантийские симпатии³⁵⁷.

Еще до того, как Екатерина покинет регион в 1341 г., эти бароны планировали сближение с византийским наместником. Это подтверждает

³⁵⁴ Ibid. P. 33. № 50.

³⁵⁵ Lock P. *Sanudo, Turks, Greeks and Latins in the Early Fourteenth Century // Contact and Conflict in Frankish Greece and Aegean, 1204–1453* / ed. N. G. Chrissis, M. Carr. London; New York, 2014. P. 148.

³⁵⁶ *Libro de los Féchos...* P. 148. 674.

³⁵⁷ Белоруссова Т. Е. Эволюция военно-политического сотрудничества греков и франков на Пелопоннесе в 1340–1370-е гг. // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2021. Т. 23, № 2. С. 48.

письмо, датированное 24 декабря 1340 г., от сюзерена Ахейского княжества, неаполитанского короля Роберта (1309–1343), адресованное прелатам и баронам княжества. В нем звучали призывы сохранять верность княгине-регенту и упоминалась осведомленность правителя, что архиепископ Патр Роже (1337–1347), епископ Олены, бургундец Филипп де Жуанвиль³⁵⁸, барон Востицы и Нивеле, и ряд других феодалов приняли решение заключить союз с греками³⁵⁹. Возможно, это решение было продиктовано конфликтом интересов между старой и новой латинской знатью Ахайи: франкской и итальянской, поскольку при анжуйских сюзеренах, которые отправили из Неаполя на Пелопоннес доверенных лиц, произошла определенная «итальянизация» элиты княжества³⁶⁰. Сближению греческого и латинского населения полуострова на социокультурном уровне способствовало и распространение смешанных браков³⁶¹. Таким образом, потомки франкских родов и церковные феодалы сильнее тяготели к греческой стороне, которая была им ближе, чем к наместникам (бальи) князя, редко задерживавшимся в Морее надолго.

Эти процессы нашли отражение в сочинении Иоанна VI Кантакузина. Занимавший в 1340 г. пост великого доместика империи³⁶², Кантакузин произвел благоприятное впечатление на ахейских рыцарей, которые участвовали в неудачных для них военных действиях против византийцев в Эпире³⁶³. Осенью 1341 г. в Дидимотику, где находился Кантакузин, прибыли послы ахейских баронов: епископ венецианского Корона (1338–1341) Израил

³⁵⁸ Ortega I. *Les lignages nobiliaires dans la Morée Latine...* P. 598.

³⁵⁹ Topping P. *The Morea (1311–1364) ...* P. 128.

³⁶⁰ Balard M. *Latins in the Aegean and the Balkans (1300–1400) // The Cambridge History of the Byzantine Empire ca. 500–1492 / ed. J. Shepard. Cambridge, 2007. P. 835.*

³⁶¹ Ortega I. *Les Lignages Nobiliaires dans la Morée Latine...* P. 214.

³⁶² О функциях великого доместика см.: Поляковская М. А. *Византийский дворцовый церемониал...* С. 294.

³⁶³ *Ioannis Cantacuzeni Historiarum Libri IV / ed. L. Schopen, E. Bekker. Bonn, 1831. Vol. 2. P. 75. 22–24; 76. 1–6; Topping P. The Morea (1311–1364) ... P. 129.*

(*Israel*)³⁶⁴ и Жан Сидерос (Ντζιουάν Σιδηρός), владевший землей в Скорте³⁶⁵. Последний, предположительно, имел греческое происхождение³⁶⁶ или являлся полукровкой – гасмулом³⁶⁷, потерявшим часть своих земель при анжуйском правлении. Это объясняет мотивы некоторых феодалов, желавших сменить сюзерена³⁶⁸, а также подтверждает предположение о расколе в среде латинской элиты Пелопоннеса³⁶⁹.

Цель посольства латинян заключалась в том, «чтобы передать василевсу все города, которыми они владели, в то время как они сами оставались бы в качестве губернаторов этих земель, но платили бы ему все подати, которые выплачивались ими (латинскому. – Т. Б.) князю, и проявляли бы всевозможное почтение, а также имели военачальника от императора, которому они были согласны подчиняться» в обмен на его защиту³⁷⁰. Подобное предложение ахейских послов, очень близкое по характеру к вассальным отношениям Западной Европы, было охотно принято византийской стороной, поскольку объединение Пелопоннеса, по мнению Кантакузина, могло стать «основой для великих достижений»³⁷¹. Согласие великого доместика на франкские условия говорило о сближении латинского и греческого населения на Пелопоннесе. Кантакузин намеревался сам отправиться в Ахайю весной следующего, 1342 года, поскольку обязательным условием франков был его личный визит для принесения клятвы и, вероятно, ведения военных действий против наместника князя

³⁶⁴ Несмотря на его участие в посольстве к Кантакузину, информация о венецианском вмешательстве в эту миссию отсутствует. Также неизвестно, владел ли епископ землей в Ахейском княжестве. См.: McLaughlin B. S. An Annotated Translation of John Kantakouzenos' Histories, Book III, Chapters 1–30. Doctoral Thesis. Royal Holloway, University of London, 2017. P. 344.

³⁶⁵ PLP. № 25311.

³⁶⁶ Jacoby D. The Encounter of Two Societies... P. 894.

³⁶⁷ Гасмулами (γασμοῦλος) именовались дети смешанных греко-латинских браков. См.: Lock P. The Franks in the Aegean... P. 293–294.

³⁶⁸ McLaughlin B. S. An Annotated Translation of John Kantakouzenos' Histories... P. 344.

³⁶⁹ Белоруссова Т. Е. Эволюция военно-политического сотрудничества греков и франков на Пелопоннесе в 1340–1370-е гг. С. 49.

³⁷⁰ Ioannis Cantacuzeni Historiarum Libri... Vol. 2. P. 74. 21–24; 75. 1–14.

³⁷¹ Ibid. P. 80. 2–5.

(бальи)³⁷². Требование личного посещения Ахайи должно было, по всей видимости, стать подтверждением серьезности византийских намерений. Отправка посольства является отражением полного разочарования франкской элиты в неаполитанских сюзеренах, а также еще раз доказывает, что греков и латинян на Пелопоннесе вовсе не разделяла непреодолимая пропасть³⁷³. Этот эпизод демонстрирует и постепенную эволюцию в их взаимоотношениях, а также возросшую терпимость ромеев к латинянам, чьи предки в начале XIII в. завоевали их территории.

Планы объединения Пелопоннеса, однако, нарушила гражданская война в Византии (1341–1347/1354), последовавшая за смертью императора Андроника III Палеолога (1328–1341)³⁷⁴. Намерение латинян «добровольно передать себя в распоряжение императора»³⁷⁵ так и не было реализовано. Несмотря на провал этого проекта, наметилась тенденция налаживания греко-латинского сотрудничества, которой было суждено вновь проявиться через несколько лет, во время правления в Морее в качестве наместника сына Иоанна VI Кантакузина, деспота Мануила (1348/9–1380)³⁷⁶.

В период гражданской войны в Византии, по-видимому, обострились внутренние проблемы Морей, предоставленной в это время самой себе³⁷⁷. Согласно Кантакузину, в 1340-е гг. «Пелопоннес был полностью разрушен не только персами³⁷⁸, нападавшими с большим флотом, и латинскими подданными князя, владевшими территорией, называемой эллинами Ахайей, но и самими пелопоннесцами, которые постоянно ссорились, захватывая имущество друг друга и совершая убийства. Их невозделанные деревни были

³⁷² Ioannis Cantacuzeni Historiarum Libri IV. 1831. Vol. 2. P. 76. 7–10.

³⁷³ Page G. Being Byzantine... P. 207.

³⁷⁴ Об окончательном завершении гражданской войны можно говорить после отречения Кантакузина и восстановления Палеологовского правления. См.: Laiou A. E. The Paraiologoi and the World Around Them (1261–1400) // The Cambridge History of the Byzantine Empire ca. 500–1492 / ed. J. Shepard. Cambridge, 2007. P. 823.

³⁷⁵ Nikephori Gregorae Historia Byzantina / ed. L. Schopen; E. Bekker. Bonn, 1830. Vol. 2. P. 596. 5–6.

³⁷⁶ PLP. № 10981; Nicol D. The Byzantine Family of Kantakouzenos... P. 122–123.

³⁷⁷ Necipoğlu N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins... P. 19.

³⁷⁸ Под персами подразумеваются турки.

опустошены врагом извне, в то время как их городам, разрушенным изнутри, грозило полное исчезновение»³⁷⁹. Немногочисленные сведения о византийской Морее до 1349 г. содержатся в корреспонденции Мануила Рауля³⁸⁰ – византийского чиновника из Мистры. В письме от 1366 г. к великому доместику Алексею Ласкарису Метохиту в Фессалонику он упоминает, что тот являлся последним византийским кефалом на Пелопоннесе до образования Морейского деспотата³⁸¹. Рауль спустя 15 лет кратко характеризует период правления своего адресата «блаженным временем для пелопоннесцев»³⁸², однако иных сведений о его деятельности на Пелопоннесе не сохранилось. Не исключено, что в 1340-е гг. на Пелопоннесе имели место как военные конфликты между латинянами и греками, так и междоусобицы внутри самих политических образований.

Таким образом, политические взаимоотношения между греками и латинянами Морей в первой половине XIV в. отличались, в первую очередь, нестабильностью. Территориальные претензии франков и ромеев друг к другу по-прежнему оставались ведущим фактором в отношении соседей. Но одновременно происходили и принципиально новые процессы, которые оказали влияние на динамику их взаимодействия. На фоне обострения общего политического фона в регионе франки первыми пришли к мысли о необходимости совместных действий с ромеями, что неудивительно, учитывая тот факт, что на греческих территориях они всегда оставались этническим меньшинством³⁸³. Византийцы в своем стремлении вернуть утраченные территории империи дольше сохраняли намерение освободить Пелопоннес от франкского владычества, однако события XIV в.

³⁷⁹ Ioannis Cantacuzeni Historiarum Libri... Vol. 3. P. 85. 3–8.

³⁸⁰ PLP. № 24130.

³⁸¹ Emmanuelis Raoul Epistolae XII / ed. R.-J. Loenertz // Ἐπιστολίδες – Ἐταιρεία Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1956. Vol. 26. P. 153, Ep. 7.

³⁸² Ibid. P. 153. 1–4; P. 154. 5–14.

³⁸³ Dourou-Eliopoulou M. The Image of the “Greek” and the Reality of Greco-Latin Interaction in Romania, according to 13th and 14th-century Latin Sources // Byzantium and the West. Perception and Reality (11th–15th c.) / ed. N. G. Chrissis, A. Kolia-Dermizaki, A. Papageorgiou. London; New York. 2020. P. 226.

демонстрируют некоторое смягчение отношения ромеев к франкским соседям. Во многом это было обусловлено ухудшением политической обстановки и активизацией в регионе, помимо каталонцев, тюрок малоазийских бейликов. Можно утверждать, что с появлением новых опасных врагов произошла эволюция восприятия византийцами своих давних латинских соседей. И поскольку тюркская опасность надолго нависла над греческими землями, ромеи были вынуждены рассматривать недавних врагов как потенциальных союзников в организации защиты их общей территории. Вероятно, готовность ахейских баронов присягнуть византийскому императору внесла существенный вклад в оформление будущих политических союзов.

1.3. Политическое взаимодействие во второй половине XIV в.

К середине XIV в. только венецианские порты на Пелопоннесе тщательно контролировались республикой Св. Марка, франкские же и греческие территории, чьи далекие правители были заняты иными проблемами, оказались предоставлены самим себе. Помимо внутренних кризисных явлений в Ахейском княжестве и противоречий внутри ромейской знати Мореи, к середине XIV в. Пелопоннес постигло общеевропейское потрясение в виде эпидемии чумы. По направлению торговых путей из Причерноморья «черная смерть» к 1348 г. достигла территории Балкан³⁸⁴. У нас нет данных о количестве жертв этой эпидемии в греческих землях, где преобладали сельские поселения. Последний факт заставлял ряд исследователей сомневаться в традиционных оценках демографических потерь в размере примерно одной трети населения³⁸⁵. Однако в исторических сочинениях современников нашел отражение небывалый размер бедствий и потрясений, причиной которых стала именно чума³⁸⁶.

³⁸⁴ Куш Т. В. Чума в Поздней Византии // Византийский временник. 2008. Т. 67. С. 40.

³⁸⁵ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 241.

³⁸⁶ Куш Т. В. Чума в Поздней Византии... С. 43.

Уже в начале февраля 1348 г. венецианский Сенат, получив известия от местных кастелянов о серьезном уроне, причиненном чумным поветрием, постановил направить в фактории Корон и Модон 100 человек наемников и ремесленников. В этом же постановлении шла речь о протесте, заявленном бальи Ахайи, из-за дурного обращения с венецианскими торговцами в Кларенце, главном порту княжества³⁸⁷. Венецианские купцы регулярно заходили во франкские порты Пелопоннеса, куда, вероятно, в 1348 г. болезнь была занесена точно так же, как в Корон и Модон. К сожалению, свидетельства о последствиях эпидемии чумы для франкской части Пелопоннеса не сохранились. Косвенно в пользу стремительного сокращения населения говорят сведения об опустевших селениях на территории Ахейского княжества в середине XIV в. Однако необходимо учитывать, что с 1330-х гг. с этих земель также усилилось дезертирство и бегство вилланов³⁸⁸.

Не сохранилось в источниках и сведений о чуме на византийских землях Пелопоннеса. Однако византийские авторы исторических и риторических сочинений указывали, что бедствие коснулось всей империи³⁸⁹. В историческом труде Иоанна Кантакузина содержится описание близких с первой эпидемией чумы событий, а именно назначение его сына Мануила деспотом Морей и его прибытие на Пелопоннес в 1349 г.³⁹⁰ Кантакузин описывал состояние дел в Морее, которое обнаружил Мануил, как полное разрушение, учиненное набегами турок, конфликтами с подданными ахейского князя и внутренними раздорами греческих землевладельцев Пелопоннеса³⁹¹. Его сообщение об угрозе исчезновения греческих городов Пелопоннеса в скором времени после чумы представляет интерес. Известно, что от эпидемий сильнее страдали города из-за более компактного

³⁸⁷ Régestes des délibérations... P. 63. № 209.

³⁸⁸ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 244.

³⁸⁹ Куц Т. В. Чума в Поздней Византии... С. 40–42.

³⁹⁰ Loenertz R. Pour l'histoire du Péloponnèse au XIVe siècle (1382-1404) // Études byzantines. 1943. T. 1. P.154.

³⁹¹ Ioannis Cantacuzeni Historiarum libri IV / ed. L. Schopen, E. Bekker. Bonn, 1832. Vol.3. P. 85. 3–8.

проживания людей. И если историк не связывал причины запустения с чумным поветрием, даже если эпидемия и не была главной причиной бедственного состояния этих земель, то она точно должна была его усугубить³⁹².

Последствия чумного поветрия на Пелопоннесе ощущались в течение минимум одного десятилетия. В венецианских документах от октября 1357 г. содержится информация о вилланах Ахейского княжества, ушедших в Корон или Модон во время чумы. По всей видимости, Венеция поощряла привлечение рабочей силы извне в свои колонии, где резко сократилось население из-за «черной смерти». Сенат обещал князю рассмотреть каждый из случаев и вернуть беглецов назад³⁹³. В апреле 1358 г. в Венеции постановили содействовать восстановлению гарнизона Модона, сильно ослабленного чумой и войной с генуэзцами. В этом же документе констатируется малонаселенность Корона и Модона³⁹⁴.

Можно резюмировать, что результатом посещения чумы на Пелопоннесе стало ощутимое сокращение населения, которое протяжении второй половины XIV в. давало о себе знать. Сохранение внешних и усугубление внутренних проблем побудило местных правителей полуострова на время забыть о разногласиях, чтобы не допустить очередного ухудшения ситуации в своих землях. Ущерб от чумного поветрия привел к вынужденной стабилизации в греко-латинских отношениях. Отсутствие упоминаний в источниках о катастрофических последствиях эпидемии в регионе позволяет полагать, что на Пелопоннес пришелся не самый сокрушительный удар и эти

³⁹² Белоруссова Т. Е. «Черная смерть» 1348 г. на Пелопоннесе и ее последствия для региона // Мир и пандемии: трансформации, коммуникации, стратегии: материалы Всерос. науч. конф. студентов-стипендиатов Оксфорд. Рос. фонда. Екатеринбург, 25 ноября 2020 г. Екатеринбург, 2021. С. 12.

³⁹³ *Régestes des Délibérations...* Vol. 1. P. 86–87. № 318.

³⁹⁴ *Ibid.* P. 88. № 326.

территории сумели относительно быстро восстановиться после эпидемии «черной смерти»³⁹⁵.

К середине XIV в. изменения в характере политических контактов греков и латинян проявились особенно отчетливо. Несмотря на то, что о периоде, к которому относится долгое правление в Морее первого византийского деспота Мануила Кантакузина, известно не так много, сохранившиеся сведения говорят об отсутствии былой враждебности в отношениях ромеев с латинянами княжества³⁹⁶. В частности, сюжеты, связанные с военно-политическим сотрудничеством франков и греков Пелопоннеса, нашли отражение в историческом сочинении Иоанна VI Кантакузина и в Арагонской версии «Морейской хроники». Какими причинами было обусловлено это сотрудничество? Чем была мотивирована позиция каждой из сторон? В чем конкретно выразилась эволюция военно-политических контактов греков и латинян? Рассмотрение этих вопросов позволит понять суть произошедших перемен во взаимоотношениях двух главных участников политического процесса, протекавшего в данном фронтальном регионе.

К середине XIV в., по сравнению с его первыми десятилетиями, баланс сил на Пелопоннесе изменился. Став императором в 1347 г., Иоанн VI Кантакузин предпринял попытку разрешить кризис на Пелопоннесе, вновь изменив систему управления этой провинцией. Не имея возможности отправиться в Морею самостоятельно, «он послал своего сына, деспота Мануила... сильной рукой управлять пелопоннесцами»³⁹⁷. Учитывая, что Мануил не был старшим сыном Кантакузина, можно предположить, что именно у него имелись необходимые управленческие качества, чтобы восстановить и сохранять порядок на Пелопоннесе. С этого времени в Морее правители назначались пожизненно – деспоты, которые, признавая власть

³⁹⁵ Белоруссова Т. Е. «Черная смерть» 1348 г. на Пелопоннесе и ее последствия для региона. С. 13.

³⁹⁶ Zakythinis D. A. Le Despotat Grec de Morée... Vol. 1. P. 112.

³⁹⁷ Ioannis Cantacuzeni Historiarum... Vol. 3. P. 85. 11–14.

императора, пользовались административной автономией в управлении вверенной им территорией³⁹⁸. Окончательное оформление Морейского деспотата ознаменовало новый этап в жизни Пелопоннеса³⁹⁹. Можно утверждать, что с возведением Мануила Кантакузина в статус деспота Морей византийские территории обрели статус политической доминанты на полуострове⁴⁰⁰.

Местная же землевладельческая элита Морей, традиционно тяготевавшая к максимальной самостоятельности⁴⁰¹, встретила эти изменения враждебно. В первые несколько лет своего правления Мануил Кантакузин был вынужден подавлять сопротивление архонтов, не желавших признавать над собой власть нового и чуждого им правителя⁴⁰². Димитрий Кидонис в письме на Пелопоннес, датированном октябрём 1352 г., одобрял новую модель управления Мореей и называл пелопоннесцев, погрязших во смутах, «несчастьем для страны»⁴⁰³, что говорит о серьезности и продолжительности внутреннего конфликта в Морее. Вероятно, именно противоречия с местными элитами склонили деспота к необходимости заключения перемирия с латинянами Ахейского княжества. По-видимому, вскоре после прибытия на Пелопоннес в 1349 г. Мануил заключил с ними мирный договор, «убедив варваров не смотреть свысока на пелопоннесцев»⁴⁰⁴. Традиционное для византийцев восприятие латинян варварами подчеркивало, вероятно, и существующие трудности в контактах с княжеством на момент описываемых событий.

³⁹⁸ Guillard R. Recherches sur l'Histoire Administrative de l'Empire Byzantin: Le Despote, δεσπότης // *Revue des études Byzantines*. 1959. Vol. 17. P. 54, 63.

³⁹⁹ Zakythinis D. A. Le Despotat Grec de Morée... Vol. 1. P. 94.

⁴⁰⁰ Белоруссова Т. Е. Эволюция военно-политического сотрудничества греков и франков на Пелопоннесе в 1340–1370-е гг. С. 51.

⁴⁰¹ Page G. *Being Byzantine*... P. 191.

⁴⁰² Ioannis Cantacuzeni *Historiarum*... Vol. 3. P. 85. 14–15; 86. 8–10.

⁴⁰³ Démétrius Cydonès, *Correspondence* / ed. R-J. Loenertz. Vatican, 1956. Vol. 1. P. 85, Ep. 51. 25–26.

⁴⁰⁴ Ioannis Cantacuzeni *Historiarum*... Vol. 3. P. 85. 16–20.

Помимо соображений безопасности и сохранения ресурсов, мир с франками был необходим деспоту, чтобы сосредоточиться на разрешении внутреннего конфликта с морейскими архонтами, борьба с которыми затянулась на несколько лет. Для защиты своих интересов местные землевладельцы были готовы выступить единым фронтом против деспота, отодвинув внутренние распри на второй план⁴⁰⁵. Однако Кантакузин сообщает, что после первой победы Мануила над архонтами и установления некоторой стабильности на византийских землях, латиняне объявили войну Морейскому деспотату, будучи «обеспокоенными его процветанием»⁴⁰⁶. В греко-латинских отношениях на Пелопоннесе, таким образом, к середине XIV в. сохранялась определенная напряженность и ситуативность. Латиняне, вероятно, не исключали нападения со стороны деспотата, правитель которого сумел навести порядок и установить мир между архонтами. Сохранению подобного напряжения очевидно способствовала частая смена бальи в правление ахейского князя Роберта Тарентского (1346–1364), который не проявлял особого интереса к своим владениям на Пелопоннесе⁴⁰⁷. Подобный стиль управления княжеством, разумеется, мешал выработке единой политической линии, что проявлялось во всех сферах жизни, включая отношения с византийскими соседями.

Усиление позиций ромеев в регионе после реорганизации управления провинцией на Пелопоннесе вынудила франкскую элиту княжества искать сближения с деспотом. Отметим, что франки обратились к Мануилу для заключения союза лишь после решительного военного отпора, который деспот им оказал в первые годы своего правления. Согласно Кантакузину, латиняне, действовавшие самостоятельно – т. е. независимо от сюзерена, «убедили его заключить с ними мирный договор, чтобы они были как подданными князя, так и друзьями и союзниками деспота», обозначив свою

⁴⁰⁵ Ibid. P. 86. 4–10.

⁴⁰⁶ Ioannis Cantacuzeni Historiarum... Vol. 3. P. 89. 17–19.

⁴⁰⁷ Bon A. La Morée franque ... P. 223.

готовность выступать под его началом в случае войн на Пелопоннесе и за его пределами⁴⁰⁸. Вероятно, в числе участников переговоров с Мануилом были те же франки, кто в 1341 г. отправлял посольство к отцу деспота в Дидимотику.

Тот факт, что часть ахейской знати, не отрекаясь от сюзерена, была готова выступать под началом греческого правителя, говорит о зарождении новой, более сложной модели греко-латинских отношений на Пелопоннесе. С появлением в регионе сильного лидера, каковым стал морейский наместник, оформилась тенденция к устойчивому, а не ситуативному сотрудничеству. Авторитет деспота, таким образом, распространился и на северную часть полуострова. Достигнутые договоренности также продемонстрировали, что и сам Мануил был заинтересован в военной поддержке своих латинских соседей. Заключение мира с Ахейским княжеством, вероятно, было призвано сохранить людские и материальные ресурсы, сокращенные годами раздоров и эпидемией. Важно также, что мир на Пелопоннесе и поддержка Мануила латинянами обеспечивали дополнительную устойчивость собственной власти деспота в его владениях: о том, что сепаратистские настроения среди местных землевладельцев не исчезли, свидетельствует борьба третьего деспота Морей Феодора I Палеолога (1383–1407) с местными архонтами тридцатью годами позже⁴⁰⁹.

Основной же политической целью греко-латинского сотрудничества была оборона совместными усилиями территории полуострова от внешних врагов, поскольку ко второй половине XIV в. обстановка в регионе стала еще более напряженной. Упоминая о нападениях на Пелопоннес извне, которые опустошали полуостров ко времени назначения его сына деспотом Морей, Кантакузин имел в виду прежде всего тюрков. Впервые побережье Пелопоннеса было разграблено флотом Умура, эмира Айдынского бейлика, в

⁴⁰⁸ Ioannis Cantacuzeni Historiarum... Vol. 3. P. 89. 20–25; 90. 1–2.

⁴⁰⁹ См.: Белоруссова Т. Е. Эволюция военно-политического сотрудничества греков и франков на Пелопоннесе в 1340–1370-е гг. С. 53.

1332/1333 гг., а весной 1335 г. турки продвинулись вплоть до столицы византийского Пелопоннеса Мистры⁴¹⁰. В дальнейшем подобные рейды становились все более частыми, и набеги превращались в экспедиции длительностью до 50 дней⁴¹¹. При этом в сочинении Кантакузина содержится информация, что, несмотря на частые тюркские нападения⁴¹², попытка его сына собрать налог на снаряжение флота, необходимого для охраны прибрежных вод полуострова и пресечения регулярных нападений, вызвало восстание архонтов⁴¹³. Деспот, таким образом, в осуществлении обороны деспотата в первые годы своего правления не мог рассчитывать исключительно на собственные (ромейские) силы.

Об усилении тюркской опасности к середине XIV в. сообщают и венецианские документы. В постановлении Сената от 24 июля 1352 г. шла речь о формировании антитюркского союза из населения венецианских портов Корона и Модона с франками. Муниципалитет предоставлял для этих целей две галеи и транспортное судно, расходы на которые делили франки, католическая церковь и венецианцы⁴¹⁴. Отметим, что о Морейском деспотате в этом документе не сообщается – вероятно, к этому времени Мануил еще был занят устранением сопротивления местной землевладельческой знати Морей. Архиепископ Патр в это же время был вынужден непрерывно оказывать сопротивление тюркам, а в 1357 г. папа Иннокентий VI (1352–1362) обратился к князю Роберту Тарентскому с просьбой о его личном вмешательстве и защите Ахайи от тюркской угрозы, что красноречиво демонстрировало бедственное положение всего Пелопоннеса⁴¹⁵.

Напряжение в регионе достигло пика, когда каталонский маршал Афинского герцогства Рожер де Ллуриа⁴¹⁶ обратился за помощью в захвате

⁴¹⁰ Runciman S. *Mistra...* P. 52.

⁴¹¹ Gill J. John VI Cantacuzenus and the Turks // *Byzantina*. 1985. Vol. 13. No 1. P. 57.

⁴¹² *Ioannis Cantacuzeni Historiarum...* Vol. 3. P. 85. 3–4.

⁴¹³ *Ioannis Cantacuzeni Historiarum...* Vol. 3. P. 87. 3–8.

⁴¹⁴ *Régestes des Délibérations...* Vol. 1. P. 73. № 256.

⁴¹⁵ Zakythinos D. A. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 1. P. 107.

⁴¹⁶ PLP. № 20754.

города Фивы к османскому султану Мураду I (1362–1389). Крупный тюркский отряд, прибывший на греческие территории, сделал положение всего Пелопоннеса крайне уязвимым, поскольку вскоре после оккупации Фив он разграбил полуостров, нанеся серьезный урон греческим и латинским территориям⁴¹⁷. Географический фактор и непростые отношения с каталонцами в прошлом поставили население полуострова перед угрозой регулярных нападений, которая побудила владельцев Пелопоннеса сплотиться для защиты своих территорий. Их совместные военные действия нашли отражение в Арагонской версии «Морейской хроники».

В начале 1360-х гг. (вероятнее всего в 1363/1364 гг.)⁴¹⁸ против турок оформился союз греков и латинян Пелопоннеса, который заключили «деспот греков» Мануил, бальи Ахейского княжества Готье де Лор, венецианцы, а также госпитальеры Родоса⁴¹⁹. Целью союза было не допущение новых нападений на территорию Пелопоннеса. На судах, предоставленных венецианцами и рыцарями ордена св. Иоанна под началом Раймонда Беренгера⁴²⁰, союзники атаковали турецкий флот у берегов близ Мегары. В результате, согласно хронике, было сожжено 35 турецких кораблей, а выжившие бежали в Фивы к каталонцам. Хронист отмечает, что воины Пелопоннеса не имели возможности их там преследовать и «отступили, удовлетворенные победой»⁴²¹. Для греко-латинского сотрудничества на полуострове этот случай можно назвать уникальным, поскольку формирование столь крупного военного союза стало единственным примером их объединения перед лицом внешней угрозы. Середина XIV в., таким образом, стала наиболее благоприятным периодом для греко-латинского взаимодействия в пределах всего полуострова.

⁴¹⁷ Zakythinos D. A. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 1. P. 108.

⁴¹⁸ Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 326; Nicol D. *The Byzantine Family of Kantakouzenos...* P. 125.

⁴¹⁹ *Libro de los Féchos...* P. 151, 685.

⁴²⁰ PLP. № 19688.

⁴²¹ *Libro de los Féchos...* P. 151. 685–86.

Историческое сочинение Иоанна VI Кантакузина также содержит сведения о том, что латиняне «часто были его (деспота Мануила. – *Т. Б.*) союзниками, когда он отражал персидские морские атаки, и он разделял с ними (франками. – *Т. Б.*) многие победы над варварами»⁴²². Это сообщение, судя по всему, говорит в пользу неоднократности совместных военных действий Мануила и его латинских союзников. Упоминает Кантакузин и об их совместном «нападении на Беотию в войне против одного из латинских правителей, человека по имени Рожер де Ллуриа»⁴²³, что перекликается с данными хроники. Отметим, что на сей раз варварами именовались уже не латиняне, лояльные деспоту и выступавшие в войне с ним заодно, а представлявшие опасность турки и каталонцы. Подобная градация варварства также может говорить о том, что пропасть между западными и восточными христианами на Пелопоннесе за время греко-латинского сотрудничества была сокращена, и обе стороны воспринимали как достаточно привычное явление ведение совместных военных действий. Кроме того, в восприятии греками и латинянами друг друга к середине XIV в. определенно произошла подвижка: к этому времени они идентифицировали себя и соседей по полуострову исходя из общей территориальной принадлежности – греки, как и латиняне, являлись в собственном восприятии пелопоннесцами или мореотами, на чем мы подробно остановимся в третьей главе исследования. Это также оказывало серьезное влияние на принципы их политических взаимоотношений. Об эволюции политических отношений франков и ромеев свидетельствует тот факт, что их союз стал более устойчивым и длительным. С момента прибытия Мануила на Пелопоннес и до рассмотренных событий прошло почти пятнадцать лет. Как говорилось выше, до этого самый продолжительный по времени мир был достигнут в конце XIII в., который продлился около семи лет. В силу же того, что внешняя угроза стала для

⁴²² Ioannis Cantacuzeni Historiarum... Vol. 3. P. 90. 1–5.

⁴²³ Ioannis Cantacuzeni Historiarum... Vol. 3. P. 90. 5–8.

региона перманентной, ситуативность прежних договоренностей о сотрудничестве уступила место более стабильному военно-политическому союзу⁴²⁴.

Пожалуй, в числе причин наступившего продолжительного взаимопонимания между греками и франками было и латинское происхождение супруги Мануила. Исследователи единогласны в том, что в какой-то мере через жену на деспота распространилось латинское влияние⁴²⁵. Изабелла де Лузиньян⁴²⁶ была дочерью короля Киликийской Армении Константина III (1342–1344), а также родственницей королей Кипра⁴²⁷. Их брак с Мануилом был заключен предположительно в 1347 г., вскоре после того, как отец Мануила стал византийским императором⁴²⁸. Безусловно, этот династический брак преследовал цель укрепить политические контакты Византии с латинскими правителями Романии. Однако родство деспота с династией Лузиньянов в дальнейшем стало причиной нарушения политического равновесия, установившегося на Пелопоннесе с первых лет его правления.

Двоюродным братом деспоты был Ги де Лузиньян, принц Галилеи⁴²⁹ и первый муж Марии де Бурбон, ставшей после брака с Робертом Тарентским титулярной императрицей Константинополя и княгиней Ахайи. Вскоре после смерти в 1364 г. не оставившего наследников Роберта на Пелопоннесе началась борьба между претендентами на княжеский титул⁴³⁰, вновь обнажившая неоднородность латинских элит Ахайи и отсутствие внутри них

⁴²⁴ Белоруссова Т. Е. Эволюция военно-политического сотрудничества греков и франков на Пелопоннесе в 1340–1370-е гг. С. 54.

⁴²⁵ Zakythinis D. A. Le Despotat Grec de Morée... Vol. 1. P. 106; Runciman S. Mistras... P. 53.

⁴²⁶ PLP. № 92549.

⁴²⁷ Леонтий Махера и его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр» / пер. с кипрского диалекта среднегреческого яз., вступ. ст. и комм. С. В. Близнюк. М., 2018. С. 245.

⁴²⁸ Nicol D. The Byzantine Family of Kantakouzenos... P. 124.

⁴²⁹ PLP. № 92553.

⁴³⁰ Topping P. The Morea (1364–1460) // A History of the Crusades / ed. K. M. Setton, H. W. Hazzard. Madison; Wisconsin, 1975. Vol. 3. P. 141–142.

согласия. В 1366 г. Мария де Бурбон, которой принадлежали крупные владения в княжестве⁴³¹, и ее сын от первого брака Гуго⁴³² решили оспорить права Филиппа, брата покойного князя Роберта, которому симпатизировало большинство баронов, включая влиятельного архиепископа Патр Анжело Аччайуоли (1365–1366/7)⁴³³. В результате многочисленное войско Марии и Гуго осадило Патры. Разразилась вторая в истории Ахайи война за княжеский титул.

В эту войну оказался вовлечен и Мануил Кантакузин. Венецианец Карло Дзено⁴³⁴, руководивший обороной Патр, сумел отбросить войска Марии к Наварино, где она с сыном смогли укрыться⁴³⁵. Преданный Марии кастелян Наварино Гийом де Талай незадолго до этих событий запросил помощи у «деспота греков», а также сеньора Аргоса и Навплиона Ги д'Энгьена⁴³⁶, чтобы те «послали ему людей на помощь, из любви к его даме и его господину Гуго де Лузиньяну, принцу Галилеи, который был их родственником»⁴³⁷. Оба адресата ответили на призыв, что подтверждает личный интерес самого деспота к событиям в Ахайе⁴³⁸ и готовность вмешаться во внутренние дела соседей, несмотря на заключенный мир с латинянами. Не исключено, что деспот поддержал Марию и ее сына, рассчитывая, что их приход к власти в Ахайе позволит укрепить его влияние на латинских территориях. Отряды Мануила и Ги д'Энгьена, отправленные на помощь Марии, нанесли значительный ущерб ахейским землям в окрестностях крепостей Андравида и Манолады на северо-западе

⁴³¹ Documents sur le régime des terres dans la principauté de Morée au XIVe siècle / ed. par J. Longnon, P. Topping. Paris, 1969. P. 141–144. № VIII.

⁴³² PLP. № 92562.

⁴³³ PLP. № 1607; Gerland E. Neue Quellen zur Geschichte des Lateinischen Erzbistums Patras. Leipzig, 1903. Vol. 5. P. 39.

⁴³⁴ PLP. № 27914; Vita Caroli Zeni auctore Jacobo Zeno // Rerum italicarum scriptores (XIX, 6) / ed. L. A. Muratori, re-ed. G. Zonta. Bologna, 1940. P. 11. 20–40.

⁴³⁵ Libro de los Féchos... P. 153, 693; Topping P. The Morea (1364–1460) ... P. 142.

⁴³⁶ Ortega I. Les Lignages nobiliaires dans la Morée Latine... P. 595.

⁴³⁷ Libro de los Féchos... P. 153, 697–698.

⁴³⁸ Millet G. Inscriptions Inédites de Mistra // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1906. Vol. 30. P. 458–459.

Пелопоннеса⁴³⁹. Таким образом, брак с Изабеллой предоставил деспоту повод для вмешательства во внутренние дела франков и продемонстрировал, что их союзнические отношения при внешних изменениях оставались отчасти ситуативными.

Конфликт был урегулирован прибывшим на Пелопоннес графом Амадеем VI Савойским (1343–1383), который пришел на помощь Марии, приходившейся двоюродной сестрой его жене⁴⁴⁰. Согласно мирному соглашению, заключенному в Модоне, архиепископ Патр должен был выплатить Марии и ее сыну крупную денежную компенсацию. Часть этой суммы, восемь тысяч дукатов, была разделена между Мануилом и другими воинами, пришедшими им на помощь⁴⁴¹. Однако, несмотря на договор, Гуго и Мануил продолжали разорять Ахайю вплоть до 1370 г., когда Мария заключила договор с Филиппом Тарентским и отказалась от притязаний на княжество⁴⁴². Таким образом, Мануил Кантакузин, несмотря на то, что князем стал не Гуго де Лузиньян, сумел извлечь выгоды из этого предприятия, как минимум улучшив собственное финансовое положение. Не исключено также, что в условиях военных действий он смог захватить некоторые латинские земли. Но военная активность Мануила в Ахайе не могла не повлиять на его отношения с латинянами, вновь вызвав у них настороженность в отношении греков. К сожалению, по источникам не представляется возможным проследить, пострадали ли в ходе этой войны латиняне, ранее сотрудничавшие с Мануилом, или же удары были направлены на иных подданных княжества, не вступавших в политический союз с деспотом.

Греко-латинские отношения окончательно испортились через несколько лет, когда новый балли, неаполитанец Франциск де Сан-Северино, напал на византийскую крепость Гардики, расположенную между Мессенией и

⁴³⁹ Libro de los Féchos... P. 154. 698.

⁴⁴⁰ Zakythinos D. A. Le Despotat Grec de Morée... Vol. 1. P. 110.

⁴⁴¹ Libro de los Féchos... P. 155. 702.

⁴⁴² Bon A. La Morée franque... P. 250.

Аркадией⁴⁴³. Это нарушило длительный мир между княжеством и Морейским деспотатом. Мануил Кантакузин, получивший тревожную новость, выступил против франков, но в сражении при Гардики в 1375 г. греки потерпели поражение⁴⁴⁴. Сама же крепость, будучи хорошо укрепленной, устояла, так что балыи был вынужден снять осаду и отступить в Кларенцу⁴⁴⁵. Конфликт не привел к видимым результатам, однако вновь изменил характер политических отношений двух сторон. И хотя до смерти Мануила Кантакузина в 1380 г. новых военных конфликтов с латинянами не случилось, о прежнем сотрудничестве говорить уже не приходилось. К концу его правления Ахейское княжество было разделено на несколько самостоятельных уделов, часть из которых оказались под властью новых латинских правителей, не скрывавших своих завоевательных амбиций: госпитальеров Родоса, получивших княжество в пятилетнюю аренду для защиты Греции от турок⁴⁴⁶, и наваррских наемников – наиболее организованной латинской силы на полуострове в то время, которые инициировали серию военных столкновений⁴⁴⁷.

Таким образом, продиктованное вызовами времени политическое сближение византийцев и латинян Морей было обусловлено рядом причин. Бесспорно, большую роль в заключении греко-латинского союза в середине XIV в. сыграло появление на Пелопоннесе фигуры постоянного и авторитетного правителя, который сумел прекратить внутренние неурядицы в Морее и завоевать доверие латинских соседей. Необходимость союза с деспотом осознавали и латиняне, которые и ранее стремились обрести деятельного и небезразличного до их внутренних дел сюзерена, способного обеспечить защиту их владений и стабильность их социального положения. Главными побудительными мотивами создания военно-политического союза

⁴⁴³ Topping P. *The Morea (1364–1460)* ... P. 146.

⁴⁴⁴ *Libro de los Féchos*... P. 158. 715–717; 159. 720–721.

⁴⁴⁵ Topping P. *The Morea (1364–1460)* ... P. 252.

⁴⁴⁶ Topping P. *The Morea (1364–1460)* ... P. 247.

⁴⁴⁷ Necipoğlu N. *Byzantium Between the Ottomans and the Latins*... P. 235; Tsougarakis N. I. *The Latin Religious Orders in Medieval Greece*... P. 6.

в итоге стали общая заинтересованность в мире как залого успешного внутреннего развития и необходимость защитить Пелопоннес от участвовавших нападений извне. Нацеленное, в первую очередь, на противодействие тюркской угрозе, греко-латинское военно-политическое сотрудничество дало видимый результат и продемонстрировало плодотворность такой модели взаимоотношений⁴⁴⁸. Утвердившийся мир привел к относительной стабилизации обстановки в регионе и способствовал дальнейшему сближению греческого и латинского населения Пелопоннеса. Изменения выразились в последовательности политического курса византийского деспота, который в течение половины своего тридцатилетнего правления избегал военных действий против соседей, а они, в свою очередь, сохраняли верность заключенному союзу.

Необходимо остановиться на мотивации деспота изменить сложившийся принцип взаимодействия с латинскими соседями. Сильная политическая дестабилизация Ахейского княжества из-за очередной внутренней борьбы и родственная связь деспота Морей с одной из соперничающих сторон вынудили Мануила отправить туда военные силы и втянуться в новый конфликт. Закономерно возникает вопрос, расценивались ли подобные действия Мануила им самим как нарушение заключенного ранее соглашения с франками? Без сомнения, государственные образования Пелопоннеса, заключая политические союзы друг с другом, защищали, в первую очередь, собственные интересы. Внутри же правящего класса франков, не отличавшегося однородностью, не было согласия. Латиняне были разобщены, и деспот заключал союз лишь с какой-то частью ахейской знати. В условиях междоусобной войны, когда Мануил Кантакузин поддержал, причем совместно с еще одним латинским бароном, родственника своей супруги, византийская сторона, по сути, не нарушила существовавшего

⁴⁴⁸ Белоруссова Т. Е. Эволюция военно-политического сотрудничества греков и франков на Пелопоннесе в 1340–1370-е гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 2. С. 56.

мирного договора. Однако военное вмешательство во внутриахейские дела византийцев усложнило политическую ситуацию на Пелопоннесе. Эти события положили конец мирному сосуществованию франков и ромеев в этом регионе цивилизационного фронта.

Латиняне Пелопоннеса после событий 1366 г. все сильнее концентрировались на внутреннем соперничестве за ахейские земли и влияние в княжестве. Со смертью Филиппа II Тарентского в 1373 г. лишь часть феодалов Ахайи поддержали кандидатуру его наследницы, королевы Джованны I (1373–1381). Согласно письму графа Кефалонии Леонардо Токко, далеко не все бароны предприняли путешествие в Неаполь, чтобы принести присягу новой королеве Неаполя и княгине Ахайи⁴⁴⁹. Феодалы же, выступавшие ранее в поддержку Гуго де Лузиньяна, по всей видимости, относились к анжуйским сюзеренам с большой осторожностью и недоверием. В свою очередь, это сближало их с ромеями Морейского деспотата.

После смерти Мануила Кантакузина в 1380 г. новым деспотом стал его старший брат Матфей (1380–1383)⁴⁵⁰, который, в целом, старался придерживаться линии своего брата в управлении Мореей. В 1383 г. ему наследовал его сын Димитрий (1383–1384)⁴⁵¹, амбициозно решивший разорвать все связи с Константинополем. В ответ на это император Иоанн V Палеолог назначил деспотом своего сына Феодора и отправил его с войском на Пелопоннес, чтобы усмирить мятежного Димитрия и лишить его власти⁴⁵². Последний, заручившись поддержкой латинян, турок и местного населения, в течение года оказывал сопротивление Палеологу⁴⁵³, однако смерть Димитрия в 1384 г. прекратила это противостояние. Поддержка латинянами Димитрия

⁴⁴⁹ Monumenta Peloponnesiaca. Documents for the History of the Peloponnese in 14th and 15th centuries / ed. J. Chrysostomides. Camberley (Surrey), 1995. P. 31. № 14. 26–29.

⁴⁵⁰ PLP. № 10983.

⁴⁵¹ Ibid. № 10963.

⁴⁵² Zakythinos D. A. Le Despotat Grec de Morée... Vol. 1. P. 117.

⁴⁵³ Manuel II Palaiologos. Funeral Oration on His Brother Theodore / introd., text, transl. and notes by J. Chrysostomides. Thessalonike, 1985. P. 117. 17–18.

вновь говорит в пользу общности греко-латинского населения Пелопоннеса перед представителями мира за его пределами.

Феодору в первые годы правления, как и его предшественнику Мануилу Кантакузину, пришлось столкнуться с сопротивлением архонтов, не желавших добровольно признать власть нового правителя из Константинополя. Греческая аристократия не всегда была склонна терпеть правителя, не являвшегося выходцем из ее среды и чьи интересы не раз противоречили ее собственным. В письме от 1381/1382 г. на Пелопоннес (в Модон) к греческому феодалу Ахайи Иоанну Ласкарису Калоферу⁴⁵⁴ Димитрий Кидонис предостерегает друга от «коварства и воинственности пелопоннесцев»⁴⁵⁵. Речь, по всей видимости, в письме идет не только о латинянах, но и о пелопоннесских греках, которым были свойственны стремления к сепаратизму и которые в ведении войн ко второй половине XIV в. восприняли многое от своих латинских соседей. Исходя из датировки этого письма временем, когда деспот Феодор еще не прибыл в Морею, можно сделать вывод, что отношение к чужакам на Пелопоннесе, которыми являлись и вновь назначенные деспоты, было крайне осторожным.

Неповиновение морейских архонтов было решительным, и некоторые из представителей местной аристократии даже прибегали к помощи наемников. В частности, греческие архонты находили поддержку среди турок, венецианцев или наваррцев, умевших пользоваться междоусобными раздорами в Морее⁴⁵⁶. Участие на сей раз латинян в междоусобной борьбе ромеев позволяет говорить об усложнившихся механизмах греко-латинского взаимодействия на Пелопоннесе. В сравнении с первой половиной XIV в., когда политические отношения велись преимущественно на уровне высшей администрации княжества и Морей, теперь разобщенные бароны по отдельности устанавливали связи с византийской аристократией. Вероятно,

⁴⁵⁴ PLP. № 10732.

⁴⁵⁵ Démétrius Cydonès, *Correspondence* / ed. R-J. Loenertz. Vatican, 1960. Vol. 2. P. 113. 124–126.

⁴⁵⁶ Zakythinis D. A. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 1. P. 126.

ахейские феодалы были обеспокоены, что с установлением власти Палеологов вновь дадут о себе знать ромейские амбиции по объединению бывших греческих земель. Кроме того, к 1380-м гг. в княжестве осталось не так много представителей именно франкской знати, а новую латинскую знать беспокоили, прежде всего, собственные приобретения, а не целостность и жизнеспособность наследия Виллардуэнов.

В силу того, что в среде ахейской знати и, соответственно, в структуре княжества к этому времени уже не было порядка, представляется наиболее логичным анализировать этот период греко-латинского взаимодействия с опорой преимущественно на сведения о византийских землях Пелопоннеса. В первую очередь нужно отметить, что многие аспекты внутренней и внешней политики Морейского деспотата с 1380-х гг. были связаны с тем, что в отличие от династии Кантакузинов, деспоты из рода Палеологов поддерживали тесные отношения с Константинополем⁴⁵⁷. Этим фактом вполне объясняются вскоре проявившиеся имперские амбиции деспота по объединению полуострова под своим началом.

Феодор, как и местная знать, был готов вовлекать латинян в борьбу с мятежными элитами, однако действовал по-византийски расчетливо. В ответ на решительное сопротивление монемвасийских архонтов из семьи Мамонов он предложил венецианскому кастеляну Корона Пьетро Гримани в 1384 г. передать контроль над этим непокорным городом-портом⁴⁵⁸, заполучив тем самым расположение республики и ликвидировав непокорных архонтов. Хитросплетения в греко-латинских взаимоотношениях того времени все нарастали. Несмотря на то, что Сенат позволил кастеляну Корона принять предложение, Монемвасия не была оккупирована венецианцами⁴⁵⁹.

⁴⁵⁷ Zakythinou D. A. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 1. P. 119.

⁴⁵⁸ *Monumenta Peloponnesiaca...* P. 47. № 22.

⁴⁵⁹ Kalligas H. A. *Monemvasia: the Sources...* P. 146–147.

Помимо междоусобиц, Пелопоннес по-прежнему страдал от регулярных пиратских набегов турок и афинских каталонцев⁴⁶⁰, а также византийцы Морей столкнулись и с наваррскими наемниками, обосновавшимися в княжестве. Эти гасконские воины ранее участвовали в пиренейских сражениях между французскими, английскими и испанскими правителями, а в 1378 г. были наняты орденом госпитальеров для войны с албанцами в Центральной Греции. В 1380 г. они поступили на службу к ахейскому бальи Жаку де Бо, который претендовал на Ахейское княжество в противовес королеве Джованне Неаполитанской. В разное время они осаждали ахейские крепости Андрусу, Наварино и Патры. Их поддержка де Бо была номинальной, и в результате они самостоятельно захватили себе земли в Морее и в центральной Греции (на Пелопоннесе они получили владения Аччайуоли в Элиде, западной Скорте и Мессении, а также земли из княжеского домена – Каламату, Наварино и Андрусу)⁴⁶¹. Таким образом, к началу правления Феодора они стали еще одним дестабилизирующим элементом для греко-латинских отношений.

Непростые отношения с местной знатью и регулярная угроза нападениях извне побудили деспота искать политический союз с соседями. Предвидя, по словам Д. Закифиноса, нападения со стороны франкских и венецианских владетелей Пелопоннеса, Феодор позаботился о союзе с одним из главных правителей Восточного Средиземноморья⁴⁶². Ради совместной защиты и отвоевания территорий у наваррцев и каталонцев в 1384 г. был заключен союз между Феодором и флорентийским владетелем ряда ахейских земель Нерио Аччайуоли⁴⁶³ – «разумным человеком», по замечанию Мануила II

⁴⁶⁰ Bon A. *La Morée franque...* P. 262.

⁴⁶¹ Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 133; Topping P. *The Morea (1364–1460) ...* P. 150.

⁴⁶² Zakythinos D. A. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 1. P. 132.

⁴⁶³ Впервые Николай Аччайуоли прибыл на Пелопоннес вместе с княгиней-регентом Екатериной де Валуа-Куртене в 1338 г. В благодарность за его службу и активную финансовую поддержку Екатерина пожаловала Аччайуоли ряд земель на западном склоне Мани в Мессении. Его преемник в Ахайе Нерио Аччайуоли приобрел в 1364 г. баронию Востица. См.: *Documents sur le régime des terres...* P. 19–29. № I; *Monumenta Peloponnesiaca...* P. 10–16. № 9.

Палеолога (1391–1425)⁴⁶⁴. Этот союз был скреплен браком Феодора со старшей дочерью Аччайуоли Бартоломеей⁴⁶⁵. Данный брак был продиктован, в первую очередь, необходимостью поддерживать жизнеспособность византийских территорий в Морее и соображениями безопасности от внешних угроз. Оформление политического союза между византийским деспотом и крупным ахейским феодалом вновь говорит об усложнении греко-латинского взаимодействия на Пелопоннесе.

Отметим, что в окружении Феодора этот брачный союз не нашел одобрения. В одном из писем Феодору в 1384 г.⁴⁶⁶ Димитрий Кидонис не находил ничего удивительного в том, что «супружеские отношения с теми, кто раньше порабощал нас», осуждались ромеями. Сам же брак Феодора он называл «не соответствующим статусу деспота»⁴⁶⁷. Память о катастрофе 1204 г. и ее последствиях была жива, и, несмотря на продиктованное обстоятельствами сближение византийцев с франками и итальянцами в Морее, антилатинские настроения в среде греков продолжали сохраняться. В то же время, как латиняне постепенно включались в состав византийского населения Пелопоннеса, брак правителя Морей с представительницей флорентийской аристократической фамилии все же воспринимался ромеями негативно. Вероятно, причиной их неприязни был тот факт, что семейство Аччайуоли, новое поколение латинян в Ахайе, имело собственные завоевательные амбиции.

Феодору, помимо наваррцев Ахейского княжества, пришлось столкнуться в своей политике и с венецианцами, которым ранее он стремился передать мятежную Монемвасию. Пожалуй, во время правления Феодора I Палеолога, произошел максимальный накал в отношениях греков

⁴⁶⁴ Manuel II Palaiologos. Funeral Oration... P. 153. 6.

⁴⁶⁵ Monumenta Peloponnesiaca... P. 51–53. № 24.

⁴⁶⁶ Р. Дж. Ленерц датировал это письмо 1383 г., однако брак был заключен не ранее начала 1384 г. Ф. Тиннефельд же датирует письмо летом/осенью 1384 г. См.: Chrysostomides J. An Unpublished Letter of Nerio Acciaiuolli (30 October 1384) // Byzantina. 1975. Vol. 7. P. 120–123.

⁴⁶⁷ Demetrius Cydones. Correspondence... Vol. 2. P. 212. Ep. 293. 48–54.

и венецианцев в Морее. Дело в том, что он стремился подчинить себе территории, занимаемые латинянами, а изменение баланса сил на полуострове могло поставить под угрозу венецианские интересы в регионе⁴⁶⁸. Кроме того, еще в 1382 г. Венеция заключила соглашение с наваррцами о мирном соседстве⁴⁶⁹. Поэтому, когда в 1385 г. деспот и его брат, будущий император Мануил II, обратились к Венеции за помощью против наваррских наемников, обосновавшихся в Ахайе, республика действовала крайне осторожно. В постановлении от 18 апреля 1385 г. говорилось, что «Сенат не может вынести решения по этому вопросу до получения полной информации от венецианских ректоров Романии»⁴⁷⁰. Уклончивый ответ позволял венецианцам занять выжидательную позицию и потянуть время в расчете, что ситуация вокруг конфликта деспота и наваррцев изменится. Республика, незаинтересованная в усилении деспотата, стремилась сохранить собственные экономические преимущества.

Наваррцы на Пелопоннесе твердо придерживались дружественной политики с Венецией, что было особенно удивительным в ситуации политической нестабильности в регионе⁴⁷¹. В итоге к 1387 г. Венеция приняла окончательное решение поддерживать дружественные отношения с наваррцами, объясняя это стремлением защитить свои интересы в Наварино⁴⁷². Просьба деспота же осталась неудовлетворенной. Разочаровавшись в дипломатических попытках заключить союз с венецианцами и прийти к компромиссу с непокорными архонтами, Феодор в 1387 г. принял решение запросить помощь у османов. Возможно, деспот руководствовался в этом решении примером своего брата Мануила II, который стремился к миру с османами после захвата Фессалоники в том же

⁴⁶⁸ Andrews K. Castles of the Morea. Amsterdam, 1978. P. 14.

⁴⁶⁹ Monumenta Peloponnesiaca... P. 36. № 17.

⁴⁷⁰ Régestes des Délibérations... Vol. 1. P. 168. № 693.

⁴⁷¹ Bon A. La Morée franque... P. 266.

⁴⁷² Régestes des Délibérations... Vol. 1. P. 173–174. № 719.

году⁴⁷³. Однако сотрудничество с чужаками против соседей лишь сильнее настроили против деспота наваррцев Ахейского княжества и морейских архонтов. По-видимому, в это время продолжалось сближение местной греческой и латинской знати на локальном уровне.

Критической точки греко-латинские и особенно греко-венецианские противоречия достигли в 1388 г., когда Феодор вместе со своим зятем Нерио Аччайуоли захватили недавно перешедший к венецианцам Аргос⁴⁷⁴. За год до этих событий, в 1377 г., умер последний франкский сеньор Аргоса и Навплиона Ги д'Энгьен, оставив наследницей свою юную дочь Марию. Родственники девушки, опасаясь узурпации со стороны соседних сеньоров, искали покровительства Венеции. Республика охотно воспользовалась предоставленной ей возможностью, и 17 мая 1377 г. Мария д'Энгьен вышла замуж за венецианского гражданина Пьетро Корнаро, который принял на себя управление сеньорией. Однако его скорая смерть в 1388 г. подвергла Марию новым опасностям⁴⁷⁵, и по договору, заключенному 12 декабря 1388 г., Венеция стала хозяйкой Навплиона и Аргоса – территорий, которые, как значилось в одном из документов, были удачно расположены «для приобретения всего Пелопоннеса»⁴⁷⁶. Письменное подтверждение намерений «приобретения» всего полуострова весьма красноречиво свидетельствует о возросших амбициях Венеции в регионе, а также о росте значения Пелопоннеса для ее экономической активности. Однако прежде, чем венецианцы успели вступить во владение Аргосом и Навплионом, Феодор и Нерио с согласия греческих жителей этих городов заняли их своими военными силами⁴⁷⁷.

С декабря 1388 г. по июль 1394 г. Морейский деспотат и Венеция находились в состоянии войны. Уже 22 декабря 1388 г. венецианский Сенат

⁴⁷³ Necipoğlu N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins... P. 239.

⁴⁷⁴ Régestes des Délibérations... Vol. 1. P. 179. № 744.

⁴⁷⁵ Zakythinos D. A. Le Despotat Grec de Morée... Vol. 1. P. 132–133.

⁴⁷⁶ Monumenta Peloponnesiaca... P. 97–98. № 45.

⁴⁷⁷ Ibid. P. 99. № 46.

распорядился вооружить галей Гольфа, Крита и Негропонта для снятия осады с двух городов Пелопоннеса. Из Венеции также было направлено письмо Альбано Контарини, осажденному в Аргосе деспотом Феодором, с приказом сопротивляться, по крайней мере, до 15 апреля 1389 г. Наконец, письма с призывами снять осаду Аргоса, были направлены Нерио и деспоту⁴⁷⁸. Отметим, что венецианские дипломаты за этот период неоднократно пытались добиться сдачи Аргоса мирным путем⁴⁷⁹. Республика стремилась избежать полномасштабной войны с Морейским деспотом, поскольку ее экономические последствия грозили быть катастрофическими. Венецианцы стремились действовать в этом противостоянии преимущественно через союзных им наваррцев, а также путем серьезных экономических ограничений против Морейского деспотата и Афинского герцогства, предполагавших запрет всем венецианским купцам вести торговлю на этих территориях⁴⁸⁰.

Сохранилось письмо губернатору Аргоса и Навплиона, датированное 23 июля 1389 г., в котором Сенат выражал свое возмущение из-за известий о взятии наваррцами византийской крепости Василипотамо, поскольку губернатор «не имел права брать это дело на себя без согласования с Синьорией»⁴⁸¹. Так, обеими сторонами конфликта осознавались последствия и риски этой войны, но несмотря на это, противникам потребовалось несколько лет, чтобы прийти к соглашению. Активные военные приготовления турок, направленные против Морей, убедили Феодора, что только союзнические отношения с Венецией помогут выдержать этот натиск⁴⁸². Вот почему в 1394 г. он, возвратившись из ставки султана Баязида I

⁴⁷⁸ Régestes des Délibérations... Vol. 1. P. 179–180. № 745.

⁴⁷⁹ Ibid. P. 81. № 753; P. 186. № 773; P. 191. № 794.

⁴⁸⁰ Bon A. La Morée franque... P. 268.

⁴⁸¹ Régestes des Délibérations... Vol. 1. P. 182. № 759.

⁴⁸² Runciman S. Mistra... P. 56–57.

(1389–1402), поддался на уговоры герцога Наксоса Франческо Криспо и принял решение отказаться от Аргоса в пользу Венеции⁴⁸³.

В конце мая 1394 г. в Модоне в присутствии венецианских кастелянов и послов деспота⁴⁸⁴ был заключен договор, по которому Аргос с близлежащими территориями признавались венецианскими, а Венеция гарантировала Феодору и его семье убежище от османов на своих территориях⁴⁸⁵. В целом, османская угроза очень беспокоила и венецианское правительство, что подтверждают многочисленные распоряжения Сената по усилению обороны греческих колоний республики в этот период⁴⁸⁶. Так, двум участникам греко-латинского взаимодействия на Пелопоннесе удалось достичь согласия, которое показало их возросшее стремление к мирному сосуществованию на фоне ухудшения внешнеполитического положения всего полуострова. Фаза активного конфликта, ослабившая обе стороны, отчасти сменилась на курсом на кооперацию – и вновь ради отражения угрозы извне.

В целом, последние два десятилетия XIV в. характеризовались разновекторностью взаимодействия латинян и ромеев. Сегментация франкских владений окончательно привела к исчезновению единой политической линии в отношении соседей, предпосылки к чему были заложены еще на предыдущем этапе. В итоге, в войне между республикой и деспотом наваррцы выступали союзниками первой, тогда как ахейский феодал Нерио действовал совместно с Феодором. Одновременно с этим мы наблюдаем и интенсификацию дипломатических контактов со всех сторон, хотя не всегда они имели какой-то успех.

Несмотря на договоренности 1394 г., ромеям и латинянам Пелопоннеса не было суждено достичь даже относительной стабильности в политических

⁴⁸³ Zakythinos D. A. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 1. P. 138–139.

⁴⁸⁴ В их число входили Мануил Франкопул, Мануил Палеолог Ласкарис и Димитрий Гасси. См.: *Monumenta Peloponnesiaca...* P. 271. № 141. 85–87.

⁴⁸⁵ *Monumenta Peloponnesiaca...* P. 269–275. № 141.

⁴⁸⁶ *Ibid.* P. 262. № 137; 264–265. № 138; P. 266. № 139.

отношениях друг с другом. Еще до того, как было заключено соглашение деспота с Венецией, наваррцы Ахейского княжества и архонты Монемиасии отдельно друг от друга сочли более выгодным решением договориться с османской стороной. Наваррский капитан Педро де Сан-Суперан⁴⁸⁷ и один из лидеров сепаратистски настроенной монемиасийской аристократии Павел Мамон⁴⁸⁸ оказались в Серрах у Баязида в то же время, когда туда были вызваны Феодор с его братом Мануилом II⁴⁸⁹. Этот прецедент крайне важен, поскольку, пожалуй, окончательно оформил появление третьей постоянной политической силы во фронтирном пространстве Пелопоннеса – османов. Вовлечение султана в политические отношения между ромеями и латинянами можно объяснить, во-первых, весьма распространенными в Византии протурецкими настроениями (один из видов рефлексии населения по отношению к активной экспансии)⁴⁹⁰. Во-вторых, в случае Пелопоннеса – стремлением местных элит (как морейских, так и ахейских) ослабить влияние деспота на полуострове и непосредственно на них самих.

Согласно «Надгробной речи», «Именно Баязид был причиной их (архонтов. – *Т. Б.*) дерзости, ибо, полагаясь на его силу и на враждебность соседних латинян, они угрожали нашим владениям. Подстрекаемый обеими сторонами, этот враждебнейший монстр напал (в 1395 г. – *Т. Б.*) на наши владения»⁴⁹¹. Несмотря на эти трагические для византийского Пелопоннеса события, ромеи Морейского деспотата сумели выдержать удар. 4 июня 1395 г. византийское войско Пелопоннеса под командованием Димитрия Рауля⁴⁹² одержало победу над Ахейским княжеством, а Педро де Сан-Суперан был пленен вместе с большим количеством своих соратников⁴⁹³. Среди них, к великому возмущению Мануила II, были обнаружены и

⁴⁸⁷ PLP. № 24808.

⁴⁸⁸ Ibid. № 16580; Necipoğlu N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins... P. 243.

⁴⁸⁹ Georgius Phrantza Annales / ed. E. Bekker. Bonn, 1838. P. 57. 3–23; P. 58. 1–9.

⁴⁹⁰ Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М., 2017. С. 511.

⁴⁹¹ Manuel II Palaiologos. Funeral Oration... P. 129. 1–6.

⁴⁹² PLP. № 24117.

⁴⁹³ Bon A. La Morée franque... P. 272.

греческие архонты Пелопоннеса: «...что еще хуже, среди пленных (латинян. – *Т. Б.*) оказались некоторые знатные мужи, которые вопреки всем приличиям сражались против нас»⁴⁹⁴. Эти процессы синтеза местных элит будут рассмотрены в главе 3. Здесь же, завершая обзор политических взаимоотношений между ромеями, франками и венецианцами на Пелопоннесе, отметим, что к концу XIV в. на них на постоянной основе стал оказывать влияние османский фактор. Стороны еще не раз будут вынуждены объединяться, чтобы выдержать османский натиск, однако устойчивого сотрудничества времен Мануила Кантакузина достигнуть не удастся⁴⁹⁵.

Резюмируя, можно заключить, что на государственном уровне принципы политического взаимодействия с соседями на протяжении всего рассматриваемого периода оставались и для греков, и для латинян по большей мере ситуативными, а в политических действиях княжества, деспотата и венецианцев сложно было прийти к единому знаменателю. В целом, данные источников позволяют выделить ведущие тенденции в политических отношениях ромеев, франков и венецианцев на разных этапах и выявить их эволюцию. Но если на межгосударственном уровне со временем происходила определенная регрессия политических контактов, то на уровне элит, наоборот, усиливалась тенденция к политическому сотрудничеству, что привело к симбиозу ахейской (латинской и греческой) и морейской знати, чьим общим врагом в последние десятилетия XIV в. стал морейский деспот. В сравнении с первой половиной XIV в., когда политические отношения регулировались на уровне представителей центральной власти (князь, кефал, кастеляны), к концу XIV в. местная аристократия стремилась самостоятельно отстаивать свои интересы и искала на этом поприще союзников.

Политические конфликты принимали форму полномасштабных или локальных военных действий, стычек, диверсий, ультиматумов. В период

⁴⁹⁴ Manuel II Palaiologos. Funeral Oration... P. 125. 22–24.

⁴⁹⁵ Loenertz R.-J. Pour l'histoire du Péloponnèse au XIVe siècle (1382–1404). P. 190–191.

военного столкновения тем не менее происходили обмены пленными, заключались краткосрочные перемирия, велась дипломатическая переписка. Политические контакты выражались в заключении мирных договоров и политических союзов (как межгосударственных, так и межличностных), обмене дипломатических миссий, ведении переговоров, заключении династических браков.

Хотя на протяжении всего изучаемого периода греко-латинский конфликт, в основе которого лежала борьба за территории и региональное доминирование, не был исчерпан, тем не менее можно выделить периоды, в которые франкам и ромеям удавалось поддерживать мирную коммуникацию и осуществлять кооперацию в военно-политической сфере. Такими периодами были 1289–1296 гг., 1314–1316 гг., ок. 1350–1365 гг. Мирное сосуществование позволяло углубить и расширить политические контакты. Наиболее благотворной для населения Морей была та модель политических взаимоотношений, которая предполагала некоторые взаимные уступки. Такой модели удалось следовать в 1350-е – 1365-е гг., поскольку, с одной стороны, деспот Мануил Кантакузин стремился поддерживать мир с соседями, с другой, неаполитанский сюзерен Ахейского княжества в тот момент не был заинтересован в военных действиях против ромеев.

Примечательно, что инициаторами конфликтов среди латинян в конце XIII–XIV в. зачастую выступали итальянцы и фламандцы, прибывшие на Пелопоннес относительно недавно. Из 12 непосредственных провокаторов конфликтов с греками во второй половине XIII – первой половине XIV в. семеро латинян были представителями новой знати княжества или неаполитанской администрации (Приложение 1). За исключением войны 1262–1264 гг., серьезные конфликты имели место во время правления в Ахайе первых неаполитанских балыи (примерно 1269–1275), несколько раз из-за конфликтов представителей «новой» знати Ахейского княжества, мало знакомых с местными традициями и этнополитической ситуацией в Морее (1295, 1305, 1309), и когда князь Иоанн де Гравина предпринял военную

кампанию на Пелопоннес (1325). Неудивительно, что появление в княжестве целой группы наваррских наемников во второй половине XIV в. не раз становилось причиной греко-латинских конфликтов и окончательно дестабилизировало греко-латинские взаимоотношения на государственном уровне.

Глава 2. Особенности социально-экономического взаимодействия между ромеями и латинянами

Утверждение крестоносцев на византийских землях сопровождалось кардинальными изменениями в политической, социальной и религиозной жизни жителей региона. На административном уровне завоевание Пелопоннеса привело к вытеснению византийской централизованной модели управления западноевропейской феодальной системой, принесенной франкскими завоевателями⁴⁹⁶. Закрепление франков и венецианцев на полуострове серьезно изменило и социально-экономическую ситуацию в Морее, вызвав частичную переориентацию экономики на западноевропейские рынки и появление новых игроков на внутренних рынках. Несмотря на сохранявшийся социальный разрыв между греками и латинянами, они не избегали сотрудничества в разных сферах экономики и административного управления⁴⁹⁷.

Помимо политического взаимодействия, рассмотренного в предыдущей главе, между латинянами и греками Пелопоннеса непрерывно происходили контакты иного рода как межгосударственном уровне, так и в масштабах отдельных территорий, на которых проживало смешанное население. Но мнению Г. Г. Литаврина, лишь в социально-экономической сфере контакты греков с латинянами были действительно обширными и разноплановыми, что объясняется необходимостью обеспечивать повседневные потребности и зависимость от них материальных условий жизни общества. Именно в Морее эти формы взаимодействия отчетливо проявлялись уже в начале XIII в.⁴⁹⁸ В историографии отмечалось, что развитию социальных и экономических институтов на бывших византийских территориях, оказавшихся под властью венецианцев или франков, были

⁴⁹⁶ Tsougarakis N. I. The Latin Religious Orders in Medieval Greece... P. 3.

⁴⁹⁷ Balard M. Les latins en Orient (XIe–XVe siècle) ... P. 224–225.

⁴⁹⁸ Литаврин Г. Г. Проблема симбиоза в латинских государствах, образованных на территории Византии (феномены социальные и экономические, 1204–1261 гг.) // Он же. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 170.

присущи некоторые общие черты, особенно проявившиеся в контактах местных и пришлых элит, а также политике новых властей по отношению к основной массе местного земледельческого населения⁴⁹⁹. В данной главе мы выделим и проанализируем основные формы социального и экономического взаимодействия на Пелопоннесе между латинским и греческим населением со второй половины XIII по конец XIV в.

2.1. Правовой статус греков на территориях франков и венецианцев и латинян в Морейском деспотате

После завоевания Пелопоннеса (1205–1212) войнами Гийома де Шамплитта и Жоффруа де Виллардуэна следующим этапом утверждения власти франкских правителей стала легитимация их территориальных приобретений и установление правового режима в новом государственном образовании – Ахейском княжестве⁵⁰⁰. Те же процессы были запущены и на венецианских территориях. Отметим, что с начала XIII в. франкское и венецианское присутствие оказало сильное влияние на весь регион Восточного Средиземноморья, включая территории Пелопоннеса на юго-востоке, которые наиболее активно сопротивлялись захватчикам и суммарно находились в сфере франкского влияния менее двадцати лет (1248–1262). И если в политической сфере отношения латинян и греков как минимум в XIII в. носили преимущественно конфликтный характер, то как они развивались в социально-экономическом плане? Определение правового положения различных групп населения (немногочисленных и знатных завоевателей, локальных греческих элит, основной массы населения) представляется первостепенным для ответа на этот вопрос.

⁴⁹⁹ Laiou A. E. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System: Thirteenth-Fifteenth Centuries // Economic thought and Economic Life in Byzantium / ed. C. Morrisson, R. Dorin. Farnham; Burlington, 2013. P. 178.

⁵⁰⁰ Jacoby D. From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change // Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204 / ed. B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. London, 1989. P. 5–7.

В этом разделе мы рассмотрим правовой статус иноэтничного населения в государственных образованиях Пелопоннеса: Ахейском княжестве, византийской провинции Морея (позднее – деспотат) и венецианских территориях Корон и Модон. Это, в свою очередь, должно прояснить масштаб межэтничного взаимодействия и глубину интеграционных процессов на Пелопоннесе во второй половине XIII–XIV в., а также его специфику на разных этапах. Исходя из различных правовых систем, в настоящем параграфе мы будем придерживаться территориального принципа. Рассмотрев, какое место занимали греки во франкской и венецианской иерархии и как было связано греческое общество с латинской элитой, а также проанализировав отдельные эпизоды правовых проявлений социальной мобильности греков и латинян в обществе друг друга, мы сможем прояснить, на каких уровнях греко-латинское взаимодействие было наиболее интенсивным и результативным.

Чтобы прочно закрепиться на завоеванных территориях, немногочисленным франкам⁵⁰¹ было необходимо адаптироваться к местной жизни, что было невозможно без компромиссов, диалога и некоторой (по мнению ряда исследователей, вынужденной)⁵⁰² преемственности местных традиций⁵⁰³. С первых лет их присутствия в Ахайе был запущен процесс интеграции франкских завоевателей в существовавший до их прихода византийский социальный уклад с его институциональными и культурными особенностями. Согласно Д. Якоби, распространение латинской социально-правовой стратификации на коренное греческое население породило

⁵⁰¹ Жоффруа де Виллардуэн, маршал Четвертого крестового похода, сообщает примерно о сотне рыцарей и неком количестве конных оруженосцев. Всего, по его словам, отряд франков на Пелопоннесе в 1205 г. насчитывал около 500 всадников. См.: Geoffroi de Villehardouin. *La Conquête De Constantinople avec la continuation de Henri de Valenciennes* / Éd. M. Natalis de Wailly. Paris, 1872. P. 123. 328; Согласно Д. Якоби, в начале XIII в. на Пелопоннесе насчитывалось не более 450 рыцарей. См.: Jacoby D. *Recherches sur la Méditerranée orientale du XIIe au XVe siècle*. London, 1979. P. 21; П. Лок, в свою очередь, оценивает количество рыцарей Ахейского княжества в 700–1000 человек. См.: Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 284.

⁵⁰² Литаврин Г. Г. Проблема симбиоза в латинских государствах... С. 168–169.

⁵⁰³ Tsougarakis N. I. *The Latin Religious Orders in Medieval Greece...* P. 2–3.

наиболее важные изменения на бывших византийских территориях⁵⁰⁴. Как уже отмечалось, архонты Пелопоннеса, которые в ходе завоевания признали власть крестоносцев, были включены в новую государственную структуру Ахейского княжества, а также заняли определённую ступень в новой иерархии землевладельцев, установленной франками⁵⁰⁵. Чтобы сформировать наиболее полную картину становления и функционирования нового правового порядка во франкской Морее, остановимся на этом процессе подробнее.

В сотрудничестве с местным населением были заинтересованы, в первую очередь, завоеватели, которые желали встроиться в существующую общественную структуру на позициях господствующей социальной группы с наименьшим сопротивлением⁵⁰⁶. Отметим, что на византийских территориях до завоевания архонтам была отведена важная роль в местном самоуправлении. Закономерно, что франкские завоеватели поспешили прийти к соглашению с этой группой населения Пелопоннеса – это облегчило им и знакомство с местными административными структурами и правовыми обычаями и, следовательно, постепенную социальную адаптацию в новообретенных землях⁵⁰⁷. Византийские землевладельцы должны были сыграть решающую роль в формировании нового политического и правового порядка, поскольку они составляли мощную политическую, социальную и экономическую силу, которую завоеватели предпочли не игнорировать⁵⁰⁸. Смягчило принятие местным населением вторгшихся на их земли латинян и то, что со стороны франков на Пелопоннесе не наблюдалось попытки устранить крупных землевладельцев, как это имело место в Константинополе

⁵⁰⁴ Jacoby D. *From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change...* P. 5.

⁵⁰⁵ *The Chronicle of Morea...* P. 112. 1639–1650.

⁵⁰⁶ Пиева А. *Frankish Morea (1205–1262) ...* P. 188–189.

⁵⁰⁷ Angold M. *Archons and Dynasts: Local Aristocracies and the cities of the Later Byzantine Empire // The Byzantine Aristocracy IX to XIII Centuries / ed. M. Angold. Oxford, 1984. P. 236–237; 244.*

⁵⁰⁸ Gasparis Ch. *Land and Landowners in the Greek Territories under Latin Dominion, 13th–14th Centuries // A Companion to Latin Greece / ed. N. Tsougarakis. Leiden; Boston, 2014. P. 74.*

в апреле 1204 г. и на ряде других захваченных территорий⁵⁰⁹. Как заметил Х. Гаспарис, все завоеванные территории Византийской империи в XIII в. стали свидетелями компромисса между латинянами и византийскими землевладельцами, хотя условия и методы его достижения были различными⁵¹⁰. Рассмотрим, как этот компромисс был реализован франками на Пелопоннесе в правовой сфере.

Согласно греческой версии «Морейской хроники», Жоффруа де Виллардуэн младший, второй лидер и инициатор военной экспедиции на Пелопоннес (1205), дипломатично убедил архонтов Андравиды сотрудничать с франками, «чтобы в их вотчинах не было убийств, грабежей и взятия пленных»⁵¹¹. Мирное подчинение местного населения было в интересах франков, поскольку на Пелопоннес вторгся, как отмечалось, весьма ограниченный контингент латинян. Согласившиеся же присягнуть архонты разослали известия по соседним областям, что все те, кто примут Гийома де Шамплитта как нового правителя, сохранят свои владения. В результате, «когда архонты и простолюдины узнали [об этом], они поспешили поклониться [новому правителю]»⁵¹². Приведенный фрагмент хроники наводит на мысль о не слишком высоком уровне политической солидарности населения северо-западных земель Пелопоннеса с Константинополем. Это может объясняться ослаблением центральной власти империи в годы, предшествовавшие 1204 г.⁵¹³ Вероятно, уже применительно к началу XIII в. можно говорить о существовании в Морее скорее локальной византийской идентичности, нежели общеимперской.

Отметим, что хроника, помимо элит, лишь бегло сообщает о простолюдинах. Относилось ли обещание сохранить прежние права и имущество к рядовому свободному греческому населению? Хронист

⁵⁰⁹ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 284.

⁵¹⁰ Gasparis Ch. Land and Landowners in the Greek Territories under Latin Dominion... P. 75.

⁵¹¹ The Chronicle of Morea... P. 110. 1625–1631.

⁵¹² Ibid. P. 110–112. 1632–1634.

⁵¹³ Литаврин Г. Г. Проблема симбиоза в латинских государствах... С. 170.

сообщает, что в Андравиде было достигнуто соглашение, согласно которому «все архонты, имевшие земельные владения, сохранят их и будут нести [за них] военную службу, соответствующую их рангу», а «крестьяне останутся в тех же деревнях, где проживали [до франков]»⁵¹⁴. Соответственно, рядовое население – греческие земледельцы – прикреплялось к земле аналогично тому, как это было устроено в Западной Европе в предшествующий Четвертому крестовому походу период. Вследствие фактического прикрепления к земле греческие крестьяне попадали в более жесткие условия, нежели в византийские времена⁵¹⁵. Итогом этих переговоров также стало формирование комиссии из шестерых франков и шестерых греков-архонтов, которая составила реестр земельных владений⁵¹⁶, что подтверждает сотрудничество латинян с частью местного населения, сложившееся с первых лет присутствия франков в Морее.

Причиной скорых соглашений франков с местной аристократией стала как раз их немногочисленность и состав – завоеватели были преимущественно представителями нобилитета⁵¹⁷. Им было достаточно обширных государственных и церковных земель, перешедших под их контроль, а следовательно, не было необходимости лишать владений греческих аристократов и чиновников, готовых принять их в качестве новых правителей⁵¹⁸. Франки также заняли земли тех немногочисленных архонтов, которые предпочли бежать в Эпир или Никею⁵¹⁹. Какова была причина столь спокойного принятия захватчиков? Дело в том, что многие жители провинций, тесно не связанные с византийским двором или православными церковными структурами, не рассматривали франков как прямую угрозу, если те были готовы уважать их право собственности и обычаи⁵²⁰. По

⁵¹⁴ The Chronicle of Morea... P. 112. 1644–1650.

⁵¹⁵ Jacoby D. From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change... P. 4–5.

⁵¹⁶ The Chronicle of Morea... P. 112. 1649.

⁵¹⁷ Литаврин Г. Г. Проблема симбиоза в латинских государствах... С. 174.

⁵¹⁸ Tsougarakis N. I. The Latin Religious Orders in Medieval Greece... P. 5.

⁵¹⁹ Jacoby D. From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change... P. 24.

⁵²⁰ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 284.

соглашению между венецианцами и крестоносцами, имущество греческой церкви подлежало конфискации, часть его передавалась католической церкви, а остальная часть переходила к венецианским и франкским сюзеренам⁵²¹. В результате за греками равнинной части Пелопоннеса, согласившимися на сотрудничество с завоевателями, сохранились их владения, а также им было гарантировано уважение к их религиозным обычаям⁵²². Франки же получили в их лице советников и посредников во взаимодействии с рядовым населением Ахайи. Таким образом, правовой статус греческих землевладельцев, простолюдинов и крестьян в определенной мере нашел отражение в «Морейской хронике». Взамен на лояльность франки предпочли не лишать местное население (как минимум архонтов) их прав и имущества. Эти сведения перекликаются с данными главного источника по социально-административной организации Ахейского княжества – Ассиз Романии⁵²³ – свода законов из 219 статей (или ассиз), в котором также уделено внимание правам местного греческого населения.

Вскоре после завоевания франки ввели собственные правовые нормы, включавшие в себя как западноевропейский принцип раздела земель между завоевателями и их вассалами, так и некоторые греческие принципы управления. Вероятно, уже в 1209–1210 гг. было начато составление различных правовых норм, но доказательства существования некоего свода законов относятся только к 1276 г. Окончательная же редакция Ассиз Романии на французском языке была составлена между 1333 и 1346 гг., однако к этому времени она отражала сложившиеся в ходе длительного времени правовые нормы⁵²⁴. Обратимся к тексту Ассиз, чтобы детально

⁵²¹ Gasparis Ch. *Land and Landowners in the Greek Territories under Latin Dominion...* P. 74.

⁵²² *The Chronicle of Morea...* P. 112. 1633–1650.

⁵²³ *Les Assises de Romanie* / éd. critique avec une introd. et des notes par G. Recoura. Paris, 1930; Topping P. *Feudal Institutions as Revealed in the Assizes of Romania, the Law Code of Frankish Greece. Translation of the Text of the Assizes with a Commentary on Feudal Institutions in Greece and in Medieval Europe.* Philadelphia; London, 1949.

⁵²⁴ Jacoby D. *La féodalité en Grèce médiévale. Les «Assises de Romanie», sources, application et diffusion.* Paris, 1971. P. 310.

рассмотреть правовой статус греческих элит и рядового греческого населения в Ахейском княжестве.

В силу характера источника, как свода феодальных законов, в большей мере в нем отражены вопросы земельных владений и взаимоотношений сюзерена и вассалов, то есть отношений внутри правящего слоя землевладельцев. Учитывая присутствие в этой иерархии греческих архонтов, в Ассизах привычный франкам феодальный порядок сочетается с чертами византийского права⁵²⁵. В целом, сведения о правах греческого населения, содержащиеся в Ассизах Романии, можно условно разделить на несколько блоков: 1) вопросы, связанные с земельными владениями и несением вассальной службы; 2) вопросы наследования; 3) вопросы смешанных браков; 4) соотношение прав сеньоров и простолюдинов, свободных и несвободных. Отметим, список не является исчерпывающим, и сведения Ассиз требуют привлечения иных источников для заполнения лакун в вопросе прав греческого населения Ахайи.

Начнем с того, что высший нобилитет княжества состоял из князя и одиннадцати латинских баронов – пэров князя, которые заседали в Верховном суде княжества и обладали правом чеканки монеты в собственном феоде. Ниже на ступень находились наиболее многочисленные вассалы князя (лигии), за которыми следовали вассалы простого оммажа, в чье число в начале XIII в. вошли некоторые из старых византийских архонтов, сохранившие свои родовые поместья⁵²⁶. Греческие землевладельцы с начала XIII в. являлись особой группой феодальной аристократии Ахайи, что подтверждают несколько статей Ассиз⁵²⁷. Эти статьи, в частности, перечисляют привилегии, дарованные грекам взамен на их лояльность новым латинским правителям.

⁵²⁵ Jacoby D. *La féodalité en Grèce médiévale...* P. 310–311.

⁵²⁶ Papadia-Lala M. *Society, Administration and Identities in Latin Greece // A Companion to Latin Greece / ed. N. Tsougarakis. Leiden; Boston, 2014. P. 118.*

⁵²⁷ *Les Assises de Romanie. № 71. P. 210; № 138. P. 246; № 178. P. 271–272; № 194. P. 280.*

Принципиально важную информацию содержит ассиза под номером 138, согласно которой «вотчины греческих вассалов, которыми они владели с давних времен, их сыновья или их дочери должны наследовать в равной степени»⁵²⁸. То есть, помимо сохранения за греками прав на их имущество, был сохранен и византийский способ наследования. В среде франков в наследовании земельных владений действовал принцип майората, необходимый для поддержания жизнеспособности княжества. Кроме того, согласно Ассизам, инвеститура должна была быть запрошена франками в течение сорока дней или самое большее в течение года после смерти предыдущего землевладельца⁵²⁹. Греческое же население княжества не ограничивались этим сроком: «в требовании об инвеституре не должно быть никакого ущерба от периода сорока дней или года для тех, кто владеет феодами в соответствии с обычаями греков»⁵³⁰.

Согласно ассизе под номером 178, земельное пожалование греческому землевладельцу, в отличие от зависимого крестьянина, не может быть отозвано ни наследником, ни приемником дарителя⁵³¹. Эти примеры подтверждают обязательство соблюдения франками обещаний уважать византийские традиции, которые приводит автор «Морейской хроники», и подчеркивают сосуществование двух правовых систем в пределах княжества. Отметим, что в историографии существует точка зрения, что в Ахейском княжестве греческие землевладельцы занимали институционально более низкий уровень в феодальной иерархии, поскольку не имели политической и судебной власти, а владение и наследование их ленов регулировалось не франкским правом⁵³². И если первая часть утверждения не вызывает возражений, то иное регулирование поземельных отношений для греческих

⁵²⁸ Topping P. Feudal Institutions... № 138. P. 71.

⁵²⁹ Les Assises de Romanie... № 61. P. 205; № 120–121. P. 238–239.

⁵³⁰ Topping P. Feudal Institutions... № 138. P. 71; Les Assises de Romanie... № 138. P. 246.

⁵³¹ Les Assises de Romanie... № 178. P. 271–272.

⁵³² Gasparis Ch. Land and Landowners in the Greek Territories under Latin Dominion... P. 111.

вассалов представляется скорее прерогативой и согласием франкских элит на компромисс, нежели угнетением.

Ассиза № 138 утверждает также еще одно правило наследования, которое гласит, что «лен вассала-гречанки, вышедшей замуж за латинянина, после ее смерти наследуется в равной степени между всеми наследниками, когда они достигнут совершеннолетия, [даже] несмотря на то, что их отец был франком»⁵³³. Во-первых, отметим, что этот пункт шел вразрез с интересами франков, поскольку в ином случае под непосредственное управление латинских феодалов мог со временем перейти большой земельный фонд. Во-вторых, статья говорит нам о том, что смешанные браки не запрещались законодательством Ахейского княжества, хотя, вероятно, не особо приветствовались. В отличие от большинства латинских государств Греции, как на венецианском Крите, в Афинском герцогстве при каталонцах или на раннем этапе существования королевства Кипр при Лузиньянах⁵³⁴, в Ахайе не только законодательно допускались смешанные браки, но и соблюдался приоритет в правах наследования детей от смешанных браков знатных гречанок с франками в пользу греческой правовой традиции.

Вопросы смешанных браков на Пелопоннесе будут рассмотрены ниже, в следующей главе, однако необходимо в этом контексте упомянуть еще одну ассизу, регулировавшую вопросы наследования при смешанных браках. Ассиза № 194 гласит, что женщина, вступившая в брак с зависимым греческим крестьянином или землевладельцем, после смерти мужа не получит вдовьего удела, поскольку имущество будет разделено между их детьми⁵³⁵. Примечательно, что греческие землевладельцы в этой статье ставятся в один ряд с зависимым населением, что, пожалуй, возвышает немногочисленную франкскую знать над коренным населением

⁵³³ Les Assises de Romanie... № 61. P. 205; № 120–121. P. 238–239.

⁵³⁴ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 291–292; Beihammer A. A Transcultural Formula of Rule: Discourse on the Formation of the Kingdom of Cyprus // *Diasporic Groups and Identities in the Eastern Mediterranean (1100–1800)* / ed. G. Christ, F.-J. Morche, R. Zaugg, W. Kaiser, S. Burkhardt, A. D. Beihammer. Rome, 2015. P. 438.

⁵³⁵ Topping P. Feudal Institutions... № 194. P. 91; Les Assises de Romanie... № 194. P. 280.

Пелопоннеса. С одной стороны, это объяснимо правилом раздела земли между всеми наследниками греческого крестьянина, также отраженным в Ассизах⁵³⁶. С другой стороны, эту статью можно считать аргументом в пользу определенной нежелательности смешанных браков для латинян и стремления франков сохранить чистоту крови и социальную исключительность, на чем настаивает, в частности, П. Лок⁵³⁷. Тем не менее, на наш взгляд, необходимо более внимательно отнестись к вопросам иерархии. Действительно, в среде наиболее крупных феодалов до второй половины XIV в. почти не встречаются смешанные браки (за исключением политического брака Гийома II с его третьей женой – эпирской гречанкой Анной⁵³⁸). Однако кажется весьма логичным, что прибывшие на Пелопоннес франкские сержанты, не располагавшие крупными средствами, могли быть заинтересованы в браке с наследницами греческих архонтов. Латинских женщин же на Пелопоннесе проживало крайне мало – подавляющей частью свободных женщин были дочери франкских феодалов. Разумеется, брак франкской дамы с представителем греческого населения, пусть и землевладельцем, не представлялся выгодным по ряду причин, и, в первую очередь, из-за иной системы наследования земли, подразумевающей ее последующее разделение.

Византийские землевладельцы изначально были включены в феодальный слой Ахейского княжества на низшую ступень иерархии. Однако в течение XIII в. некоторые из архонтов стали также членами среднего слоя феодальной элиты. Поворотным моментом в этом процессе стала византийская реставрация на Пелопоннесе в 1262 г., потрясшая нобилитет Ахайи⁵³⁹. Это привело к уступке части феодальных владений грекам в обмен на военную службу, которую завоеватели предлагали местным землевладельцам с целью не только усилить войско, но и удержать

⁵³⁶ Topping P. Feudal Institutions... P. 87–88. Note 1.

⁵³⁷ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 291.

⁵³⁸ PLP. № 1000.

⁵³⁹ Jacoby D. From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change... P. 7.

греков на своей стороне. Таким образом, во второй половине XIII в. феодальная знать Ахейского княжества включала как латинян (в основном франков, но также и итальянцев), так и коренных греков на всех ступенях феодальной иерархии, кроме баронов⁵⁴⁰. Однако мы не находим достаточных просопографических подтверждений, чтобы утверждать существование греков-лигиев ко второй половине XIII в.

Важно отметить, что греческое земельное владение также было лишено условного характера. На него не устанавливался срок феодальной инвеституры, а влиявший на него срок обязательной военной службы не был четко определен⁵⁴¹. При этом некоторые из греческих феодалов возводились в рыцари в качестве вассалов простого оммажа, в частности, во второй половине XIII в. – случай тесного сотрудничества владетеля Каритены с греческим населением и возведение им архонтов в рыцари⁵⁴² будет рассмотрен нами в следующем параграфе. Лен у латинян-вассалов простого оммажа был небольшого размера, и за него они несли военную службу, но в остальном не имели большинства полномочий феодального сеньора. Согласно Ассизам, подобными были требования и к греческим феодалам, поскольку «обратного не было утверждено»⁵⁴³. Таким образом, мы подходим к еще одной правовой характеристике: подобно франкам, греческая знать Ахейского княжества с какого-то времени подлежала военной службе, соответствующей их статусу в феодальной иерархии. Несение греками Ахайи военной службы подтверждает в своей «Истории» Георгий Акрополит, сообщая, что в 1259 г. при Пелагонии в войске князя Гийома II находились как франки, так и «ромей, большинство из которых были лаконцами»⁵⁴⁴. Что касается других феодальных прав архонтов, в своих землях они могли управлять париками по своему усмотрению, однако не обладали

⁵⁴⁰ Gasparis Ch. *Land and Landowners in the Greek Territories under Latin Dominion...* P. 107.

⁵⁴¹ Jacoby D. *La féodalité en Grèce médiévale...* P. 35.

⁵⁴² *Libro de los fechos...* P. 74. 331.

⁵⁴³ *Les Assises de Romanie...* № 71. P. 210.

⁵⁴⁴ *Georgii Acropolitae. Opera...* P. 168. 13–16.

полномочиями, как и франкские бароны, предоставлять им свободу – право на это было лишь у сюзерена, т. е. ахейского князя⁵⁴⁵. Таким образом, находясь на низших ступенях феодальной иерархии, греческие землевладельцы Ахейского княжества сохранили свои права и, судя по всему, избежали явных притеснений и сегрегации.

Обратимся к немногочисленным свидетельствам о статусе греческого свободного населения, а также зависимых крестьян. В целом, с завоеванием византийских земель крестоносцами и установления так называемой «франкократии» (Φραγκοκρατία) в Греции для основной массы византийского населения существенно сократилась личная правоспособность⁵⁴⁶. При франках правосудие и налогообложение стали исключительной прерогативой феодалов, что способствовало активному подчинению крестьян, гораздо более сильному, чем в византийскую эпоху, и без какой-либо возможности обращения вилланов/париков к юрисдикции государства. Согласно Д. Якоби, с социально-правовой точки зрения подавляющее большинство населения было низведено до уровня вилланов, за исключением немногих свободных и вольноотпущенников⁵⁴⁷. По феодальному праву зависимый крестьянин, если он был греком, не мог свидетельствовать в суде против сеньора в уголовном деле, «касающемся жизни или тела»⁵⁴⁸, в то время как в случае его смерти без законного наследника его имущество переходило в собственность его господина⁵⁴⁹. Среди немногих прав, которыми обладал зависимый человек, была возможность продавать свой скот и рубить дрова в лесу. Наконец, особое место в местном обществе занимали горожане: это были как зажиточные купцы, владевшие земельной собственностью, так и простое

⁵⁴⁵ Les Assises de Romanie... № 25. P. 173–174.

⁵⁴⁶ Литаврин Г. Г. Проблема симбиоза в латинских государствах... С. 168.

⁵⁴⁷ Jacoby D. La féodalité en Grèce médiévale... P. 34.

⁵⁴⁸ Les Assises de Romanie... № 198. P. 282.

⁵⁴⁹ Topping P. Feudal Institutions... P. 219. P. 98–99.

торгово-ремесленное население⁵⁵⁰, входившее теперь в юрисдикцию сеньора, которому принадлежал феодальный надел, или же самого князя.

На местах управлением княжества занимались кастеляны (*chastellains*), которым помогали коннетабли (*connestables*) и сержанты (*sergans*)⁵⁵¹. Коннетабль, должность которого всегда занимали франки или итальянцы, призывал местных вассалов для прохождения военной службы к правителю и осуществлял своего рода апелляционную юрисдикцию местных судов. Сержанты же были лучше всего знакомы греческому крестьянству, поскольку они осуществляли контроль над их хозяйственной и общественной жизнью. В городах княжества, по-видимому, существовала система представителей (которыми могли быть и греки), ответственных за сбор налогов с городов для князя⁵⁵², что перекликается с византийской практикой и институтом налоговых чиновников.

Подводя итог, отметим, что в определенной мере феодальное право, представления и интересы завоевателей ограничили преемственность формировавшейся правовой системы с византийской. Франки перевели социальную реальность, которую застали в Греции, в собственные юридические термины. То, что в византийские времена являлось лишь социальными и экономическими различиями, превратилось в строгую правовую и иерархическую систему. Греческое общество преимущественно было разделено на две четко различающиеся категории: с одной стороны, свободное население (преимущественно архонты, но также представители духовенства и горожане), которые быстро ассимилировались с благородными франками и довольно легко интегрировались в новую среду с социальной и юридической точки зрения; с другой – зависимые земледельцы (в Ассизах – *vilain*), подчиненные власти и юрисдикции своих сеньоров. Каждая из этих социальных групп подчинялась своему собственному праву, что

⁵⁵⁰ Papadia-Lala M. *Society, Administration and Identities in Latin Greece...* P. 119.

⁵⁵¹ *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête...* P. 216. 543.

⁵⁵² Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 189.

подчеркивает различие между правовыми принципами завоевателей и принципами общего византийского права⁵⁵³. Исходя из анализа законов княжества, можно сделать вывод, что категорического обособления франкского населения от греческого в Ахайе не наблюдалось. Латинский нобилитет попросту не мог поставить себя над византийским обществом Пелопоннеса без учета локальных социально-административных структур и особенностей, а также знаний о том, по каким законам и традициям функционирует местное общество. В то же время, в высших франкских кругах долгое время (по крайней мере, до 1320-х гг.) активно поддерживалась «исключительность» франкского происхождения.

В отличие от государств Западной Европы, византийское общество на всех этапах своей истории отличалось этническим многообразием. На протяжении многих столетий в империи проживали различные этно-религиозные общности, не отличавшиеся правовым статусом от ромейского населения и при этом сохранявшие собственные обычаи и традиции⁵⁵⁴. После 1261 г. изначально полиэтничная империя не выделяла в отдельную группу латинских переселенцев. В этой части мы сосредоточимся на немногочисленных и зачастую лишенных конкретики свидетельствах постоянного или же временного проживания латинян на территории византийского Пелопоннеса, их правовом статусе и отношениях с местной администрацией.

Прежде необходимо отметить, что византийская сторона после восстановления своей власти над частью Пелопоннеса сделала ставку на политику обособления греческого населения от франков, апеллируя к общеромейской идентичности пелопоннесских греков. Византийцы стремились привлечь на свою сторону как можно больше политически

⁵⁵³ Jacoby D. *La féodalité en Grèce médiévale...* P. 33.

⁵⁵⁴ Laiou A. E. *Institutional Mechanisms of Integration // Byzantium and the Other: Relations and Exchanges* / ed. C. Morrisson; R. Dorin. Farnham; Burlington, 2012. P. 163–166.

лояльного им населения. Данные греческой версии «Морейской хроники» подтверждают тот факт, что часть мирных жителей с готовностью предпочли выбрать сторону византийцев. Ожесточенные военные столкновения после восстановления византийского присутствия в 1262 г. повлекли за собой, кроме прочего, миграции рядовых жителей Пелопоннеса из зон греко-латинских конфликтов. Особо остро эту проблему ощутили близкие к Мистре, отошедшей к византийцам, лаконские территории, чье население, судя по данным источников, в 1260-е гг. регулярно подвергалось опасности. Согласно греческой и французской версии «Морейской хроники», князь и его соратники, прибыв в Лакедемон (Спарту) для отдыха и подготовки к очередной войне с ромеями, обнаружили его в состоянии запустения, вызванного уходом значительной части греческого населения в хорошо укрепленную и оттого более безопасную Мистру⁵⁵⁵. Французский текст хроники указывает также и на роль византийцев в миграции жителей этого города, называемого в этой версии на франкский манер Кремонией (*Cremonie*): «большая часть греков, проживавших в городе (Лакедемон / Кремонии. – Т. Б.), снялись с места и ушли в Мизитру (*Misitra*), куда их отправили люди императора»⁵⁵⁶. Переселение на подконтрольные византийцам территории означало признание мигрировавшими греками власти императора на Пелопоннесе. Остается открытым вопрос, чем была мотивирована эта миграция. Учитывая местоположение Мистры и недавнее укрепление ее оборонительной системы, можно предположить, что переселение сюда греческого населения из зон конфликта могло быть вызвано естественным стремлением людей обезопасить свою жизнь и имущество⁵⁵⁷. В то же время переход рядового населения под покровительство византийцев в поисках лучших жизненных условий мог быть связан и с их недовольством франкской администрацией.

⁵⁵⁵The Chronicle of Morea... P. 363. 5590–5598; Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 150. 387.

⁵⁵⁶Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 150. 387.

⁵⁵⁷Armstrong P. The Survey Area in the Byzantine and Ottoman Periods... P. 341.

Эту возможную мотивацию населения нельзя исключать, поскольку непримиримость с иноземными захватчиками была характерной для обособленных юго-восточных районов полуострова⁵⁵⁸, к которым как раз относились территории вокруг Мистры.

Помимо переселения греков из Лакедемона в Мистру хронист упоминает некоего местного жителя, вероятно, из числа греков, который после поражения ромеев у Приницы (1263) сопровождал великого доместика Константина Палеолога и помог ему незамеченным вернуться в Мистру⁵⁵⁹. Византийцам удалось склонить на свою сторону греков приграничных территорий, однако данных источников недостаточно, чтобы определить хотя бы приблизительный процент мигрировавшего населения. Учитывая, что политика привлечения переселенцев с латинских территорий в Мистру и ее окрестности⁵⁶⁰ зафиксирована в источниках первой половины XIV в., можно сделать вывод, что миграции греческого населения из Ахейского княжества в XIII в. не носили массового характера.

Франки и венецианцы до XIII в. бывали, но постоянно не проживали на Пелопоннесе. Только после франкского завоевания морейские греки и славяне вступили с ними в более тесный контакт⁵⁶¹. В первые десятилетия после восстановления византийской власти на полуострове греки и франки находились в состоянии перманентной войны, приостановившейся лишь к концу XIII в. Закономерно, что в это время источники не фиксируют факты постоянного проживания латинского населения в византийской части Пелопоннеса. Единственным исключением является упоминание в греческой версии «Морейской хроники» при описании военных действий 1260-х гг. некоего знатного франка, прибывшего в Мистру к великому доместику Константину Палеологу из византийской столицы. Этот франк давал советы

⁵⁵⁸ Пиева А. Frankish Morea... P. 175.

⁵⁵⁹ The Chronicle of Morea... P. 318. 4834–4836.

⁵⁶⁰ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden... 1960. T. 4. № 2438, 2633.

⁵⁶¹ Zakythinios D. A. Le Despotat Grec de Morée... Vol. 2. P. 37.

Константину как вести войну против князя⁵⁶², что косвенно может указывать на его весьма высокий статус. Следовательно, укорененность на Пелопоннесе франков, чьи интересы оказались прочно связаны с регионом, а также перспектива карьерного роста вполне могли изменить их политическую лояльность и обеспечить переход некоторых из них на службу к византийцам.

В XIV в., когда Ахейское княжество начало терять территории, подобные случаи получили более широкое распространение. Выше уже упоминалось, что во время правления в Мистре наместника императора Андроника Асеня⁵⁶³, подчинившего территории Аркадии⁵⁶⁴, грекам сдалось несколько франкских замков, чьи кастеляны предпочли принять византийскую сторону. Согласно французской версии хроники, «в том же [1320] году замки Метагрифон, Полифан, Каритена и некоторые другие, к великому сожалению, были переданы предателем [Андронику] Асеню»⁵⁶⁵. Предателем, по версии ряда исследователей, был кастелян замка св. Георгия Николай Патрский, заключивший с греками соглашение⁵⁶⁶. Судя по всему, кастеляны соседних замков последовали его примеру. Латиняне этих замков, таким образом, согласились добровольно признать власть византийцев и принять греческую веру, сохранив право распоряжаться собственным фьефом. Попавшие в подчинение к греческому наместнику латиняне интегрировались в византийское общество и постепенно ассимилировались с греческим населением⁵⁶⁷. Признание византийской власти, таким образом, было достаточным условием для проживания на территории византийского Пелопоннеса.

⁵⁶² The Chronicle of Morea... P. 322. 4895–4897.

⁵⁶³ PLP. №1489.

⁵⁶⁴ Bon A. La Morée Franque... P. 202.

⁵⁶⁵ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 405. 1024.

⁵⁶⁶ Ibid. P. 404.

⁵⁶⁷ Runciman S. Mistra... P. 50–51; Jacoby D. From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change... P. 12.

На фоне военных успехов греков Мореи возросла заинтересованность византийской администрации в привлечении нового населения на обширные земли монастырей Мистры. Хрисовул императора-соправителя Михаила IX (1294–1320) от ноября 1318 г. давал право монастырю Бронтохион привлекать новых работников, причем и из числа латинян, при условии, что они не находились в зависимости от другого землевладельца⁵⁶⁸. Хрисовул Андроника II от февраля 1320 г.⁵⁶⁹ также поощрял приток рабочей силы в Мистру, освобождая от притеснений свободных людей, «имеющих намерение прийти из областей, находящихся под властью чужеземцев, и сесть на землю монастыря»⁵⁷⁰. И. П. Медведев считает, что в этих хрисовулах подразумевалось исключительно греческое население, проживавшее на занятых латинянами территориях, т. е. целью их издания было привлечение в Мистру греческого населения с территорий Ахейского княжества, что способствовало бы его концентрации вокруг столицы византийского Пелопоннеса⁵⁷¹. Даже в таком случае к XIV в., за сто лет совместного проживания, социокультурные границы между греческим и франкским населением Ахайи должны были в значительной степени нивелироваться⁵⁷². Следовательно, присутствие латинского рядового населения в греческих землях Мореи, особенно в контексте завоевательных успехов Андроника Асеня, не должно подвергаться сомнению, как и то, что они обладали теми же правами, что и греческие земледельцы.

В византийском обществе все свободные люди пользовались равным правовым статусом и подчинялись одному и тому же византийскому закону, независимо от их социального и/или экономического положения⁵⁷³. В трудах византийских историков XIII в. прослеживается общая идея, что являться ромеем, с точки зрения идентичности, – в первую очередь, разделять

⁵⁶⁸ Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden...* 1960. Т. 4. № 2633.

⁵⁶⁹ *Ibid.* № 2438.

⁵⁷⁰ Медведев И. П. Мистра. С. 68.

⁵⁷¹ Там же. С. 77.

⁵⁷² Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 290.

⁵⁷³ Jacoby D. *From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change...* P. 4.

политическую лояльность к империи и императору, но для самоидентификации себя как византийца были важны и этнические элементы, в том числе вера в то, что идентичность была и должна быть наследственной. После 1204 г. старые маркеры этой политической ромейской идентичности претерпели изменения⁵⁷⁴. Георгий Пахимер, помимо прочего, настаивал, что ромейское самосознание должно было определяться, прежде всего, чувством солидарности и поддержки византийского государства⁵⁷⁵. Таким образом, требованием для проживавших на территории империи в течение XIII в. была как минимум политическая лояльность императору и его представителям на местах.

Византийцы в XIV в. активно приветствовали возвращение земель, на которых с 1204 г. проживали потомки завоевателей, путем мирных договоренностей с этим населением. В частности, в 1340 г., по сообщению Иоанна VI Кантакузина, с воодушевлением было воспринято посольство франкских баронов, разочарованных бездействующими сюзеренами из Неаполя. Они предлагали принести клятву верности императору взамен на защиту и право сохранить собственные земли. Это объединило бы весь Пелопоннес под властью ромеев⁵⁷⁶. И если в середине XIII в. император Михаил VIII стремился убедить князя Гийома и его людей покинуть Морею и вернуться в Западную Европу⁵⁷⁷, то к середине XIV в. ромеи уже положительно оценивали готовность франкского населения Пелопоннеса перейти под покровительство императора. Вновь демонстрация лояльности императору представляется главным требованием для проживания франков в империи, пусть и на утраченных империей территориях. Это можно объяснить как острой нехваткой у византийцев ресурсов для организации военных походов против латинян, так и постепенной переменой в отношении

⁵⁷⁴ Page G. *Being Byzantine...* P. 120–121.

⁵⁷⁵ *Ibid.* P. 122.

⁵⁷⁶ Iohannis Cantacuzenus. *Historiarum Libri IV* / ed. L. Schopen. Bonn, 1831. Vol. 2. P. 75. 14–77. 4; Nikephori Gregorae. *Historia Byzantina* / ed. L. Schopen; E. Bekker. Bonn, 1830. Vol. 2. P. 596. 5.

⁵⁷⁷ *Chronique de Morée (1204-1305): Livre de la conquête...* P. 115. 313.

к ним, которое стало более терпимым. В поздневизантийский период, когда империя находилась в кризисном состоянии, результатом такой политики должна была стать лояльность чужаков к византийскому правлению⁵⁷⁸. В процессе возрождения бывшего величия империи новообретенные друзья императора могли стать частью византийского мира, что говорит нам о гипотетическом наличии места для целых групп нового населения в социальной структуре империи.

В своем сочинении Иоанн VI Кантакузин отмечал, что одним из первых действий его сына Мануила в роли деспота было заключение мирного договора с латинянами, являвшимися «подданными князя». В дальнейшем деспот неоднократно выступал с ними единым фронтом против общих врагов – каталонцев и турок, причем «они (Λατίνοι) сильно привязались к нему по причине его любви к правде и его справедливости, поскольку на протяжении многих лет он ни разу не обманул их доверия»⁵⁷⁹. При нем в Морее стало меньше конфликтов между представителями греческой и латинской церкви, что, в частности, нашло отражение в переписке Мануила и папы Григория XI (1370–1378). Это также облегчало принятие латинскими лордами греческого правления⁵⁸⁰. Подтверждением тому служат фамилии некоторых знатных греков на службе у деспота, указывающие на их латинское происхождение, как Франкопул («сын франка») или Франдзи / Сфрандзи («Франциск»)⁵⁸¹. Мы не можем определить приблизительное количество такого населения, но факт его наличия, как и равноправия с византийцами, не вызывает сомнений.

Таким образом, главным и негласным требованием для латинского населения византийского Пелопоннеса была их интеграция в византийскую среду – требование скорее социокультурное, нежели правовое. При этом ничего не указывает на отличное от прочего населения положение латинян в византийском обществе Пелопоннеса. Мы не можем выделить отличий,

⁵⁷⁸ Laiou A. E. *Institutional Mechanisms of Integration*. P. 180.

⁵⁷⁹ Iohannis Cantacuzenus. *Historiarum...* Vol. 3. P. 90. 5–10.

⁵⁸⁰ Runciman S. *Mistra...* P. 54.

⁵⁸¹ Page G. *Being Byzantine...* P. 225.

которые бы делали правовой и социальный статус латинян, франков или венецианцев, преданных византийской стороне, более уязвимым. Наоборот, признание ими византийской власти поощрялось пожалованием привилегий или же предоставлением права проживания на византийской территории. В пределах ограниченного пространства полуострова длительные контакты полиэтничного населения Мореи друг с другом постепенно привели к размыванию социокультурных границ. Процесс их взаимодействия способствовал приобщению иных этнических групп к византийской культуре и их вовлечению во внутреннюю жизнь византийской Мореи.

Венецианцы, в отличие от франков, после раздела захваченных земель Византийской империи сумели создать централизованную колониальную державу⁵⁸². В июне 1209 г. Венеция получила контроль над портовыми городами, расположенными на юге Пелопоннеса – Модоном и Коронам, а также над окрестности Наварино, уступив остальные территории полуострова Жоффруа де Виллардуэну⁵⁸³. В соглашении о разделе земель, подписанном между франками и венецианцами на острове Сапиенца, упоминаются только ставшие латинскими епископства Модона и Корона. Эти два епископства заменили ранее существовавшие греческие и получили их земельные владения – некоторые в границах Ахейского княжества. В этом договоре не упоминаются греческие землевладельцы, вероятнее всего, потому что Венецию не беспокоил их статус, поскольку крупные поместья чаще всего находились вне юрисдикции Модона и Корона⁵⁸⁴. Какова была дальнейшая судьба греческого населения территорий Пелопоннеса, перешедших под управление республики св. Марка? Как регулировались правовые взаимоотношения между греками и венецианцами? Чтобы ответить

⁵⁸² Chrysostomides J. Merchant versus Nobles: a Sensational Court Case in the Peloponnese (1391–1404) // *Byzantium and Venice, 1204–1453: Collected Studies* / ed. M. Heslop, Ch. Dendrinos. Farnham, 2011. P. 116.

⁵⁸³ Пиева А. Frankish Morea (1205–1262) ... P. 142.

⁵⁸⁴ Gasparis Ch. Land and Landowners in the Greek Territories under Latin Dominion... P. 77.

на этот вопрос, необходимо прежде установить общие принципы венецианского административного управления на Пелопоннесе.

Важно отметить, что система колониальной администрации Венеции в Восточном Средиземноморье не была единообразной. Венецианский режим в Короне и Модоне серьезно отличался от Крита, где греческое население было полностью вытеснено из сфер управления⁵⁸⁵. Несмотря на первоначальное недоверие к греческому населению, особенно в вопросах защиты факторий, венецианцы в целом за более, чем два века владычества, показали себя весьма прагматичными правителями. Согласно Дж. Хрисостомидес, венецианцы с заботой относились к местному греческому населению, поскольку экономическое процветание этих территорий в значительной степени зависело непосредственно от греческого крестьянства, обрабатывающего землю⁵⁸⁶.

Представители высшей византийской администрации после 1209 г. были вытеснены колониальной администрацией Венеции. На высшем уровне централизованная венецианская колониальная администрация была укомплектована чиновниками, назначавшимися из Венеции, срок службы которых составлял, как правило, два года⁵⁸⁷. Главами местной венецианской администрации на Пелопоннесе были кастеляны (*castellan/castellani*), имевшие также по два советника⁵⁸⁸. Политические вопросы строго контролировались центральным правительством Республики, кастеляны же регулировали повседневные дела колоний из своих резиденций в Короне и Модоне. Они принимали решения не только по административным, коммерческим и сельскохозяйственным, но и этическим вопросам, связанным зачастую с греческим населением, составлявшим большинство в венецианских факториях Пелопоннеса. Крайне важно, что несмотря на

⁵⁸⁵ Chrysostomides J. Symbiosis in the Peloponnese in the aftermath of the Fourth Crusade // Byzantium and Venice, 1204–1453: Collected Studies / ed. M. Heslop, Ch. Dendrinos. Farnham, 2011. P. 156.

⁵⁸⁶ Chrysostomides J. Merchant versus Nobles... P. 117.

⁵⁸⁷ Jacoby D. From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change... P. 14.

⁵⁸⁸ Карпов С. П. Латинская Романия. С. 127.

установление новой венецианской администрации, полного замещения византийских институтов не произошло, и общественные институты на территории Корона и Модона частично сохранили византийские принципы⁵⁸⁹. Это обстоятельство в будущем повлияло на принципы взаимодействия венецианцев с местным населением, а также на правовой и социальный статус греков Корона и Модона.

На венецианских территориях Пелопоннеса степень преемственности с византийскими порядками, вероятно, была намного выше, чем на франкских территориях. Д. Якоби отмечает, что несмотря на использование феодальной терминологии в официальной документации (например: вилланы, феудатарии и др.), Венеция сохранила централизованную форму административного, установив на обретенных территориях стройную бюрократическую систему управления и контроля⁵⁹⁰. О положении греческого населения в венецианских факториях Пелопоннеса свидетельствуют постановления венецианского Сената XIV в., а также архивные документы Корона и Модона⁵⁹¹. Отметим, что информация о венецианских факториях Пелопоннеса XIII в. крайне скудна, и в данном разделе мы опираемся преимущественно на источниковый материал XIV в. Остановимся на свидетельствах, которыми мы располагаем.

Немногочисленные венецианские граждане, проживавшие постоянно или временно в Короне и Модоне, находились в полноправном и привилегированном положении. Формально городские общины Корона и Модона были открыты для всех горожан, включая свободное греческое население, однако неофициально административное управление было сосредоточено в руках небольшого числа знатных семей, в основном латинского происхождения, хотя в то же время нельзя утверждать, что

⁵⁸⁹ Chrysostomides J. *Symbiosis in the Peloponnese in the aftermath of the Fourth Crusade...* P. 156.

⁵⁹⁰ Jacoby D. *From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change...* P. 3.

⁵⁹¹ *Régestes des Délibérations...* Vol. 1; *Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata: euristica e critica documentaria per gli oculi capitals Communes Veneciarum (secoli XIV e XV)* / ed. A. Nanetti. Athens, 1999. Vol 1; Athens, 2007. Vol. 2.

греческие жители были из него полностью исключены⁵⁹². Большая часть византийских земель, как государственных, так и церковных, перешла под непосредственный контроль венецианского правительства. Часть была передана венецианским гражданам и католической церкви. Частные же земли, находившиеся в руках богатых византийских семей, а также небольшие наделы, принадлежавшие мелким земледельцам, негласно признавались собственностью этих людей. Нет свидетельств, что на венецианских территориях положение греческих землевладельцев ухудшилось. Напротив, сохранился договор от 2 Марта 1371 г. между греком Николаем Андаросом из деревни Петриадес (близ Корона) и жителем Корона Антонио Романо, по которому первый передавал второму права на один из своих виноградников⁵⁹³. Греческие же крестьяне, как правило, упоминаются в венецианских документах под латинскими терминами «*fideles*» или «*subditi nostri*», подразумевающими их подчиненное правовое положение⁵⁹⁴.

Тогда как франки распространили на своих территориях феодальную систему, Венеция сохранила функции правосудия и налогообложения за правительством Республики. Венеция также проводила различие между вилланами, подчиненными власти отдельных землевладельцев, и вилланами государственными – *villani comunis*. Статус вилланов был наследственным, а строгое подчинение господину или государству на венецианских территориях заключалось в фискальных обязательствах и правовых ограничениях. Греческие крестьяне платили налоги и несли определенные отработочные повинности в обмен на землю, которую получали от сеньора или государства. Венеция была заинтересована в стабильности аграрного сектора, который напрямую зависел от рабочих рук, соответственно, поддержание надлежащего уровня жизни и обеспечения земледельцев в

⁵⁹² Papadia-Lala M. Society, Administration and Identities in Latin Greece... P. 134.

⁵⁹³ Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata... Vol. 1. P. 143. № 3.24.

⁵⁹⁴ Chrysostomides J. Symbiosis in the Peloponnese in the aftermath of the Fourth Crusade... P. 156–157.

сельской местности было для нее приоритетным⁵⁹⁵. В постановлении Сената от 3 июля 1335 г., касавшемся Корона и Модона, говорилось, что государственная земля, оставшаяся вакантной в результате смерти сельских жителей, не должна передаваться латинянам, поскольку они освобождены от любой ангарии⁵⁹⁶. С одной стороны, подобное постановление подчеркивает подчиненное положение греческого населения венецианских территорий Пелопоннеса и противопоставляет его полноправному статусу латинян. С другой же стороны, оно также регулировало распределение сельскохозяйственных угодий, закрепляя землю за греческими крестьянами.

Непосредственно в Короне и Модоне греческое население также подвергалось определенным ограничениям. Например, ни одному греку не позволялось покупать дом внутри крепостных стен Корона и Модона без предварительного разрешения обоих кастелянов. Кроме того, в случае спорной ситуации предпочтение должно было отдаваться покупателю-латинянину, причем не обязательно венецианского происхождения⁵⁹⁷. Это, в свою очередь, можно также связать с полноправным статусом латинян в противовес неполноправным грекам. Приоритет латиняне имели и в получении имущества от муниципалитета, хотя как минимум с 1340-х гг. Республика распространила это право и на греческое население. В документе от 6 марта 1341 г. Сенат постановил, что греки могут получать имущество от муниципалитета, однако латиняне должны обладать приоритетом⁵⁹⁸. Издание этого постановления могло быть связано со стремлением состоятельных греков утвердиться в полноправном статусе в этих венецианских городах, а

⁵⁹⁵ Jacoby D. Peasant Mobility across the Venetian, Frankish and Byzantine Borders in Latin Romania, Thirteenth-Fifteenth Centuries // I Greci durante la venetocrazia: Uomini, spazio, idee (XIII–XVIII sec.). Atti del Convegno Internazionale di Studi. Venezia, 3–7 dicembre 2007. P. 524–525.

⁵⁹⁶ Régestes des délibérations... Vol. 1. №59. P. 35. *Angaria* (лат.) – тяжелая работа.

⁵⁹⁷ Chrysostomides J. Symbiosis in the Peloponnese in the aftermath of the Fourth Crusade... P. 156.

⁵⁹⁸ Régestes des délibérations... Vol. 1. №123. P. 46.

также с немногочисленностью латинского населения в Короне и Модоне в это время.

Постановления Сената демонстрируют, что интересы греческого населения венецианских территорий отходили на второй план в случае напряженной экономической или/и политической обстановки, требовавшей перераспределения ресурсов Республики. Так, в частности, произошло в условиях обострения отношений Венеции и Византии в начале 1340-х гг., когда Венеция стремилась взыскать с императора компенсацию за нападение на своих купцов в море со стороны пиратов Монеувасии⁵⁹⁹. Вскоре после этого, 26 февраля 1341 г., Сенат, посчитав, что кастеляны Корона и Модона предоставили слишком много должностей несовершеннолетним и грекам, постановил сократить количество должностей до 250 в Короне и 300 в Модоне, максимальную оплату до 30 и 40 иперперов соответственно, а также уволить всех греков, несовершеннолетних и служащих муниципалитета старше 60 лет⁶⁰⁰. Вероятно, это решение было также связано с проблемой финансирования факторий в это время. Финансовые и политические проблемы в отношениях с византийцами сохранялись, поскольку это постановление не было отменено, и десятью годами позже, 30 января 1351 г., Сенат выпустил постановление, согласно которому вовсе «ни один грек не может получать жалование от республики св. Марка»⁶⁰¹. По всей видимости, ситуация стабилизировалась лишь к 1361 г., когда в постановлении от 9 августа 1361 г. упоминается о «верных греках Корона»⁶⁰² – греческого населения Пелопоннеса на службе коммуны.

Положение местного населения при этом не было полностью бесправным. Следует подчеркнуть, что венецианский Сенат в своих инструкциях кастелянам Корона и Модона настаивал на том, чтобы они делали все возможное, чтобы управлять в соответствии со справедливостью

⁵⁹⁹ Régestes des délibérations... Vol. 1. № 129. P. 47.

⁶⁰⁰ Ibid. № 136. P. 48.

⁶⁰¹ Ibid. № 251. P. 72.

⁶⁰² Ibid. № 378. P. 99.

и, где возможно, действовать в соответствии с местными обычаями, чтобы поддерживать благополучие этих территорий⁶⁰³. В случае несоблюдения их прав греки имели возможность подать жалобу кастеляну и даже в суд митрополии. Кроме того, греческое население в повседневной жизни имело право назначать доверенных лиц, в том числе венецианцев, и самим выступать в качестве поверенных для венецианцев. Так, 22 августа 1334 г. в Короне местный грек Акиндин Псимарис назначил своим поверенным венецианца Никола Карапо для финансового разбирательства с Джованни Босацци из Кандии. Свидетелями по этому делу были заявлены двое: некий Франциск, очевидно, латинского происхождения, и Никифор Властос, по всей видимости, грек⁶⁰⁴. 8 сентября 1333 г. в Короне Джакомо Пизани, житель Корона, назначил своим доверенным лицом грека Льва Меристика⁶⁰⁵. 8 октября 1342 г. в Короне Никифор Властос, фигурировавший ранее свидетелем, был назначен главным поверенным венецианца Анджело Барбериго⁶⁰⁶. Таким образом, греки еще в первой половине XIV в. могли выступать не только свидетелями, но и вовлекаться в делопроизводство в Короне и Модоне, что объясняется их знакомством с местными бюрократическими порядками.

Судопроизводство в венецианских факториях велось также с учетом греческих обычаев. Известно, что порядок дачи показаний зависел от вероисповедания свидетеля. Так, свидетелям на венецианских территориях Романии разрешалось приносить присягу в соответствии с их собственными обычаями. Католики приносили клятву на Новом Завете, православные же – на кресте, который они носили⁶⁰⁷. Яркий случай длительной судебной тяжбы грека из Корона, получившего венецианское гражданство, с Нерио Аччайуоли и впоследствии его наследницей был подробно рассмотрен

⁶⁰³ Chrysostomides J. Symbiosis in the Peloponnese in the aftermath of the Fourth Crusade... P. 162–163.

⁶⁰⁴ Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata... Vol 1. № .1.11. P. 70.

⁶⁰⁵ Ibid. № 1.65. P. 92.

⁶⁰⁶ Ibid. № 1.95. P. 106.

⁶⁰⁷ Chrysostomides J. Merchant versus Nobles... P. 125.

Дж. Хрисостомидес в ее работах⁶⁰⁸. К обстоятельствам этого дела, в особенности проявлениям уважения к византийским религиозным, правовым и культурным обычаям мы еще вернемся.

Колониальная администрация Корона и Модона осуществляла свою власть над сельским населением через представителей деревни (*veterani/vetrani*). Источники подтверждают их особое положение и широкий круг обязанностей: они собирали подати с деревень, обследовали и контролировали прокладку границ между полями, прежде чем они были записаны в кадастры, доставляли известия и собирали показания. Они также сообщали о любых изменениях в популяции или количестве животных, чтобы можно было обновить записи в переписи. Именно они выступали в качестве представителей сельских жителей в спорах между властями и деревней вплоть до того, что ездили в Венецию для предоставления жалоб центральному правительству Республики⁶⁰⁹. В частности, в 1328 г. подобные жалобы были направлены представителями греческой деревни Мониста на канцлера Корона Николо Танто, неоднократно злоупотреблявшего своей властью. Он собирал налоги сверх меры, присваивая часть себе, вынуждал крестьян продавать шелк-сырец за полцены, не позволяя им выезжать на рынки соседней Ахайи для продажи по более высоким ценам, а также обвинялся в отказах платить за сельскохозяйственную продукцию крестьян⁶¹⁰. Источники, к сожалению, не сообщают о финале этого дела, однако пятнадцатью годами позже, в 1343 г., Николо Танто вновь встречается в венецианских документах как канцлер Корона⁶¹¹.

⁶⁰⁸ См.: Chrysostomides J. Byzantium and Venice, 1204–1453: Collected Studies / ed. M. Heslop, Ch. Dendrinos. Farnham, 2011. 314 p.

⁶⁰⁹ Chrysostomides J. Symbiosis in the Peloponnese in the aftermath of the Fourth Crusade... P. 161–162.

⁶¹⁰ Chrysostomides J. Symbiosis in the Peloponnese in the aftermath of the Fourth Crusade... P. 163. Также см.: Hodgetts C. Venetian Officials and Greek Peasantry in the Fourteenth Century // ΚΑΘΗΓΗΤΡΙΑ: Essays presented to Joan Hussey for her 80th Birthday. London, 1989. P. 481–499.

⁶¹¹ Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata... Vol 1. № 1.83. P. 100.

Нам известно также, что представителям венецианской администрации строго воспрещалось вести торговлю⁶¹². В январе 1358 г. подобное предписание было вынесено непосредственно в отношении к канцлерам Корона и Модона. Согласно постановлению Сената, под угрозой потери должности канцлерам запрещалось владеть территорией и присваивать долю налогов, взимаемых в этой колонии⁶¹³. Бдительность со стороны Республики за происходящим в колониях была связана с ее заинтересованностью в процветании подвластных территорий. Защита местного населения от произвола венецианских чиновников, таким образом, была необходимой ради сохранения и увеличения доходов, получаемых из Корона и Модона.

Венецианские архивные документы также свидетельствуют об участии в экономической жизни на Пелопоннесе и ведении дел с венецианцами греческого населения Романии⁶¹⁴. Документы в большинстве своем повествуют о назначении доверенных лиц в экономических сделках⁶¹⁵, о вопросах кредитования, сделках о продаже недвижимости и работе греческих моряков на венецианских торговых судах. Состоятельные греки Корона и Модона вели весьма активную экономическую жизнь и, согласно многочисленным архивным записям, имели на это право, дарованное Республикой. Примечателен документ из Корона от 8 июля 1371 г., в котором содержится распоряжение венецианца Марко Гранеллы из Кандии, проживавшего в то время в Короне, своему нотариусу Никите Хайретису (очевидно, греку) выдать кредит двум его бывшим греческим морякам – Николаю из Негропонта и Костасу Мазамурдису из Кандии⁶¹⁶. Венецианцев Пелопоннеса, таким образом, экономические отношения связывали не только

⁶¹² Карпов С. П. Следственное дело консула венецианской Таны Даниэля Лоредана (1412) // Причерноморье в Средние века. СПб., 2011. Вып. 8. С. 128.

⁶¹³ *Régestes des délibérations...* Vol. 1. P. 87. № 320.

⁶¹⁴ *Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata...* Vol 1. P. 70. № 1.11; P. 146–147. № 3.33; P. 167. № 3.57; P. 172–173. № 3.68.

⁶¹⁵ *Ibid.* P. 101. № 1.84; P. 106. № 1.95; P. 135. № 3.7; P. 143. № 3.24 и др.

⁶¹⁶ *Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata...* P. 146–147. № 3.33.

с местным греческим населением, но и с греками других территорий Романии.

В XIV в. зафиксированы прецеденты получения греками венецианского гражданства, основанием для которого служило длительное постоянное проживание на территории, принадлежавшей Республике. В 1353 г. венецианское гражданство было обещано латинянам, жившим в пределах недавно построенной городской стены или в венецианском квартале Негропонта, а также в Короне, Модоне и главных городах Крита, а также латинянам, которые решат поселиться там со своими семьями и проживут не менее десяти лет⁶¹⁷. Очевидно, этот шаг был связан с последствиями Черной смерти, в 1348 г. дошедшей до Пелопоннеса. Уже в начале февраля 1348 г. венецианский Сенат постановил направить в фактории Корон и Модон 100 человек наемников и ремесленников после получения известий от местных кастелянов о серьезном уроне, причиненном чумным поветрием⁶¹⁸. В постановлении от октября 1357 г. содержится информация о вилланах Ахейского княжества, ушедших в Корон или Модон во время чумы. По всей видимости, Венеция поощряла привлечение в свои колонии, где резко сократилось население из-за эпидемии, рабочей силы извне⁶¹⁹. В апреле 1358 г. в Венеции постановили содействовать восстановлению гарнизона Модона, сильно ослабленного чумой и войной с генуэзцами. В этом же документе констатируется малонаселенность обеих венецианских факторий⁶²⁰. Вероятно, в трудной демографической ситуации Венеция и смягчила свое отношение к греческому населению, и в 1361 г., как отмечалось выше, в документах упоминаются верные греки Корона. Социальную мобильность натурализованным гражданам Венеции обеспечивало, в первую очередь, их финансовое благополучие. В частности,

⁶¹⁷ Jacoby D. The Jewish Communities in the Social Fabric of Latin Greece: Segregation and Interaction // *A Companion to Latin Greece* / ed. N. Tsougarakis. Leiden; Boston, 2014. P. 280.

⁶¹⁸ *Régestes des délibérations...* Vol. 1. P. 63. № 209.

⁶¹⁹ *Ibid.* P. 86–87. № 318.

⁶²⁰ *Régestes des délibérations...* P. 88. № 326.

достигнув высших социальных слоев благодаря своей торговой деятельности и получив гражданство, Иоанн Кремолизи, известный по длительному судебному процессу с Нерио Аччайуоли, пользовался полной венецианской защитой и содействием в судебной тяжбе⁶²¹.

Необходимо также отметить отсутствие запрета на смешанные греко-латинские браки в Короне и Модоне, по крайней мере, начиная со второй трети XIV в., о чем свидетельствуют архивные документы. Так, 21 июня 1333 г. в Модоне венецианец Джованнино дал расписку своей жене-гречанке Стаматине за получение приданого размером 120 иперперов⁶²². 13 апреля 1374 г. Фодорис Скулогенис (Φοδωρήσ Σκουλογένης) из Модона дал расписку венецианскому гражданину Пьетро Бону, проживавшему тогда в Модоне, о завещании покойной Ирины (матери или близкой родственницы), дочери Иоанниса Скулогениса и жены покойного Андреа Марчелло, очевидно, латинянина⁶²³. Учитывая, что оба супруга, как муж-латинянин, так и жена-гречанка, были к этому времени покойными, брак, вероятнее всего, был заключен достаточно давно.

Таким образом, на повседневном уровне в отношениях между греками и венецианцами существовало взаимопонимание, исключавшее полную правовую и социальную сегрегацию местного населения. В разное время и во многом в зависимости от отношений с византийской Мореей и в целом Византийской империей, а также социально-экономического состояния Республики и демографического состояния пелопоннесских территорий, положение местного греческого населения серьезно отличалось. Однако в целом можно говорить, что несмотря на подчиненное положение, в XIV в. греки обладали не меньшим объемом прав, чем во Франкской Ахайе. Учитывая немногочисленность венецианского и вообще латинского населения на полуострове, греки не были полностью изолированы

⁶²¹ Chrysostomides J. Merchant versus Nobles... P. 130.

⁶²² Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata... Vol 1. № 1.56. P. 88.

⁶²³ Ibid. № 4.58. P. 249.

венецианцами от участия в управлении, торговых операциях и экономической деятельности в своих колониях на Пелопоннесе. Имело место и греко-венецианское сотрудничество, что говорит об эволюции греко-латинских взаимоотношений ко второй половине XIV в. и об интеграции греков в изначально весьма закрытую венецианскую среду.

2.2. Пути и формы интеграции чужаков в полиэтничное общество морейских государств

Латинское присутствие нарушило привычный жизненный уклад византийцев не только на захваченных, но и на оставшихся под греческим управлением территориях. Захват и утверждение крестоносцев в бывших византийских владениях усилили негативное отношение ромеев к латинянам и усугубили пропасть между западным и восточным христианскими мирами⁶²⁴. Однако византийское общество никогда не отличалось этнической однородностью. На протяжении многих столетий в империи проживали различные этно-религиозные общности, подчинявшиеся закону ромеев и не отличавшиеся от греков правовым статусом, при этом сохранявшие собственные обычаи и традиции⁶²⁵. Но в поздневизантийское время этноконфессиональная ситуация в империи заметно усложнилась.

Интеграция части местного населения в административные структуры латинян началась сразу после завоевания Пелопоннеса. Причиной этому, в первую очередь, была немногочисленность латинских завоевателей и переселенцев, а также иной жизненный уклад населения византийских земель. В отличие от латинского королевства Кипр, где местные жители изначально были вытеснены из многих сфер деятельности⁶²⁶, греки

⁶²⁴ Куш Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013. С. 341.

⁶²⁵ Laiou A. E. Institutional Mechanisms of Integration. P. 163–166.

⁶²⁶ Близнюк С. В. Греко-латинское взаимодействие на Кипре в XIII–XV в. // Византия: Кумуляция и трансляция культур. Тезисы докладов IX научных Сюзюмовских чтений (24–27 августа 1997 г.). Екатеринбург, 1997. С. 9.

Пелопоннеса сохранили позиции в местной администрации и экономике⁶²⁷. По сравнению с Кипром и венецианским Критом, франки Пелопоннеса оказались гораздо более терпимыми, и поэтому греческие землевладельцы гораздо легче приспособились к новым порядкам, принесенных завоевателями. Отчасти это было связано с тем, что франков не сопровождало много людей, намеревавшихся приобрести здесь землю, и они не так активно поощряли заселение своими соотечественниками новых территорий, как это делала Венеция. Следовательно, новые лорды были вынуждены полагаться сначала на своих немногочисленных соотечественников, сопровождавших их, а затем и на местных землевладельцев⁶²⁸.

Франки, по-видимому, достаточно легко приспособили под свои нужды местную налоговую систему и систему раздельного наследования, которой следовали их греческие подданные. О феодальной структуре Ахейского княжества известно гораздо больше, чем о других франкских сеньориях Романии⁶²⁹. За полвека владычества на Пелопоннесе франки весьма успешно адаптировались к местному укладу жизни. К моменту поражения в битве при Пелагонии (1259) новое поколение франков было рождено и воспитано уже на греческой земле. В это время, как было рассмотрено выше, некоторых архонтов уже возводили в рыцари в статусе вассалов простого оммажа, что означало постепенную интеграцию представителей ромейской элиты не просто в административные структуры, а в правящий слой франков Ахейского княжества. Как повлияла византийская реставрация на интеграционные процессы на Пелопоннесе? Как эти процессы изменялись на разных этапах и получили ли широкое распространение? Ответы на эти вопросы позволят показать реалии, в которых существовало смешанное общество Пелопоннеса.

⁶²⁷ Jacoby D. *The Encounter of Two Societies...* P. 891–892.

⁶²⁸ Gasparis Ch. *Land and Landowners in the Greek Territories under Latin Dominion...* P. 79.

⁶²⁹ Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 285.

Еще до византийской реставрации греческая знать Ахейского княжества участвовала в военных действиях под началом ахейского князя. Вхождение греческих архонтов в феодальную среду стало происходить особенно интенсивно, по замечанию М. Балара, после 1248 г. (взятие Монемвасии). Они становились частью социальной и политической элиты княжества, и многие из них разделяли ценности и образ жизни латинских феодалов⁶³⁰. Так, греки сражались с Гийомом II в 1259 г. при Пелагонии, что нашло отражение в историческом труде Георгия Акрополита: «князь Ахайи ... вел многочисленное войско, состоявшее как из франков, так и из ромеев, живших в подвластных ему Ахайе и Лаконии»⁶³¹. Участие в крупной военной кампании за пределами Пелопоннеса, безусловно, предполагало интеграцию греческих архонтов в феодальную иерархию княжества. Примечательно также, что Акрополит применяет к грекам, находившимся под властью франков, именно этноним «ромей» (Ῥωμαίων Ἀχαιῶν), как правило употребляемый для обозначения греческого населения, лояльного византийской власти.

В Ассизах Романии также зафиксировано, что местные землевладельцы, согласившиеся на сотрудничество с франками, приносили присягу франкским предводителям и должны были нести военную службу, соответствовавшую их статусу во франкской иерархии⁶³². Крупные военные кампании франков за пределами Морей требовали привлечения греческих войск либо в качестве союзников, либо в качестве рекрутов, предположительно собранных каким-то образом, отличным от призыва вассалов. В какой-то момент в княжестве определенно озадачились вопросом о том, могут ли греческие архонты быть призваны для несения рыцарской службы на тех же условиях, что и латиняне. Споры вокруг этого вопроса, возможно, велись в 1268 г. до участия пелопоннесцев в битве при

⁶³⁰ Balard M. *Les latins en Orient (XIe–XVe siècle)*. P. 224.

⁶³¹ Georgii Acropolitae. *Opera...* P. 168. 10–16.

⁶³² Topping P. *Feudal Institutions...* P. 51. № 71.

Тальякоццо на стороне Карла Анжуйского или, возможно, в 1304 г. По замечанию П. Лока, обсуждение этого вопроса стало важным моментом в интеграции архонтов в латинское общество⁶³³.

Уже отмечалось, что византийцы весьма успешно инициировали переселение греческого населения из франкского Лакедемона в Мистру. Однако более поздняя арагонская версия «Морейской хроники» несколько иначе интерпретирует события этих лет. Мы не можем в точности определить, на какие источники опирался составитель данной версии, но сообщаемые им сведения в некоторых деталях отличаются от информации, содержащейся в греческом и французском варианте хроники, и показывают иную линию поведения греческого населения в первые десятилетия византийской реставрации. Ее текст подтверждает, что византийские военачальники намеревались призвать на свою сторону греков, живших на франкских территориях. При помощи писем императора, склонявших греческое население Каритены к измене, греческим военачальником была предпринята попытка хитростью настроить сеньора Каритены Жоффруа де Бриэля против его греческих вассалов. Эти письма были намеренно подброшены в его покои⁶³⁴. Однако, согласно этой версии, план византийцев обманом склонить греков к предательству сюзерена провалился, те сохранили верность франкскому владельцу и сражались вместе с ним против ромеев⁶³⁵. Одержав победу над греками Мистры, «владыка Каритены возрадовался и устроил большой пир для греков, одарил их прекрасными земельными и иными дарами, а самых благородных из них он возвел в рыцари»⁶³⁶. Этот фрагмент является примером сотрудничества франков и греков в Морее XIII в. Взаимоотношения латинского нобилитета и местной греческой аристократии, таким образом, уже достигло определенного уровня симбиоза.

⁶³³ Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 281.

⁶³⁴ *Libro de los fechos...* P. 70. 314.

⁶³⁵ *Ibid.* P. 70–74. 312–334; Bon A. *La Morée franque...* P. 129–130.

⁶³⁶ *Libro de los fechos...* P. 74. 331.

Не исключено, что к тому времени некоторые высокородные греки Каритены уже были включены во франкскую феодальную иерархию и желали сохранить свои земли и свой статус⁶³⁷. Эти сведения могут говорить в пользу того, что ко второй половине XIII в. процесс интеграции греков в правящие структуры франков принес определенные результаты и основа для межэтнического сотрудничества уже была заложена. За полувековой период сосуществования ромеев и латинян на Пелопоннесе между частью греков и франкской администрацией установились взаимовыгодные деловые отношения. Часть местных архонтов, выступавших связующим звеном между баронами и рядовым населением, возводились в рыцарское звание в статусе вассалов простого оммажа. Как в случае с владыкой Каритены и его греческими вассалами, греческие подданные князя и его баронов постепенно включались в феодальную элиту княжества. Закономерно, что после восстановления византийского контроля над частью полуострова значительное число греков предпочли остаться верными латинским сеньорам, с которыми их к этому времени установились крепкие личные связи⁶³⁸.

Однако интеграционные процессы затронули не все население Морей. Византийская сторона, как говорилось выше, проводя политику обособления греческого населения от франков, апеллировала к общеромейской идентичности пелопоннесских греков, стремясь привлечь на свою сторону как можно больше политически лояльного им населения. Данные греческой версии «Морейской хроники» действительно подтверждают, что часть мирных жителей с готовностью предпочли выбрать сторону византийцев. Помимо переселения греков из Лакедемона в Мистру, хронист упоминает некоего местного жителя, вероятно, из числа греков, который после поражения ромеев у Приницы (1263) сопровождал великого domestика

⁶³⁷ Jacoby D. *The Encounter of Two Societies...* P. 893.

⁶³⁸ Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 286.

Константина Палеолога и помог ему незамеченным вернуться в Мистру⁶³⁹. Этот случай показывает, что представители местного населения, жившие уже десятилетиями при латинской власти, сохранили ромейское самосознание и при случае были готовы оказать помощь своим соотечественникам. В первое десятилетие после восстановления византийского присутствия на полуострове между ромеями и франками развернулась соперничество за политическую лояльность местного населения, в котором применялись как дипломатические, так и силовые методы. Византийцам удалось склонить на свою сторону греков с приграничных территорий, однако данных источников недостаточно, чтобы определить хотя бы приблизительный процент мигрировавшего населения. Учитывая, что политика привлечения переселенцев с латинских территорий в Мистру и ее окрестности⁶⁴⁰ зафиксирована в источниках XIV в., можно сделать вывод, что миграции греческого населения из Ахейского княжества на византийские территории в XIII в. не носили массового характера.

В пелопоннеском обществе второй половины XIII в. также наблюдался континуитет в области административных институтов. Греческие титулы сохранялись и воспроизводились в тех сферах латинской администрации, где уже в XIII в. встречаются должностные лица греческого происхождения. В частности, должность протовестиария (πρωτοβεστιάριος)⁶⁴¹, имевшую греческое происхождение и сохраненную франками после образования Ахейского княжества, нередко занимали именно греки. Согласно Ассизам Романии, протовестиарий и казначей несли ответственность за сбор и распределение доходов князя⁶⁴². Протовестиарий, кроме того, регистрировал феодальные владения и повинности,

⁶³⁹ The Chronicle of Morea... P. 318. 4834–4836.

⁶⁴⁰ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden... 1960. Т. 4. № 2438, 2633.

⁶⁴¹ Должность протовестиария предполагала ведение реестра фьефов и контроль над доходами от феодальных владений, а также требовала высокой осведомленности о географии полуострова и основах греческого делопроизводства. См.: Documents sur le régime des terres... P. 21; Lock P. The Franks in the Aegean... P. 190.

⁶⁴² Topping P. Feudal Institutions... № 169. P. 82.

причитавшиеся князю, следил за управлением княжескими хозяйствами и виноградниками, помогал советом по распределению земельных пожалований и выступал помощником в судебных процессах по вопросам землевладения. В 1276 г., в частности, протовестарий участвовал в возвращении одной трети ее баронства Маргарите из Пассавы, а в 1293 г. в наделении Жоффруа д'Онэ баронством Аркадии.

Вполне вероятно, что греки занимали эту должность с первых дней завоевания, чем и объясняется та легкость, с которой этот титул использовался в администрации княжества⁶⁴³. В источниках упоминаются некоторые имена протовестиариев: в XIII в. это были Колинет (Κολλινέτος / *Kollinetos*)⁶⁴⁴ и Кир Василопул (*Quir Vasylopule*)⁶⁴⁵, а в XIV в. – Стефанос Куттрулл (*Stephanum Cutrullum*)⁶⁴⁶ и сменивший его Иоанн Мурмурус (*Johannes Murmurus*)⁶⁴⁷. Сохранение греческой по происхождению должности протовестиария, которая по функциям соответствовала должности камерария во Франции, говорит в пользу взаимовлияния на Пелопоннесе двух административных систем и постепенной адаптации завоевателей на Пелопоннесе.

Известны случаи занятия греками и иных должностей в Ахейском княжестве. Так, грек по имени Филокалос (Φιλόκαλος / *Philocalos*) занимал должность кастеляна в замке Аракловон и во время попытки захвата замка греками действовал в интересах франков⁶⁴⁸. Присутствие греков во франкской администрации подтверждает, что одним из путей греко-латинской интеграции было проникновение этнических греков в управленческие структуры Ахейского княжества. Эти сведения из хроники

⁶⁴³ Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 188.

⁶⁴⁴ *The Chronicle of Morea...* P. 498. 7680–7681; *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête...* P. 208. 526.

⁶⁴⁵ *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête...* P. 328. 829; Bon A. *La Morée franque...* P. 83.

⁶⁴⁶ *Documents sur le régime des terres...* P. 21, 11.

⁶⁴⁷ *Ibid.* P. 33, 8.

⁶⁴⁸ *The Chronicle of Morea...* P. 540. 8330–8335; *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête...* P. 224. 564.

также позволяют заключить, что с реставрацией византийской власти на Пелопоннесе интеграционные процессы не остановились. Несмотря на частые военные конфликты, смешанное общество, проживавшее в регионе цивилизационного фронта, продолжало существовать и развиваться в условиях активного социокультурного обмена, а людям, жившим в менявшихся политических и культурных реалиях, зачастую приходилось лавировать между франками и византийцами, согласуясь с их собственными интересами.

Некоторые греческие семьи в ходе XIII–XIV вв. обросли прочными связями с латинской элитой. В актовой документации Ахейского княжества в середине XIV в. несколько раз фигурирует землевладелец греческого происхождения Иоанн Мисито (*Janni Misito*), являвшийся могущественным ахейским феодалом. Есть сведения, что его отец и дед занимали в княжестве должность кастеляна Каламаты – родового поместья Виллардуэнов. Иоанну, а впоследствии его сыну Иоанну⁶⁴⁹ принадлежали земли в Мессении и Скорте⁶⁵⁰. Занимавший должность протовестиария Стефанос Куттрулл также принадлежал к знатной греческой семье, имевшей земельные владения в княжестве⁶⁵¹. Менее знатные греки также тяготели к латинянам в своих интересах, что подтверждает реестр поместий Аччайуоли, датируемый 1354 г.⁶⁵² Согласно этому документу, из греков состояли гарнизоны лучников в нескольких замках Николая Аччайуоли⁶⁵³, и, несомненно, эти примеры были не единичными в Ахайе.

На венецианских территориях также протекали интеграционные процессы, однако, возможно, в несколько меньшем масштабе. Как рассматривалось выше, греческое население Корона и Модона было задействовано в делопроизводстве этих венецианских колоний. И хотя

⁶⁴⁹ Documents sur le régime des terres... P. 198. 16.

⁶⁵⁰ Ibid. P. 127. 30; Прим. 15.

⁶⁵¹ Ibid. P. 21. 11–12; Прим. 6.

⁶⁵² Ibid. P. 67–115.

⁶⁵³ Page G. Being Byzantine... P. 231.

можно сказать, что на высшем уровне греко-венецианское сотрудничество было со стороны греческих архонтов проявлением оппортунизма, тем не менее, оно способствовало постепенному вхождению греков в слой венецианских крупных землевладельцев, но при этом они сохраняли свои обычаи и идентичность⁶⁵⁴. Немногочисленные упоминания в архивных документах позволяют сделать вывод, что греки, особенно после 1360-х гг., могли занимать официальные должности в венецианских городах Пелопоннеса. Так, в частности, 24 октября 1371 г. гречанка Мария, вдова Иоанна Пандилопула из Корона, поручила своему поверенному вернуть ее приданое, согласно договору, который был засвидетельствован греческим священником Иоанном Псимарисом⁶⁵⁵, что говорит о наделении священника этими полномочиями со стороны Республики. 19 июня 1374 г. Паоло, сын покойного Якомелло из Модона, обязался вернуть в течение двух лет флорентийцу и жителю Модона Занобио сто тридцать иперперов. В качестве гарантии должник передавал три своих виноградника, расположенных на территории Лампеса. Распорядителями этих территорий были назначены греки Николай Скутелас, Кириак Маврудис и Лука Стапис⁶⁵⁶.

Особо примечателен документ от 8 ноября 1372 г., по которому сын бывшего кастеляна Корона и Модона Марко Веньер назначил своего поверенного грека Марино Склавоса драгоманом (переводчиком) курии и резидентом Модона, чтобы законно передать ему имущество покойного Николетто дель Филиппо Дандоло, его должника⁶⁵⁷. Этот пример подтверждает возможность обретения греками Корона и Модона венецианского гражданства, а также демонстрирует специфику этой процедуры.

⁶⁵⁴ Chrysostomides J. Symbiosis in the Peloponnese in the aftermath of the Fourth Crusade... P. 156.

⁶⁵⁵ Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata... Vol 1. P. 152. № 3.40.

⁶⁵⁶ Ibid. P. 261–262. № 4.75.

⁶⁵⁷ Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata... P. 172. № 3.66.

Какой же была степень интеграции латинян в византийское общество Мореи? Период с 1262 г. вплоть до создания Морейского деспотата в середине XIV в. слабо отражен в византийских источниках, но, тем не менее, их данные позволяют дать характеристику негреческих этнических групп, проживавших в этой области. В более поздних источниках также отражено многообразие этнического состава византийского Пелопоннеса. В частности, согласно «Мазарису», византийскому сатирическому произведению XV в., в Морее наряду с греками (Πελοπόννησιοι) и цаконцами (Λακεδαίμωνες)⁶⁵⁸, проживали латиняне (Ἴταλοί), славяне (Σθλαβῖνοι), албанцы (Ἰλλυριοί), а также евреи (Ἰουδαίοι) и цыгане (Αἴγυπτιοί)⁶⁵⁹. Важно отметить, что такая этническая неоднородность, по мнению автора, была причиной нестабильной политической ситуации на Пелопоннесе: «если бы жители Пелопоннеса составляли один народ и их объединяло бы одно государство, зло было бы значительно меньше и люди эти жили бы честнее, проще и спокойнее, придерживаясь законов и справедливости»⁶⁶⁰. Вероятно, за этими словами, кроме негативного отношения к латинскому присутствию на полуострове, стояло убеждение автора, что неохотное подчинение морейского населения центральной византийской администрации, то есть несоблюдение законов империи, было также связано с проживанием в этой провинции представителей различных этносов. Это негреческое население Мореи было в различной степени интегрировано в византийский социум.

По той причине, что в первые десятилетия после восстановления византийской власти на полуострове греки и франки находились в состоянии

⁶⁵⁸ Цаконцы по одной из версий были автохтонным населением Пелопоннеса. Согласно другой точке зрения, они являлись эллинизированным славянским племенем. Высказывалось также мнение, что цаконцами называли горцев Пелопоннеса, т. е. термин мог носить не этнический, а географический характер. См.: Сюзюмов М. Я. Рец. на кн.: Х. Π. Συμεωνίδης. Οι Τζάκωνες και ἡ Τζακωνία. Θεσσαλονίκη, 1972, 188 σελ // Византийский временник. 1974. Т. 36. С. 210–212.

⁶⁵⁹ *Anecdota Græca e Codicibus Regiis* / F. Boissonade. Paris, 1831. Vol. 3. P. 174, 7–9; Русский пер. см: Мазарис // Византийский сатирический диалог / изд. подгот. С. В. Полякова и И. В. Феленковская; отв. ред. Я. Н. Любарский. Ленинград, 1986. С. 72–128.

⁶⁶⁰ Мазарис // Византийский сатирический диалог. С. 116–117.

перманентной войны, для этого времени источниками не было зафиксировано постоянного проживания латинского населения в византийской части Пелопоннеса. Ситуация изменилась в XIV в., когда Ахейское княжество погрузилось в череду внутренних смут и начало терять территории. Во время правления в Мистре кефала Андроника Асеня, подчинившего территории Аркадии и Скорты⁶⁶¹, грекам сдались несколько франкских замков (в частности, замок св. Георгия), чьи кастеляны предпочли принять византийскую сторону. Они были готовы добровольно признать власть византийцев и принять греческую веру, сохранив право распоряжаться собственным наделом⁶⁶². Перейдя под управление византийских кефалов, латиняне, будучи знакомы с ромейскими обычаями, быстро интегрировались в византийское общество и постепенно ассимилировались с греческим населением. Известно, в частности, что представители эллинизированного латинского рода Франкопулов регулярно занимали во второй половине XIV – первой половине XV в. высочайшую должность протостратора (в Византии – командующий войсками авангарда и легкой кавалерии) при дворе морейских деспотов⁶⁶³.

Византийское государство и церковь использовали разные средства, направленные на интеграцию или ассимиляцию различных этнических групп. Главными инструментами интеграции были христианизация, использование греческого языка, служба в армии или администрации, а также смешанные браки⁶⁶⁴. А. Лайю выделяет также в качестве подобных инструментов правовую, судебную и налоговую систему⁶⁶⁵. На Пелопоннесе в разное время нашел отражение каждый из интеграционных путей. Ко

⁶⁶¹ Медведев И. П. Мистра... С. 25.

⁶⁶² *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête...* P. 404; Runciman S. *Mistra...* P. 50–51.

⁶⁶³ Медведев И. П. Мистра... С. 50–51; В частности, Мануил Франкопул, который в 1394 г. был представителем деспота Феодора I при заключении договора с венецианцами в Модоне. О нем см.: PLP. №30139.

⁶⁶⁴ Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М., 2017. С. 301.

⁶⁶⁵ Laiou A. E. *Institutional Mechanisms of Integration...* P. 161.

второй половине XIV в. степень интеграции франков, чьи семьи проживали на Пелопоннесе не в первом поколении, в византийское общество Морей была достаточно высокой. Это, вероятно, позволяло им легко встроиться в структуры Морейского деспотата, поскольку процесс социальной мобильности в византийском обществе был, как отмечалось выше, тесно сопряжен с культурной ассимиляцией.

2.3. Совместное греко-латинское землевладение (*casaux de parçon*)

Социально-экономические границы между латинянами и греками на Пелопоннесе в XIII–XIV вв. постепенно смещались и размывались. Ярким подтверждением этому тезису служит состояние поземельных отношений на Пелопоннесе, находящееся на стыке сфер права и экономики. Отличительной особенностью Ахейского княжества как части государств Франкской Греции было то, что на приграничных территориях Пелопоннеса существовала особая форма феодальной собственности, когда латинские сеньоры и греческие землевладельцы совместно и нераздельно владели территорией деревни и поровну взимали ренту с крестьян⁶⁶⁶. Из французской версии «Морейской хроники», мы узнаем о случаях подобного совместного греко-латинского землевладения – так называемого *casaux de parçon* – применительно к концу XIII в. в окрестностях Коринфа, т. е. на северо-востоке полуострова⁶⁶⁷. Этот режим также именуется в латинских источниках XIV в. как «*casali pro medietate Grecorum et medietate Francorum*»⁶⁶⁸.

Какова была природа подобного землевладения? Оно представляло собой деревни, которые при определенных политических условиях и часто из-за своего расположения на границах Ахейского княжества признавались по отдельным договорам совместными владениями как ахейского князя, так и византийского императора. К сожалению, сами тексты подобных договоров

⁶⁶⁶ Карпов С. П. Латинская Романия. С. 20.

⁶⁶⁷ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 265. 663; P. 267. 668–669.

⁶⁶⁸ Documents sur le régime des terres... № 2. 24–25. P. 46; 28–29. P. 47.

не сохранились. Земля в таких деревнях была неделима, и крестьяне отдавали каждому из владельцев половину своего оброка⁶⁶⁹. Предметом договоров были, судя по всему, приграничные территории Ахейского княжества или спорные земли, на которых опасались селиться греческие крестьяне в силу регулярной опасности набегов с греческой или же франкской стороны.

Вероятнее всего, такая система впервые установилась при князе Флорисе д'Эно (1289–1297), а именно при заключении им мирного договора с греками в 1289 г. Помимо установления «прочного мира» стороны также пришли к соглашению об их земельных правах на Пелопоннесе, в соответствии с которым франки князя и ромеи императора должны были поровну делить доходы от определенных приграничных земель на территории Ахейского княжества – в предгорьях Аркадии, принадлежавшей Византии, на ее границе с франкской Арголидой⁶⁷⁰. Французская версия «Морейской хроники» содержит подробное и тщательное описание инцидента, связанного с этой системой совместного землевладения, который произошел в Коринфе около 1295 г.

Жалобы вилланов на «непосильное бремя двух сеньоров»⁶⁷¹, дошедшие до франкского капитана Коринфа Готье де Лидекерке – близкого родственника князя Флориса⁶⁷², спровоцировали конфликт между Готье и Фотием, греческим архонтом, входившим в правящий род Калавриты⁶⁷³. Фотий был ромеем из знатной семьи, верной императору. Он владел землями в районе Коринфа на совместной основе с франкскими лордами⁶⁷⁴. Его вилланы были недовольны им и жаловались на злоупотребления с его

⁶⁶⁹ Gasparis Ch. *Land and Landowners in the Greek Territories under Latin Dominion...* P. 104; Jacoby D. *Un régime de Coseigneurie Gréco-Franque en Morée: Les «Casaux de Parçon» // Mélanges d'Archéologie et d'Histoire.* 1963. T. 75. No. 1. P. 111–114.

⁶⁷⁰ Page G. *Being Byzantine...* P. 186.

⁶⁷¹ *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête...* P. 265–266. 665–666.

⁶⁷² *Ibid.* P. 264–265. 662–663.

⁶⁷³ Калаврита была возвращена под византийский контроль в начале 1270-х гг. Двоюродный брат Фотия владел с этого времени доменом семьи де Турне. См.: Lock P. *The Franks in the Aegean, 1204–1500.* P. 297; Miller W. *The Latins in the Levant.* P. 187.

⁶⁷⁴ Page G. *Being Byzantine...* P. 226.

стороны своим франкским лордам, вассалам Готье де Лидекерке⁶⁷⁵. Примечательно, что хронист также отмечает, что и сам Готье нередко злоупотреблял феодальными поборами, что вызывало недовольство у крестьян⁶⁷⁶. Очевидно, что Фотий поселился в этих землях относительно недавно, после заключения перемирия. Хронист сообщает: «он перебрался в окрестности Коринфа, где завладел землей совместно с благородными людьми Коринфа... и благополучно жил на этой земле»⁶⁷⁷. Греческие вилланы, именуемые в этой части хроники «скверным народом»⁶⁷⁸, с возмущением восприняли присутствие второго землевладельца, которому причиталась половина ренты.

Ситуацию усугубило знатное происхождение и финансовое благосостояние Фотия, о котором узнал лорд Коринфа. Фотий был двоюродным братом Жака де Шасси (или же Засси) из Калавриты, «самого отважного воина на службе императора в Морее»⁶⁷⁹ – судя по этой цитате, хорошо известного и франкам. Капитан Коринфа, по-видимому, увидел в этой ситуации шанс улучшить свое финансовое положение. По инициативе Готье Фотий был доставлен в Коринф, заключен под стражу и даже подвергнут физическим наказаниям, после чего ему был вынесен приговор о возмещении им всех убытков, оцененных в очень крупную по тем временам сумму⁶⁸⁰. В противном же случае Фотию грозило повешение. Под пытками (ему приказали вырвать несколько зубов) Фотий согласился выплатить Готье тысячу иперперов за свою свободу и «покрытие убытков»⁶⁸¹.

Однако на этом конфликт не закончился: освободившись из заточения, архонт обратился за помощью к своему могущественному родственнику, а тот направил просьбу о вмешательстве в это разбирательство кефалу

⁶⁷⁵ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 266. 666.

⁶⁷⁶ Ibid. P. 265. 663.

⁶⁷⁷ Ibid. P. 265. 664.

⁶⁷⁸ Ibid. P. 665.

⁶⁷⁹ Ibid. P. 267. 669.

⁶⁸⁰ Miller W. The Latins in the Levant. P. 188.

⁶⁸¹ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 267. 670.

Мистры. Византийский кефал же написал князю Флорису с просьбой о справедливом рассмотрении дела, однако получил ответ, что Фотий понес справедливое наказание, по мнению хрониста, в силу близкого родства князя с Готье⁶⁸². Таким образом, можно предположить, что система *casaux de raçon*, помимо совместного владения землей, подразумевала также и совместное судопроизводство в подобных спорных и конфликтных ситуациях между франками и греками. В случае с разбирательством между Готье де Лидекерке и Фотием итоговое слово было за князем, на чьих землях произошел конфликт. Князь, однако, предпочел признать действия своего родственника правомерными.

Фотий, не найдя справедливости у князя, решил взять инициативу в собственные руки. В результате его действий погиб другой франкский сеньор – барон Востицы и бальи Ахайи⁶⁸³ Ги де Шарпиньи, который по несчастной случайности направлялся в то время в Коринф⁶⁸⁴. Фотий со своими людьми, осуществляя наблюдение за местностью, заметили Ги с его приближенными, остановившимися для трапезы. Воспользовавшись тем, что франки не ждали нападения (несколько лет соблюдался мир), Фотий с его людьми напали на барона Востицы, и архонт нанес ему ряд ударов, оказавшихся в итоге смертельными. Примечательно, что гневная речь Фотия во время нападения, которую приводит хронист, были подобраны так, чтобы не оставить у жертвы сомнений в отношении мотивов нападения. Его также поняли оруженосцы, сопровождавшие Ги, которые указали Фотию на его ошибку⁶⁸⁵. Неизвестно, на каком языке Фотий произнес ее, однако очевиден факт устоявшейся к тому времени коммуникативной традиции между франками и греками Пелопоннеса. Этот сюжет также примечателен в контексте межличностных взаимоотношений латинян и греков: Фотий, согласно хронисту, осознав свою ошибку пришел в ужас, поскольку с Ги де Шарпиньи

⁶⁸² Ibid. P. 268. 671–672.

⁶⁸³ Miller W. *The Latins in the Levant*. P. 188.

⁶⁸⁴ *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête...* P. 268–270. 673–676.

⁶⁸⁵ Ibid. P. 270. 677.

его связывали дружеские и преданные чувства⁶⁸⁶. Отметим также, что греческий архонт перепутал двоих франкских сеньоров, поскольку те были оба голубоглазыми и светлокожими, что внешне отличало латинян от греков.

С убийством барона Востицы мир между латинянами и греками оказался под серьезной угрозой. Согласно хронике, «когда [по Пелопоннесу] разнеслась весть, что Фотий убил владыку Востицы, греки впали в уныние, поскольку были уверены, что франки захватят общие земли и [снова] начнут войну»⁶⁸⁷. Это всецело перекликается с тезисом, что в сохранении перемирия было заинтересовано как франкское, так и греческое население Пелопоннеса. Из-за угрозы возобновления войны греки со всем имуществом снялись с этих земель и удалились в безопасные горные районы, принадлежавшие ромеям⁶⁸⁸.

Что касается князя, он осознавал, что барон Востицы погиб по причине агрессивных действий его родственника. На совете баронов Ахайи, последовавшем за гибелью Ги де Шарпиньи, всерьез рассматривался вопрос об отмщении греческой стороне, однако, как отмечает хронист, неназванный «мудрейший сеньор» склонил князя к поддержанию мира, поскольку виноват в случившемся был Готье де Лидекерке, а соответственно и князь, отказавший Фотию в справедливом суде⁶⁸⁹. В итоге было решено, что Флорис направит письмо наместнику императора, извещая его, как Фотий со своими людьми из Калавриты «вероломно убил барона Востицы, тогда как их император поклялся в хрисовуле хранить мир с франками»⁶⁹⁰. Князь поэтому просил императора совершить суд над Фотием за убийство знатного сеньора. Наместник был информирован о сути конфликта и пытках над греческим архонтом в Коринфе. Через своих посланников кефал ответил, что Готье во время мира «возмутительно и несправедливо, не посоветовавшись

⁶⁸⁶ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 270. 678.

⁶⁸⁷ Ibid. P. 273. 685.

⁶⁸⁸ Ibid. P. 273. 685.

⁶⁸⁹ Ibid. P. 273–274. 688.

⁶⁹⁰ Ibid. P. 274–275. 690.

ни с Вами, ни со мной, заточил Фотия и истязал, а за освобождение взял с него выкуп в тысячу иперперов»⁶⁹¹. По этим причинам он требовал, чтобы князь отдал под суд прежде своего родственника и после этого все будет улажено. Флорис же, осознавая вину Готье, принял решение не начинать войну с ромеями⁶⁹². Благодаря подобной дипломатической переписке перемирие, столь ценное для обеих сторон, не было нарушено⁶⁹³.

Очевидно, что сам термин *casaux de parçon* свидетельствовал об особом порядке землевладения в различных деревнях Пелопоннеса. Условия должны были обговариваться в каждом конкретном случае. Целью же его установления был компромисс между греческой и латинской стороной. Соответственно, эти соглашения были направлены как раз на избежание военных действий на приграничных территориях в условиях обоюдного ослабления ресурсов сторон. Согласно Д. Якоби, Мистра и Гардики с 1262 г. представляли постоянную угрозу соседним франкским владениям. До возведения в последние годы XIII в. укреплений, защищавших близкие к Аркадии территории, франки считали нужным делить доходы от этих земель с греками, поскольку это было лучше, чем риск набегов византийских войск, которые наверняка уничтожили бы урожай и обратили вилланов в бегство⁶⁹⁴. Сам факт возведения этих укреплений, однако, наводит на мысль, что франки хорошо осознавали, что мир не будет длиться вечно, а система совместного землевладения функционировала не без трудностей с обеих сторон.

Наконец, необходимо подчеркнуть особенность изложения этого эпизода в хронике. Примечательно отношение автора к действующим лицам: грек, погубивший знатного и невиновного франка, предстает в источнике франкского происхождения скорее жертвой обстоятельств, нежели главным источником бедствий. Хронист активно осуждает Готье за алчность, тогда как Фотия лишь косвенно – за мстительность и самосуд, причем с оговоркой

⁶⁹¹ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... 275. 691.

⁶⁹² Ibid. P. 275. 690–692.

⁶⁹³ Page G. Being Byzantine... P. 227.

⁶⁹⁴ Jacoby D. Un régime de coseigneurie gréco-franque en Morée... P. 111, 117.

о его отчаянном положении. Повествование не единожды возвращается к тому, что в большей мере виновна именно франкская сторона⁶⁹⁵. Отчасти это должно объясняться фламандским происхождением Флориса и его родственников, делавшим их, по сути, чужаками для франков Ахайи в большей мере, чем их соседи греки. У. Миллер, кроме того, отмечает, что фламандцы, последовавшие за новоиспеченным князем на Пелопоннес, получали там земельные наделы, в том числе за счет владений старой франкской знати⁶⁹⁶. Таким образом, эта часть хроники отражает сразу несколько условий греко-латинского взаимодействия в конце XIII в. По сути, это был конфликт скорее между двумя землевладельцами, представителей одного сословия, нежели межличностный конфликт грека и франка. Следовательно, система *casaux de parçon* еще больше сблизила греко-латинскую землевладельческую знать, в то же время усложнив их взаимоотношения на уровне двух государственных образований Пелопоннеса.

Какова была дальнейшая судьба подобной системы землевладений? В сентябре 1322 г. император Андроник II подтвердил пожертвование, сделанное в предыдущем году кефалом Мистры Андроником Асенем монастырю Бронтохион⁶⁹⁷. После перечисления обширных земельных владений монастыря он обещал монахам уступить им «латинскую часть» этих трех местностей по их просьбе, когда вся область Скорты, расположенная к северо-западу от Аркадии, окажется в его власти. Таким образом, владения, границы которых были определены, не полностью находились в руках императора. Упоминание латинской части предполагает, по справедливому предположению Д. Якоби, существование аналогичной греческой части⁶⁹⁸. Привлекает также внимание формулировка «когда область Скорты окажется в его власти». Таким образом, император выражал

⁶⁹⁵ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 273–275. 685, 688, 691.

⁶⁹⁶ Miller W. The Latins in the Levant... P. 187.

⁶⁹⁷ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden... 1960. T. 4. № 2485. P. 94.

⁶⁹⁸ Jacoby D. Un régime de coseigneurie gréco-franque en Morée... P. 114–115.

надежду, что завоевательная политика Андроника Асеня будет продолжена ромеями Пелопоннеса, и существование подобной системы перестанет быть необходимой. Для византийцев этот шаг, следовательно, стал временной вынужденной мерой.

Характер *casaux de parçon* также раскрывает грамота о земельном пожаловании Екатерины де Валуа-Куртене, титулярной императрицы Константинополя и княгини-регента Ахайи. В 1336 г. она уступила в качестве феодального владения Николя Аччайуоли наследство Лизы де Квартье, перешедшее к княжескому домену после ее смерти. В грамотах, выданных в следующем году, перечислены вассалы и вилланы, владевшие там землей, а также доходы, получаемые от этого владения в различных качествах. Два из этих *casaux* именуется как раз «*pro medietate Grecorum et pro medietate Francorum*»⁶⁹⁹. Однако важно отметить, что их территория не была поделена между греками и франками, что доказывает перечень сборов, наложенных крестьян деревни Бошио (Boschio). Первый из них, «*Costa Marinus, qui reddit annuatim pro omnibus suis juribus, acrostico et redditibus, yperpera duo sterlinga tria et totidem greco*»⁷⁰⁰, означает, согласно Д. Якоби, что крестьянин, распорядившийся наследственным стасисом, выплачивал подати одновременно двум сеньорам – франкскому феодалу и ромейскому василевсу. Таким образом, эта формула относилась не к непосредственному разделу их территории между двумя землевладельцами, а скорее к разделу доходов между ними⁷⁰¹. Судя по всему, подобная система землевладения весьма прочно укоренилась в приграничных землях Пелопоннеса, и продолжала существование, по меньшей мере, до середины XIV в. Параллельно с этим происходила постепенная преемственность общественных институтов латинян и греков. К XIV в. исследователи отмечают синтез греческих элит, проживающих в Ахейском княжестве, с

⁶⁹⁹ Documents sur le régime des terres... № 2. 24–25. P. 46; 28–29. P. 47.

⁷⁰⁰ Documents sur le régime des terres... № 2. P. 47. 1–4.

⁷⁰¹ Jacoby D. Un régime de coseigneurie gréco-franque en Morée... P. 113–114.

франкскими феодалами, однако, не достигший зрелой стадии⁷⁰². Кроме того, зачастую греческие землевладельцы, чьи интересы были связаны с франкским нобилитетом, сознательно стремились ассимилироваться с латинскими общественными институтами для укрепления собственного статуса и большей защиты земельных владений⁷⁰³.

В контексте системы совместного греко-латинского землевладения на Пелопоннесе закономерно возникает вопрос, оказало ли влияние длительное франкское присутствие на систему землевладения в Византийской Морее? По мнению ряда исследователей, некоторые черты французской системы находят отражение в византийской практике территориальных и должностных пожалований конца XIII – середины XIV вв. в виде обеспечения земель младших сыновей правящей династии и упрощения административного управления. Во время правления Андроника II, по-видимому, преобладала заинтересованность центральной администрации в облегчении принципов управления в провинциях. Недолгое же правление Кантакузина было отмечено передачей отдельных территорий империи под автономное управление членов правящей семьи. Именно так Мануилу Кантакузину был пожалован Морейский деспотат⁷⁰⁴. Однако необходимо учитывать, что в византийской системе землевладения полностью отсутствовали два ключевых элемента, свойственных западноевропейскому (в первую очередь, французскому) феодализму – вассальная система и наследственная передача земли по принципу майората. Византийские же земельные пожалования, по-видимому, несли в себе в большей мере административные полномочия, чем наследственное право собственности⁷⁰⁵. Даже система землевладения Морейского деспотата, будучи наиболее близкой по природе к западноевропейской, не сохранила подобных

⁷⁰² Карпов С. П. Латинская Романия. С. 121.

⁷⁰³ Lock P. The Franks in the Aegean, 1204–1500. P. 286.

⁷⁰⁴ Barker J. W. The Problem of Appanages in Byzantium during the Palaiologian Period // *Byzantina*. 1971. Vol. 3. P. 119.

⁷⁰⁵ Бибииков М. В. Вопросы земельного права и налогообложения в Византии // *Древнее право – Ius Antiquum*. 2016. Т. 33. № 1. С. 118.

примеров. Попытка сына Матфея Кантакузина Димитрия взять на себя управление Мореей после смерти его отца в 1383 г. потерпела серьезную неудачу перед лицом решимости Иоанна V вернуть территорию в сферу влияния дома Палеологов⁷⁰⁶.

Титул деспота имел давнюю историю и ранее не ассоциировался с территориальными пожалованиями, но при Палеологах этот титул все чаще и чаще давался младшим сыновьям императора, а к последнему столетию империи, когда территориальные уступки младшим сыновьям также стали более частыми и популярными, этот титул стал неразрывно связан с такими пожалованиями. Первостепенным же отличием двух систем выступает тот факт, что феодальная система во Франции стала средством постепенного распространения власти правителей за пределы их домена и консолидации крепнущей королевской власти, тогда как в Византии сходные процессы означали постепенный упадок государственной системы в условиях политического ослабления империи и стремительного сокращения ее территорий⁷⁰⁷.

Таким образом, поземельные отношения на Пелопоннесе, как и другие сферы жизни, под влиянием греко-латинского взаимодействия претерпели определенные изменения. Совместное владение латинян и греков приграничными территориями княжества создало ряд прецедентов нового вида мирного сосуществования как франкских сеньоров с греческим рядовым населением, так и франкской знати со знатью греческой. Несмотря на то, что наиболее подробный материал об этой системе содержит эпизод, раскрывающий серьезный греко-латинский конфликт вокруг *casaux de parçon*, упоминание о нем в источниках первой половины XIV в. говорит о том, что от этой системы в течение длительного времени не отказывались. Взаимные территориальные претензии в то же время не исчезли, однако само

⁷⁰⁶ Barker J. W. The Problem of Appanages in Byzantium during the Palaiologian Period // Byzantina. 1971. Vol. 3. P. 119–120.

⁷⁰⁷ Ibid. P. 121–122.

введение подобного совместного права на получение поземельной ренты с крестьян говорит об активном поиске обеими сторонами новых путей к компромиссному существованию из-за невозможности постоянно находиться в состоянии войны.

2.4. Экономические связи в регионе

После утверждения крестоносцев в Греции Пелопоннес стал одним из ключевых транзитных пунктов для средиземноморской торговли. Через его морские порты проходили итальянские (в первую очередь, венецианские) и византийские торговые пути, связывавшие Морею с Западной Европой, Причерноморьем и Левантом⁷⁰⁸. Без контроля над Эгейским морем ни одно государство не могло претендовать на гегемонию в Восточном Средиземноморье. Маршруты многочисленных торговых судов, направлявшихся в восточное Средиземноморье, пролегали вдоль южного побережья Пелопоннеса⁷⁰⁹. Регулярное присутствие иностранных торговцев и пересечение западноевропейских и византийских экономических интересов несомненно оказывало влияние на внутреннюю экономическую жизнь полуострова, стратегические позиции на котором стремились удержать любой ценой как византийские императоры, так и венецианцы и франки⁷¹⁰.

Утверждение латинян на полуострове, несмотря на ряд компромиссов с местным населением, было сопряжено с переменами в экономической жизни пелопоннесцев, вынужденных теперь подчиняться иноземным захватчикам. Имущественная и социальная дифференциация между латинянами и большей частью греческого населения была очевидной⁷¹¹. Тем не менее, как уже говорилось выше, наиболее интенсивными контакты латинского и греческого

⁷⁰⁸ Ragkou K. The Economic Centrality of Urban Centers in the Medieval Peloponnese: Late 11th–Mid-14th Centuries // *Land*. 2018. Vol. 7 (4). P. 1, 18.

⁷⁰⁹ Carr M. *Merchant Crusaders in the Aegean...* P. 1, 8.

⁷¹⁰ Matschke P. Commerce, Trade, Markets, and Money, Thirteenth–Fifteenth Centuries // *The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century* / ed. A. E. Laiou. Washington, 2002. Vol. 2. P. 787.

⁷¹¹ Литаврин Г. Г. Проблема симбиоза в латинских государствах... С. 170.

населения были именно в социально-экономической сфере. Как выстраивалось на Пелопоннесе экономическое взаимодействие ромеев, венецианцев и франков? Какие типы экономического взаимодействия между ними можно выделить в середине XIII–XIV вв.? Как влияло обстоятельство пересечения византийских и западноевропейских торговых путей на внутреннюю жизнь полуострова и взаимоотношения внутри смешанного морейского населения? Ответы на эти вопросы должны внести ясность в определение специфики греко-латинского взаимодействия на Пелопоннесе.

О том, что на Пелопоннесе до еще франкского завоевания производились многочисленные товары, сообщается в сатирическом сочинении XII в. «Тимарион»: «все на свете, что создается руками ткачей и пряж, все решительно товары из Беотии и Пелопоннеса...»⁷¹². В средневизантийский период развитие греческих городов Пелопоннеса было отчасти сопряжено с деятельностью венецианских купцов, которых византийские архонты с охотой поощряли. К середине XII в. относится пример некоего венецианца, который закупал крупные партии оливкового масла у архонтов Спарты для отправки в Константинополь⁷¹³. Говоря о внутренней пелопоннесской торговле и экономическом взаимодействии греков и латинян со второй половины XIII в., пожалуй, следует сосредоточиться на тех упоминаниях о рынках, ярмарках и торговых путях Мореи, которые содержатся в источниках XIII–XIV вв. Сведения об экономической жизни на Пелопоннесе в этот период весьма отрывочны и фрагментарны, однако даже в таком виде при комплексном рассмотрении они должны помочь прояснить аспекты, связанные непосредственно со взаимодействием греков и латинян в экономической (и прежде всего торговой) сфере.

Одним из ключевых событий в социально-экономической жизни Средневековья были ярмарки. Несмотря на то, что ярмарки, проводимые в

⁷¹² Тимарион // Византийский сатирический диалог. С. 29.

⁷¹³ Angold M. Archons and Dynasts... P. 240.

Морее, не сопоставимы по масштабу и популярности с ярмарками Фессалоники или Афин, для местной экономики они, безусловно, имели важное значение, в том числе и потому, что привлекали купцов, сосредоточивших свою деятельность в этом регионе⁷¹⁴. Ярмарки организовывались как крупные ежегодные, так и ординарные, по-видимому, не привязанные к определенным датам. Традиционно они проводились и на византийских, и на принадлежавших латинянам территориях полуострова⁷¹⁵. Рассмотрим сведения о ярмарках на Пелопоннесе, о которых есть сведения в источниках.

Об одной из ежегодных ярмарок сообщает французская версия «Морейской хроники», причем вновь, как и в случае с рассмотренным выше *casaux de parçon*, в контексте межличностного конфликта латинянина и грека⁷¹⁶. Эта ярмарка (*Panejourns*) проводилась ежегодно в середине июня близ Вервены в Скорте (принадлежавшей тогда франкам, к северо-востоку от Каритены) на лугу, называемом местными Ливади (*Livadi*). Хронист особо отмечает, что на нее из округи съезжалось множество людей, причем принимали в ней участие как латиняне, так и греки⁷¹⁷. Это сообщение свидетельствует о том, что к концу XIII в. существовал стабильный торговый обмен между франкскими и византийскими территориями Пелопоннеса. Экономические внутрорегиональные связи, вероятно, должны были особенно активизироваться с заключением мира между франками и греками в 1289 г.

По одной из версий *Panejourns* проводилась в честь местного праздника (вероятно, по византийской традиции в день почитания кого-то из местных святых), с 8 июня и до середины месяца, т. е. в течение минимум одной

⁷¹⁴ Tzavara A. Clarentza: une ville de la Morée latine, XIIIe–XVe siècles. Venice, 2008. P. 230.

⁷¹⁵ Медведев И. П. Мистра... С. 86–87.

⁷¹⁶ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 319–320. 802–803; Вероятнее всего, события можно отнести к 1296 г., поскольку этот эпизод положил конец миру между франками и греками, заключенному в 1289 г., см.: Bon A. La Morée Franque... P. 169.

⁷¹⁷ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 319. 802.

недели⁷¹⁸. В 1296 г. на пути в Вервену у «порядочного грека из Великой Араховы⁷¹⁹ по имени Коркондиль» (*bon homme grec de la Grant Arracove*), который направлялся туда, чтобы продать шелк-сырец, произошел конфликт с франком по имени Жерар де Реми. Этот франк жил в местечке Нинице (*Ninice*) неподалеку от замка Вервены, и во время проведения ярмарки «выехал со своими приближенными поразвлечься»⁷²⁰. По неназванным хронистом обстоятельствам между франком и греком произошла словесная перепалка, и Жерар, «взбешенный словами Коркондиля, ударил того древком копья, которое держал в руке»⁷²¹. Последствия этого конфликта уже были рассмотрены выше. Примечательно, что вновь в хронике зачинщиком конфликта является латинянин, причем, по мнению А. Бона, из новоиспеченной ахейской знати⁷²². Грек же в этой истории первоначально выступает подчеркнуто порядочным участником экономической жизни региона, и лишь впоследствии – заговорщиком, задумавшим в отместку Жерару передать латинскую крепость людям императора.

Какие выводы можно сделать из этого эпизода? Во-первых, Коркондиль, очевидно, проживал на франкской территории и до стычки с рыцарем не проявлял негативного отношения к франкам. Согласно хронике, после неудачной осады войсками князя замка св. Георгия в преддверии зимы было решено, «чтобы всадники, которые должны были остаться и удерживать границу в Арахове, остались в Вервене. Они не могли найти лучшего и более удобного места для проживания, чем это, потому что Арахова больше не была лояльной»⁷²³. Соответственно, ярмарка проходила также на приграничной, но принадлежащей франкам территории, и в ней принимали активное участие греки как княжества, так и из византийских

⁷¹⁸ Page G. *Being Byzantine...* P. 228; Tzavara A. *Clarentza: une ville de la la Morée latine...* P. 232.

⁷¹⁹ Также расположена в Скорте.

⁷²⁰ *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête...* P. 320. 803.

⁷²¹ *Ibid.*

⁷²² Bon A. *La Morée Franque...* P. 169.

⁷²³ *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête...* P. 326. 825.

земель. Во-вторых, судя по беглому описанию самой ярмарки, на пути к которой произошел конфликт, можно сделать вывод, что ярмарки, в которых принимали участие как греки, так и латиняне, были весьма привычными для экономической жизни региона.

В более поздней арагонской версии содержатся сведения о соглашении греков и франков в конце XIII в., согласно которому «греки могут приходить покупать и продавать в стране князя в полной безопасности, и так же, как франки могут приходить в страну императора, чтобы приумножить дружбу между греками и франками. Сделав это, он [капитан греков] приказал своим воинам купить у франков столько лошадей, сколько они смогут продать»⁷²⁴. Эта договоренность перекликается с мирным соглашением, заключенным князем Флорисом в 1289 г., и отражает заботу обеих сторон о безопасности торговли франков и греков на территориях друг друга. Гарантии безопасности, безусловно, должны были стимулировать греко-латинские торговые контакты, что и произошло к концу XIII в. Приобретение греками лошадей на франкских территориях также примечательно – франкское войско было представлено кавалерией, тогда как греческие воины были преимущественно пехотинцами. Подобный торговый обмен вряд ли был возможен в условиях военных действий.

Арагонская версия хроники также сообщает о традиционных франкских праздниках, скорее всего сопровождавшихся ярмарками, проходивших близ Никли – в приграничных землях княжества⁷²⁵. Судя по данным хроники, грекам, собиравшимся посетить эти праздники, рекомендовалось иметь при себе оружие, поскольку, несмотря на соглашение, существовал риск подвергнуться франкской атаке, как это бывало прежде⁷²⁶. Вероятно, сохранявшиеся культурные различия и обстоятельства праздничной обстановки ярмарок не единожды становились

⁷²⁴ Libro de los Fechos... P. 104. 474.

⁷²⁵ Ibid. P. 104–105. 474–479.

⁷²⁶ Libro de los Fechos... P. 105. 478.

причинами греко-латинских столкновений даже в условиях мирного времени.

Ежегодная ярмарка организовывалась и в Кларенце⁷²⁷. Эта ярмарка (*Panigerum*) проводилась 26 октября в честь св. Димитрия (день поминаения святого). Упоминание о ней сохранилось в постановлении венецианского Сената от 29 ноября 1338 г. в связи с тем, что венецианские купцы Марко Фалье, Пьетро Контарини и др. опоздали к погрузке на суда эскадры Гольфа (Адриатики) из-за уверенности, что они пробудут в Кларенце до 8 ноября. Галеи не дождались их возвращения, и Сенат предоставил этим торговцам разрешение загружать свои товары на любое другое иностранное судно (вместо обязательно венецианского). Отдельно в документе отмечается, что опоздание на корабли означало для венецианцев серьезные экономические последствия⁷²⁸. Патрульные суда эскадры Гольфа, судя по всему, традиционно использовались для доставки венецианских купцов на эту ярмарку⁷²⁹, однако в 1338 г. по неизвестной причине галеи вышли из Кларенцы раньше срока. Можно с уверенностью утверждать, что венецианские купцы посещали ярмарку в Кларенце и до 1338 г., поскольку их возвращение в Венецию было хорошо организовано и совпадало с прохождением галей романской линии⁷³⁰. Вероятнее всего, ярмарка св. Димитрия проводилась не в самой Кларенце, а в ее предместье, и была, пожалуй, наиболее крупной в княжестве. Кроме нее, впрочем, существовали и другие. Так, дарственная грамота Николаю Аччайуоли (1338) содержит информацию о деревнях и землях, расположенных в Мессении, а среди доходов от этих владений фигурировали средства от ярмарки Амаконы (*Amachonu*)⁷³¹.

⁷²⁷ Tzavara A. Clarentza: une ville de la la Morée latine... P. 230.

⁷²⁸ Régestes des délibérations... Vol. 1. P. 39. № 81.

⁷²⁹ Карпов С. П. Латинская Романия. С. 113.

⁷³⁰ Tzavara A. Clarentza: une ville de la la Morée latine... P. 231.

⁷³¹ Tzavara A. Clarentza: une ville de la la Morée latine... P. 232; Documents sur le régime des terres... P. 64. № 3. 12.

Присутствие на ярмарке Кларенцы венецианцев объясняется отчасти тем, что венецианские граждане еще в первой половине XIII в. начали селиться в этом порту Ахейского княжества⁷³². Власть Венеции над Критом, Модоном, Короном и кварталом в городе Негропонте способствовала концентрации венецианцев в этих районах, однако венецианцы также проживали в Патрах, Кларенце, Аргосе и Навплионе⁷³³. Безусловно, это способствовало активизации греко-латинских экономических связей на Пелопоннесе.

Что касается греческих территорий Пелопоннеса, то крупнейшим центром торговли стала Монеувасия, которая с конца XIII в. обрела статус крупного византийского экономического центра. В хрисовуле императора Андроника II монеувасиотам от июня 1301 г. особенно отмечалось выгодное географическое положение порта, а также развитость здесь разнообразных ремесел и внушительный опыт местных жителей в торговых делах⁷³⁴. Отметим, именно в Монеувасии производилась мальвазия – самое популярное вино, экспортировавшееся с Пелопоннеса⁷³⁵. Столь пристальное внимание императора к экономическим привилегиям Монеувасии может говорить о ее высоком значении для экономики не только византийского Пелопоннеса, но и всей Византийской империи.

Известно, что со второй половины XIV в. венецианские торговые суда останавливались иногда в Монеувасии, хотя посещение венецианцами портов византийской Морей было достаточно редким явлением. Разрешая грекам Мистры торговать в Короне и Модоне, Венеция предписывала своим гражданам сосредотачивать торговую активность преимущественно в портах Мессении⁷³⁶. Однако, несмотря на эти рекомендации, латиняне, в частности,

⁷³² Tzavara A. Clarentza: une ville de la la Morée latine... P. 142–143.

⁷³³ Jacoby D. The Economy of Latin Greece // A Companion to Latin Greece / ed. N. Tsougarakis. Leiden; Boston, 2014. P. 189.

⁷³⁴ Kalligas H. Byzantine Monemvasia... P. 102, 107–109.

⁷³⁵ Ragkou K. The Economic Centrality of Urban Centers in the Medieval Peloponnese... P. 7.

⁷³⁶ Карпов С. П. Латинская Романия. С. 113. См.: Régestes des délibérations... Vol. 1. P. 194. № 812.

граждане республики св. Марка посещали ярмарки, устраиваемые на византийских территориях. Торговля между венецианцами и греками преимущественно велась на регулярных рынках и во время ярмарок, о которых, в частности, упоминают хрисовул Андроника III и аргировул деспота Феодора I Палеолога⁷³⁷. Хрисовул Андроника III, подтверждавший и расширявший торговые привилегии Монемиасии и гарантировавший защиту монемиасийским купцам на всех ярмарках Пелопоннеса⁷³⁸, повторял более ранние хрисовулы Андроника II, дарованные монемиасиотам⁷³⁹. Согласно этим документам, для экономических сделок, совершаемых монемиасийскими купцами «на Востоке или на Западе, на островах или на материке, в городах или на ярмарках или где-либо еще, ... а также на ярмарках Пелопоннеса во всех его городах и деревнях, на монемиасиотов не должны были распространяться никакие требования о налогах»⁷⁴⁰. Таким образом, монемиасийские торговцы также активно участвовали во внутривизантийской торговле, пользуясь особым покровительством со стороны центральной византийской администрации. Распространение императорской защиты на деятельность этих купцов и на латинские территории Пелопоннеса говорит также о наличии латино-византийских договоренностей насчет византийской торговой деятельности на территориях княжества и Венеции.

Используя кратчайший и единственно возможный со стороны Модона путь по морю до Каламаты, далее по горным тропам ущелья Лангады (Тайгет), на лошадях или мулах венецианские купцы добирались до Мистры. Венецианцы закупали там в основном сельскохозяйственную продукцию (хлеб, хлопок, мед, изюм), но также шелк-сырец и кошениль (или грану –

⁷³⁷ Медведев И. П. Мистра... С. 87.

⁷³⁸ Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden...* Т. 4: *Regesten von 1282–1341*. P. 67–68. № 2383. Ф. Дельгер датирует хрисовул 1336 г. Х. Каллигас же в целом поддерживает эту точку зрения, относя его к периоду 1333 и 1341 гг.: Kalligas H. *Monemvasia. The sources...* P. 129.

⁷³⁹ Kalligas H. *Monemvasia. The sources...* P. 117–119.

⁷⁴⁰ *Ibid.* P. 124.

естественный краситель, окрашивающий ткань в пурпурный цвет⁷⁴¹). С собой же они везли товары ремесленного производства, пользовавшиеся спросом среди греков. Византийская аристократия Мистры сильно зависела от итальянского импорта предметов роскоши⁷⁴². В докладе византийского посла от 1359 г. сохранилось упоминание о том, что некий еврей из Модона или Корона, торговавший в византийской Мореи, понес тяжелые потери из-за турецких набегов⁷⁴³. Несмотря труднодоступное географическое положение, Мистра превратилась в один из главных торговых центров Пелопоннеса благодаря тому, что она стала административным центром византийской Мореи и находилась поблизости от венецианских Корона и Модона. Статус столицы византийской Мореи обеспечивал приток купцов и товаров как из-за границы, так и из других центров Пелопоннеса. Связь же с Коронам и Модонам непосредственно вовлекала ее в сферу экономического влияния венецианцев⁷⁴⁴. Однако особенности проходившего здесь обмена (экспорт сырья и сельскохозяйственной продукции и импорт предметов роскоши и товаров итальянских мастерских) свидетельствует о пассивном торговом балансе греческой экономики.

Среди других экономических центров Пелопоннеса необходимо отметить Патры, которые славились производством шелка. Керамические мастерские существовали в Аргосе и Спарте, о чем свидетельствуют данные археологии⁷⁴⁵. Хотя информация о Навплионе довольно скудная, тем не менее она позволяет говорить, что город был значимым торговым центром Арголиты, особенно после прихода сюда латинян. К сожалению, в Модоне и Короне, от средневекового времени не сохранились частные дома и мастерские, а отсутствие систематических раскопок не позволяет делать

⁷⁴¹ Медведев И. П. Мистра... С. 87.

⁷⁴² Angold M. Archons and Dynasts... P. 249.

⁷⁴³ Jacoby D. The Jewish Communities in the Social Fabric of Latin Greece... P. 263.

⁷⁴⁴ Медведев И. П. Мистра... С. 87.

⁷⁴⁵ Skartsis S. Chlemoutsi Castle (Clermont Castel Tornese), NW Peloponnese. Its pottery and its Relations with the West (13th-early 19th centuries). PhD Dissertation. University of Birmingham, 2009. P. 24–25.

выводы об особенностях экономической жизни этих венецианских факторий. Тем не менее, есть свидетельства того, что в них по крайней мере до начала XIV в. производился шелк-сырец, который экспортировался в Западную Европу⁷⁴⁶.

Разумеется, активная торговля концентрировалась в основном вокруг венецианских портовых городов Пелопоннеса. Часть греческого населения, преимущественно из Монеивасии, даже проживала длительное время на венецианских территориях. Подтверждением этому служит, в частности, юридическая запись от 23 февраля 1371 г., по которой грек Павел Эпифаний из Монеивасии, ведущий торговлю в Короне, назначил Павла из Монеивасии, проживающего в Короне, своим поверенным для получения денежных ссуд, прежде всего от Василия Виоматиса, жителя Кандии⁷⁴⁷. Как заметила Дж. Хрисостомидес, чувствительная к постоянно меняющимся политическим обстоятельствам Венеция постепенно создавала условия для успешного сотрудничества и взаимопонимания между венецианцами и греками⁷⁴⁸. В Короне и Модоне вели также экономическую деятельность и греки Ахейского княжества. Так, в 1381 г. Иоанн Ласкарис Калофер, принадлежавший к высшей элите княжества, продал в Модоне крупную партию (около 950 кг) шелка-сырца – продукцию более чем 550 крестьянских дворов⁷⁴⁹.

Говоря о греко-венецианских экономических связях на Пелопоннесе, необходимо также сказать о противоречиях между ними в XIV в. Прибрежные территории полуострова регулярно страдали от пиратских набегов, которыми промышляли и венецианцы, и греки. Греческие пираты, в первую очередь, из Монеивасии, совершали набеги на Корон и Модон, а венецианские – нападали на прибрежные территории греков и захватывали

⁷⁴⁶ Ragkou K. The Economic Centrality of Urban Centers in the Medieval Peloponnese... P. 6.

⁷⁴⁷ Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata... Vol. 1. № 3.22. P. 142.

⁷⁴⁸ Chrysostomides J. Symbiosis in the Peloponnese in the aftermath of the Fourth Crusade... P. 167.

⁷⁴⁹ Jacoby D. The Economy of Latin Greece... P. 203.

пленных для работорговли⁷⁵⁰. Перипетии их взаимоотношений в этот период отражают постановления венецианского Сената. Документы первой половины XIV в. сообщают о нескольких конфликтах между византийцами и венецианцами на Пелопоннесе, где имели место случаи экономических ограничений в качестве санкций за разбойные действия со стороны византийцев. В частности, 8 марта 1334 г. Сенат рассматривал жалобы кастелянов Корона и Модона на частые грабительские набеги отрядов с греческих территорий под предводительством Засси (*Zassi*)⁷⁵¹ из Янницы. Сенат отреагировал на это предписанием двум капитанам Республики отправиться в Модон, чтобы изучить ситуацию и избрать меры для обеспечения безопасности в заливе Корона⁷⁵². Как правило, в подобных ситуациях Республика направляла одно должностное лицо для разбирательств⁷⁵³. Отправка же двух представителей Венеции может свидетельствовать о серьезной обеспокоенности Сената ситуацией вокруг Корона и Модона, подвергавшимся постоянным нападениям со стороны греков. Распоряжением Сената от 13 мая 1334 г. кастелянам Корона и Модона была предоставлена свобода действий в отношении Засси, а венецианским купцам запрещалось иметь любые дела с этим «врагом Коммуны»⁷⁵⁴. Запрет на ведение торговли в определенном месте или с определенными лицами был обычным венецианским методом давления на противника. В дальнейшем новых постановлений Сената по этому вопросу издано не было, что, вероятно, говорит о временной стабилизации ситуации.

Грабительские набеги греков на венецианские базы Пелопоннеса не были редким явлением. В постановлении Сената от 10 мая 1356 г. упоминается более раннее распоряжение кастелянов преследовать и расправляться с подданными морейского деспота (Мануила Кантакузина),

⁷⁵⁰ Zakythinos D. A. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 1. P. 86–87.

⁷⁵¹ Он, вероятно, был потомком родственника архонта Фотия, упомянутого выше.

⁷⁵² *Régestes des délibérations...* Vol. 1. P. 32. № 45.

⁷⁵³ *Ibid.* P. 86. № 313; P. 92. № 344; P. 110. № 426.

⁷⁵⁴ *Régestes des délibérations...* Vol. 1. P. 33. № 50.

которые нападали на Корон и Модон. Сенат заключил, что в настоящий момент подобные действия способны причинить вред венецианским интересам на Пелопоннесе, поэтому за новыми кастелянами закреплялась свобода в любой момент отменить решение их предшественников⁷⁵⁵. Такое решение, по всей видимости, имело целью ограничить растрату ресурсов и сконцентрировать их на первостепенных потребностях.

Отметим, что в тот период в регионе обострилась турецкая опасность. В 1364 г. в битве у Мегары совместными усилиями Морейского деспотата, Ахейского княжества, Венеции и Ордена госпитальеров был разгромлен турецкий флот⁷⁵⁶. Корабли были предоставлены Венецией: еще с 1352 г. венецианцы делили с Ахейским княжеством и папским престолом расходы на защиту прибрежных вод Пелопоннеса⁷⁵⁷. Таким образом, локальные греко-венецианские противоречия отходили на второй план перед лицом общего врага. После этих событий в течение двух десятилетий источники не упоминают о конфликтах между венецианцами и греками в Морее. Однако 20 мая 1376 г. Сенат вновь одобрил ужесточение мер, направленных против деспота Мистры и его подданных, которые были введены в Короне и Модоне, а также постановил, что кастелянам необходимо дополнительно проконсультироваться с торговым советом, как им действовать в отношении греков, ведущих торговлю в этих венецианских портах⁷⁵⁸.

К концу XIV в. отношения между ромеями и венецианцами вновь ухудшились, что закономерно отразилось и на их экономических связях. После начала войны за Аргос и Навплион (1388) Республика особым постановлением прекратила торговлю с деспотатом и Афинами, чьим хозяином был Нерио Аччайуоли⁷⁵⁹. Вплоть до окончания войны торговля не возобновлялась, от чего деспотат нес серьезные экономические убытки.

⁷⁵⁵ *Régestes des délibérations...* Vol. 1. P. 81. № 294.

⁷⁵⁶ Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 326.

⁷⁵⁷ *Régestes des délibérations...* Vol. 1. P. 73. № 256.

⁷⁵⁸ *Ibid.* P. 144. № 578.

⁷⁵⁹ *Régestes des délibérations...* Vol. 1. P. 182. № 757.

В июле 1391 г. епископ Аргоса сообщил Сенату, что деспот готов отказаться от занятых территорий при условиях, что Республика отзовет любой иск, касающийся ущерба, причиненного деспотом, не будет поддерживать мятежников деспотата и отменит все меры, принятые с начала конфликта относительно торговых отношений двух государств, особенно ограничения, наложенные на венецианскую торговлю в греческих территориях Мореи, однако переговоры не увенчались успехом⁷⁶⁰. Война завершилась, как рассматривалось выше, лишь три года спустя. 24 июля 1394 г. была восстановлена торговля между венецианцами и деспотатом⁷⁶¹, что, судя по всему, было важнее византийской стороне, нежели венецианской. Венецианцам же было принципиально важно окончательно утвердиться в портовых городах Арголиты Аргосе и Навплионе, распространив свою экономическую гегемонию и на северо-восток Пелопоннеса.

Проанализированные сведения позволяют сделать вывод, что экономическое взаимодействие смешанного населения Пелопоннеса было, действительно, очень активным. Экономические (в первую очередь, торговые) связи нивелировали границы между латинским и греческим населением, участвовавшим в одних и тех же ярмарках или рынках. Исходя сведений «Морейской хроники» и актов документов, торговля между латинскими и греческими территориями, по крайней мере в XIV в., велась практически непрерывно и являлась важной частью повседневной жизни греко-латинского общества Пелопоннеса. Исключения составляли лишь периоды конфликтов, на время которых приостанавливалась торговая деятельность. Ограничения торговли были действенным механизмом Венецианской республики в достижении своих экономических или политических требований, что говорит о крайней заинтересованности как Ахейского княжества, так и Морейского деспотата в торговой активности венецианцев на их территориях.

⁷⁶⁰ Zakythinis D. A. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 1. P. 138.

⁷⁶¹ *Régestes des délibérations...* Vol. 1. P. 203. № 858.

Наконец, необходимо рассмотреть место Пелопоннеса в системе восточносредиземноморской торговли. С XIII в. наиболее активную торговлю в Восточном Средиземноморье вели венецианцы преимущественно через свои портовые города Модон и Корон. Эти пункты использовались ими для перевозки местных товаров преимущественно на Крит и в Левант. Контакты связывали венецианские порты Пелопоннеса с ближайшим Негропонтом (Эвбея) и Критом, о чем помимо свидетельств о перевозках в постановлениях венецианского Сената⁷⁶² сообщают венецианские архивные документы Корона и Модона. Последние, в частности, свидетельствуют об участии в экономической жизни и ведении дел с венецианцами греческого населения Романии, причем фигурируют в них греки как с Пелопоннеса, так и из Фессалоники, Негропонта и с Крита⁷⁶³. Греки продолжали участвовать в местной и региональной торговле, как, например, в сезонных ярмарках, подобных той, которая проводилась в Вerve. Греческие купцы также были вовлечены в торговую деятельность в ближней и региональной морской торговле и судоходстве. Тем не менее, они зачастую не выдерживали конкуренции с венецианцами и другими латинскими переселенцами в этом регионе⁷⁶⁴.

В XIV в. морским коммуникациям в Восточном Средиземноморье наносили урон турки из малоазийских бейликов, а затем и османы, грабившие суда и прибрежные территории⁷⁶⁵. Пелопоннес неоднократно подвергался нападениям турок и заключивших с ними союз каталонцев. К началу 1340-х гг. турки превратили многие острова Эгейского моря в данников и регулярно опустошали Фракию, Македонию, центральную

⁷⁶² Régestes des délibérations... Vol. 1. P. 37. № 74; P. 252. № 252; P. 96. № 365.

⁷⁶³ Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata... Vol. 1. P. 70. № 1.11; P. 101. № 1.84; P. 141. № 3.20; P. 188. № 3.89 и др.

⁷⁶⁴ Jacoby D. From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change... P. 31.

⁷⁶⁵ Куш Т. В. Пираты Эгейского моря: морской разбой в Восточном Средиземноморье XV века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 246.

Грецию и Пелопоннес⁷⁶⁶. На фоне этих событий итальянские республики всеми силами старались обезопасить морские пути, по которым велась торговля – их главный источник дохода⁷⁶⁷. В условиях серьезных внешнеполитических изменений для Венеции было крайне важно закрепить свое присутствие в регионе. В этом контексте необходимо отдельно рассмотреть специфику отношений Республики с местными правителями и населением Пелопоннеса, что позволит выявить основные методы, которыми Венеция пользовалась для защиты своего присутствия и экономических интересов в период активного соперничества за сферы влияния в регионе.

Линейные перевозки Венеции в Романии проходили через Рагузу, Корфу, Модон, Корон, Крит, Негропонт, Константинополь и Тану. На маршрутах венецианских кораблей зачастую использовалась и франкская Кларенца, через которую, помимо романской линии, перевозились специи в направлениях Кипра и Бейрута, что, в частности, подтверждают материалы совещания на Большом совете Венеции (*Maggior Consiglio*) от 3 июня 1305 г. Кларенца также служила венецианцам промежуточной остановкой при доставке хлопка из Македонии и с Ближнего Востока для снабжения текстильной промышленности республики св. Марка⁷⁶⁸. В целом, с начала латинской оккупации полуострова Ахейское княжество и венецианцы стремились поддерживать нейтральные отношения. Венеция разрешала своим гражданам вести торговлю в ахейских портах и предоставляла военную помощь франкам, если это отвечало ее интересам⁷⁶⁹.

Через Пелопоннес проходили также и ключевые византийские торговые пути. В целом, Византию и Венецианскую республику связывали

⁷⁶⁶ Carr M. Merchant Crusaders in the Aegean... P. 50.

⁷⁶⁷ Zachariadou E. Holy War in the Aegean during the Fourteenth Century // Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean After 1204 / ed. by B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. London: 1989. P. 214.

⁷⁶⁸ Tzavara A. Clarentza: une ville de la la Morée latine... P. 235–240, 274.

⁷⁶⁹ Andrews K. Castles of the Morea... P. 14.

крайне противоречивые отношения⁷⁷⁰. По договору от 1265 г. император Михаил VIII Палеолог (1261–1282) признал за Венецией ее владения в Море⁷⁷¹, однако Византия не оставляла намерений вернуть утраченные в результате Четвертого крестового похода территории⁷⁷². Это обстоятельство неоднократно становилось причиной локальных и более крупных конфликтов Византии и Венеции, в том числе в экономической сфере. Для византийской торговли в Позднее Средневековье высокое значение имела Монеувасия – единственный крупный византийский порт на Пелопоннесе в XIII–XIV вв., расположенный на его юго-восточной оконечности. Купцы из Монеувасии активно путешествовали по Эгейскому и Черному морям, ведя торговлю в большинстве важных портов Восточного Средиземноморья. Освобожденные императорскими хрисовулами от налогов, монеувасиоты путешествовали от Константинополя и его окрестностей к Черному морю и Болгарию, портам Фракии и различным островам Средиземного моря. Они перевозили пшеницу и вино, скот, шкуры и ткани. Торговля принесла богатство Монеувасии и превратила город в торгового игрока, сравнимого, по мнению Х. Каллигас, с итальянскими городскими республиками⁷⁷³.

В свою очередь, экономические успехи монеувасиотов порождали конкуренцию с Венецией. Это соперничество могло принимать форму прямых столкновений, что нашло отражение в материалах заседаний венецианского Сената в 1340 г., когда монеувасиоты в открытом море совершили нападение на венецианские корабли. Для урегулирования взаимоотношений с Византией Республика направила посла к императору, который должен был предварительно выяснить обстоятельства нападения в Короне и Негропонте, что говорит также о тесной связи этих двух портов. После расследования византийскому императору должен был выставлен счет

⁷⁷⁰ Nicol D. *Byzantium and Venice: a Study in Diplomatic and Cultural Relations*. Cambridge, 1988. P. vii.

⁷⁷¹ Хвальков Е. А. Текст византийско-венецианского договора 1265 г. С. 241.

⁷⁷² Page G. *Being Byzantine...* P. 98.

⁷⁷³ Kalligas H. *Byzantine Monemvasia...* P. 133–134.

для компенсации урона, в случае оплаты которого конфликт позволялось урегулировать мирным путем⁷⁷⁴. Исходя из того, что последующих упоминаний конфликта в постановлениях Сената не содержится, по-видимому, Республике удалось добиться от империи компенсации.

Конкуренция их торговых интересов отмечается и позднее, в 1381 г., когда Сенат установил более высокую пошлину для вывоза мальвазии в сравнении с винами Крита других регионов Романии⁷⁷⁵. С другой стороны, это могло объясняться и более высокой стоимостью знаменитой мальвазии, поскольку в том же году Сенат постановил, что максимальная цена покупки вин из Монеувасии составляет 30 дукатов, тогда как на остальные вина Романии максимальная цена определялась в 25 дукатов за амфору⁷⁷⁶.

Ахейская же экономика во франкский период оказалась в зависимости от импорта. Так как в результате войны с ромеями сельское хозяйство пребывало в упадке, а ресурсов страны было недостаточно для удовлетворения потребностей населения и войска, то ей пришлось рассчитывать на импорт продовольствия из Апулии⁷⁷⁷. Княжество, таким образом, серьезно зависело от экономической деятельности венецианцев, обеспечивавших товарами торговые центры Ахайи (Кларенцу, Патры, Коринф). Установившиеся с 1278 г. политические связи между южной Италией и Ахейским княжеством способствовали активизации коммерческого обмена между этими регионами и побудили купцов и банкиров, действовавших в Неаполитанском королевстве, распространить свой бизнес на княжество. Ряд сиенских и флорентийских купцов и банкиров, действовавших в Кларенце, и члены нескольких известных венецианских семей, занимавшихся торговлей, во второй половине XIII–XIV в. получили феодальные владения от ахейских князей Морей. Этим объясняется

⁷⁷⁴ *Régestes des Délibérations...* Vol. 1. № 129. P. 47.

⁷⁷⁵ *Ibid.* № 601. P. 148.

⁷⁷⁶ *Ibid.* № 604. P. 149.

⁷⁷⁷ *Zakythinios D. A. Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 1. P. 49.

разнообразии латинского населения, проживавшего в латинской Греции, и сложность участия Запада в экономике региона⁷⁷⁸.

Галеи линии, следовавшие в Левант и на Понт, проходили через Кларенцу, Корон и Модон, которые таким образом оказались частью бесперебойно функционировавшей системы морского сообщения. В венецианской навигационной системе Кларенце была отведена второстепенная роль – венецианские галеи заходили сюда, как правило, для догрузки, пополнения запасов или из соображений безопасности⁷⁷⁹. Наряду с глобальной торговой сетью существовала и местная транспортная сеть, на которой ходили лодки меньшего тоннажа, совершавшие рейсы непосредственно между Кларенцей, Корона и Модоном. В частности, о перемещении жителей из Корона через залив Кларенцы свидетельствует дело о пиратстве 1334 г., сообщающем о нападении сицилийских пиратов в этом заливе⁷⁸⁰. Первое упоминание о венецианцах, находившихся в Кларенце, встречается в материалах совещания Большого совета Венеции от декабря 1274 г., на котором рассматривался вопрос о купцах, отправлявшихся из Мореи в Венецию и в обратном направлении. Не исключено, что венецианские купцы находились в Кларенце и ранее⁷⁸¹.

Венецианское представительство в Ахайе обеспечивал назначаемый Сенатом консул Кларенцы⁷⁸². В его обязанности входило обеспечение безопасности и защиты прав венецианского населения и торговцев, которые вели дела в Ахайе⁷⁸³. В постановлении *Maggior Consiglio* от 12 ноября 1297 г. содержится первое упоминание об отправке венецианского консула в Кларенцу. Три года спустя, в 1300 г., на заседании Большого совета

⁷⁷⁸ Jacoby D. *The Economy of Latin Greece...* P. 189.

⁷⁷⁹ Карпов С. П. Латинская Романия. С. 104; *Régestes des Délibérations...* Vol. 1. № 301. P. 83; № 316. P. 86.

⁷⁸⁰ Jacoby D. *The Economy of Latin Greece...* P. 225.

⁷⁸¹ Tzavara A. *Clarentza: une ville de la la Morée latine...* P. 143.

⁷⁸² Карпов С. П. Следственное дело консула венецианской Таны Даниэля Лоредана (1412). С. 125.

⁷⁸³ *Régestes des délibérations...* Vol. 1. № 282. P. 79 № 313. P. 86

24 ноября было принято решение, что отныне консул Кларенцы будет выбираться из числа венецианских купцов, уже обосновавшихся в городе, с таким же окладом, лошадьё и двумя пажами, что и прежде. Избранное лицо не могло отказаться от должности под угрозой штрафа⁷⁸⁴. Необходимость обсуждения данного вопроса была связана с тем, что ни один купец из Венеции не проявлял заинтересованности в получении данной должности. Несмотря на венецианское присутствие в Ахайе, Кларенца, по-видимому, не являлась для венецианского купечества популярным и выгодным направлением торговли. Нежелание венецианцев занимать должность в городе, принадлежавшем ахейскому князю, также может говорить о трудностях в коммуникациях граждан Республики с франками.

В трудные моменты ахейская элита рассчитывала на помощь венецианцев. Так, в начале 20-х гг. XIV в., когда княжество оказалось в сложной внешнеполитической ситуации, бароны даже предлагали принести присягу Республике в обмен на ее защиту⁷⁸⁵. В регестах Сената, в которых о Кларенца фигурирует чаще, чем другие ахейские поселения, часто упоминаются конфликты венецианцев с бальи города или местными жителями. Отметим, что для Ахейского княжества первая половина XIV в. стала временем потери территорий и экономического упадка, вызванного фактически непрерывными военными столкновениями с греками, каталонцами и тюрками⁷⁸⁶. По-видимому, ухудшение экономической ситуации в XIV в. привело к попыткам властей Кларенцы извлечь наибольшую выгоду из экономического присутствия венецианцев на территории Ахайи, что и становилось причиной конфликтов⁷⁸⁷. В частности, серьезный конфликт произошел в 1341 г., когда «дурное обращение» должностных лиц княжества с венецианскими торговцами привело к конфликту с Республикой и послужило причиной запрета венецианцам вести

⁷⁸⁴ Tzavara A. Clarentza: une ville de la la Morée latine... P. 143–144.

⁷⁸⁵ Bon A. La Morée Franque... P. 203.

⁷⁸⁶ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 147.

⁷⁸⁷ Régestes des délibérations... Vol. 1. № 116. P. 45; № 126. P. 46; № 131. P. 47; № 209. P. 63.

торговлю в Ахайе до урегулирования спора⁷⁸⁸. Венецианский Сенат направил в Кларенцу посла для заключения новых договоренностей с княгиней Екатериной де Валуа-Куртене и Рожером, архиепископом Патр⁷⁸⁹. Судя по всему, конфликт разрешился в пользу Венеции – власти Ахейского княжества должны были полностью покрыть причиненные убытки⁷⁹⁰. Ограничение венецианской торговли оказало бы негативное воздействие на экономику княжества, и поэтому конфликт, с учетом времени, которое заняла отправка посла, был решен за полгода.

Венеция очень дорожила своим экономическим присутствием в транзитных пунктах Средиземноморья. Несоблюдение договоренностей, злоупотребление должностными полномочиями или действия в ущерб ее торговым интересам строго карались Республикой, тщательно следившей за безопасностью и соблюдением порядка в факториях, а также за соблюдением прав в местах, где ей разрешено было иметь свое представительство. В конфликтных ситуациях Сенат вел переговоры как с греками, так и с латинянами в ультимативной форме, угрожая наложить запрет на ведение торговли в той или иной области. Венеция использовала внутренние противоречия в Ахайе не только для того, чтобы немедленно удовлетворить свои требования, но и получить дополнительные привилегии. Власти же княжества были очевидно заинтересованы в венецианском присутствии в ахейских портах и не могли позволить себе открытого пренебрежения венецианскими постановлениями.

Местные товары (шелк-сырец, изюм, оливковое масло) из Кларенцы отправлялись в Апулию, Сиену и другие итальянские города. После установления анжуйского сюзеренитета над княжеством (1267) Кларенцу связывали регулярные коммуникации с Неаполитанским королевством, которые особенно интенсифицировались после смерти князя Гийома II в

⁷⁸⁸ Ibid. № 116. P. 45.

⁷⁸⁹ Ibid. № 126. P. 46.

⁷⁹⁰ Ibid. № 131. P. 47.

1278 г. Анжуйские корабли перевозили самый востребованный на полуострове товар – пшеницу, а возвращались в Италию с пелопоннесскими товарами. Кларенца к концу XIII в. стала важным центром неаполитанского рынка зерна, где покупатели, в первую очередь, венецианцы, скупали этот товар для дальнейшей продажи⁷⁹¹. Безусловно, экономическая активность Ахейского княжества была значительно ниже итальянской и монемвасийской, однако выгодное географическое положение его портов и сотрудничество с венецианцами поддерживало его экономику в течение XIII–XIV вв.

С 1270-х гг. местные греческие торговцы в Эгейском море, по-видимому, все больше полагались на продукцию латинских ремесленников. Венецианская сеть торговых факторий, созданных в Восточном Средиземноморье, способствовала расширению, разнообразию и объему венецианской морской торговли, осуществлявшейся внутри и через Латинскую Романию. Возросшее значение в этом регионе венецианской денежной системы, пришедшей на смену византийской, свидетельствует об экономической гегемонии Венеции после Четвертого крестового похода⁷⁹².

В акте Сената от 30 марта 1375 г. Корон и Модон названы «главными очами Коммуны» (*Oculi capitals comunis*)⁷⁹³. Это определение подчеркивает особые функции, возложенные на эти венецианские порты: наблюдение, сбор и передача полезной для Коммуны информации, наконец, плацдарм для вмешательства в дела полуострова для защиты интересов Венеции, ее граждан и ее подданных⁷⁹⁴. Для Венеции Пелопоннес, таким образом, играл важную, хоть и не ключевую, роль и занимал стратегически значимое положение в длинной цепи венецианских перевозок.

Латинские порты Пелопоннеса были частью обширной торговой сети, пронизавшей все Восточное Средиземноморье. Находясь на пересечении

⁷⁹¹ Tzavara A. Clarentza: une ville de la la Morée latine... P. 241–242.

⁷⁹² Jacoby D. From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change... P. 31–32.

⁷⁹³ Régestes des Délibérations... Vol. 1. № 559. P. 138.

⁷⁹⁴ Jacoby D. La féodalité en Grèce médiévale... P. 227.

западных и восточных торговых путей, транзитные пункты Пелопоннеса (и латинские, и византийские) извлекали выгоду из экономических операций, связанных с морской торговлей. Из византийских городов полуострова, пожалуй, только Монемвасия была включена в общую средиземноморскую торговлю, в которой она участвовала вполне самостоятельно. В большинстве же греческих городов ремесло и торговля ориентировались на локальный рынок. Ахейские порты франков полностью зависели от анжуйских сюзеренов и венецианцев. Наибольший вес в экономике региона был у венецианских Корона и Модона. Активная экономическая деятельность, в которую было вовлечено полиэтничное население Пелопоннеса, создавала почву как для сотрудничества, так и для конфликтов. Греко-латинские конфликты и контакты в экономической сфере были отражением крайне сложных отношений между Византийской империей, Ахайей и Коммуной, стремившимся к политическому доминированию в регионе.

Таким образом, социально-экономическое взаимодействие между латинянами и ромеями на Пелопоннесе в рассматриваемый период находило выражение как в конфликтных ситуациях, так и в контактах различного плана. И хотя источники уделяют больше внимание конфликтам, тем не менее, мы можем констатировать тесные греко-латинских контакты в социально-экономической сфере. В Ахейском княжестве социальное взаимодействие наиболее ярко проявилось на уровне элит – между латинским нобилитетом и местными архонтами, избежавшими притеснений со стороны франков. По данным просопографической базы данных (Приложение 1), из 26 греков, включенных в социальные структуры Ахайи, только 8 не относились к родовой знати или административным кадрам княжества. В Морейском деспотате же главную роль в социализации играло не происхождение латинянина, а степень его интеграции в ромейское общество (посредством языка, службы императору, крещения по ортодоксальному образцу и др.). На венецианских территориях, пожалуй, определяющее значение имело экономическое положение человека в

обществе, поэтому большинство случаев взаимодействия относится к каким-либо экономическим и юридическим отношениям венецианцев с зажиточными греками Корона и Модона: мы встречаем 36 имен, из них 14 венецианцев, остальные – греки. Полной сегрегации греческого населения от латинского, таким образом, на Пелопоннесе не наблюдалось. Наиболее же частой и прочной формой греко-латинских отношений стали их взаимовыгодные деловые отношения, а также личные связи.

Безусловно, латинское завоевание оказало сильное влияние на сложившийся жизненный уклад ромейского населения, однако также завоеватели испытали на себе серьезное воздействие местных традиций. Пелопоннес стал одним из ярких примеров синтеза административно-правовых и экономических систем латинян и ромеев в Греции. Особенно насыщенными были повседневные контакты, через которые и проходили постепенные процессы взаимовлияния. И хотя различия между ними сохранялись, тенденции к поиску компромисса проявились уже в XIII в., в первую очередь, с целью поддержания благополучия смешанного морейского общества. Так, к XIV в. можно утверждать о формировании устоявшегося порядка их взаимоотношений в правовой, социальной, административной и экономической сферах.

Глава 3. Социокультурные процессы на Пелопоннесе

3.1. Особенности локальной идентичности греко-латинской знати Пелопоннеса

На бывших византийских территориях, завоеванных участниками Четвертого крестового похода, в течение XIII–XIV вв. произошли серьезные социокультурные изменения. Интенсификация межкультурных контактов наложила отпечаток и на самосознание местного населения. Результатом взаимодействия ромеев с завоевателями стало формирование в регионах их совместного проживания новых локальных идентичностей, впитавших в себя как византийские, так и западноевропейские компоненты⁷⁹⁵. В греческих же государствах, возникших после 1204 г. на руинах Византийской империи, в течение XIII в. складывались так называемые «альтернативные ромейские идентичности» со своими локальными чертами⁷⁹⁶. На Пелопоннесе, значительная часть которого была в 1205–1212 гг. захвачена франкскими рыцарями, получили развитие оба этих процесса.

Основная часть греческого населения северо-западного Пелопоннеса, как уже отмечалось, вынужденно приняла в качестве новой политической элиты франков, создавших здесь Ахейское княжество⁷⁹⁷. На протяжении XIII в. развивались разные формы сотрудничества латинян и греческого населения, что сильно повлияло на внутреннюю жизнь всего полуострова⁷⁹⁸. Юго-восточные территории Пелопоннеса, дольше всего сопротивлявшиеся захватчикам, до восстановления Византийской империи в 1261 г. были изолированы от других греческих государств. Некоторые связи

⁷⁹⁵ Beihammer A. D. A Transcultural Formula of Rule: The Byzantine-Frankish Discourse on the Formation // Union in Separation: Diasporic Groups and Identities in the Eastern Mediterranean (1100–1800) / ed. G. Christ, F.-J. Morche, R. Zaugg, W. Kaiser, S. Burkhardt, A. D. Beihammer. Roma, 2015. P. 438.

⁷⁹⁶ Page G. Being Byzantine... P. 21; Еманов А. Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV вв. СПб., 2018. С. 53.

⁷⁹⁷ Lock P. The Franks in the Aegean, 1204–1500. London; New York, 1995. P. 290.

⁷⁹⁸ См.: Белоруссова Т. Е. Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса после византийской реставрации 1262 г. // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 240–253.

поддерживались лишь с Никеей, причем преимущественно из Монеивасии – последнего покорившегося франкам оплота византийского Пелопоннеса⁷⁹⁹. Как сказало время изоляции на идентичности морейских греков? Повлияло ли длительное соседство с латинянами на самосознание византийского населения полуострова? Наконец, какие характерные черты можно выделить в локальной идентичности населения Пелопоннеса? Ответы на эти вопросы приблизят нас к пониманию специфики межкультурного взаимодействия и взаимовлияния полиэтничного населения полуострова в период Позднего Средневековья.

Проблемы поздневизантийской идентичности в последние десятилетия активно исследуются⁸⁰⁰, однако в вопросах идентичности населения Пелопоннеса в историографии пока не сложилось единого мнения. Большой вклад в исследование ромейской идентичности, в том числе населения, проживавшего на территории позднесредневекового Пелопоннеса, внесла Дж. Пэйдж, отметившая отсутствие в самосознании жителей Морей политической верности императору⁸⁰¹. На формирование этой отличительной черты морейской идентичности, по ее мнению, оказали определенное влияние соседние франки⁸⁰². Э. Калделлис, напротив, считает, что ромейская идентичность, в том числе политическая, на протяжении всей византийской истории широко поддерживалась на провинциальном уровне, включая византийскую Морею⁸⁰³. Свои размышления он подкрепляет

⁷⁹⁹ Kalligas H. Byzantine Monemvasia... P. 86.

⁸⁰⁰ См.: Kaldellis A. Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge, 2007. P. 334–388; Shawcross T. Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece. Oxford, 2009. P. 190–202; Beihammer A. D. A Transcultural Formula of Rule: The Byzantine-Frankish Discourse on the Formation // Union in Separation: Diasporic Groups and Identities in the Eastern Mediterranean (1100–1800) / ed. G. Christ, F.-J. Morche, R. Zaugg, W. Kaiser, S. Burkhardt, A. D. Beihammer. Roma, 2015. P. 435–452; Smarnakis I. Political Power, Space, and Identities in the State of Epiros (1205–1318) // The Routledge Handbook on Identity in Byzantium / Ed. by M. E. Stewart, D. A. Parnell, C. Whately. London; New-York, 2022. P. 300–311.

⁸⁰¹ См.: Page G. Being Byzantine... P. 177–242.

⁸⁰² Page G. Being Byzantine... P. 212; 242.

⁸⁰³ Kaldellis A. The Social Scope of Roman Identity in Byzantium: An Evidence-Based Approach // BYZANTINA ΣΥΜΜΕΙΚΤΑ. 2017. № 27. P. 196–197.

свидетельствами «Морейской хроники», в которой, в отличие от большинства западноевропейских источников, византийцы именуются не «греками», а «ромеями» – причем как подданные византийского императора, так и греки, которые находились под властью франкских князей. В этом Э. Калделлис видит отражение общеромейской идентичности, поскольку автор хроники использовал употребляемый франками этноним, а также тот факт, что грекоязычное православное население империи и ее бывших провинций (таких как Пелопоннес) называло и считало себя именно ромеями – подданными империи⁸⁰⁴. Являются ли эти точки зрения взаимоисключающими?

Греческие и латинские элиты Пелопоннеса, несмотря на культурные различия, имели много общего. В первую очередь, их сближали землевладельческие интересы и близкие позиции в социальной иерархии⁸⁰⁵. Местная аристократия также довольно рано почувствовала на себе негативное влияние от присутствия чужаков в управлении их территориями. Император Михаил VIII Палеолог в 1262 г. направил в Морею отряды под командованием своего брата Константина, которые должны были совместно с морейскими архонтами вытеснить латинян с полуострова⁸⁰⁶. В ожесточенной борьбе в первой половине 1260-х гг. ни византийцам, ни латинянам не удалось одержать верх, в то время как население полуострова испытало на себе многочисленные тяготы военного времени⁸⁰⁷. После перехода Ахейского княжества под анжуйский сюзеренитет (1267) и пресечения династии Виллардуэнов по мужской линии (1278) на Пелопоннес из Неаполя начали назначаться наместники – бальи, плохо знакомые с принципами руководства княжеством и зачастую заинтересованные

⁸⁰⁴ Ibid. P. 197.

⁸⁰⁵ Удальцова З. В. Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания // Средние века. 1951. Вып. 3. С. 177.

⁸⁰⁶ The Chronicle of Morea... 4631–4634.

⁸⁰⁷ Lock P. The Franks in Aegean... P. 83–84; Geanakoplos D. J. Emperor Michael Palaeologus and the West... P. 175.

исключительно в личном обогащении⁸⁰⁸. От сюзерена стало зависеть и назначение ахейских князей, которые также не всегда могли найти общий язык с местным нобилитетом⁸⁰⁹. Так, одобренный анжуйцами в качестве князя Филипп Савойский (1301–1307) не проявил себя как заботливый и рачительный правитель. Анонимный автор «Морейской хроники» с возмущением отмечал его заинтересованность, прежде всего, в увеличении собственного финансового состояния, что расходилось с нуждами княжества: «как только он получил власть над всем княжеством, он призвал Гийома де Монбея, своего старшего камергера, и других членов своего совета, и спросил их, как он может достать средства для содержания своего поместья и его светлости»⁸¹⁰. Недовольство правителем, весьма вероятно, способствовало сближению знатных франков и ромеев Пелопоннеса и осознанию ими общности их интересов.

Что касается византийской части полуострова, до XIV в. в источниках не встречается свидетельств о недовольстве местных аристократов центральным управлением. Во французской версии «Морейской хроники», составленной в первой половине XIV в., содержится информация о недоверии морейского архонта по отношению к центральной власти в конце XIII в. Представителями центральной власти в Морее были, в первую очередь, наместники (кефалы) императора, которые ежегодно назначались в Мистру из Константинополя⁸¹¹. Один из архонтов Мистры, Георгий Сгуромайи (*Sguromailli/Sguromailly*), о котором уже упоминалось, помог франкам в 1293 г. вернуть крепость Каламату, мотивируя свой поступок тем, что император был бы менее справедлив к пелопоннесцам, не будь на полуострове угрозы в виде франков⁸¹². Иными словами, пока существовал политический противник в виде Ахейского княжества, византийская

⁸⁰⁸ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 94–95.

⁸⁰⁹ Von Löhneysen W. F. Mistra: Griechenlands Schicksal im Mittelalter. Morea unter Franken, Byzantinern und Osmanen. München, 1977. S. 59–60.

⁸¹⁰ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la Conquête... P. 338. 855.

⁸¹¹ Kalligas H. Byzantine Monemvasia... P. 98.

⁸¹² Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la Conquête... P. 287. 722.

администрация была вынуждена считаться с местной аристократией и уважать ее интересы. Беря же во внимание тот факт, что данный случай нашел отражение в источнике, созданном в латинской среде Пелопоннеса, можно заключить, что существовала определенная дистанция между морейскими и столичными греками.

Отбытие кефала Андроника Асеня (1316–1321)⁸¹³ ко двору в 1321 г. лишь подстегнуло местную элиту к поиску большей самостоятельности. Очевидно, что десятилетия, которые прошли без видимого вмешательства Константинополя, погрязшего в смутах и гражданских войнах, дало возможность местной знати укрепить свои позиции и заявить о себе как о самостоятельной политической силе. Византийские историки, описывавшие события тех лет, ничего не сообщают о Пелопоннесе. По-видимому, Морея не принимала никаких активных действий в гражданской войне между Иоанном V Палеологом и Иоанном Кантакузином⁸¹⁴. В то же время византийские архонты Пелопоннеса располагали свободой в своих управленческих и политических решениях, когда вмешательство со стороны Константинополя было сведено к минимуму. Согласно историческому труду Иоанна VI Кантакузина, Морея, страдавшая от войн с латинянами и тюрками, впала также в череду внутренних конфликтов, поскольку местные архонты «постоянно враждовали, захватывая имущество друг друга и совершая убийства»⁸¹⁵. Возможно, слова Димитрия Кидониса в одном из писем к Иоанну VI 1345 г. «Ты поднимаешься, словно возносящийся к небу столп, но только не на Пелопоннесе, как при Ификрате, а во всех душах и мыслях»⁸¹⁶ были отражением хаоса на Пелопоннесе в это время. Ситуация в Морее, вышедшая из-под контроля Константинополя, нуждалась в стабилизации. Согласно «Истории» Кантакузина, это и стало причиной

⁸¹³ PLP. № 1489.

⁸¹⁴ McLaughlin B. S. An Annotated Translation of John Kantakouzenos' Histories... P. 343.

⁸¹⁵ Ioannis Cantacuzeni Historiarum Libri... Vol. 3. P. 85. 6–7.

⁸¹⁶ Цит. по: Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов. Три очерка. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб., 1998. С. 30; См.: Démétrius Cydonès, Correspondence / ed. R-J. Loenertz. Vatican, 1960. Vol. 1. P. 131. 20–24.

отправки на Пелопоннес в качестве деспота его сына Мануила⁸¹⁷. Учитывая, что Мануил не был старшим сыном Кантакузина, можно предположить, что именно он обладал необходимыми управленческими качествами, чтобы восстановить и сохранять порядок на Пелопоннесе.

С середины XIV в., таким образом, в Морею из Константинополя стали назначаться пожизненные правители – деспоты, что неоднократно вызывало недовольство морейских архонтов. По прибытии на Пелопоннес Мануил Кантакузин (1348–1380), «направленный сильной рукой управлять пелопоннесцами»⁸¹⁸, столкнулся с решительным сопротивлением местной знати. Историческое сочинение его отца сообщает, что после прибытия деспота междоусобная борьба архонтов сменилась их совместной борьбой против его власти. Впервые в источнике нашли отражение сепаратистские настроения пелопоннесских ромеев. Кантакузин писал о пелопоннесцах: «они вынесли бы все, кроме неспособности бунтовать и вести свой привычный образ жизни. Поскольку они не могли воевать друг с другом из-за своего страха перед деспотом, все объединились в одном деле против него и подняли мятеж»⁸¹⁹. Эти строки служат подтверждением, что хотя случаев открытого неповиновения со стороны морейской знати ранее зафиксировано не было, некоторое своеволие в среде архонтов Пелопоннеса к этому времени стало характерной чертой для этого региона империи. Приведенная цитата позволяет выделить ценность для пелопоннесцев устоявшегося порядка в качестве одного из составляющих их локальной идентичности. Непримируемость с вмешательством извне также сближала морейских архонтов с латинянами Ахейского княжества, в рядах которых уже давно зрело недовольство правлением сюзеренов, погрузивших их государство в анархию⁸²⁰.

⁸¹⁷ Ioannis Cantacuzeni Historiarum... Vol. 3. P. 85. 11–14.

⁸¹⁸ Ibid. 14.

⁸¹⁹ Ibid. P. 86. 4–8.

⁸²⁰ Von Löhneysen W. F. Mistra: Griechenlands Schicksal im Mittelalter... S. 110.

Мануилу Кантакузину удалось подчинить архонтов своей власти, однако, как писал его отец, «ни поражение, ни успех, ни время, разрушающее все, не могли унять вражду, которую пелопоннесцы питали к другим... Их не заботили законы Ликурга, но они строго придерживались одного из изречений Солона, согласно которому бесчестен тот, кто не участвует в восстании»⁸²¹. Непокорность, недоверие к чужакам, враждебность, свободолюбие – это могли быть стереотипы, которыми представитель столичной аристократии наделял жителей провинции. Однако необходимо учитывать, что автор этих строк уже после своего отречения от императорского титула (1354) и принятия монашеского сана несколько раз бывал на Пелопоннесе, в частности, в 1359–1360 гг.⁸²² Именно в этот период Кантакузин трудился над своим историческим сочинением⁸²³. Вероятно, в характеристике представителей местной аристократии он опирался в том числе на непосредственное знакомство с морейской ситуацией.

Кантакузин также сообщает, что причиной второго восстания морейских архонтов против Мануила стала попытка деспота ввести налог на содержание военного флота с целью защиты Пелопоннеса от набегов тюрок из Малой Азии⁸²⁴. Инициатором и вдохновителем очередной войны местной знати против деспота стал один из местных аристократов, некто Лампудий (Λαμπύδιος)⁸²⁵, вошедший в доверие к Мануилу и получивший от него право на сбор этого налога. Однако вместо своей миссии Лампудий объехал все византийские территории полуострова, призывая к восстанию против ставленника Константинополя, который «возглавил их как рабов и увлек за собой»⁸²⁶. Кантакузин уделяет достаточно много внимания борьбе своего сына с пелопоннесцами. Соппротивление местной знати, по всей видимости,

⁸²¹ Ioannis Cantacuzeni Historiarum... Vol. 3. P. 86–87. 18–23; 1–3.

⁸²² Zakythinos D. A. Le Despotat Grec de Morée... Vol. 1. P. 100; Nicol D. The Byzantine Family of Kantakouzenos... P. 87–88.

⁸²³ McLaughlin B. S. An Annotated Translation of John Kantakouzenos' Histories... P. 18.

⁸²⁴ Ioannis Cantacuzeni Historiarum... Vol. 3. P. 87. 4–7.

⁸²⁵ PLP. №14441.

⁸²⁶ Ioannis Cantacuzeni Historiarum... Vol. 3. P. 87. 9–19.

было очень серьезным. Эта борьба действительно затянулась на несколько лет: для защиты своих интересов местные землевладельцы были готовы выступить единым фронтом против деспота, отодвинув внутренние распри на второй план⁸²⁷. Подчинение пришлому правителю, таким образом, в восприятии морейской знати было равнозначно рабству.

В 1355 г. император Иоанн V Палеолог назначил новыми кефалами Морей Михаила и Андрея Асеней, которых охотно поддержали архонты, недовольные «жестким правлением своего деспота»⁸²⁸. Мануил, однако, упорно боролся с соперниками. Для укрепления своего положения он заключил политический союз с нобилитетом Ахейского княжества⁸²⁹. Дав отпор новым претендентам на власть в деспотате и организовав совместно с латинянами оборону полуострова от турок, Мануил, судя по всему, снискал уважение у местной аристократии. До конца его правления мы не встречаем новых упоминаний о восстаниях архонтов Пелопоннеса. Череда мятежей и последующая борьба деспота с Палеологами лишь сильнее дистанцировала Пелопоннес от Константинополя, как политически, так и в самоидентификации местного населения. Окрепшие связи ромеев с латинскими соседями также должны были повлиять на формирование общей идентичности пелопоннесцев. На фоне политических событий в регионе, предполагавших совместную защиту от вмешательств и нападений извне, греки, как и латиняне, в собственном самосознании должны были ассоциировать себя и соседей, исходя из их общей территориальной принадлежности. Эта локальная общность еще не единожды находила отражение в политических событиях на Пелопоннесе во второй половине XIV в.

⁸²⁷ Ioannis Cantacuzeni Historiarum... Vol. 3. P. 86, 4–10.

⁸²⁸ Ibid. P. 89. 2–9.

⁸²⁹ Ibid. P. 89, 20–25; P. 90, 1–2.

После смерти Мануила Кантакузина в 1380 г. новым деспотом стал его старший брат Матфей (1380–1383)⁸³⁰, который в управлении Мореей старался придерживаться линии своего брата. Однако в 1383 г. ему наследовал его сын Димитрий (1383–1384)⁸³¹, решивший окончательно разорвать все связи с Константинополем⁸³², что подтверждает сохранение сепаратистских настроений в кругах морейской знати. В ответ на действия Димитрия Кантакузина император Иоанн V Палеолог назначил деспотом своего сына Феодора I и отправил его с войском на Пелопоннес, чтобы усмирить мятежного Димитрия и утвердить власть Палеологов над Пелопоннесом⁸³³. Эти действия императора не нашли поддержки в Морее. Архонты, вероятно, не были готовы принять правителя, не являвшегося выходцем из их среды и чьи интересы противоречили их собственным.

Сведения о событиях тех лет дошли до нас, прежде всего, в тексте «Надгробной речи» Мануила II Палеолога, посвященной его брату деспоту Феодору. Мануил сообщает, что в борьбе против власти Палеологов деспот Димитрий заручился поддержкой латинян, турецких и наваррских наемников, а также значительного числа местного населения⁸³⁴. О мотивации мятежных архонтов Мануил писал: «у них не было к нам никаких претензий, кроме того, что они не желали, чтобы ими правил тот, кто имел на это право»⁸³⁵. Приведенная цитата обнажает открытый конфликт интересов центральной и местной византийской власти в начале XV в., когда была написана данная речь. Участие латинян в междоусобной борьбе ромеев вновь позволяет говорить об общих интересах элит Пелопоннеса в этот период. В сравнении с первой половиной XIV в., когда политические отношения регулировались на уровне представителей центральной власти, теперь

⁸³⁰ PLP. № 10983.

⁸³¹ Ibid. № 10963.

⁸³² Manuel II Palaiologos. Funeral Oration on His Brother Theodore / introd., text, transl. and notes by J. Chrysostomides. Thessalonike, 1985. P. 115. 14–16.

⁸³³ Zakythinos D. A. Le Despotat Grec de Morée... Vol. 1. P. 117.

⁸³⁴ Manuel II Palaiologos. Funeral Oration... P. 117. 17–18.

⁸³⁵ Ibid. P. 127. 28–30.

местная аристократия активно стремилась самостоятельно отстаивать свои интересы и искала на этом поприще союзников.

В письме Иоанну Ласкарису Калоферу⁸³⁶ от 1381/1382 г., находившемуся в Модоне, Димитрий Кидонис предостерегал друга от «коварства и воинственности пелопоннесцев»⁸³⁷. Речь, по всей видимости, в письме шла не только о латинянах, враждебных Константинополю, но и о пелопоннесских греках, которым были присущи стремление к сепаратизму и которые переняли многое от своих латинских соседей. Исходя из датировки этого письма временем, когда Феодор еще не был назначен деспотом и не прибыл в Морею, можно сделать вывод, что отношение к чужакам на Пелопоннесе, которыми являлись и вновь назначенные деспоты, было крайне настороженным и даже враждебным. Дифференциация на «своих» и «чужих» в самоопределении пелопоннесцев напрямую связана с их стремлением к независимости от представителей центральной администрации. Примечательно, что к чужакам относились люди той же культурной традиции, что пелопоннесские греки, однако иной территориальной принадлежности. Локальный компонент в идентичности населения Мореи, таким образом, был действительно силен. Лишь смерть Димитрия Кантакузина в 1384 г. завершила борьбу за контроль над деспотатом в пользу Феодора. Поддержка латинянами Кантакузина в противостоянии с Константинополем ярко иллюстрирует сплочение греко-латинского населения Пелопоннеса перед представителями мира за его пределами.

Поэтическая надпись, скопированная в 1730 г. с мраморной колонны церкви Одигитрии в деревне Парори около Мистры, также сообщает о трудностях первых лет правления Феодора: «Феодор Палеолог, деспот, князь императорской крови, покинув свою родину – Константинополь, пришел к нам как хозяин этой страны. Люди страны, непослушные, враждебные,

⁸³⁶ PLP. № 10732.

⁸³⁷ Démétrius Cydonès, *Correspondence* / ed. R.-J. Loenertz. Vatican, 1960. Vol. 2. P. 113. 124–126.

зловредные, коварные, искусные во зле, гнусных нравов, склонные к зависти, лжи, распрям, убийствам, попирая свои клятвы, похищая чужое имущество, все ввергали в кровь, стремясь его лишить трона, *выбросить вон из страны*⁸³⁸, умертвить его, *чтобы остаться без господина*. Они превратили в позор славу своих отцов, *вверяя себя латинянам...* Действуют же они таким образом, друзья мои, в течение пяти долгих лет, живя только войной с законной властью»⁸³⁹. Отметим, что, в отличие от династии Кантакузинов, деспоты из рода Палеологов поддерживали тесные отношения с Константинополем⁸⁴⁰. Этим фактом вполне объясняются имперские амбиции деспота по объединению полуострова под своим началом, что неоднократно сопровождалось недовольством и даже политическими изменами местной знати⁸⁴¹. Феодор I Палеолог также был готов вовлекать латинян в борьбу с мятежными элитами, однако действовал по-византийски расчетливо, разделяя своих возможных противников. В частности, в ответ на решительное сопротивление монемвасийских архонтов из семьи Мамонов он предложил венецианскому кастеляну Корона Пьетро Гримани в 1384 г. передать контроль над этим непокорным городом-портом⁸⁴². Этот шаг позволил бы Феодору заполучить расположение республики св. Марка и ликвидировать непокорных архонтов. Однако деспотам из династии Палеологов вплоть до прекращения существования Морейского деспотата (1460) приходилось раз за разом утверждать свою власть над местной аристократией⁸⁴³. Несмотря на то, что венецианский Сенат позволил кастеляну Корона принять выгодное предложение, Монемвасия не была оккупирована венецианцами, поскольку этому решительно воспротивилось

⁸³⁸ Здесь и далее курсив наш.

⁸³⁹ Цит. по: Медведев И. П. Мистра... С. 28.

⁸⁴⁰ Zakythinos D. A. Le Despotat Grec de Morée... Vol. 1. P. 119.

⁸⁴¹ Necipoğlu N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins... P. 237–238.

⁸⁴² Monumenta Peloponnesiaca. Documents for the History of the Peloponnese in 14th and 15th centuries / ed. J. Chrysostomides. Camberley: Porphyrogenitus, 1995. P. 47. № 22.

⁸⁴³ Necipoğlu N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins... P. 260–261.

местное население⁸⁴⁴. Категорическое неприятие внешнего управления, таким образом, стало к концу XIV в. неотъемлемой чертой локальной морейской идентичности.

В письме Анжело Аччайуоли, датированном началом 1385 г., епископ Аргоса Якопо также докладывал, что дела деспота Феодора «идут плохо, потому что его бароны восстали, присоединившись к наваррцам Ахейского княжества»⁸⁴⁵. Феодору же некоторую поддержку оказывал его союзник и тесть Нерио Аччайуоли, которому также принадлежали земли в Ахайе⁸⁴⁶. Примечательно, что Якопо сообщает и о том, что флорентиец Нерио оправдывал свою поддержку деспота перед наваррцами тем, что он поддерживает Феодора не в борьбе с ними, а лишь в борьбе с «мятежными греческими баронами»⁸⁴⁷. Упорное стремление морейской знати к сепаратизму, таким образом, к концу XIV в. стало константой их политического самосознания. Важно отметить, что сплочению элит и деспота не способствовала даже турецкая угроза. Напротив, Мануил II с возмущением писал, что архонты «полагались на его (султана Баязида. – *Т. Б.*) силу и на враждебность (к деспоту. – *Т. Б.*) соседних латинян, угрожая нашим владениям»⁸⁴⁸. Сотрудничество с турецким султаном и латинскими баронами, судя по всему, было для греческих землевладельцев Морей предпочтительнее. Кроме того, когда Феодор I в 1394 г. находился при османском дворе, что было равносильно плену, архонты не предприняли попытки освободить его, что также вызывает волну возмущения у его брата⁸⁴⁹.

Очевидно, что активная политика деспота Феодора I серьезно настораживала местную аристократию. Отсутствие их солидарности с местным правителем можно связать с их страхом за собственное

⁸⁴⁴ Kalligas H. A. *Monemvasia: the Sources...* P. 146–147.

⁸⁴⁵ *Monumenta Peloponnesiaca...* P. 58. № 27. 39–43

⁸⁴⁶ Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 131.

⁸⁴⁷ *Monumenta Peloponnesiaca...* P. 58. № 27. 44–48.

⁸⁴⁸ Manuel II Palaiologos. *Funeral Oration on His Brother Theodore...* P. 129. 1–4.

⁸⁴⁹ *Ibid.* P. 155. 2–6.

благополучие. Усиление центральной власти также шло вразрез с интересами местных землевладельцев. Мануил II, описывая переселение на Пелопоннес албанских племен, уделяет особое внимание сомнениям, царившим в окружении деспота – местные элиты опасались, что большое количество албанских переселенцев, придерживавшихся иных обычаев, принесут Пелопоннесу новые беды⁸⁵⁰. Не исключено, что причиной албанской миграции на Пелопоннес был страх перед османской экспансией. В частности, хроника Токко сообщает об албанском населении Эпира, нашедшем убежище от турок в Морее по причине «великого страха перед мусульманами»⁸⁵¹. Население Пелопоннеса же проявляло нескрываемую настороженность в отношении чужаков как потенциальному источнику проблем и угрозе его собственному социальному положению. На самом же деле албанцы стали опорой деспоту, пополнив его войско. Кроме того, они проявили политическую лояльность к нему⁸⁵². Таким образом, опасения морейской аристократии, что Феодор I сможет усилить свою власть, оказались оправданными. После смерти Феодора I в 1407 г. закономерно последовала череда восстаний местных аристократов против нового деспота Феодора II (1407–1443). В одном из писем, датированном 1408 годом, Мануил II назвал беспорядки местной знати Пелопоннеса традиционными⁸⁵³, что вновь доказывает стремление к независимости (или же сепаратизма) морейского населения, ставшее определяющим в их политическом самосознании.

Необходимо отметить, что еще в 1360-е гг. в Византии сформировалось идейное течение, доказывавшее возможность и необходимость сближения с латинянами⁸⁵⁴. И хотя интеллектуальная жизнь концентрировалась преимущественно в столице, на Пелопоннесе, где соседство с латинянами

⁸⁵⁰ Manuel II Palaiologos. Funeral Oration on His Brother Theodore... P. 121. 14–16.

⁸⁵¹ Cronaca dei Tocco di Cefalonia di anonimo / ed. J. Schirò. Roma, 1975. P. 464. 3298–3299.

⁸⁵² Manuel II Palaiologos. Funeral Oration on His Brother Theodore... P. 17–23.

⁸⁵³ Necipoğlu N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins... P. 259.

⁸⁵⁴ Куц Т. В. На закате империи... С. 333.

было длительным и прочным, эти настроения не могли не найти отклика хотя бы у части знати. В начале – первой половине XV в. часть греческой аристократии Пелопоннеса, помимо того, что связывали перспективы своей экономической безопасности с итальянцами, также разделяли пролатинские симпатии. В частности, представитель местной греческой аристократии, великий стратопедарх (с 1445 г. месазон Мореи) Николай Эвдемоиоанн⁸⁵⁵ играл постоянную роль в переговорах с представителями латинского мира. В начале 1416 г. он отправился с посольством в Венецию, а затем, в 1416–1417 гг., присутствовал на Констанцском соборе, где внес предложения относительно проекта унии греческой и латинской церквей⁸⁵⁶.

Наконец, необходимо обратиться к просопографии вопроса (Приложение 1), чтобы определить степень симбиоза элит Пелопоннеса. Всего из 110 знатных персоналий (Приложение 1) 52 как минимум один раз упоминаются в контексте сотрудничества, дипломатических контактов, родственных или дружеских связей. Из этих 52 участников греко-латинского взаимодействия 24 являлись представителями княжеского нобилитета, 18 были выходцами из ромейской знати или чиновничьей аристократии, еще 10 были знатными греками, лояльными ахейским князьям. Соответственно, почти половина представителей знати, зафиксированных в источниках, находились в достаточно тесной связи с соседями, что соотносится с рассмотренной выше проблемой их общей локальной идентичности. Греческую знать Ахейского княжества в этих случаях связывали прочные деловые и личные узы с их сеньором, тогда как на межгосударственном уровне у морейской знати часто имелись общие интересы (порой ситуативные, направленные против третьей стороны).

Таким образом, в течение XIV в. недоверие к представителям центральной власти у морейской знати переросло в открытую непримиримость. На фоне политических событий, потрясавших регион в это

⁸⁵⁵ PLP. № 6221.

⁸⁵⁶ Necipoğlu N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins... P. 264.

время, на Пелопоннесе сформировалась локальная идентичность, основанная на противопоставлении себя чужакам, и прежде всего представителям центральной администрации, которые вмешивались в их внутренние дела. Ее носителями стали как греки, так и латиняне, неоднократно действовавшие с ними сообща. Наличие общего соперника в виде центральной византийской власти сблизило землевладельческую элиту Пелопоннеса. Связующим звеном для греческой и латинской знати стало, в первую очередь, стремление обезопасить собственные позиции на полуострове, не допустив пренебрежения их интересами в ущерб общегосударственным делам или же для отпора внешним агрессорам. Несмотря на сохранение социокультурных и этнических различий между греческой и латинской элитами, локальный политический компонент сглаживал эти противоречия и создавал почву для интеграционных процессов и формирования общей идентичности местной знати.

3.2. Религиозное взаимодействие: конфликты, контакты и взаимовлияние

Разграбление Константинополя крестоносцами стало переломным моментом для подавляющего большинства греческих христиан. В их восприятии с того момента невозможно было заключить союз с папой и церковью, которые потворствовали завоеванию империи и разграблению ее столицы⁸⁵⁷. Последовавшее покорение латинянами греческих территорий лишь увеличили пропасть между представителями западного и восточного христианства.

На Пелопоннесе греческая православная церковь как институт также подверглась притеснениям со стороны захватчиков-латинян. В период завоевания полуострова 1205–1212 гг. франки конфисковали обширные церковные владения. Закономерно, что духовенство оказало сопротивление

⁸⁵⁷ Kolbaba T. M. The Patriarchate and the Western Church to 1204 // A Companion to the Patriarchate of Constantinople / ed. Ch. Gastgeber, E. Mitsiou, J. Preiser-Kapeller, V. Zervan. Leiden; Boston, 2021. P. 56.

захватчикам, а значительная его часть, не желая сосуществовать с чужаками, вынуждена была искать убежища на непокоренных латинянами территориях: в Никее или Эпире⁸⁵⁸. Георгий Акрополит, чей исторический труд начинается с падения Константинополя в 1204 г., писал: «прежде всего они (латиняне. – *Т. Б.*) захватили западные территории (империи. – *Т. Б.*), откуда все бежали от них, как от какой-то обрушившейся божественной кары»⁸⁵⁹. В частности, греческий митрополит Патр покинул город после завоевания в 1205 г., и лишь столетие спустя в источниках появляются упоминания о греческих митрополитах этого диоцеза⁸⁶⁰. Прежде чем перейти к анализу религиозного взаимодействия латинян и греков Пелопоннеса, необходимо рассмотреть те принципы взаимоотношений между церквями, которые установились после 1205 г.

С формально-юридической точки зрения, греческая православная церковь на завоеванных территориях была подчинена католическому епископату, поскольку латинское каноническое право запрещало иметь более одного епископа в каждой епархии⁸⁶¹. В 1206 г. было заключено соглашение между латинским императором Константинополя Генрихом I (1206–1216) и патриархом Томмазо Морозини, по которому одна пятая всех земель Латинской империи должна была принадлежать католической церкви. Однако часть латинских вассалов императора Константинополя зачастую не выполняли эти условия, в том числе и князя Ахайи, провоцируя тем самым конфликты с папским престолом. В целом латиняне сохранили прежнюю структуру Константинопольского патриархата, за исключением некоторых перестановок епископий в общей иерархии (в том числе на Пелопоннесе) и смещением греческих архиереев, не признавший примат папы и

⁸⁵⁸ Пиева А. Frankish Morea, 1205–1262... P. 179.

⁸⁵⁹ Цит. по: Георгий Акрополит. История. С. 50.

⁸⁶⁰ Miller W. The Latins in the Levant... P. 58; Напр., Михаил, митрополит Патр и экзарх Ахайи (1315), см.: *Registrum Patriarchatus Constantinopolitani* / ed. H. Hunger, O. Kresten. Wien, 1981. P. 175. № 10.

⁸⁶¹ Coureas N. The Latin and Greek Churches in the Greek Territories under Latin Rule // *A Companion to Latin Greece* / ed. N. Tsougarakis. Leiden; Boston, 2014. P. 145.

католические догматы. Низшее звено греческой церковной организации во многом продолжало функционировать как до 1204 г. Ряд церквей, кроме того, мог использоваться совместно латинянами и греками: службы в таких храмах происходили поочередно⁸⁶², что говорит о наличии компромиссов в греко-латинском религиозном взаимодействии с первых лет сосуществования на византийских землях.

Большинство греческих епископов Пелопоннеса бежали с полуострова от латинских захватчиков, о чем, в частности, архиепископ Патр Ансельм (или Антельм) сообщил Папе Иннокентию III в начале 1207 г. В ответ на это понтифик поручил ему призвать их назад или заменить «подходящими лицами» в случае, если их кафедры будут пустовать более шести месяцев. Папа, кстати сказать, не уточнял, должны ли новые церковные кадры быть латинянами или же греками. Отметим, что главная проблема заключалась в том, что православное духовенство отказывалось признать папское первенство и юрисдикцию римской церкви. Однако это делало греков в восприятии европейцев схизматиками, но не еретиками. Склоняя их к возвращению в лоно католической церкви и преодолению раскола, латиняне были готовы мириться с теми обычаями и обрядами, которые не противоречили доктринам их церкви⁸⁶³. Соответственно, признавая за греками их религиозные обычаи, франки на Пелопоннесе придерживались этой линии.

После захвата франками полуострова там также обосновались монашеские братства: наиболее успешной была деятельность францисканцев и доминиканцев, которые закрепились в Андравиде, Патрах, Кларенце и Мессении⁸⁶⁴. Одной из провозглашенных целей латинских религиозных орденов, обосновавшихся в Греции после 1204 г., было устранение раскола между католической и православной церквями путем возвращения греков в

⁸⁶² Карпов С. П. Латинская Романия. С. 30–31.

⁸⁶³ Coureas N. The Latin and Greek Churches in the Greek Territories under Latin Rule... P. 146; 152.

⁸⁶⁴ Пиева А. Frankish Morea, 1205–1262... P. 147.

лоно Римской церкви. Наиболее активно действовали францисканские и доминиканские монахи. Каждый из этих орденов постепенно выработал свой подход к упразднению раскола: францисканцы оказались наиболее успешными в качестве папских послов к византийским правителям, тогда как доминиканцы, уделявшие большое внимание интеллектуальным занятиям, делали акцент на богословских диспутах с греками⁸⁶⁵. Арагонская версия «Морейской хроники» упоминает, что после военной победы над греками «в почтении к Богу [князь Гийом II] построил в Андравиде три церкви»: церковь Святой Софии, пожалованную ордену доминиканцев, церковь Святого Стефана, которую получил под управление орден францисканцев, а также церковь Святого Иоанна, перешедшую к ордену тамплиеров⁸⁶⁶. Таким образом, в религиозной жизни Пелопоннеса с начала XIII в. важную роль начали играть и представители западноевропейских религиозных орденов. Без сомнения, их присутствие должно было повлиять на специфику греко-латинского взаимодействия в регионе.

Влияние католического клира было ощутимо в основном в пределах городов Ахейского княжества. В сельской же местности православное духовенство сохранило свои прежние позиции и прежнее влияние на население. Стойкая приверженность ромеев православию делала его, по словам С. П. Карпова, знаменем скрытой оппозиции, а иногда и сопротивления франкам. Верность православию служила выражением внутреннего неприятия завоевания большинством жителей Греции, а также средством сохранения ромейского самосознания. Именно поэтому наиболее резкий отпор латиняне встретили в религиозной сфере⁸⁶⁷. Отторжению греческим населением латинских церковных иерархов способствовали и их частые злоупотребления полномочиями, и даже порой, как сообщают источники, откровенно преступные действия. В 1215 г. латинский

⁸⁶⁵ Tsougarakis N. I. *The Latin Religious Orders in Medieval Greece...* P. 141.

⁸⁶⁶ *Libro de los Fechos...* P. 77. 346.

⁸⁶⁷ Карпов С. П. Латинская Романия. С. 31–32.

архиепископ Коринфа и два подчиненных ему епископа были смещены из-за соучастия в убийстве. Позднее, в 1227 г. епископ Олены, обвиненный в дурном обращении со своими канониками, ограблении клириков своей епархии и пытках крестьян, не признавших его власть, был низложен папой Григорием IX (1227–1241)⁸⁶⁸.

Папа Гонорий III (1216–1227) в своем письме от 10 июня 1224 г., адресованном архиепископу Афин и канонику Коринфа, обвинял архиепископа Патр бенедиктинца Антельма, главного католического иерарха Пелопоннеса⁸⁶⁹, в растрате церковных средств, насилии в отношении латинских и греческих священнослужителей (включая заключение в тюрьму, ослепление, бичевание и даже лишение жизни). Кроме того, согласно тому же письму, архиепископ Патр укрывал пиратов, служил мессу без предварительного отпущения грехов, подделывал документы, продвигал отлученных от церкви священников, пренебрегал воздержанием, вымогал у населения огромные суммы денег, разрушал аббатства, убивал тамплиеров и даровал индульгенции тем, кто убивал их даже в его присутствии. За совершенные преступления его наказали отстранением от исполнения обязанностей сроком на один год, в течение которого он должен был жить в монастыре⁸⁷⁰. Так, господство латинян на Пелопоннесе усугублялось вопиющими нарушениями со стороны католического клира. Примечательно, что в случае с Антельмом преступные действия совершались не только в отношении греков, но также и латинян.

И все же часть греческого духовенства Ахайи предпочла смириться с новыми реалиями и принять власть латинян. В отличие от владельцев других

⁸⁶⁸ Coureas N. The Latin and Greek Churches in the Greek Territories under Latin Rule... P. 155.

⁸⁶⁹ См.: Tsougarakis N. I. The Latin Religious Orders in Medieval Greece... P. 311.

⁸⁷⁰ Текст письма см.: Schabel Ch. Antelm the Nasty, first Latin Archbishop of Patras (1205 – ca. 1241) // *Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000–1500: Aspects of Cross-cultural Communication* / eds. A. D. Beihammer, M. G. Parani, Ch. Schabel. Boston; Leiden, 2008. P. 129–132; Coureas N. The Latin and Greek Churches in the Greek Territories under Latin Rule... P. 155–156.

латинских сеньорий, франки Пелопоннеса все же более лояльно относились к православному духовенству и старались соблюдать права местных приходских священников⁸⁷¹. 30 марта 1210 г. папа Иннокентий III в письме к латинскому архиепископу Гераклеи и латинским епископам Фермопил и Гардики велел защищать греческих священников, готовых на сотрудничество, а также греческое население, которое признавало власть латинян⁸⁷². Таким образом, стремление латинян к компромиссу с местным населением нашло отражение в религиозном взаимодействии еще с начала XIII в. Учитывая то, что виновные в разного рода преступлениях латинские клирики в основном лишались должностей, можно заключить, что злоупотребления с их стороны были скорее исключениями, не находившими одобрения ни у папского престола, ни у ахейских князей. Трудно сказать, действительно ли оставшиеся на своих местах греческие священники подчинялись латинским иерархам. Вероятнее всего, в сельской местности и труднодоступных районах полуострова религиозное взаимодействие между греками и латинянами практически отсутствовало⁸⁷³. Безусловно, в первые десятилетия латинской власти на Пелопоннесе в церковном управлении царил неразбериха из-за слабого знакомства новых правителей с местной епископальной структурой и первоначальным дефицитом церковных кадров у франков.

Какой же была ситуация на Пелопоннесе к тому времени, когда византийцы стали восстанавливать свои позиции на полуострове? По мнению Д. Якоби, в Ахайе религиозной принадлежности не придавали особого значения в повседневной жизни и при бытовых контактах латинян и греков, однако она играла определяющую роль в социальной стратификации ахейского общества. Кроме того, религия была для франков средством

⁸⁷¹ Angold M. After the Fourth Crusade: the Greek Rump States and the Recovery of Byzantium // The Cambridge History of the Byzantine Empire, c. 500–1492 / ed. J. Shepard. Cambridge, 2008. P. 741.

⁸⁷² Die Register Innocenz' III: Texte und Indices / Hrsg. A. Gottsmann, T. Winkelbauer. Wien, 2014. Bd. 13: Jahrgang (1210/1211). № 37. P. 59–60.

⁸⁷³ Пиева А. Frankish Morea, 1205–1262... P. 217.

групповой самоидентификации. Признававшие авторитет римской церкви и примат папского престола были свободными людьми: «латинянин» означало «свободный» и «полноправный». С другой стороны, греки, сохранившие верность православию, были в основном (за исключением архонтов) низведены до ранга вилланов или иного зависимого населения, вне зависимости от их статуса до латинского завоевания⁸⁷⁴. Э. Арвейлер же отмечала, что социальная мобильность в ромейском обществе была напрямую сопряжена с культурной (в том числе религиозной) ассимиляцией⁸⁷⁵. Сюжет из «Морейской хроники» о присутствии неназванного знатного франка при севастократоре Константине в Морее в качестве советника⁸⁷⁶ в начале 1260-х гг. служит тому подтверждением. Несмотря на конфликты на уровне папства и константинопольского патриархата после 1261 г. так или иначе в бытовой жизни существовала терпимость к представителям иной веры в случае, если они не посягали на обычаи и имущество своих соседей–иноверцев.

Наконец, сосредоточим наше внимание на религиозном взаимодействии латинян и греков Пелопоннеса со второй половины XIII по конец XIV в., для его проанализируем греко-латинские контакты в религиозной области и рассмотрим случаи смены вероисповедания латинян и греков Пелопоннеса, а также роль латинских и греческих иерархов в межкультурном взаимодействии на Пелопоннесе.

Хотя восстановление Византийской империи в 1261 г. положило конец существованию латинского патриархата Константинополя, латинские епархии продолжали существовать на больших территориях центральной и южной Греции, остававшихся в руках латинян. Живя на доходы от местного греческого населения, католическая церковь в Греции обслуживала, в основном, духовные потребности латинских феодалов, наемников и

⁸⁷⁴ Jacoby D. From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change... P. 5–6.

⁸⁷⁵ Glykatzi-Ahrweiler H. Une mention méconnue des Mélingues du Taygète. P. 7–10.

⁸⁷⁶ The Chronicle of Morea... P. 322. 4900–4902.

купцов⁸⁷⁷. Необходимо учитывать, что ко времени византийской реставрации на полуострове не осталось представителей высшего греческого духовенства. Необходимость обеспечить освобожденное население духовными лидерами заставила Михаила VIII Палеолога провести церковную реорганизацию Мореи. Изменения заключались, прежде всего, в переносе митрополии из Лакедемона в Мистру и возведении в статус митрополии епископства Монемвасии⁸⁷⁸. С этого времени греческие епископства, находившиеся на латинских территориях, вновь были связаны с одной из двух православных митрополий Пелопоннеса. Так, в хрисовуле Андроника II от 1301 г. говорилось, что епископства Корона и Модона находятся в подчинении митрополии Монемвасии⁸⁷⁹, которая быстро обрела огромный авторитет, особенно после того, как ее митрополит в том же году стал экзархом всего Пелопоннеса.

Мистра также в течение второй половины XIII–XIV вв. превратилась в крупный религиозный центр, о чем свидетельствуют активное строительство церквей и монастырей и увеличение церковных владений за счет щедрых пожертвований. Расцвет церковной архитектуры и живописи на Пелопоннесе стал зримым воплощением приверженности меценатов, на чьи средства возводились церкви и монастыри, православной вере. Таким образом религиозная жизнь в византийской Морее после 1262 г. переживала небывалый подъем⁸⁸⁰. Восстановление позиций православной церкви на полуострове, вероятно, грозило оттоку греческого населения с франкских территорий. Осознавали ли это франки и как складывались их взаимоотношения с греческой церковью после византийской реставрации?

В течение рассматриваемого периода религиозный фактор не раз играл ведущую роль в политической сфере. С 1261 г. папский престол

⁸⁷⁷ Dennis G. T. *Byzantium and the Franks: 1350–1420*. London, 1982. P. 285.

⁸⁷⁸ Zakythinos D. A. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 2. P. 271.

⁸⁷⁹ Zakythinos D. A. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 2. P. 276.

⁸⁸⁰ Parmeggiani A. *L'iconografia della nascita della Vergine: un modello di femminilità (Gli affreschi di Mistra, XIV-XV secolo)* // *Studi di storia del cristianesimo*. Per Alba Maria Orselli / L. Canetti, M. Caroli, E. Morini, R. Savigni. 2008. № 16. P. 276.

неоднократно призывал европейскую знать к новому крестовому походу, целью которого было освобождение Константинополя и подчинение «схизматиков», которыми для папской курии были греки⁸⁸¹. Без религиозной составляющей не обошлось и соглашение с Карлом Анжуйским в Витербо, когда Гийом II признал себя вассалом короля Сицилии. Виллардуэн мотивировал это решение тем, что Карл в случае опасности сможет прийти на помощь княжеству и, помимо защиты территорий франков, защитить их истинную веру. Именно этот тезис не оставил равнодушным сицилийского короля, а также римского папу. В договоре Ахайя фигурировала как оплот истинной веры, а борьба с греками позиционировалась как противодействие схизме⁸⁸². Однако представления Рима о религиозном характере противостояния в Морее во многом не совпадали с действительностью, поскольку к тому времени латинское население Пелопоннеса относилось к соседям-иноверцам иначе, и безопасность их жизни и имущества была для них гораздо важнее, чем религиозные диспуты между Римом и Константинополем.

Греческая версия «Морейской хроники» дает ценную информацию о взаимоотношениях ахейского князя Гийома II с представителями греческой церкви. Судя по всему, князья из династии Виллардуэнов в целом проявляли толерантность к представителям греческого мира и были заинтересованы в их поддержке, выражая уважение к их вере и религиозным обычаям⁸⁸³. Согласно хронисту, перед смертью в 1278 г. князь «составил свое завещание с большой тщательностью ... Что касается монастырей франков, а также ромеев, которые были основаны и возведены по его воле для молитв царю небесному за весь христианский мир ... никто не должен был вмешиваться в это или посягать на какую-либо часть того, что он им пожаловал ... Он проинструктировал и наделил четырех капелланов, которых ромеи называют

⁸⁸¹ Setton K. M. *The Papacy and the Levant*. Vol 1. P. 95–96.

⁸⁸² Sampsonis F. *La place de la Morée franque dans la politique de Charles Ier d'Anjou (1267–1285)* // *Revue des études byzantines*. 2011. Vol. 69. P. 89–90.

⁸⁸³ Miller W. *The Latins in the Levant...* P. 61–62.

иерархами, чтобы они продолжали без перерыва служить мессы за успокоение их душ»⁸⁸⁴. Приведенный отрывок позволяет сделать вывод, что Гийом II в период своего правления содействовал основанию в княжестве не только католических обителей, но и православных. Учитывая, что большинство населения княжества составляли именно греки, возведение греческих монастырей выглядит благоразумным шагом правителя, заинтересованного в поддержке населения и духовенства, которое пользовалось авторитетом у мирян. Действительно, в отличие от многих греческих территорий под франкским и итальянским управлением, в XIII в. в Морее практически не происходило крупных восстаний местного населения⁸⁸⁵.

Можно предположить, что политика религиозной терпимости к местному населению, которую проводили ахейские князья, являлась одной из основных причин относительно стабильных взаимоотношений франков с греками княжества. Это подтверждает и сохранившийся текст доклада митрополита Монемвасии (вероятно, Григория, назначенного после возвращения города под управление византийцев)⁸⁸⁶ к патриарху Константинополя, в котором говорилось, что «князь Гийом де Виллардуэн был в таких хороших отношениях с василевсом и ромеями, что добился санов, дарованных имперским правительством, и удостоился чина великого domestика»⁸⁸⁷. Добрые отношения, сложившиеся между князем и ромеями, судя по всему, свидетельствуют об отсутствии притеснений греков и конфликтов на религиозной почве и соблюдении договоренностей, достигнутых в начале XIII в. Благосклонное отношение православного иерарха к латинскому правителю особо примечательно в контексте политического конфликта, который начался менее, чем через год после возвращения Гийома II из византийского плена. Таким образом,

⁸⁸⁴ The Chronicle of Morea... P. 504. 7771–7795.

⁸⁸⁵ Пиева А. Frankish Morea, 1205–1262... P. 180.

⁸⁸⁶ Zakythinos D. A. Le Despotat Grec de Morée... Vol. 2. P. 277.

⁸⁸⁷ Цит. по: Zakythinos D. A. Le Despotat Grec de Morée... Vol. 1. P. 18.

взаимоотношения высшей администрации княжества с греческим населением и духовенством действительно были весьма доброжелательны.

Возвращаясь к процитированному фрагменту «Морейской хроники», в строках «ходатайствовать за весь христианский мир»⁸⁸⁸ прослеживается убеждение либо князя, либо автора, приписанное Виллардуэну, в том, что ромей и латиняне, несмотря на противоречия между ними, представляют собой единое целое. Апелляция к общехристианской идее кажется в большей мере соответствующим времени составления текста хроники в первой половине XIV в., когда Ахейское княжество вступило в состояние политического кризиса, и часть франкского нобилитета ратовала за союз с ромеями. Примечательно также употребление в тексте слова «βασιλεα»⁸⁸⁹ по отношению к Богу в источнике, созданном во франкской среде и выражавшем симпатии латинянам, исповедовавшим преимущественно католицизм.

После подписания папой Григорием X (1271–1276) и представителями византийского императора Михаила VIII Лионской унии (1274) население Константинополя решительно воспротивилось ее принятию, сочтя это предательством православия⁸⁹⁰. Это было связано прежде всего с тем, что в Лионе не было публичного обсуждения и, что более важно, не присутствовали восточные патриархи. Как писал один из византийских участников собора Георгий Метохит, «мы (сторонники унии. – *Т. Б.*) слышали (от византийского народа. – *Т. Б.*): “Приняв союз с Римом, вы сами стали франками”»⁸⁹¹. Эти строки, свидетельствующие о негативном отношении к унии в ромейской среде, контрастируют с рассмотренным выше фрагментом хроники. Вероятно, локальная ситуация на полуострове того времени отличалась от общеимперской. Примечательно также, что хронист

⁸⁸⁸ The Chronicle of Morea... P. 504. 7780-7781.

⁸⁸⁹ Ibid. P. 504. 7780. Орфография сохранена.

⁸⁹⁰ Angold M. After the Fourth Crusade... P. 756.

⁸⁹¹ Цит. по: Geanakoplos D. J. Byzantium: Church, Society, and Civilization Seen through Contemporary Eyes. Chicago, 2006. P. 219. №158 А.

не сообщает ничего об отношениях между представителями разных ветвей христианства в контексте установления мира на Пелопоннесе в 1289 г., что наталкивает на мысль о невысокой активности религиозных контактов между греками и франками в тот период.

Религиозный аспект повседневной жизни на Пелопоннесе раскрывается в одном фрагменте французской версии «Морейской хроники». Выше уже упоминалось о восстании архонтов Скорты в 1305 г. из-за попытки Филиппа Савойского повторно собрать с них подати. Хронист сообщает, что из числа жителей Скорты были выбраны два «самых рассудительных и красноречивых их товарища» – некие Гийом Макри (*Guillaume Macri*) и Николай Цильямари (*Nicole Zilliamary*), которые под видом паломников в Лакедемон отправились на переговоры с морейским кефалом в Мистру⁸⁹². Это позволяет сделать вывод, что паломничества греков Ахейского княжества на территорию ромеев были весьма привычным делом в начале XIV в., и не привлекали большого внимания со стороны латинского нобилитета.

Конфликт между западной и восточной церквями фиксируется на Пелопоннесе в первой половине XIV в. Межконфессиональные противоречия преимущественно выражались во вмешательстве извне, например, в виде активных призывов со стороны папского престола поддерживать чистоту католической веры⁸⁹³. Это было связано с тем, что на фоне военно-политического ослабления Ахейского княжества постепенно наметилась тенденция сближения ахейских феодалов низкого ранга с греческим населением. В Ахейском княжестве, где господствовали католики, латиняне или рожденные от смешанных браков гасмулы, все чаще отказывались от католической церкви в пользу греческого обряда⁸⁹⁴. Мы не располагаем информацией, было ли принятие православия обязательным условием при

⁸⁹² Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 324. 924.

⁸⁹³ Page G. Being Byzantine... P. 240.

⁸⁹⁴ Parmeggiani A. L'iconografia della nascita della Vergine... P. 276.

переходе латинян на сторону греков, однако культурная интеграция, подразумевавшая знание греческого языка и принятие греческой веры, помогала им обрести собственную нишу в ромейском обществе Пелопоннеса.

Учитывая, что римский папа Иоанн XXII (1316–1334) в своем письме от 1 октября 1322 г. призывал архиепископа Патр активно способствовать сохранению латинянами Морей верности князю и католической церкви, можно сделать вывод о распространенности подобных явлений к концу правления морейского кефала Андроника Асеня⁸⁹⁵. Понтифик писал: «не без горечи узнали мы в эти дни, что добрые христиане в княжестве Ахейском, которых обыкновенно называют в тех краях латинянами, живя бок о бок с греческими схизматиками и прочими неверными, иногда сами (а также их жены и семьи) по неведению принимают упомянутый раскольнический обряд, и подвергая опасности свою душу нередко ходят слушать (греческие. – *Т. Б.*) мессы и приносить дары их священникам, и смело принимают таинства Церкви от этих же священников по (греческому. – *Т. Б.*) обряду, а латиняне не боятся допускать раскольников к мессам и другим богослужениям, которые совершаются по обряду Римской церкви»⁸⁹⁶. Можно сделать вывод, что до Рима к 1322 г. уже не единожды доходили известия о переходе латинян в православную церковь по причине, вероятно, близкого и продолжительного соседства. Посещение латинянами греческих церковных служб, а также допуск на католические службы ромеев свидетельствует и о возросшей терпимости представителей двух ветвей христианства друг к другу, а также об общем смягчении в межкультурном взаимодействии на бытовом уровне. Отдельного внимания заслуживает формулировка «по неведению принимать раскольнический обряд», наталкивающая на мысль о глубине интеграционных процессов на Пелопоннесе уже к первой половине

⁸⁹⁵ Bon A. La Morée franque... P. 202.

⁸⁹⁶ Цит. по: Setton K. M. The Papacy and the Levant, 1204–1571... P. 158.

XIV в., в результате чего для населения стиралась грань между ними и соседями, приверженцами другой веры.

Отметим, что в XIV–XV вв. многие латинские интеллектуалы и хронисты крестовых походов считали, что обращение в католицизм схизматиков-греков было едва ли не более важным делом крестоносцев, чем борьба с неверными⁸⁹⁷. Сближение латинян с греками, предполагавшее смену вероисповедания первых, было решительно невыгодно папскому престолу, не оставлявшему надежд вернуть схизматиков в лоно римской церкви. Однако византийский мир в первой половине XIV в. беспокоили не только униатские споры. Причиной тому было учение Георгия Паламы⁸⁹⁸, разделившее православных ромеев на два лагеря – паламитов (исихастов) и антипаламитов (варлаамитов)⁸⁹⁹.

Об отношении пелопоннесцев к этим религиозным спорам известно мало, однако некоторый свет на это проливает корреспонденция византийского богослова и антипаламита Григория Акиндина. Так, в 1345 г. Акиндин писал митрополиту Монеувасии Якову Кокунарию (1344–1347): «пока главный церковный престол Пелопоннеса был в опасности принять паламитское зло, ты восстал против него, и вместе с церковью ты уничтожил это зло и спас от этой великой беды»⁹⁰⁰. Зло, о котором ведет речь Акиндин в этом письме – это ученик и соратник Григория Паламы Исидор, смещенный с поста митрополита Монеувасии 4 ноября 1344 г.⁹⁰¹ Это позволяет говорить о вовлеченности пелопоннесских духовных лиц в эти споры или, как минимум, их зависимости от официальной политики Константинопольского

⁸⁹⁷ Близинок С. В. Крестоносное движение в позднее Средневековье и раннее Новое время // *Античная древность и средние века*. 2022. Т. 50. С. 413.

⁸⁹⁸ Исихастское учение предполагало достижение единения с Богом, Богосозерцания и постижения Божественной сущности через молитвы, очищение помыслов и сердца. Идеи исихазма сформировались еще в IV в., однако окончательное оформление получили в учении Григория Паламы. См.: *The Oxford Dictionary of Byzantium* / ed. A.P. Kazhdan. Oxford; New York, 1991. P. 923.

⁸⁹⁹ Nicol D. *The Last Centuries of Byzantium...* P. 211–213.

⁹⁰⁰ *Letters of Gregory Akindynos: Greek text and English translation* / ed. A. Constantinides-Hero. Washington, D.C., 1983. Ep. 52. P. 220. 15–19.

⁹⁰¹ *Ibid.* P. 397–398.

патриархата. Попытка Акиндина распространить свои антипаламитские идеи среди пелопоннесцев в итоге потерпела крах, поскольку Кантакузинам удалось пробудить в населении Мистры симпатии к исихазму⁹⁰². Назначение и смещение церковных иерархов также было связано со взглядами, которые разделяли главы православной церкви в разное время. Характер религиозного взаимодействия между греками и латинянами Мореи, таким образом, определялся и принадлежностью пелопоннесских православных иерархов к определенному религиозному учению.

При деспоте Мануиле Кантакузине между Мистрой и Константинопольским патриархатом установились тесные связи, поскольку Кантакузинов и константинопольских патриархов этого времени объединяла как раз общая исихастская программа по церковным вопросам. В частности, патриарх-исихаст Филофей Коккин, канонизировавший Григория Паламу, в своей грамоте от июня 1365 г. хвалил деспота Мануила Кантакузина за его церковную позицию⁹⁰³. В 1367 г., согласно полемическому произведению Иоанна VI Кантакузина «Беседа с легатом Павлом», Мануил вместе с отцом и другими членами императорской семьи присутствовал в Константинополе при встрече экс-императора с посланником папы римского Урбана V (1362–1370)⁹⁰⁴. В этом сочинении нашли отражение тонкости религиозных противоречий того времени. Кантакузин демонстрирует крайне осторожное отношение к идее унии церквей на условиях Запада и к латинянам, которые активно склоняли византийцев признать супрематию папского престола: «вы подходите к вопросу объединения не как друзья и братья, а наставнически, самовластно ... заявляя, что ни мы, ни вообще кто-либо из людей не может иметь взгляды, отличные от того и противоречащие тому, что папа говорит или же скажет»⁹⁰⁵. Разумеется, сочинение отражало прежде всего личную

⁹⁰² Медведев И. П. Мистра... С. 96.

⁹⁰³ Там же. С. 27–28.

⁹⁰⁴ Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом. Диалог с иудеем и другие сочинения / предисл., пер. с греч. и комм. Г. М. Прохорова. СПб., 1997. С. 45. 2.

⁹⁰⁵ Цит. по: Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом... С. 49. 8.

точку зрения автора, однако подобные умонастроения разделяли многие современники этих событий. Кантакузин отдельно отмечает «чудовищный» и возмутительный для него факт, что некоторые латиняне «вздумали крестить заново людей, принадлежащих к нашей (православной. – Т. В.) церкви»⁹⁰⁶. Эти строки сигнализируют о глубоком конфликте между Римом и Константинополем и отражают крайнее неодобрение Кантакузином и его единомышленниками перехода части ромеев (как, например, Димитрия Кидониса⁹⁰⁷) в католицизм.

Религиозная неоднородность, таким образом, наблюдалась не только во взаимоотношениях между греками и франками, но также и внутри каждого из обществ. Закономерно предположить, что представители каждого течения могли иметь отличные друг от друга взгляды на соседей–иноверцев и по-разному выстраивать взаимодействие с ними. Тогда как исихастская программа не предполагала какого-либо сближения с латинянами, поскольку исихасты считали тех еретиками⁹⁰⁸, внешнеполитическая ситуация, осложнившаяся ко второй половине XIV в. из-за активизации турок в Малой Азии и на Балканах, ставила на повестку дня проблему выживания империи. В этих обстоятельствах латинофильское крыло постепенно приобретало также и политическую направленность. По мнению Т. В. Куц, борьба сторонников и противников принятия унии составляла главное содержание политической жизни империи этого периода⁹⁰⁹. Однако на Пелопоннесе, судя по всему, подобные симпатии не получили распространения по причине сосредоточения в главных центрах Морейского деспотата – Мистры и Монеувасии – исихастского монашества, для которого к концу XIV в. «турецкий тюрбан был предпочтительнее католической тиары»⁹¹⁰. Однако беря во внимание последующее противоборство местной знати с деспотами

⁹⁰⁶ Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом... С. 50. 11.

⁹⁰⁷ Куц Т. В. На закате империи... С. 336.

⁹⁰⁸ Пржегорлинский А. Византийская церковь на рубеже XIII–XIV вв. Деятельность и наследие св. Феоплипа, митрополита Филалельфийского. СПб., 2011. С. 67.

⁹⁰⁹ Куц Т. В. На закате империи... С. 337–338.

⁹¹⁰ Медведев И. П. Мистра... С. 74.

из династии Палеологов, можно утверждать, что как минимум на политическом уровне сближение с латинянами в их среде было приоритетным, несмотря на отличия в вероисповедании. Следовательно, религиозное взаимодействие между франками и греками Пелопоннеса обуславливалось множеством внешних факторов, связанных с иными сферами их взаимодействия: политической, социальной, бытовой и, безусловно, культурной.

В силу того, что на Пелопоннесе в начале XIII в. осели не только франки, но и венецианцы, латинские епископства полуострова состояли из престолов как под венецианским, так и под франкским управлением. Атмосфера, которую венецианская администрация создала в своих колониях Корон и Модон, создавала широкие возможности для сотрудничества между двумя народами⁹¹¹. По каким принципам выстраивалось религиозное взаимодействие между ними? Отличались ли методы венецианцев от франкских?

Известно, что в управляемых венецианцами епископствах Корона и Модона греческие епископы с начала XIII в. были вынуждены жить за пределами городских стен⁹¹², чего мы не встречаем в источниках франкского происхождения. После византийской реставрации греческие епископы Корона и Модона остались под венецианским правлением несмотря на то, что формально были связаны с монемвасийской митрополией. Престиж греческих священнослужителей на греческих территориях Пелопоннеса возрос, поскольку теперь они выступали как духовные лидеры. В частности, из-за этого правительство республики несколько раз пыталось ограничить их влияние путем вмешательства в их назначение. Причиной тому было стремление венецианских властей не допустить глав греческих церквей в

⁹¹¹ Chrysostomides J. Symbiosis in the Peloponnese in the aftermath of the Fourth Crusade... P. 163.

⁹¹² Coureas N. The Latin and Greek Churches in the Greek Territories under Latin Rule... P. 153–154.

города, где находились латинские иерархи⁹¹³. Кроме того, венецианцы, особенно в XIV в., активно пытались предотвратить втягивание своих граждан в греческую орбиту, вплоть до запрета любому греческому монаху или священнику совершать таинства для латинян на подконтрольных Коммуне территориях⁹¹⁴, что наталкивает на мысль и о религиозном сближении греков и венецианцев в этих транзитных пунктах Пелопоннеса.

В контексте данного вопроса заслуживает внимания один документ венецианского правительства, который проливает свет на подробности жизни греческого населения Корона и Модона и их отношения с венецианской администрацией. Речь идет об уже рассматриваемой жалобе жителей деревни Монисты к Синьории от 1328 г. против притеснений венецианского канцлера. В этом документе перечислено около 60 человек, лично пострадавших от рук канцлера Николетто Танто, или свидетелей его злоупотреблений. Четырнадцать человек из этого списка были священнослужителями, а трое были старейшинами (включая одного священника). Примечательно, что старейшины деревни отправились в Венецию, чтобы лично подать прошение⁹¹⁵, что позволяет говорить о беспрецедентности нарушений со стороны чиновника. Упоминание священнослужителей в этом списке заставляет рассмотреть его содержание более подробно. Прежде всего отметим, что положение и обязанности канцлера давали широкие возможности для злоупотребления властью в отдаленных от Венеции территориях. Так, помимо рассмотренных выше экономических притеснений сельских жителей, канцлер Модона Николетто Танто неоднократно заставлял греческих мужчин бриться, что являлось грубым нарушением их религиозных обычаев. Кроме того, канцлер подрался с деревенским православным священником и в ходе драки рвал тому

⁹¹³ Zakythinos D. A. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 2. P. 275.

⁹¹⁴ Chrysostomides J. *Symbiosis in the Peloponnese in the aftermath of the Fourth Crusade...* P. 165.

⁹¹⁵ Hodgetts C. *Venetian Officials and Greek Peasantry in the Fourteenth Century // ΚΑΘΗΓΗΤΡΙΑ: Essays presented to Joan Hussey for her 80th Birthday / ed. J. Chrysostomides. London, 1989. P. 481.*

бороду⁹¹⁶. Налицо личностный и культурно-религиозный конфликт, выразившийся в неприятии должностным лицом культурных и обрядовых отличий подчиненного населения. Религиозная инаковость в этом случае, вероятно, могла выступить в качестве триггера конфликта, особенно в случае драки с греческим священником. Также можно говорить о важной роли для населения Пелопоннеса и представителей центральной венецианской администрации внешних атрибутов религиозной принадлежности. Наконец, подобные конфликты скорее всего являлись исключениями, поскольку в документах XIV в. не встречается чего-то похожего по содержанию.

Венеция как колониальная держава всегда опасалась мятежей местного населения. Страх, что греки в ходе восстания смогут захватить города и вытеснить венецианцев, был особенно силен в моменты напряженных взаимоотношений Коммуны с Византией. Так, в 1341 г., когда Сенат постановил уволить греков со всех должностей, кастеляны Корона и Модона в дополнение к этому издали приказ, запрещающий солдатам, охранявшим замок Модона, носить бороды, поскольку так их нельзя было отличить от греков, для которых борода была важным атрибутом, демонстрировавшим их религиозную принадлежность. Нарушение установленного порядка влекло за собой увольнение с занимаемой должности⁹¹⁷. Таким образом, венецианской администрацией регулировались и визуальные отличия своих подданных-латинян от основной массы подчиненного православного населения, в котором республика продолжала видеть скрытую опасность даже спустя более ста лет с момента утверждения на этих территориях.

4 октября 1356 г. венецианский Сенат постановил запретить греческому епископу-схизматику свободно совершать все церковные обряды. Ему также запрещалось входить в церковь св. Иоанна в Модоне, за исключением участия в процессиях в честь Коммуны, в соответствии с

⁹¹⁶ Текст документа см.: Hodgetts C. Venetian Officials and Greek Peasantry in the Fourteenth Century... P. 493–498.

⁹¹⁷ Chrysostomides J. Symbiosis in the Peloponnese in the aftermath of the Fourth Crusade... P. 164.

обычаем, принятым с момента присоединения Модона к Коммуне. В то же время латинский епископ и каноники могли свободно селиться в Модоне, а также свободно покидать его в случае необходимости⁹¹⁸. Наконец Коммуна выразила намерение поддерживать католических священников, живущих в Короне и Модоне⁹¹⁹. Содержание постановления позволяет предположить, что Корон и Модон в середине XIV в. испытывали серьезный дефицит в церковных кадрах. Возможно, такая ситуация сложилась из-за последствий эпидемии чумы или же была связана с нежеланием латинских клириков служить на Пелопоннесе. В пользу последнего может свидетельствовать пункт постановления об освобождении духовенства от налогов. Так или иначе, церковные должности были вакантными, и именно это создавало дополнительную опасность обращения местного латинского населения к услугам православных священнослужителей. В целом, решение республики в отношении греческого епископа, названного в документе схизматиком, было направлено как раз на пресечение активного взаимодействия, практика которого к тому времени сложилась и на венецианских территориях.

Рассмотрим отдельно один примечательный случай религиозного взаимодействия в Морее XV в. Речь идет о династическом браке морейского деспота Феодора II (1407–1443) с итальянкой Клеопой Малатеста, родственницей римского папы Мартина V (1417–1431). Этот союз, заключенный в 1421 г., ознаменовался конфликтом между супругами на религиозной почве. Еще в аргировуле от 29 марта 1419 г. деспот Мистры обещал своей будущей жене уважать ее религиозные убеждения: ей разрешалось иметь капеллана, который будет выполнять обязанности в соответствии с западным обрядом, и сохранить свои привычки и итальянский образ жизни. В случае же, если Феодор умрет первым, Клеопа имела бы право выбора – остаться с семьей своего мужа или вернуться в отчий дом⁹²⁰.

⁹¹⁸ Régestes des délibérations... Vol. 1. P. 84–85. № 307.

⁹¹⁹ Ibid.

⁹²⁰ Λαμπρος Σ. Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακὰ. Αθήνα, 1930. Τ. IV. Σ. 102–103.

Стоит отметить, что традиционно латинские знатные дамы, выходя замуж за ромеев, принимали православие. В случае же брака деспота с родственницей римского папы имели место особые договоренности, связанные с тем, что 8 апреля 1418 г. папа Мартин V официально разрешил латинским принцессам выходить замуж за Палеологов при условии сохранения ими католической веры⁹²¹. Таким образом, в первой половине XV в. вопрос взаимоотношений между двумя христианскими церквями стоял по-прежнему остро, что нашло отражение и на Пелопоннесе.

Судя по всему, вскоре после брака Феодор попытался склонить супругу к принятию православия, несмотря на данные ранее обещания. Сохранилось письмо (написано между 1425 и 1428 гг.) родственницы и, вероятно, фрейлины Клеопы – Баттиссы Сфорца да Монтефельтро, адресованное папе Мартину V. Она призывала папу прийти на помощь деспине, измученной, по ее словам, «домашней враждой и внутренней борьбой» с ее супругом, что предполагает конфликт обычаев и традиций в Мистре⁹²². О трудностях Клеопы и ее латинского окружения в Мистре также свидетельствуют два письма папы Феодору II и Клеопе, последовавшие, вероятно, в качестве реакции на письма Баттиссы. Письма не датированы, но их можно поместить между 1425 и 1429 гг. В письме Клеопе понтифик резюмировал: «Вы отправились в те края защищать других во имя истины Христовой, а также и Ваше знание католической истины во имя мудрости и учения», а также выказывал опасения, что из-за образа жизни в Мистре деспина привыкнет к восточным обрядам. Вопрос сохранения ей католической веры, таким образом, стоял остро и через несколько лет после заключения этого брака. В письме же Феодору Мартин V напоминал о проекте союза церквей, над которым трудился еще его отец, и важности сохранить возможность для Клеопы придерживаться католических обрядов, а также необходимости достижения общехристианского единства – которое, разумеется, их с женой

⁹²¹ Медведев И. П. Мистра... С. 34.

⁹²² Zakythinios D. A. Le Despotat Grec de Morée... Vol. 1. P. 189.

разлад ставил под угрозу⁹²³. Вероятно, конфликт достиг пика к 1429 г., когда деспот, утомленный раздорами внутри семьи, пожелал удалиться в монастырь «из-за ненависти к жене и из-за вражды с ней»⁹²⁴.

О Клеопе Малатеста сообщают источники византийского происхождения, причем византийские авторы, несмотря на католическое вероисповедание и латинское происхождение, характеризовали ее исключительно положительно. Интеллектуалы Мистры оплакивали раннюю смерть Клеопы в 1433 г. и называли ее уход «общей потерей». В частности, Георгий Гемист Плифон посвятил Клеопе Малатеста монодию, подготовленную по случаю ее похорон. Этот источник свидетельствует, что Клеопа в итоге приняла греческие обычаи и веру, о чем говорят строки: «от обычных для Италии ветрености и легкомысленности она (естественным образом) перешла к лучшему образу жизни из всех наших спокойных и благоупорядоченных» и «доказательством ее благочестия является ее почитание Бога, которое она демонстрировала продолжительными молитвами и постами в соответствии с нашим обычаем»⁹²⁵. Религиозные обычаи и обряды, пожалуй, являются ключевыми пунктами как в рассмотренных папской корреспонденции, так и в монодии Плифона. Подобные маркеры самоидентификации (как и инаковости соседей) были крайне важны для латинян и греков, поскольку в быту средневекового человека религиозные традиции, сопровождавшие всю его жизнь, занимали особое место. Это объясняет упорство всех участников религиозных противостояний на Пелопоннесе вне зависимости от их причин и политической составляющей.

Подводя итог, отметим, что религиозное взаимодействие на Пелопоннесе, как и любое другое взаимодействие между латинянами и

⁹²³ Тексты писем см.: Zakythinos D. A. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 1. P. 299–302.

⁹²⁴ Медведев И. П. Мистра... С. 36.

⁹²⁵ Медведев И. П. Речь Георгия Гемиста Плифона на похоронах Клеопы Малатесты // ПОЛЕМОЛОГОС: сборник статей памяти профессора В. В. Кучмы / сост. и общ. ред. Н. Д. Барабанова. Волгоград, 2012. С. 199–202.

греками, было достаточно активным и разноплановым. Для большей части населения полуострова взаимоотношения с соседями чаще всего носили компромиссный характер и со временем культурные границы между ними в повседневной жизни все больше стирались. Конфликты же на религиозной почве были связаны, как правило, противостоянием с представителями центральной власти, будь то венецианский чиновник или же византийский деспот, и зачастую имели ярко выраженную политическую окраску. Главной же предпосылкой смены вероисповедания населения Мореи стало продолжительное совместное проживание, благодаря которому и латиняне, и греки перенимали, возможно неосознанно, их обрядовые традиции. Определенную роль играли и личные мотивы, заставлявшие некоторых переходить в другую веру с целью продвижения по социальной иерархии и упрощения ассимиляции в новом статусе. Но несмотря на глубину интеграционных процессов, религиозная и культурная ассимиляция осталась незавершенной в силу ряда причин, среди которых можно выделить разную политическую ориентацию Ахейского княжества, Морейского деспотата и венецианских Корона и Модона и незаинтересованность местных властей в сплочении греческого и латинского населения.

3.3. Греко-латинские смешанные браки

Особую роль в установлении кросс-культурных связей играли межконфессиональные браки. В частности, к XIV в. на Пелопоннесе постепенный процесс сближения греков и латинян усилился благодаря смешанным бракам⁹²⁶. К сожалению, источниковый материал о смешанных семьях или внебрачных отношениях между латинским и греческим населением Греции в XIII–XIV вв. очень фрагментарен. В большей степени исследователь ограничен данными, которые предоставляют законодательные источники (в случае Пелопоннеса – Ассизы Романии), некоторые папские письма в Грецию и венецианские юридические документы, включая

⁹²⁶ Ortega I. Les lignages nobiliaires dans la Morée Latine... P. 302.

завещания и пожалования гражданства грекам в XIV в.⁹²⁷ Что же известно о греко-латинских браках на Пелопоннесе? Каким было отношение к подобным союзам среди населения полуострова и отличалось ли оно от отношения центров (Неаполитанское королевство, Константинополь, Венеция)? Насколько распространены были подобные связи в Море? Ответы на эти вопросы позволят лучше понять специфику социокультурных взаимоотношений между греками, франками и венецианцами на Пелопоннесе.

Согласно Д. Николу, после Четвертого крестового похода следовало ожидать, что смешанные браки с латинянами станут менее популярными для ромеев, поскольку разграбление Константинополя и раздел империи крестоносцами заставили греков задуматься о том, исповедовали ли вообще латиняне, отличавшиеся от них догматами и обрядами, одну с ними христианскую веру. Тем не менее, несмотря на взаимное отторжение, порожденное событиями 1204 г., знатные греки в XIII в. продолжали жениться на женщинах фанкского и итальянского происхождения⁹²⁸. Как же на подобные союзы смотрели латиняне? Поскольку и франки, и греки были христианами, канонических препятствий для смешанных браков не существовало. Однако в течение XIII в. отношение папского престола к ним ужесточалось, и латинские правители Греции должны были получать разрешение папы, прежде чем заключать браки с представительницами византийских родов⁹²⁹. Вероятно, это было обусловлено опасениями папского престола по поводу возникновения симпатий к православию у феодальных владетелей Греции. Никифор Григора в XIV в. писал, что латиняне (западноевропейцы) не очень охотно заключали династические браки с греками, даже с представителями правящих родов, стремясь

⁹²⁷ Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 291.

⁹²⁸ Nicol D. *The Mixed Marriages...* P. 162.

⁹²⁹ Lock P. *The Franks in the Aegean...* P. 291.

поддерживать исключительность собственного происхождения⁹³⁰. Однако необходимо учитывать, что эту мысль Григора помещает после рассказа об отказе афинского герцога от династического брака его дочери (или сестры) со вторым сыном Андроника II и Ирины Монферратской Феодором, в результате которого герцогство должно было перейти к Византии.

Возвращаясь к Пелопоннесу, первый известный прецедент греко-латинского политического брака относится к середине XIII в. Речь идет о союзе князя Гийома II с правителем Эпира Михаилом II⁹³¹, по условиям которого ахейский правитель в 1258 г. женился на его дочери Анне⁹³². Отметим, что это был уже третий брак князя. Гийом II, овдовев во второй раз, не спешил жениться. Каждый из его браков создавал очень разные родственные связи, открывавшие определенные стратегические возможности. Его выбор отражал политические задачи, которые он таким образом стремился решить. Одной из первостепенных задач было формирование союза против усилившейся Никейской империи⁹³³. Согласно греческой «Морейской хронике», «когда деспот (правитель Эпира. – *Т. Б.*) узнал о том, что Феодор, его брат, поднял восстание против него и перешел на сторону василевса (Никеи. – *Т. Б.*), он глубоко опечалился и впал в смятение. Он призвал своих архонтов дать ему совет, и они посоветовали ему отдать свою сестру⁹³⁴ в жены князю Гийому, так как с таким союзником и родственником он мог бросить вызов василевсу»⁹³⁵. Так, хронист особо отметил, что именно греческий правитель был заинтересован в династическом браке, который бы связал его военно-политическим союзом с ахейским князем. Далее хронист сообщает, что Михаил II «отправил гонцов к князю Гийому... и они быстро заручились его согласием и заключили

⁹³⁰ Nikephori Gregorae. *Historia Byzantina*... Vol. I. P. 237. 23–24.

⁹³¹ PLP. № 220.

⁹³² Ibid. № 1000.

⁹³³ Ortega I. *Les lignages nobiliaires dans la Morée Latine*... P. 119.

⁹³⁴ Хронист здесь допускает ошибку. Анна была дочерью Михаила II, о чем сообщает, в частности, Георгий Акрополит, см.: Georgii Acropolitae. *Opera*... P. 164. 3–7.

⁹³⁵ *The Chronicle of Morea*... P. 208. 3111–3119.

договор о приданом и свадьбе... Князь получил приданое в шестьдесят тысяч иперперов, не считая одежд невесты и подарков. Не затягивали они и с проведением свадьбы, которая была отпразднована в Старых Патрах. И поскольку князь и деспот стали родственниками, они теперь очень любили друг друга, и когда случалось так, что деспоту требовалась военная помощь от князя, он получал ее в таком количестве, в котором нуждался»⁹³⁶.

Византийский историк Георгий Акрополит же сообщает об этом браке лишь то, что соперник Никеи Михаил II связал себя политическими союзами через браки своих дочерей с Манфредом, правителем Сицилии, и князем Гийомом II. Отдельно он отмечает, что Михаил VIII отправлял посольство к князю Ахайи с просьбой не вмешиваться в конфликт Никеи и Эпира, однако Гийом II, «полагаясь на родство с мятежником и ожидая многого от этого союза с ним, не пошел ни на какие переговоры»⁹³⁷. Итог этого политического союза был уже рассмотрен в первой главе. Здесь важно подчеркнуть, что брак Гийома II с Анной, принявшей после свадьбы имя Агнес⁹³⁸, стал для Ахейского княжества шансом удовлетворить возросшие политические амбиции франкского нобилитета и, в первую очередь, его правителя. Брачные стратегии напрямую зависели от политических целей рода и были направлены чаще всего на увеличение престижа и повышение статуса семьи. Их происхождение, таким образом, регулярно использовалось латинянами в качестве политического инструмента⁹³⁹. Закономерно, что после неудачи союза княжества с Эпиром мы долгое время не встречаем подобных династических браков в среде латинского нобилитета Греции.

Д. Якоби полагал, что на Пелопоннесе смешанные браки между представителями латинской и греческой элиты были нечастым явлением⁹⁴⁰. Бездействие эпирских греков при Пелагонии вполне могло также

⁹³⁶ The Chronicle of Morea... P. 208. 3120–3137.

⁹³⁷ Georgii Acropolitae. Opera... P. 164. 3–7; P. 165. 10–13. См.: Георгий Акрополит. История. С. 127–128.

⁹³⁸ Lurier H. Crusaders as Conquerors: The Chronicle of the Morea. P. 21.

⁹³⁹ Ortega I. Les lignages nobiliaires dans la Morée Latine... P. 119.

⁹⁴⁰ Jacoby D. From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change... P. 8.

демотивировать франков в отношении заключения браков с ромеями. Автор «Морейской хроники», осуждая предательство эпирского правителя, предостерегал читателей: «никогда не верьте ромею в чем-либо, в чем он может поклясться, поскольку он сделает вас крестным отцом ребенка или вступит в родство, чтобы ему было проще уничтожить вас»⁹⁴¹. Георгий Пахмер считал, что причиной этого предательства стало то, что ахейские рыцари Гийома II активно оказывали знаки внимания прекрасной жене Иоанна Дуки, незаконорожденного сына Михаила II. Его жена была дочерью Тарона, вождя влахов Фессалии, и для ромея такое пренебрежительное отношение со стороны латинян было оскорбительно⁹⁴². Культурный барьер в середине XIII в., пожалуй, мог составлять преграды в отношении греко-латинских браков, однако внимание рыцарей к даме нелатинского происхождения говорит и об обратной тенденции.

Для византийцев же, похоже, браки наследниц с чужаками в то время рассматривались как способ обезопасить собственную власть, то есть как механизм для решения политических вопросов. Так, Михаил VIII, согласно Пахимеру, «решил избавиться от царевен, сестер молодого Иоанна [Ласкариса], которые также могли претендовать на наследие своего отца-императора. Именно поэтому он не выдал их замуж за ромеев, а женил одну (Феодору⁹⁴³. – Т. Б.) на латинском дворянине из Морей по имени Майо де Велигур (*Mahieu de Véligourt*)⁹⁴⁴, который находился в Городе. Вторую он выдал замуж за латинского сановника, которого звали Винтимилья, и он прибыл тогда из Генуи к императору... Третью царевну он женил на Святославе, болгарском владетеле горных областей Гемоса в Мизии. Избавившись таким образом от них и оправившись от беспокойства, которое они ему причиняли, он мог заняться другими делами»⁹⁴⁵. Майо де Велигур

⁹⁴¹ The Chronicle of Morea... P. 260. 3923–3938.

⁹⁴² Georges Pachymérés. Relations Historiques... Vol. 1. P. 119. 11–22.

⁹⁴³ PLP. № 7304.

⁹⁴⁴ Ibid. № 2555.

⁹⁴⁵ Georges Pachymérés. Relations Historiques... Vol. 1. P. 243. 12–23.

был одним из пелопоннесских баронов, а его брак с дочерью Феодора II Ласкариса (1254–1258) включил его в византийскую среду, сделав соратником императора. Возможно, предположение прозвучит слишком смело, однако именно Майо мог упоминать автор «Морейской хроники», сообщая о некоем франке, прибывшем на Пелопоннес к севастократору Константину. Об этом браке, к сожалению, известно не так много, поскольку Феодора овдовела к 1263 г., однако осталась на Пелопоннесе и, по некоторым свидетельствам, была обещана в жены византийскому военачальнику Макрину⁹⁴⁶.

В последней четверти XIII в. император Андроник II, чтобы иметь полную свободу действий в борьбе против сербов и Эпира, ратовал за переговоры с латинянами, стремясь аннулировать их претензии на земли империи. С этой целью он женился на Иоланте Монферратской, которая принесла ему в приданое права на Фессалонику. Также он хотел женить своего сына Михаила на Екатерине де Куртене, внучке и наследнице латинского императора Балдуина II. Являясь по материнской стороне внучкой Карла Анжуйского, она с детства воспитывалась при дворе в Неаполе и была очень желанной невестой для представителей европейских правящих домов. Переговоры неаполитанского двора с Андроником длились шесть лет, с 1290 по 1295 гг., однако не привели Византию к успеху⁹⁴⁷. Подобная политика Византийской империи снова говорит нам о том, что браки с латинянами в ромейской среде воспринимались как политический инструмент и способ вернуть утраченные в начале XIII в. земли через приданое латинских наследниц. Неудивительно, что с латинской стороны такие призывы в XIII в. не находили активной поддержки.

Брачные союзы латинян и греков сопровождались не только выгодами, но и обязательствами. Уже после смерти Гийома II, при князе Флорисе д'Эно Эпир запросил у Ахайи поддержки в очередной войне против византийцев

⁹⁴⁶ PLP. № 7304.

⁹⁴⁷ Actes relatifs a la Principauté de Morée 1289–1300... P. 15.

Константинополя. Согласно французской версии «Морейской хроники», «одни (бароны. – *Т. Б.*) одобряли намерение князя помочь деспоту, а другие возражали против этого (поскольку это было время длительного перемирия с византийцами – *Т. Б.*). Но в конце концов единодушно сошлись на том, что князю было бы хорошо согласиться по многим причинам, особенно потому, что деспот был дядей его жены, а также потому, что он был ближайшим соседом князя»⁹⁴⁸. Родство упоминается хронистом для оправдания военного вмешательства или даже экономической поддержки⁹⁴⁹. Таким образом, несмотря на предательство при Пелагонии, в среде франков Пелопоннеса по-прежнему уважались родственные связи с эпирской знатью, следовательно, и греко-латинские союзы.

Известно также об еще одной знатной гречанке, выданной замуж за латинского феодала во второй половине XIII в. Елена Ангелина Комнина, дочь севастократора Фессалии Иоанна I Дуки⁹⁵⁰, вышла замуж за герцога Афин Гийома де ла Роша (1280–1287)⁹⁵¹. Об этом сообщает французская версия «Морейской хроники», не называя, однако, ее по имени⁹⁵². После смерти мужа Елена стала регентом своего несовершеннолетнего сына Ги II, отстаивая самостоятельность герцогства перед князем Флорисом. Она мотивировала это тем, что при жизни ее муж Гийом де ла Рош был бальи княжества⁹⁵³. В 1291 г. она во второй раз вышла замуж во второй раз за Гуго де Бриенна, бальи Ахайи⁹⁵⁴, что вновь побудило ее, хоть и безуспешно, бороться с княжеством за право нести оммаж непосредственно от Карла II

⁹⁴⁸ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 245. 612.

⁹⁴⁹ Ortega I. Les lignages nobiliaires dans la Morée Latine... P. 177.

⁹⁵⁰ PLP. № 208.

⁹⁵¹ Ibid. № 24398.

⁹⁵² Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 216–217. 546.

⁹⁵³ Actes relatifs a la Principauté de Morée 1289–1300... P. 11; № 9. P. 29–32; The Old French Chronicle of Morea: an account of Frankish Greece after the Fourth Crusade / ed. A. Van Arsdall, H. Moody. London, 2018. P. 128. Note 69.

⁹⁵⁴ The Chronicle of Morea... P. 470. 7240–7254; Actes relatifs a la Principauté de Morée 1289–1300... № 22. P. 40–41.

Анжуйского⁹⁵⁵. Примечательно, что хронист в греческой версии называет Елену «архонтессой»⁹⁵⁶, тогда как жена Гийома II им именуется на латинский манер «госпожой» и «княгиней». Применительно ко второй половине XIII в. мы находим в источниках лишь эти два упоминания о династических браках франков с эфирскими дамами – ахейского князя и афинского герцога, то есть двоих сеньоров в своих землях, что знаменательно в условиях обострения противостояния с ромеями после 1262 г. Третий и последний пример греко-латинского брака на Пелопоннесе в XIII в. также относится к Ахейскому княжеству, причем также предполагал брак латинского феодала со знатной гречанкой не с Пелопоннеса (Таблица №1). Однако почему мы не встречаем в XIII в. упоминаний о смешанных браках на более низких уровнях, чем правители латинских государственных образований и их прямые вассалы?

В силу того, что брак в Средние века был средством передачи статуса и имущества (прежде всего, недвижимого), смешанные браки создавали дополнительные сложности в условиях сосуществования на Пелопоннесе двух правовых систем. П. Лок, апеллируя к Ассизам Романии, делает вывод, что латинские власти княжества стремились предотвратить вхождение греков в феодальную элиту княжества. Однако он же далее утверждает, что брак и семья были естественным способом приобретения земли для латинян скромного происхождения, которые благодаря своей предприимчивости сумели перебраться в Грецию в качестве вассалов или наемников. К сожалению, какие-либо документальные подтверждения подобных союзов в Ахайе не сохранились, однако практика браков с местными женщинами определенно существовала в среде неблагородных латинских сержантов, у которых не было ресурсов, чтобы перевезти европейскую невесту в Грецию и обеспечить ее⁹⁵⁷. Несмотря на все преграды и различия между латинянами и греками, случаи смешанных браков между ними скорее всего не были

⁹⁵⁵ Actes relatifs a la Principauté de Morée 1289–1300... P. 12–13.

⁹⁵⁶ The Chronicle of Morea... P. 470. 7240.

⁹⁵⁷ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 291–292.

редкостью, поскольку о гасмулах – полукровках, детях как раз от смешанных браков, сообщает Георгий Пахимер в своем труде сразу же после упоминания лаконских переселенцев в Константинополь, которых Михаил VIII привлекал к службе в качестве городской стражи из-за их богатого военного опыта. Согласно Пахимеру, «от ромеев [гасмулы] наследовали дальновидность и благоразумие в военном деле, а от латинян стремительность и храбрость»⁹⁵⁸. Вряд ли Пелопоннес был исключением по наличию подобного смешанного населения, учитывая, что к моменту отвоевания Константинополя никейцами латиняне и греки соседствовали на полуострове более 50 лет. Перечисление лаконцев и гасмулов следом друг за другом также позволяет предположить, что именно в начале правления Михаила VIII смешанное население Пелопоннеса направилось в Константинополь в поисках новых возможностей для службы.

В брак вступали, как правило, мужчины-латиняне с гречанками и крайне редко греки женились на латинских дамах, и если это происходило, то только исключительно в среде знати⁹⁵⁹. Нам известно лишь об одном случае в XIV в., когда латинский барон выдал свою дочь замуж за греческого аристократа. Так, в 1370 г. уже упоминаемый Иоанн Ласкарис Калофер⁹⁶⁰ женился на дочери барона Аркадии Эрара III – Люси ле Мор⁹⁶¹. Отметим, что это был уже третий брак знатного ромея, приобретшего к тому времени гражданства Генуи и Венеции и, вероятно, принявшего католичество⁹⁶². Посредством этого брака Иоанн Ласкарис Калофер не стал бароном Аркадии после смерти своего тестя, однако приобрел крупные земельные владения в княжестве и занял высокое место в его феодальной иерархии.

⁹⁵⁸ Georges Pachymérès. *Relations Historiques...* Vol. 1. P. 253. 3–15.

⁹⁵⁹ Карпов С. П. *Латинская Романия*. С. 33.

⁹⁶⁰ О нем подробнее см.: Eszer A. K. *Das abenteuerliche Leben des Johannes Laskaris Kalopheros. Forschungen zur Geschichte der ost-westlichen Beziehungen im XIV Jh.* Wiesbaden, 1969.

⁹⁶¹ Ortega I. *Les lignages nobiliaires dans la Morée Latine...* P. 605. № 107.

⁹⁶² Loenertz R.-J. *Pour la biographie de Jean Lascaris Calophéros (A propos de deux publications récentes)* // *Revue des études byzantines*. 1970. Vol. 28. P. 131; Guérin M. *Les dames de la Morée franque...* P. 223.

Франкских и итальянских женщин в Греции постоянно проживало не так много, и преимущественно они выходили замуж за представителей латинских родов. Латинские же мужчины, отправлявшиеся на Пелопоннес на длительное проживание по долгу службы или в поисках лучшей доли, зачастую вступали в брак с местными жительницами. Подобную информацию содержат, в частности, венецианские архивные документы из Корона и Модона. Первое упоминание брака венецианца с гречанкой на Пелопоннесе относится к 1333 г. Мы знаем о нем благодаря расписке, данной 21 июня в Модоне венецианцем по имени Джованино своей жене Стаматии (Σταματία) о том, что получил ее приданое размером в 120 иперперов⁹⁶³. После этого случая в документах не встречается упоминаний о смешанных браках в течение почти 40 лет, однако это не должно означать, что они не заключались все это время. В документе из Корона от 29 октября 1370 г. Джованни, сын уже покойного Микеле Латино, назначал поверенной свою мать Ирину⁹⁶⁴. Учитывая, что сын венецианца к 1370 г. обладал правом юридической дееспособности, брак его родителей был заключен значительно раньше. Исходя также из того, что в среде латинян не сложилось традиции называть детей греческими именами⁹⁶⁵, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что Джованни был сыном от смешанного брака венецианца и гречанки. При этом мы встречаем в этих документах и носительниц латинских женских имен. Так, в 1374 г. Флора, вдова Джакомелло Пиццамано из Корона, завершила у нотариуса собственное завещание⁹⁶⁶. Весьма вероятно, что перед нами случай переезда на Пелопоннес целой семьи венецианцев. Четырьмя годами позже, 13 апреля 1374 г., грек Тодарин Скулойенис из Модона дал расписку венецианцу Пьетро Бону из Венеции о завещании его родственницы, покойной Ирины,

⁹⁶³ Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata... P. 88. № 1.56.

⁹⁶⁴ Ibid. P. 135. № 3.7.

⁹⁶⁵ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 291.

⁹⁶⁶ Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata... P. 190. № 3.94.

дочери Иоанна Скулойениса и жены также покойного Андреа Марчелло⁹⁶⁷. Сохранилось, по меньшей мере, три свидетельства о смешанных греко-венецианских браках за 40 лет XIV в. (Таблица 1). В реальности подобных браков было, вероятно, значительно больше.

Источники XIV – начала XV в. также позволяют проанализировать матримониальную политику морейских деспотов, в рамках которой с середины XIV в. практиковалось заключение браков с представительницами латинских знатных родов, имевших свои владения в Восточном Средиземноморье. Трудно точно сказать, существовала ли связь между женитьбой Мануила Кантакузина на Изабелле де Лузиньян около 1347 г. и союзом Феодора I Палеолога с Аччайуоли в 1384 г. Тогда как первый брак преследовал цель укрепить общие политические контакты Византии с латинскими правителями Романии и обезопасить византийские владения от посягательств извне, второй отражал политическую необходимость поддержать жизнеспособность византийских территорий в Морее и завоевательные амбиции обоих участников соглашения. Однако зарождение этой тенденции демонстрирует, что концу XIV в. межконфессиональные браки между греками и латинянами уже не были исключением среди знати Пелопоннеса, что, в свою очередь, еще сильнее связывало их друг с другом⁹⁶⁸. Примечательно, что к моменту женитьбы Феодора на Бартоломее в Латинской Греции этот союз казался обычным, Нерио Аччайуоли пришлось убеждать своих флорентийских родственников в том, что в союзе нет ничего предосудительного, приводя в качестве примеров правителей Арагона, Савойи и Ахайи, женатых на гречанках⁹⁶⁹. Судя по возросшему количеству упоминаний о смешанных браках в XIV в. (Таблица 2), можно также сделать вывод, что в то время, как межконфессиональные союзы в Европе оставались нежелательными или даже недопустимыми, на

⁹⁶⁷ Ibid. P. 249. № 4.58.

⁹⁶⁸ Ortega I. *Les lignages nobiliaires dans la Morée Latine...* P. 99.

⁹⁶⁹ Chrysostomides J. *An Unpublished Letter of Nerio Acciaiuolli (30 October 1384) ...* P. 126. 91–94.

Пелопоннесе ко второй половине XIV в. смешанные союзы стали достаточно распространенным явлением. Аналогичной ситуация во второй половине XIV в. была и на Лузиньянском Кипре, что позволяет говорить о формировании общей для Латинской Романии тенденции⁹⁷⁰.

В первой половине XV в. практика женитьбы на латинянках получила окончательное оформление: из четырех морейских деспотов только один – Димитрий Палеолог (1449–1460) – был женат на представительнице византийского рода. К браку Феодора II с Клеопой Малатеста⁹⁷¹ приложил руку уже упомянутый Николай Эвдемоиоанн, который в 1419–1420 гг. предпринял путешествие в Италию, чтобы устроить брак деспота и его брата, будущего императора Иоанна VIII, с представительницами итальянской знати⁹⁷². Так, тенденция брачных союзов с латинскими аристократическими родами проявлялась и на общеимперском уровне, и матримониальная политика деспотата находилась с Константинополем в едином ключе. Брак деспота Феодора II Палеолога с Клеопой Малатеста, заключенный в 1421 г., был частью проекта, задуманного Мартином V и императором Мануилом II в конце 1410-х гг., по организации крестового похода. Для большого праздника, который был устроен по случаю свадьбы в Римини, композитор Гийом Дюфаи сочинил мотет «*Vasilissa ergo gaude*» (Радуйтесь, василисса), где Клеопу чествуют не только как деспину, но уже василиссу, то есть императрицу Второго Рима⁹⁷³. Исследователи связывают это с тем, что его клиенты, а вместе с ними и организаторы свадьбы, считали, что Клеопе суждено в будущем перейти с престола Мистры на престол Константинополя⁹⁷⁴.

⁹⁷⁰ Близнюк С. В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. М.: Academia, 2016. С. 540.

⁹⁷¹ PLP. № 21385.

⁹⁷² Necipoğlu N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins... P. 264.

⁹⁷³ Allsen M. J. Intertextuality and Compositional Process in Two Cantilena Motets by Hugo de Lantins // The Journal of Musicology. 1993. Vol. 11. № 2. P. 176.

⁹⁷⁴ Necipoğlu N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins... P. 264.

После военных побед византийцев во второй половине 1420–х гг. над латинским правителем Эпира Карло Токко (1416–1429) и князем Ахайи Чентурионе II Дзаккариа (1404–1432) были заключены брачные союзы соправителей Феодора II, чтобы окончательно обеспечить включение латинских территорий Пелопоннеса в византийскую сферу влияния. Так, правитель Эпира Карло Токко согласился уступить свои владения в Морее Константину Палеологу в качестве приданого его племянницы Маддалены⁹⁷⁵, впоследствии нареченной по византийскому обычаю Феодорой⁹⁷⁶. Бракосочетание деспота Константина с Маддаленой было совершено 1 июля 1428 г. на Пелопоннесе. Год спустя второй соправитель Феодора Фома Палеолог (1428–1460) женился в Мистре на дочери ахейского князя генуэзского происхождения Чентурионе II Екатерине Дзаккариа⁹⁷⁷. Бросается в глаза, что латинские феодалы Пелопоннеса были не меньше ромеев заинтересованы в союзах с греками. Примерами тому могут служить случаи Нерио Аччайуоли и Чентурионе II Дзаккариа, однако с оговоркой, что второй стремился лишь сохранить право на свои владения до своей смерти⁹⁷⁸. Таким образом, эти стратегические союзы в условиях активного и разнопланового межкультурного взаимодействия в регионе были принципиально важны для обеих сторон. Итогом этой политики стало присоединение к Морейскому деспотату оставшихся латинских владений на Пелопоннесе⁹⁷⁹. Чентурионе II продолжал носить титул «князя ахейского» вплоть до своей смерти в 1432 г. Так закончился конфликт между греками и латинскими князьями Ахайи, продолжавшийся почти без перерыва с момента восстановления греческой власти на полуострове. Почти весь полуостров, за исключением венецианских владений Корона и Модона, Нафплиона и Аргоса с их

⁹⁷⁵ Zečević N. *The Tocco of the Greek Realm: Nobility, Power and Migration in Latin Greece (14th-15th centuries)*. Belgrade, 2014. P. 98–99.

⁹⁷⁶ PLP. № 21377.

⁹⁷⁷ Ibid. № 21342.

⁹⁷⁸ Ortega I. *Les lignages nobiliaires dans la Morée Latine...* P. 157.

⁹⁷⁹ Zakythinis D. A. *Le Despotat Grec de Morée...* Vol. 1. P. 203–205.

прилегающими территориями, теперь, после более чем двухсот пятидесяти лет латинянского господства, вернулись под власть византийцев⁹⁸⁰.

Можно резюмировать, что матримониальная политика византийских деспотов была действенным инструментом, с помощью которого они сумели вернуть в сферу византийского контроля утраченные после 1204 г. территории. Помимо этого, присутствие в Морее деспин латинского происхождения, с одной стороны, стимулировало контакты с Западной Европой, добавляя также новую возможность представителям католического мира оказывать давление на деспотов в последние десятилетия перед падением Византии. Участвовавшие к концу XIV в. случаи смешанных браков подтверждают, что отношение к таким союзам значительно смягчилось. В Морее курс на альянсы с латинскими владетелями принес свои плоды, позволив объединить под византийским началом почти весь Пелопоннес, подчинить оставшееся латинское население Ахайи и в течение трех десятилетий оказывать сопротивление османам. Матримониальная политика деспотов Морей, таким образом, стала отражением противоречивых, но крайне тесных взаимоотношений византийцев и латинян в регионе цивилизационного приграничья.

3.4. Отражение греко-латинского взаимодействия в культуре и языке

Завоевание крестоносцами заметно изменило культурный облик Греции. Прежние византийские центры в XIII в. пришли в запустение, но возникли новые города, ставшие столицами крестоносных государств, а в сельских местностях выросли феодальные замки⁹⁸¹. Традиционно негативная трактовка термина «франкократия» как время упадка и угнетения ромеев, а также исключение этого периода из национального греческого нарратива стали помехами для всестороннего изучения истории Ахейского княжества на Пелопоннесе и греко-латинского взаимодействия в Эгейском регионе.

⁹⁸⁰ Runciman S. *Mistra...* P. 74.

⁹⁸¹ Карпов С. П. Латинская Романия. С. 36.

Сложившееся мнение о тотальном угнетении греческого православного населения привело, в частности, к тому, что исследователи, историки и археологи неверно толковали архитектурные памятники и изобразительные источники франкского периода⁹⁸². Рассмотрим греко-латинское взаимовлияние на Пелопоннесе в отражении культуры Пелопоннеса и определим степень влияния на нее франкской традиции.

После франкского завоевания на Пелопоннесе сложилась новая архитектура, в основе которой лежали местные традиции⁹⁸³. В XIII в. князья Виллардуэны практически не притесняли греков, в результате чего византийские и западные строительные практики активно взаимодействовали. Влияние готического зодчества в греческой архитектуре наиболее отчетливо проявлялось в храмах, расположенных недалеко от Андравида, ставшей первой столицей Ахейского княжества⁹⁸⁴. Постепенно сооружения, построенные по заказу феодальной и церковной знати княжества, переняли и черты местной византийской архитектуры. Ярчайшим примером культурной адаптации франкского зодчества к особенностям местной архитектурной традиции стала церковь Богородицы (Панагия) в Мербаке, возведенная по заказу Гийома, латинского архиепископа Коринфа (1278–1285)⁹⁸⁵. Эта церковь была выполнена в византийском стиле, но с декоративными элементами готики (Илл. 1, 2).

В таком архитектурном синтезе выразилось стремление ахейских князей достичь, насколько это было возможно, гармоничного сосуществования с местным населением. Не исключено, что данному стремлению, проявившемуся в правление Гийома II, способствовало

⁹⁸² Athansoulis D. The Triangle of Power Building Projects in the Metropolitan Area of the Crusader Principality of the Morea // *Viewing the Morea Land and People in the Late Medieval Peloponnese* / ed. Sh. E. Gerstel. Washington, D.C., 2009. P. 111.

⁹⁸³ Виноградов А. Ю. Византийская архитектура: 15 лекций для проекта Магистерия. Москва, 2022. С. 252.

⁹⁸⁴ Там же. С. 287–288.

⁹⁸⁵ Sanders G. D. R. William of Moerbeke's Church at Merbaka: The Use of Ancient Spolia to Make Personal and Political Statements // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. 2015. Vol. 84. № 3. P. 588.

греческое происхождение его третьей супруги. Сама же княгиня способствовала строительству монастыря св. Марины близ Андравида, о чем сообщает краткая запись конца XIII в. на рукописи X в. (Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна. ГИМ, № 81)⁹⁸⁶, которая гласит: «Я, Анна, княгиня Ахайи, посвящаю сию книгу монастырю Христовой мученицы Марины во спасение моей души»⁹⁸⁷. Примечательно, что в рукописи фигурирует ее греческое имя, хотя при замужестве она приняла латинское. Эта рукопись, по всей видимости, была привезена Анной на Пелопоннес из Эпира, в 1277 г. пожертвована ей монастырю св. Марины, а в 1356 г. оказалась в монастыре Трескавец (Македония), о чем сообщает следующая запись на том же листе⁹⁸⁸. Решающим же фактором в развитии архитектурного стиля княжества стало растущее число местных мастеров и строителей, отчасти перенимавших в работе методы и стиль латинян. Взаимное влияние франкских каменщиков и местных греческих строителей проявляется также в базилике св. Николая в Исове, где высококачественная готическая скульптура, украшавшая храм, сочетается с каменной кладкой в византийском стиле. Эти элементы впоследствии были применены и к другим православным храмам в княжестве, что иллюстрирует особенности греко-латинского культурного диалога⁹⁸⁹. Архитектурный облик полуострова, сформировавшийся в ходе XIII в., отражает культурный синтез в смешанном обществе Пелопоннеса.

Всего на Пелопоннесе известно десять византийских церквей, возведенных во франкский период под заметным западным влиянием. Из них необходимо отметить, помимо Панагии в Мербаке, церковь во Влахернском

⁹⁸⁶ Фонкич Б. Л. Заметки о греческих рукописях советских хранилищ // Памятники культуры: новые открытия. СПб., 1981. С. 12–13; Gerstel Sh., Kappas M. Between East and West: Locating Monumental Painting from the Peloponnese // Cross-Cultural Interaction Between Byzantium and West, 1204–1669. Whose Mediterranean Is It Anyway? / ed. A. Lymberopoulou. London; New-York, 2018. P. 191.

⁹⁸⁷ Цит. по: Gerstel Sh., Kappas M. Between East and West... P. 191.

⁹⁸⁸ Фонкич Б. Л. Заметки о греческих рукописях советских хранилищ. С. 13.

⁹⁸⁹ Athansoulis D. The Triangle of Power Building Projects... P. 143–144, 151.

монастыре в Элиде, в наружном декоре которого использована латинская символика, церковь св. Георгия в Андрусе и церкви св. Георгия и св. Праскевы в Гераки⁹⁹⁰. Последние две, в частности, располагались на территории баронства семьи Нивеле, прямых вассалов князей. И хотя внутренняя роспись этих церквей относится к началу XIV в., когда Гераки возвратили византийцы, в украшении обеих церквей применен западный тип каменной резьбы, не свойственный византийским церквям в других регионах⁹⁹¹. Заслуживает также внимания тот факт, что на воротах крепости Навплиона в честь подтверждения мира франков с греками в 1289 г. был помещен барельеф с изображением Иисуса как покровителя мира, а напротив него – византийский василевс, вкладывающий меч в ножны⁹⁹². На архитектурное искусство Ахайи, таким образом, воздействовало не только постепенное взаимовлияние латинской и византийской культур, но также и политический контекст эпохи.

Примеры изобразительного искусства того периода немногочисленны, однако сохранившиеся образцы также демонстрируют смешение византийских и латинских традиций⁹⁹³. В церкви св. Франциска в Кларенце над гробницей под номером 1 частично сохранилась настенная роспись с изображением всадника – святого воина с надписью на латыни, но выполненной в византийском стиле (Илл. 3). Фигура рядом с ним в западной одежде, вероятно, представляла покойного. Могила была расположена в толще стены и, по-видимому, современна постройке церкви, что позволяет предположить, что она могла принадлежать покровителю, знатному франку⁹⁹⁴.

⁹⁹⁰ Page G. *Being Byzantine...* P. 232, 234.

⁹⁹¹ Gerstel Sh., Kappas M. *Between East and West...* P. 184.

⁹⁹² Von Löhneysen W. F. *Mistra: Griechenlands Schicksal im Mittelalter.* P. 59.

⁹⁹³ Papalexandrou A. *The Architectural Layering of History in the Medieval Morea Monuments, Memory, and Fragments of the Past // Viewing the Morea Land and People in the Late Medieval Peloponnese / ed. Sh. E. Gerstel.* Washington, D.C., 2009. P. 23–24.

⁹⁹⁴ Athansoulis D. *The Triangle of Power Building Projects...* P. 124–125.

В целом, синтез традиций в изобразительном искусстве наблюдался на всех захваченных латинянами территориях Византии. В качестве яркого примера смешанного латино-византийского искусства можно привести икону с изображением св. Георгия XIII в. из Кастории, выполненной в византийской традиции, но с вкраплениями западных элементов в изображении воинского доспеха святого (Илл. 4). Эти образцы культурного синтеза были обусловлены рефлексией населения над столкновением с представителями иной культуры и их совместном проживанием на когда-то византийских территориях. При этом латиняне представляли перед местным населением не в исключительно негативном свете завоевателей и угнетателей, поскольку иначе западная атрибутика не могла бы присутствовать в изображении святых.

Архитектурные свидетельства также подтверждают, что греческие архонты были включены в феодальную иерархию княжества, а также то, что местное православное население сохранило свои религиозные обряды. Уже в XIII в. греки спонсировали возведение новых церквей на Пелопоннесе. Наиболее ярким примером такого строительства является церковь Панагии в Гастуни (близ Андравида). Несмотря на преобладание византийской архитектуры (крестово-купольный тип, перегородчатая кладка, декоративная кирпичная кладка), в ней присутствовали и готические архитектурные детали: готический дверной проем, капитель и карниз (Илл. 5). Согласно датированной греческой надписи, церковь была возведена в 1278–1279 гг. по заказу братьев Каллигопулов, представителей греческой знати, интегрированных в феодальную систему. Известно, что старший сын семьи Каллигопулов даже принял французское имя Гийом в честь князя Гийома II⁹⁹⁵. Возведение православной церкви вблизи франкской столицы по инициативе греческой знати и с заимствованием, пусть и немногочисленных, готических архитектурных элементов говорит о том, что как минимум часть

⁹⁹⁵ Athansoulis D. The Triangle of Power Building Projects... P. 145.

греков не просто приняла франкское владычество, но и воспринимала его вполне естественным ко второй половине XIII в. Греки вовсе не утратили собственной культурной идентичности, черты которой ожидаемо переняли и завоеватели, очутившиеся в принципиально новой для себя культурной среде.

Помимо обоюдных заимствований с области архитектуры и искусства, следует упомянуть, что часть знатных греков переняла обычаи и вкусы франкской знати. Подтверждением этому служит, в первую очередь, существование греческих версий «Морейской хроники», в которых иначе не было бы явной потребности⁹⁹⁶. Неоднократно привлекаемая в этом исследовании «Морейская хроника» является ярким образцом смешанной письменной культуры Пелопоннеса, изобилующая соединением латинских и византийских жанров и значительным количеством терминологических и языковых заимствований. Тот факт, что Хроника сохранилась в восьми рукописях на четырех разных языках, сам по себе является свидетельством этнокультурного смешения в позднесредневековой Эгеиде⁹⁹⁷. И хотя язык греческой стихотворной Хроники, написанной пятнадцатисложным политическим стихом, не отличается византийскими изящностью и выразительностью, то это суждение нельзя распространить на содержание самого произведения. В равной мере произведение опирается на французскую традицию *chanson de geste* и традиции греческого эпоса⁹⁹⁸. Греческая версия хроники рисует (хоть и несколько гиперболизировано) готовность двух этно-религиозных групп к сосуществованию. Согласно хронисту, завоеватели и побежденные постепенно осознавали свой статус не только как греков и латинян, православных и католиков, но и как народа Мореи. Иными словами, текст описывает смешанное общество, члены которого, будь то завоеватели или завоеванные, были связаны друг с другом

⁹⁹⁶ Tsougarakis N. I. The Latin Religious Orders in Medieval Greece... P. 24.

⁹⁹⁷ Page G. Being Byzantine... P. 178.

⁹⁹⁸ Карпов С. П. Латинская Романия. С. 81–84.

патриотическими чувствами к своему общему месту проживания. Собирательное наименование жителей Пелопоннеса «морейоты» (Μοραῖτες) встречается в тексте несколько раз⁹⁹⁹.

В то же время хроника неоднократно противопоставляет латинян и греков друг другу, а также отделяет греков княжества от прочих (эпирских, никейских или константинопольских): «ромей всего княжества»¹⁰⁰⁰, «ромей деспотата [Эпира]»¹⁰⁰¹, «ромей Монемвасии»¹⁰⁰², а также «род ромеев»¹⁰⁰³ в отношении греков Пелопоннеса, подчиненных после 1262 г. наместнику императора (врагов княжества). Во французской версии мы также встречаем употребление словосочетания «греки Мистры и Гардики»¹⁰⁰⁴ в отношении ромеев, преданных императору. Примечательно также, что рассматриваемый выше фрагмент хроники с предостережением о вероломстве греков после предательства при Пелагонии отсутствует в греческой рукописи «Р» (BNF, gr. 2898), наверняка предназначенной для греческих читателей¹⁰⁰⁵. «Морейская хроника», таким образом, отразила столкновение и синтез двух культур. Являясь продуктом культуры смешанного общества, она содержит противоречивые, но очень ценные сведения о характере социокультурного взаимодействия между завоевателями и завоеванными, в котором наблюдались как стремления к сотрудничеству, так и компромиссы и обоюдное неприятие.

С начала XIII в. до битвы при Пелагонии в среде латинского нобилитета Ахейского княжества произошли значительные изменения. Часть франков уже свободно говорила по-гречески и большинство из них были в достаточной мере интегрированы в культурную среду завоеванного

⁹⁹⁹ Shawcross T. Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece. P. 206–207; The Chronicle of Morea... P. 258. 3915; P. 464. 7166; P. 536. 8266.

¹⁰⁰⁰ The Chronicle of Morea... P. 188. 2823.

¹⁰⁰¹ Ibid. P. 260. 3923.

¹⁰⁰² Ibid. P. 362. 5569.

¹⁰⁰³ Ibid. P. 320. 4850; P. 428. 6595.

¹⁰⁰⁴ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 329. 830.

¹⁰⁰⁵ Crusaders as Conquerors: The Chronicle of the Morea... P. 187. Прим. № 68.

населения¹⁰⁰⁶. П. Лок, однако, подчеркивает, что владение греческим языком и приспособление к византийским институтам и обычаям, возможно, не были ярко выражены среди большинства франкской аристократии XIII в., поскольку каждый такой случай особенно фиксировался в «Морейской хронике»¹⁰⁰⁷. На наш же взгляд, определяющее значение для интеграции латинян в ромейскую среду имело происхождение франкских феодалов: тогда как ко второй половине XIII в. относится появление в Ахайе новой франко-итальянской знати из Неаполя, в княжестве оставалось достаточно потомков завоевателей, которые как раз демонстрировали высокий уровень культурного симбиоза с покоренным населением.

Эпизоды, описываемые в хронике, также подтверждают диглоссию населения Морей уже во второй половине XIII в.: уже рассмотренные выше эпизоды коммуникаций между греческим архонтом Фотием с людьми Ги де Шарпиньи или греческого купца Коркондила и рыцаря Жерара де Реми. И хотя оба названных случая описывали конфликты между греком и латинянином, они также подразумевали, что как минимум один участник конфликта говорил на языке другого. Особого внимания заслуживают великий коннетабль Ахайи Жан Шодерон и барон Аркадии Жоффруа д'Онэ, которым «были хорошо известны язык и обычаи греков»¹⁰⁰⁸. Вероятно, по этой причине именно они несколько раз были послами князя к ромеям, а также к сюзерену в Италию. Именно эти феодалы Ахейского княжества, согласно хронике, первыми познакомились в Италии с Флорисом д'Эно. Примечательно, что хронист, передавая клятву Флориса, как претендента на титул князя, начинает ее со следующего обращения: «Архонты, друзья и братья, если вы желаете, чтобы я был в Морее вашим другом и товарищем, я дам клятву, что не оставлю вас, и мы будем, как братья, проживать бок о

¹⁰⁰⁶ Dourou-Eliopoulou M. The image of the "Greek"... P. 226.

¹⁰⁰⁷ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 190.

¹⁰⁰⁸ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la conquête... P. 279. 702.

бок»¹⁰⁰⁹. Почему хронист называет их архонтами, а не сеньорами? Вероятно, перед нами один из образцов культурно-языковой преемственности в смешанном обществе Морей. Кроме того, именование «архонтами» франкских аристократов, знакомых с греческим языком и обычаями, служит дополнительным подтверждением их интеграции в ромейскую среду.

Распространенное двуязычие не только стало итогом бытового общения франков и венецианцев с местным населением, но также было продиктовано потребностями делопроизводства и нуждами администрации. Так, налоговые отчёты в венецианских Короне и Модоне составлялись на греческом языке, а во франкских владениях использование греческого языка продолжалось вплоть до второй половины XIV в.¹⁰¹⁰ По мнению Дж. Хрисостомидес, именно признание обычаев и языка покоренных народов было первым шагом к греко-латинскому симбиозу. Кажется вполне естественным, что со временем поселившиеся в Греции франки и венецианцы или их потомки стали двуязычными, поскольку латиняне всегда составляли меньшинство. В частности, представитель венецианской администрации на Пелопоннесе Франческо Гезо свободно говорил по-гречески и часто выполнял дипломатические миссии к морейскому деспоту в Мистру. Глашатаи в венецианских городах должны были также говорить по-гречески или быть греками, чтобы регулярно объявлять местному населению решения кастелянов. Кроме того, все рыночные правила и запреты, издавались как на латыни, так и на греческом¹⁰¹¹. Безусловно, языковая преемственность, необходимая для базовых коммуникаций, способствовала и постепенному культурному сближению латинян с греками Пелопоннеса, ведь именно через вербальную коммуникацию проводился наиболее активный информационный обмен.

¹⁰⁰⁹ The Chronicle of Morea... P. P. 552. 8513–8518.

¹⁰¹⁰ Jacoby D. The Economy of Latin Greece... P. 194.

¹⁰¹¹ Chrysostomides J. Symbiosis in the Peloponnese in the aftermath of the Fourth Crusade... P. 161.

Активный культурный обмен в течение XIII в. привел к тому, что к XIV в. постепенно зарождались идеи о культурной общности между ромеями и латинянами. К середине XIV в. в Византии все ярче стали звучать голоса о необходимости преодолеть традиционную византийскую антипатию по отношению к латинянам в связи с османской опасностью. В частности, Димитрий Кидонис писал, что «Новый Рим должен признавать и чтить наследие римлян»¹⁰¹². Он утверждал, что помощь латинян в борьбе против турок предпочтительнее для византийцев, чем создание коалиции православных балканских государств, развивая тему общности культурных и исторических традиций между старым и новым Римом¹⁰¹³. Перемены в оценке уровня развития западной мысли, как и растущий на Западе интерес к Античности, создавали благоприятную почву для сближения двух культур¹⁰¹⁴. Возможно, отчасти подобные соображения, помимо политических мотивов и культурного подъема Запада к этому времени, были связаны и с активными греко-латинскими коммуникациями в Восточном Средиземноморье, принимавшими отнюдь не всегда конфликтные формы. И хотя трудно говорить о единой форме смешанной греко-латинской культуры, сложившейся на Пелопоннесе в ходе рассматриваемого периода, общий культурный облик Мореи впитал в себя как византийские, так и латинские черты.

3.5. Влияние стереотипов на характер кросс-культурного взаимодействия на Пелопоннесе

Колоссальное влияние на характер межкультурного взаимодействия имели многочисленные стереотипы, формировавшиеся в течение длительного времени на основе разнообразных свидетельств и цивилизационного опыта контактов и конфликтов с чужаками. Для средневекового образа мышления был особенно характерно использование

¹⁰¹² Цит. по: Медведев И. П. Византийский гуманизм. С. 209.

¹⁰¹³ Медведев И. П. Византийский гуманизм. С. 209–210.

¹⁰¹⁴ Куц Т. В. На закате империи... С. 379.

стереотипов о «других» и стремление соотнести реалии со сложившейся, пусть и стереотипной, традицией¹⁰¹⁵. В вопросе стереотипных представлений случай Пелопоннеса и других крестоносных государств особо примечателен тем, что там имели место продолжительные контакты и конфликты, следовательно, участники греко-латинского взаимодействия имели возможность проверить устоявшиеся представления о соседях на соответствие реальности. В завершении анализа особенностей межкультурного взаимодействия на Пелопоннесе представляется важным рассмотреть, как именно на протяжении рассматриваемого периода воспринимали греки и латиняне полуострова своих соседей как носителей иной культуры и религии и как изменялись эти представления с течением времени.

Еще в результате Первого крестового похода Византийская империя столкнулась с жителями Запада. Это тесное столкновение между подданными империи и крестоносцами подтвердило и усугубило многие негативные стереотипы с обеих сторон¹⁰¹⁶. Четвертый крестовый поход же окончательно оформил разрыв между ними и во многом дополнил негативные представления латинян и ромеев друг о друге. Пожалуй, центральным мотивом в отношении латинян в византийских сочинениях XIII в. стало сравнение крестоносцев с божьей карой, посланной ромеям за многочисленные грехи¹⁰¹⁷. Представления о европейцах в византийских источниках связано с общим термином «латиняне» (Λατῖνος), использовавшимся с XI–XII вв., но со временем возникли и более узкие наименования европейцев, как «итальянцы» (Ἰταλός), «франки» (Φράγγος) или «норманны» (Νορμανδός), что говорит о дифференциации ромеями западноевропейцев между собой как минимум по географическому

¹⁰¹⁵ Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 189.

¹⁰¹⁶ Page G. Being Byzantine... P. 32.

¹⁰¹⁷ Каждан А. П. Никита Хониат и его время. СПб., 2005. С. 304; Георгий Акрополит. История. С. 50.

происхождению. Латиняне в византийском нарративе также делились на «господ» (λίτζιος), верных византийскому императору, достойных наград и привилегий, но чаще фигурировали как «варвары» (βάρβαρος), опасные и недостойные доверия¹⁰¹⁸.

На общевизантийском уровне в XIII – первой половине XIV в. наблюдалось неодобрительное отношение к попаданию в ромейскую культуру чужеродных варварских элементов: языка, обычаев, одежды. Так, например, Георгий Пахимер приводит слова патриарха Иоанна Векка (до смены им своих убеждений об унии церквей): «[осыпаете оскорблениями] меня, рожденного и воспитанного среди ромеев и ромеями, а ... рукоплещете человеку [Григорию Кипрскому¹⁰¹⁹], рожденному и воспитанному среди италийцев и внедрившемуся [в наше общество] со своей одеждой и своим языком»¹⁰²⁰. Описывая бедственное состояние империи, Никифор Григора также с сожалением отмечал, что все сложнее становится визуально отличить византийцев от других народов, поскольку их внешний вид заимствовал понемногу от одеяний латинян, турок (персов) и славян¹⁰²¹. Можно резюмировать, что в подобных тонах высказывались и опасения в целом за византийскую культурную идентичность, что еще сильнее отдаляло ромеев от представителей иных культур.

Униатские споры второй половины XIII в. также обнажили множество стереотипов и предрассудков о латинянах, бытовавших в среде византийского населения в отношении латинских религиозных обычаев. Помимо того, что латиняне считались частью ромеев схизматиками, они также обвинялись в дурных привычках, непозволительных для ромеев, как употребление мяса задушенных животных и несоблюдение Великого поста.

¹⁰¹⁸ Maniati-Kokkini T. Μισοβάρβαροι and λίτζιοι: Theory and practice regarding the integration of Westerners in Late Byzantine social and economic reality // *Byzantium and the West: Perception and Reality (11th–15th c.)* / ed. N. G. Chrissis, A. Kolia-Dermitzaki, A. Papageorgiou. London; New York, 2019. P. 287.

¹⁰¹⁹ Georges Pachymérés. *Relations Historiques...* Vol. 3. P. 101. Прим. 38.

¹⁰²⁰ Ibid. 24–28.

¹⁰²¹ Nikephori Gregorae. *Historia Byzantina...* Vol. 3. P. 555. 13–22.

Также часть ромеев возмущали сильно отличающиеся от их собственных обряды латинян, не находили понимания и обязательные обеты безбрачия среди духовенства¹⁰²². Важно, что мы не встречаем примеров бытования подобных представлений на Пелопоннесе.

Необходимо остановиться на существовании слова «ἑφράγκεψες» (ставший франком) в средневековой Греции, которое имело оскорбительный смысл¹⁰²³, и, по-видимому, частично разделялось в среде греческого населения Пелопоннеса. Так, после смерти Гийома II, когда в течение 11 лет княжеством управляли неаполитанские бальи, некоторые архонты княжества, как отметил Д. Якоби, питали надежды на скорейшее завоевание Византией всего Пелопоннеса. Эти архонты запрашивали имперские грамоты, предоставлявшие или подтверждавшие их патримониальные владения и налоговые льготы, которые вступили бы в силу после того, как их получатели попадали под власть Византии. Один такой случай упоминается в письме Григория Кипрского, патриарха Константинополя (1283–1289), в котором говорится о двух греках, владевших родовыми землями в Аркадии. Другое дело, датированное 1288 г., касалось владения в Арголиде, хотя в то время оно находилось под властью франков¹⁰²⁴. Возможно, это было связано с менее терпимым отношением чужаков-бальи к греческим обычаям, но может быть и так, что недовольство франкским правлением поддерживалось в среде части греческой аристократии с начала XIII в. В таком случае нельзя отрицать роль негативных стереотипов, глубоко укоренившихся в сознании ромеев Пелопоннеса о представителях латинского мира.

Западноевропейские источники обычно именовали византийцев «греками» (*Graeci*), что, по мнению Э. Калделлиса, было обусловлено потребностью западных правителей (как папский престол и император Священной Римской империи) подтвердить свое исключительное право на

¹⁰²² Geanakoplos D. J. *Byzantium: Church, Society, and Civilization Seen through Contemporary Eyes*. P. 219–220. №158. В.

¹⁰²³ Карпов С. П. Латинская Романия. С. 32.

¹⁰²⁴ Jacoby D. *From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change...* P. 8, 35.

преемственность с римской традицией¹⁰²⁵. Византийцы были знакомы с этнонимом «грек» как с западным термином для их обозначения. В более ранние века он использовался в качестве альтернативы термину «эллин», учитывая языческий оттенок последнего. С XII в. же этот термин в Византии начали воспринимать как уничижительное наименование, которым невежественные жители Запада наделяли подданных империи, в сравнении с их собственным гордым именем ромеев. Ярким примером такой точки зрения являлся историк Никита Хониат, который применял в своем сочинении термин «греки» исключительно с сатирическим сарказмом, чтобы передать латинскую точку зрения¹⁰²⁶. Тем примечательнее, что в греческой версии «Морейской хроники» византийцы именуется на их собственный манер ромеями (Ρωμαῖοι), включая как подданных византийского (или никейского) императора, так и его бывших подданных, которыми теперь правили франки.

При этом автор Морейской хроники подвержен стереотипным представлениям о ромеях, и проводит границу между латинянами и греками, прибегая к двум ключевым этническим маркерам, неоднократно противопоставляя нравственную прямоту латинян традиционному в латинском нарративе вероломству и лукавству греков, подчеркивая, как греческое происхождение отклоняется от идеалов, которым соответствует повествование хроники об истории Ахейского княжества франков¹⁰²⁷. Предательство эпирских греков при Пелагонии¹⁰²⁸, нарушение перемирия в отсутствие князя на Пелопоннесе¹⁰²⁹, захват греками замка св. Георгия¹⁰³⁰ – пожалуй, наиболее яркие, но не исчерпывающие примеры, в которых греки неоднократно обвиняются хронистом в вероломстве. Т. Шоукросс отмечает, что в «Морейской хронике» стереотип о вероломстве греков используется

¹⁰²⁵ Kaldellis A. The Social Scope of Roman Identity in Byzantium... P. 196.

¹⁰²⁶ Page G. Being Byzantine... P. 87.

¹⁰²⁷ Shawcross T. Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece. P. 193–194.

¹⁰²⁸ The Chronicle of Morea... P. 260. 3933–3937.

¹⁰²⁹ Ibid. P. 466. 7185.

¹⁰³⁰ Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la Conquête... P. 322–323. 812.

почти исключительно в отношении византийцев императорского двора Константинополя, а также жителей Никеи, Эпира и Неопатр. Объектами антигреческих обличений всегда являются подданные тех государств, которые представляют непосредственную угрозу Латинской Греции. Именно тогда грек считается предателем, клятвопреступником, трусом, схизматиком и, следовательно, «истинным» греком. Таким образом, в «Морейской хронике» «греческое происхождение» носит ярко выраженный политический контекст¹⁰³¹. Несмотря на это, ромеи и франки часто соотносятся как разные, но во многом близкие группы населения, особенно в случае с ромеями княжества. Почему же хроника, созданная во франкской среде, отклоняется от стандартной западной практики называть византийцев греками? Вероятно, автор попросту отразил местное употребление¹⁰³², что еще раз подтверждает факт тесной коммуникации между завоевателями и завоеванными на Пелопоннесе.

С византийской стороны мы встречаем употребление традиционного маркера «варвар» по отношению к латинянам Пелопоннеса¹⁰³³. Разумеется, что после того, как латинские крестоносцы разграбили Константинополь, они стали явными врагами ромеев и идентифицировались как «другие» в традиционном противостоянии ромеев и варваров¹⁰³⁴. Византия долго находилась в плену устоявшегося стереотипа, противопоставлявшего друг другу ромеев и латинян. Византийскими писателями на протяжении столетий деление на «ромеев» и «варваров» проецировалось из области политической в культурную, однако ксенофобия в византийских интеллектуальных кругах в отношении латинян к середине XIV в. стала постепенно ослабевать¹⁰³⁵. В целом, в византийском нарративе термин «βάρβαροι», часто сопровождаемый прилагательным «ἀσεβείς» (нечестивые), в XIV в. стал

¹⁰³¹ Shawcross T. Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece. P. 201.

¹⁰³² Kaldellis A. The Social Scope of Roman Identity in Byzantium... P. 196.

¹⁰³³ Ioannis Cantacuzeni Historiarum... Vol. 3. P. 85. 16–20.

¹⁰³⁴ Page G. Being Byzantine... P. 91.

¹⁰³⁵ Куц Т. В. На закате империи... С. 378–379.

обозначать преимущественно турок, и мы встречаем лишь одно упоминание о латинянах Пелопоннеса как о варварах. В частности, этот термин используется для характеристики турецких пиратов (πειραταὶ Τοῦρκοι), совершавших набеги на монастыри Афона в первой половине XIV в.¹⁰³⁶ Пелопоннес не стал исключением, и при описании Иоанном Кантакузином совместных военных действий ромеев и латинян Мореи против тюрок, «варварами» им именуется только последние¹⁰³⁷. В восприятии Никифора Григоры турки также были основными врагами империи¹⁰³⁸. Таким образом, наблюдается постепенное изменение стереотипов в восприятии соседей под воздействием политической ситуации в регионе. В начале XV в. на Пелопоннесе побывал Исидор, будущий митрополит Киевский (1436–1441)¹⁰³⁹. В письме к императору Мануилу II он отмечал, что мудрая политика его брата Феодора I спасла Пелопоннес от варваров¹⁰⁴⁰, очевидно, подразумевая под «варварами» турок-османов, которые к началу XV в. представляли для ромеев более серьезную угрозу, нежели их латинские соседи.

Пожалуй, можно говорить, что в течение XIV в. восприятие друг друга латинянами и греками Пелопоннеса претерпело серьезные изменения и утратило прежнюю категоричность. Тогда как XIII в. в большей мере отмечен характеристиками соседей в контексте инаковости в способах ведения боевых действий, причем отличный от собственного почти всегда характеризуется бесчестным, то к середине XIV в. это уже менее радикальные оценки, несмотря на сохранение напряженности между ними. Характерной особенностью межкультурного взаимодействия на Пелопоннесе, кроме того, являлось отсутствие полного культурного

¹⁰³⁶ Maniati-Kokkini T. Μισοβάρβαροι and λίκιοι... P. 287.

¹⁰³⁷ Ioannis Cantacuzeni Historiarum... Vol. 3. P. 90, 1–5.

¹⁰³⁸ Бибиков М. В. Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 243.

¹⁰³⁹ Вероятно, осенью 1410 – весной 1411 г. См.: Акишин С. Ю. Митрополит Исидор Киевский (1385/1390–1463). Екатеринбург, 2018. С. 44.

¹⁰⁴⁰ Счастнев П. Исидор, митрополит Московский и всея Руси: студ. раб. / МДА. Сергиев Посад, 1916 (ОР РГБ. Ф. 172 (МДА). Картон № 409. Ед. хр. 1). Л. 79–87 об. Л. 85. С. XIII.

неприятия друг друга. Кроме двух инцидентов на венецианских территориях в XIV в., рассмотренных выше, мы не встречаем в источниках негативных характеристик образа жизни и внешнего вида соседей ни стороны греков, ни со стороны латинян, что можно объяснить высоким уровнем взаимовлияния и тесными контактами с первых лет сосуществования.

Таким образом, социокультурному взаимодействию латинян и ромеев на Пелопоннесе были присущи следующие характерные черты. Во-первых, степень аккультурации зависела, главным образом, от инсенсивности взаимодействия с соседями. Поэтому латиняне, которые в течение всего рассматриваемого периода оставались на Пелопоннесе этническим меньшинством, впитали со временем культуру их византийских соседей и подданных. Что касается ромейской стороны, то наиболее активно контактировали с латинянами местные элиты и городское население, тогда как контакты жителей сельской местности (и тем более горцев!) либо отсутствовали, либо были сведены к бытовому минимуму. Так, смешанные браки заключались, согласно источникам, как раз на уровне элит и горожан.

Во-вторых, даже социокультурная сфера взаимоотношений зависела от внешнеполитических факторов в той же мере, как от длительного и близкого соседства. Под их воздействием в среде элит Пелопоннеса сформировалась своя локальная идентичность, базирующаяся во многом на сепаратистских настроениях и противопоставлении себя чужакам – представителям центральной администрации. Этой морейской идентичности были присущи как ромейские, так и латинские черты, среди которых, кроме сепаратистских устремлений, можно выделить самоидентификацию по географическому принципу и социальному статусу (пелопоннесцы, землевладельцы, благородные), частую билингвальность, воинственность и подчеркнутую осторожность в отношении чужаков.

В-третьих, в среде населения Пелопоннеса в рассматриваемый период сформировались культурные и ментальные установки, не свойственные Константинополю, Риму, Неаполю и Венеции. Они выражались в большей

религиозной и бытовой терпимости к соседям, часто неосознанной преимущества в языке, обрядах и искусстве, а также в более ранней нормализации межконфессиональных браков по сравнению с Западной Европой. Отношение к соседям – носителям иной культуры и религии – под воздействием их продолжительных и разнообразных контактов постепенно утратило категоричность и стало более нейтральным. Опыт близкого проживания во фронтальном регионе, пожалуй, вытеснил из коллективного сознания ряд стереотипов ромеев и латинян друг о друге. В целом, рассмотренный и проанализированный источниковый материал позволяет сделать вывод, что культурный облик Мореи впитал в себя и ромейские, и латинские (франкские, итальянские) черты, несмотря на то что интеграционные и аккультурационные процессы в регионе остались незавершенными.

Заключение

Проведенное исследование показало, что несмотря на греко-латинский антагонизм в регионе после Четвертого крестового похода, у пришлого и местного населения Мореи оказалось множество точек соприкосновения во всех сферах их взаимодействия, которые и превратили Пелопоннес в зону цивилизационного фронта. Активные кросс-культурные контакты в среде элит и городского населения стали возможны благодаря многочисленным компромиссам, достигнутым с первых лет латинского присутствия на полуострове. Во многом благодаря тому, что ромейское население не было полностью изолировано от элит-завоевателей, жизнь смешанного общества Пелопоннеса обрела свою ярко выраженную локальную специфику.

Политические взаимоотношения греков и франков на протяжении всего рассматриваемого периода определялись, главным образом, взаимными территориальными претензиями и носили преимущественно конфликтный характер. Сопоставив данные источников и определив ключевые эпизоды из истории государственных образований Пелопоннеса, удалось выявить переломные моменты, повлиявшие на изменение траектории греко-латинских взаимоотношений в течение второй половины XIII – первой половины XIV в. Первое принципиальное изменение произошло после включения Ахейского княжества в орбиту Анжуйской политики в 1267 г.: ромеи стали избегать прямых военных действий, и греко-латинский конфликт принял латентный характер. На первом этапе обе стороны в целом придерживались враждебной по отношению к соседу модели поведения, что выразилось в частом упоминании в «Морейской хронике» об их локальных столкновениях и активных военных действиях. При этом уже во второй половине XIII в. обе стороны предпринимали дипломатические шаги навстречу друг к другу, которые заложили основу для последующих изменений в их взаимоотношениях, особенно после появления общего врага в лице каталонцев и, впоследствии, тюрок.

Несмотря на политические конфликты, во второй половине XIII в. происходило активное социокультурное взаимодействие внутри смешанного населения Пелопоннеса. Важным результатом исследования стал вывод о том, что интеграционные процессы после 1262 г. получили активное развитие. Межэтническое взаимодействие в этом регионе развивалось противоречиво, но в то же время демонстрировало высокую интенсивность. Контакты населения, выразившиеся во включении греков в правящие структуры франков и установлении межличностных связей на бытовом уровне, не прерывались даже в условиях перманентной борьбы ромеев и франков в самом начале рассматриваемого периода, а в последующие десятилетия лишь усиливались. Рассмотренные конкретные сюжеты продемонстрировали, что дружеские и даже родственные отношения в среде полиэтничного населения порой имели больший вес, чем политическая лояльность франкскому князю или византийскому кефалу, что говорит об особой ментальности, присущей населению фронтального региона.

Во многом из-за политического ослабления Ахейского княжества, ставшим очевидным к 1320-м гг., в среде старой ахейской знати (франкской) и части менее знатного населения Ахайи возникли идеи о политическом сближении с византийской стороной, которая к этому времени была им хорошо знакома. Безусловно, это была лишь одна из политических тенденций того времени, которая шла вразрез с завоевательными устремлениями неаполитанских сюзеренов княжества, но именно она демонстрирует глубину интеграционных процессов на полуострове на уровне отдельных представителей межкультурного взаимодействия. С заключением греко-латинского военного союза в начале 1350-х гг. на Пелопоннесе оформилась более сложная модель отношений, характеризующаяся, прежде всего, переходом от конфронтации к многолетнему политическому сотрудничеству, в котором были одинаково заинтересованы обе стороны.

Наиболее результативной моделью греко-латинских взаимоотношений, таким образом, оказалась та, которая предполагала некоторые взаимные

уступки и общий интерес участников соглашения (совместная оборона полуострова от турецких набегов, поддержание мира для восстановления общества от последствий эпидемий чумы). Общий интерес, однако, не сумел взять верх над индивидуальными амбициями. В итоге вмешательство византийского деспота во внутриахейские дела в середине 1360-х гг. при очередной борьбе за власть в княжестве вновь актуализировало греко-латинские противоречия и изменило характер политических отношений, лишив их (пожалуй, вплоть до присоединения всех Ахейских земель к Морейскому деспотату) какой-либо стабильности.

В последние два десятилетия XIV в. в политическом взаимодействии латинян и греков Пелопоннеса наблюдалось несколько тенденций. Сегментация франкских владений окончательно привела к исчезновению единой политической линии в отношении их греческих соседей, что не раз становилось дестабилизирующим фактором в отношениях между государственными образованиями. Одновременно наблюдалась интенсификация дипломатических контактов между греками, франками и венецианцами. Главное отличие этого периода состояло в неспособности субъектов политического взаимодействия прочно стабилизировать отношения с соседями даже под угрозой османского вторжения. Политические амбиции правителей Пелопоннеса стали значительно выше, чем у предшественников, что сделало острый конфликт между ними неизбежным, несмотря на заключение политических союзов между ними и отмечавшуюся в источниках заинтересованность в мирном соседстве. В сравнении с первой половиной XIV в., когда политические отношения регулировались на уровне представителей центральной власти, к концу XIV в. местная аристократия стремилась самостоятельно отстаивать свои интересы и искала на этом поприще союзников.

С точки зрения социальной жизни, уникальность смешанного греко-латинского общества Пелопоннеса была обусловлена целым рядом причин. Во-первых, в силу того, что немногочисленный латинский нобилитет был

вынужден опираться в управлении на локальные социально-административные структуры, категорического обособления франкского населения от греческого в Ахайе с самого начала завоевания не наблюдалось. Греки не могли быть полностью изолированы от участия в управлении, торговых операциях и экономической деятельности. Для большей части населения полуострова взаимоотношения с соседями чаще всего носили компромиссный характер и со временем культурные границы между ними в повседневной жизни все больше стирались.

Во-вторых, в пределах ограниченного пространства полуострова длительные контакты латинян и греков друг с другом привели постепенно к размыванию социокультурных границ. Процесс их взаимодействия неизбежно способствовал приобщению иных этнических групп к византийской культуре и их вовлечению во внутреннюю жизнь местного населения. Продолжительное соседство привело к увеличению случаев смешанных браков и смены вероисповедания в XIV в., что часто было обусловлено неосознанной преемственностью или, что также не было редкостью, личным прагматичным или эмоциональным выбором.

Хотя нельзя говорить о формировании на Пелопоннесе в рассматриваемый период единой смешанной греко-латинской культуры, все же можно отметить происходивший здесь интенсивный культурный обмен и взаимовлияние. Степень аккультурации на Пелопоннесе к концу рассматриваемого периода можно охарактеризовать как весьма высокую на культурном, языковом и бытовом уровнях, однако она не могла завершиться по причине отсутствия политической стабильности в регионе и стремления центральной администрации всех трех государственных образований Пелопоннеса не допустить чрезмерного сближения латинян и греков в силу того, что оно шло вразрез с их политическими задачами.

В целом, несмотря на сохранявшиеся между греками, франками и венецианцами территориальные претензии и культурные различия, постепенно на смену негативизму в оценке соседей приходило более

сдержанное и нейтральное отношение. Характерной особенностью межкультурного взаимодействия на Пелопоннесе в XIV в. было отсутствие полного культурного неприятия в отношении друг друга, что можно объяснить высоким уровнем взаимовлияния и тесными контактами. Социокультурная и административная преемственность, сложившиеся традиции тесного сотрудничества и диалога между завоевателями и завоеванными оказали сильное влияние на внутреннюю жизнь смешанного общества. На фоне множества политических изменений фронтальное общество Пелопоннеса сохранило свой особый сложный уклад, сформировавшийся на пограничье латинской и византийской цивилизаций.

Перспективы дальнейшей разработки темы заключаются в выделении иных аспектов греко-латинского взаимодействия на Пелопоннесе, включения в анализ взаимодействие другими этническими группами (евреи, славяне, албанцы), а также расширением хронологических рамок исследования до середины XV в.

Список источников и литературы

Источники

1. Георгий Акрополит. История / Георгий Акрополит; пер., вступ. ст., коммент. и прил. П. И. Жаворонкова; отв. ред. Г. Г. Литаврин. – СПб.: Алетейя, 2013. – 416 с.
2. Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах / Георгий Пахимер; пер. под ред. проф. Карпова. – СПб.: Тип. Департамента уделов, 1862. – Т. 1. Царствование Михаила Палеолога (1255–1282). – 546 с.
3. Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом. Диалог с иудеем и другие сочинения / Иоанн Кантакузин; предисл., пер. с греч. и комм. Г. М. Прохорова. – СПб.: Алетейя, 1997. – 317 с.
4. Леонтий Махера и его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр» / Леонтий Махера; пер. с кипрского диалекта среднегреческого яз., вступ. ст. и комм. С. В. Близнюк. – М.: Academia, 2018. – 500 с.
5. Мазарис // Византийский сатирический диалог / изд. подгот. С. В. Полякова, И. В. Феленковская; отв. ред. Я. Н. Любарский. – СПб.: Наука, 1986. – С. 72–128.
6. Тимарион // Византийский сатирический диалог / изд. подгот. С. В. Полякова, И. В. Феленковская; отв. ред. Я. Н. Любарский. – СПб.: Наука, 1986. – С. 24–71.
7. Шесть писем Исидора Киевского // Счастнев П. Исидор, митрополит Московский и всея Руси: студенческая работа / П. Счастнев; МДА. – Сергиев Посад, 1916 / Отдел рукописей РГБ. – Ф. 172 (МДА). – Картон № 409. Ед. хр. 1). – Л. 79–87 об.
8. Actes relatifs a la Principauté de Morée, 1289–1300 / publiés par C. Perrat, J. Longnon. – Paris: Bibliothèque nationale, 1967. – 243 p.
9. Anecdota Græca e Codicibus Regiis / ed. F. Boissonade. – Paris: Excusum in Regio Typographeo Regis Permissu, 1831. – Vol. 3. – 494 p.

10. Buchon J. A. Recherches Historiques sur la Principauté Française de Morée et Ses Hautes Baronies / J. A. Buchon; Paris: Librairie de J. Renouard et cie, 1845. – Vol. 2. – 530 p.
11. Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la Conquête de la Princée de l'Amorée / publ. par J. Longnon. – Paris: Librairie de la Société de l'Histoire de France / Librairie Renouard Successeur, 1911. – 405 p.
12. Cronaca dei Tocco di Cefalonia di anonimo / ed. J. Schirò. – Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 1975. – 610 p.
13. Crusaders as Conquerors: The Chronicle of Morea / ed. H. Lurier. – New York: Columbia University Press, 1964. – 346 p.
14. Demetrios Kydones. Briefe / Demetrios Kydones; Übersetzt und erläutert von F. Tinnefeld. – Stuttgart: Anton Hiersemann, 1981–2003. – Bd. 1. – 299 s. – Bd. 2. – 682 s. – Bd. 3. – 250 s. – Bd. 4. – 350 s.
15. Demetrius Cydones, Correspondence / Demetrius Cydones; ed. R.-J. Loenertz. – Vatican: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1956–1960. – Vol. 1. – 220 p. – Vol. 2. – 496 p.
16. Die Register Innocenz' III: Texte und Indices / Innocenz' III; Hrsg. A. Gottsmann, T. Winkelbauer. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2014. – Bd. 13: Jahrgang (1210/1211). – 363 s.
17. Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata: euristica e critica documentaria per gli oculi capitals Communes Veneciarum (secoli XIV e XV) / ed. A. Nanetti; Athens: National Hellenic Research Foundation, 1999–2007. – Vol 1. – 440 p. – Vol. 2. – 580 p.
18. Documents sur le régime des terres dans la principaute de Morée au XIVE siècle / ed. par J. Longnon, P. Topping. – Paris: Mouton&Co La Haye, 1969. – 326 p.
19. Emmanuelis Raoul Epistolae XII / Emmanuelis Raoul; ed. R.-J. Loenertz // Ἐπετηρίδες – Εταιρεία Βυζαντινῶν Σπουδῶν. – 1956. – Vol. 26. – P. 130–163.

20. Feudal Institutions as Revealed in the Assizes of Romania: the Law Code of Frankish Greece / transl. and comment. P. W. Topping. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1949. – 192 p.
21. Geoffroi de Villehardouin. La Conquête De Constantinople avec la continuation de Henri de Valenciennes / Geoffroi de Villehardouin; Henri de Valenciennes; Éd. M. Natalis de Wailly. – Paris: Hachette, 1872. – 287 p.
22. Georgius Phrantza Annales / Georgius Phrantza; ed. E. Bekker. – Bonn: Impensis ed. Weberi, 1838. – 453 p.
23. Georges Pachymérès. Relations Historiques / Georges Pachymérès; ed. A. Failler, V. Laurent. – Paris: Les Belles Lettres, 1984–1999. – Vol. 1. – 325 p. – Vol. 2. – 667 p. – Vol. 3. – 305 p. – Vol. 4. – 727 p.
24. Georgii Acropolitae. Opera / Georgii Acropolitae; rec. A. Heisenberg, ed. corr. P. Wirth. – Stuttgart: B.G. Teubner, 1978. – 366 s.
25. Ioannis Cantacuzeni Historiarum Libri IV / Ioannis Cantacuzeni; ed. L. Schopen, E. Bekker. – Bonn: Impensis ed. Weberi, 1828–1832. – Vol. 1. – 560 s. – Vol. 2. – 615 s. – Vol. 3. – 616 s.
26. La Crónica de Morea / est., text. y trad. J. M. Egea. – Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1996. – 545 p.
27. Les Assises de Romanie. Édition critique avec une introduction et des notes / ed. par G. Recoura. – Paris: Champion, 1930. – 350 p.
28. Letters of Gregory Akindynos / Gregory Akindynos; ed. A. Constantinides-Hero. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1983. – 465 p.
29. Libro de los Féchos et Conquistas del Principado de la Morea. Chronique de Morée aux XIIIe et XIVE siècles / publ. et trad. par A. Morel-Fatio. – Genève: Société de l'Orient latin, 1885. – 177 p.
30. Manuel II Palaiologos. Funeral Oration on His Brother Theodore / Manuel II Palaiologos; introd., text, transl. and notes by J. Chrysostomides. – Thessalonike: Association for Byzantine Research, 1985. – 310 p.

31. Marino Sanudo Torsello. *The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross* / Marino Sanudo Torsello; ed. and transl. by P. Lock. – Farnham: Ashgate, 2011. – 475 p.
32. McLaughlin B. S. *An Annotated Translation of John Kantakouzenos' Histories, Book III, Chapters 1–30.* – Doctoral Thesis. – Royal Holloway, University of London, 2017. – 491 p.
33. *Monumenta Peloponnesiaca. Documents for the History of the Peloponnese in 14th and 15th centuries* / ed. J. Chrysostomides. – Camberley (Surrey): Porphyrogenitus, 1995. – 664 p.
34. Nicephorus Gregoras *Rhomäische Geschichte (Historia Rhomaïke)* / Nicephorus Gregoras; Übersetzt und erläutert von J. L. van Dieten. – Stuttgart: Hiersemann, 1973–2007. – Bd. 1. – 219 s. – Bd. 2. – 441 s. – Bd. 3. – 438 s. – Bd. 4. – 369 s. – Bd. 5. – 469 s. – Bd. 6. – 214 s.
35. Nikephori Gregorae. *Historia Byzantina* / Nikephori Gregorae; ed. L. Schopen; E. Bekker. – Bonn: Impensis ed. Weberi, 1829–1855. – Vol. 1 – 568 s. – Vol. 2. – 824 s. – Vol. 3. – 586 s.
36. Ramon Muntaner. *The Chronicle* / Ramon Muntaner; transl. A. Goodenough. – Farnham: Ashgate, 2010. – 759 p.
37. *Régestes des Délibérations du Sénat de Venise Concernant la Romanie* / ed. Fr. Thiriet. – Paris: Mouton&Co La Haye, 1958. – Vol. 1. – 247 p.
38. *Registrum Patriarchatus Constantinopolitani* / ed. H. Hunger, O. Kresten. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. – Bd. 1. – 624 s.
39. *The Chronicle of Morea, Τὸ Χρονικὸν τοῦ Μορέως: A History in Political Verse, Relating the Establishment of Feudalism in Greece by the Franks in the Thirteenth Century* / ed. J. Schmitt. – London: Methuen & Co, 1904. – 640 p.
40. *The Letters of Manuel II Palaeologus* / Manuel II Palaeologus; ed. and transl. by G. T. Dennis. – Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1977. – 252 p.

41. The Old French Chronicle of Morea: an account of Frankish Greece after the Fourth Crusade / ed. A. Van Arsdall, H. Moody. – London: Ashgate, 2018. – 258 p.
42. Vita Caroli Zeni auctore Jacobo Zeno // Rerum italicarum scriptores (XIX, 6) Jacobo Zeno; ed. L. A. Muratori, re-ed. G. Zonta. Bologna: Nicola Zanichelli, 1940. – 167 p.
43. Λαμπρος Σ. Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακὰ. – Αθῆνα, 1912–1930. – Τ. I–IV.

Литература

44. Акишин С. Ю. Митрополит Исидор Киевский (1385/1390–1463) / С. Ю. Акишин. – Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2018. – 320 с.
45. Арутюнова-Фиданян В. А. Армения и Византия (VI–XI вв.): контактные зоны в развитии цивилизаций / В. А. Арутюнова-Фиданян. – М.: Квадрига, 2022. – 452 с.
46. Белоруссова Т. Е. Греко-венецианские противоречия в Морее в XIV в. / Т. Е. Белоруссова // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы V международной научной конференции (Севастополь, 2–6 июня 2021 г.) / Отв. ред. В. В. Лебединский; ред.-сост. Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина. – М.: ИВ РАН, 2021. – С. 40–42.
47. Белоруссова Т. Е. Греко-латинское сотрудничество на Пелопоннесе в условиях каталонской угрозы (1292—1321 гг.) / Т. Е. Белоруссова // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2020. – Т. 11. – Выпуск 4 (90). – [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840008956-0-1/> (дата обращения: 13.06.2020).
48. Белоруссова Т. Е. Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса после византийской реставрации 1262 г. /

- Т. Е. Белоруссова // Античная древность и средние века. – 2021. – Т. 49. – С. 240–253.
49. Белоруссова Т. Е. «Черная смерть» 1348 г. на Пелопоннесе и ее последствия для региона / Т. Е. Белоруссова // Мир и пандемии: трансформации, коммуникации, стратегии: материалы Всерос. науч. конф. студентов-стипендиатов Оксфорд. Рос. фонда. – Екатеринбург, 25 ноября 2020 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – С. 11–13.
50. Белоруссова Т. Е. Эволюция военно-политического сотрудничества греков и франков на Пелопоннесе в 1340–1370-е гг. / Т. Е. Белоруссова // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 23. – № 2. – С. 45–58.
51. Бибииков М. В. Вопросы земельного права и налогообложения в Византии / М. В. Бибииков // Древнее право – *Ius Antiquum*. – 2016. – Т. 33. – № 1. – С. 112–123.
52. Бибииков М. В. Историческая литература Византии / М. В. Бибииков. – СПб.: Алетейя, 1998. – 317 с.
53. Близнюк С. В. Крестоносное движение в позднее Средневековье и раннее Новое время / С. В. Близнюк // Античная древность и средние века. – 2022. – Т. 50. – С. 410–420.
54. Близнюк С. В. Греко-латинское взаимодействие на Кипре в XIII–XV в. / С. В. Близнюк // Византия: Кумуляция и трансляция культур. Тезисы докладов IX научных Сюзюмовских чтений (24–27 августа 1997 г.). – Екатеринбург, 1997. – С. 7–9.
55. Близнюк С. В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. / С. В. Близнюк. – Москва: Academia, 2016. – 832 с.
56. Близнюк С. В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов / С. В. Близнюк. – СПб.: Алетейя, 2014. – 278 с.
57. Васильев А. А. Славяне в Греции / А. А. Васильев // Византийский временник. – 1898. – Т. 5. – С. 404–438.

58. Виноградов А. Ю. Византийская архитектура: 15 лекций для проекта Магистерия / А. Ю. Виноградов. – М.: Rosebud Publishing, 2022. – 360 с.
59. Денисов С. А. Политическая элита Эпирского царства в 1205–1261 гг. / С. А. Денисов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 398 с.
60. Еманов А. Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV вв. / А. Г. Еманов. – СПб.: Алетейя, 2018. – 368 с.
61. Жаворонков П. И. Некоторые аспекты мировоззрения Георгия Акрополита / П. И. Жаворонков // Византийский временник. – 1986. – Т. 47 (72). – С. 125–133.
62. Жаворонков П. И. Никейская империя и французское рыцарство (Ансо де Кайо и Ансо де Туси) / П. И. Жаворонков // Византийский временник. – 2000. – Т. 59 (84). – С. 79–85.
63. Жигалова Н. Э. Битвы за Ахайю: военно-политическая ситуация на Пелопоннесе в 1420-е гг. / Н. Э. Жигалова // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2020. – Т. 11. – Вып. 4 (90) – [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840009229-0-1/> (дата обращения: 01.09.2020).
64. Каждан А. П. Никита Хониат и его время / А. П. Каждан. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 544 с.
65. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сеня / И. П. Басалаева, Э. Л. Дубман, В. И. Мильчев, Ю. А. Мизис, Д. В. Сень, А. Т. Урушадзе, М. Ходарковский // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2020. – № 1(27). – С. 81–105.
66. Карпов С. П. Латинская Романия / С. П. Карпов. – СПб.: Алетейя, 2000. – 256 с.
67. Карпов С. П. Следственное дело консула венецианской Таны Даниэля Лоредана (1412) / С. П. Карпов // Причерноморье в Средние века. – 2011. – Вып. 8. – С. 12–138.

68. Колотова О. Е. Византийские флот и пиратство при императоре Михаиле VIII Палеологе (1261–1282) / О. Е. Колотова // Античная древность и средние века. – 2011. – Вып. 40. – С. 302–312.
69. Крупенкин Е. Н. Концепция фронта в современной отечественной литературе: эвристические возможности и пределы применения / Е. Н. Крупенкин // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 1. – С. 87–93.
70. Куц Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии / Т. В. Куц. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 456 с.
71. Куц Т. В. Пираты Эгейского моря: морской разбой в Восточном Средиземноморье XV века / Т. В. Куц // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24. – № 6. – С. 245–254.
72. Куц Т. В. Судьба утраченных территорий: взгляд византийского императора Мануила II Палеолога / Т. В. Куц // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4, История, Регионоведение, Международные отношения. – 2018. – Т. 23. – №5. – С. 147–156.
73. Куц Т. В. Чума в Поздней Византии / Т. В. Куц // Византийский временник. – 2008. – Т. 67. – С. 38–56.
74. Литаврин Г. Г. Проблема симбиоза в латинских государствах, образованных на территории Византии (феномены социальные и экономические, 1204–1261 гг.) // Г. Г. Литаврин. – Византия и славяне. – СПб.: Алетейя, 1999. – С.167–179.
75. Лучицкая С. И. Крестовые походы: идея и реальность / С. И. Лучицкая. – СПб.: Наука, 2019. – 389 с.
76. Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов / С. И. Лучицкая. – СПб.: Алетейя, 2001. – 412 с.

77. Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. / И. П. Медведев. – СПб.: Алетейя, 1997. – 340 с.
78. Медведев И. П. К вопросу о социальной терминологии Морейской хроники / И. П. Медведев // Византийские очерки: труды советских ученых к XV международному конгрессу византинистов. – М.: Наука, 1977. – С. 138–148.
79. Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города / И. П. Медведев. – СПб.: Наука, 1973. – 163 с.
80. Медведев И. П. Право в эпоху латинского владычества / И. П. Медведев // Культура Византии XIII – первая половина XV в. / отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М.: Наука, 1991. – С. 188–200.
81. Медведев И. П. Речь Георгия Гемиста Плифона на похоронах Клеопы Малатесты / И. П. Медведев // ПОЛЕМОЛОГОΣ: сборник статей памяти профессора В. В. Кучмы / сост. и общ. ред. Н. Д. Барабанова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 198–206.
82. Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов. Три очерка. Изд. второе, исправл. и дополн. / М. А. Поляковская. – СПб.: Алетейя, 1998. – 352 с.
83. Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти» / М. А. Поляковская. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 334 с.
84. Пржегорлинский А. Византийская церковь на рубеже XIII–XIV вв. Деятельность и наследие св. Феолипта, митрополита Филалельфийского / А. Пржегорлинский. – СПб.: Алетейя, 2011. – 240 с.
85. Рязанов П. А. Гексамиллион и проблема защиты Пелопоннеса от турок в византийской политике конца XIV – первой половины XV века / П. А. Рязанов // Средние века. – 2022. – Вып. 83. – № 1. – С. 137–163.

86. Соколов Н. П. Венеция и первые князья Морей / Н. П. Соколов // Античная древность и средние века. – 1973. – Вып. 10. – С. 151–157.
87. Сюзюмов М. Я. Рец. на кн.: Х. П. Συμεωνίδης. Οι Τζάκωνες και η Τζακωνία. Θεσσαλονίκη, 1972, 188 σελ / М. Я. Сюзюмов // Византийский временник. – 1974. – Т. 36. – С. 210–212.
88. Удальцова З. В. Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания / З. В. Удальцова // Средние века. – 1951. – Вып. 3. – С. 161–179.
89. Фонкич Б. Л. Заметки о греческих рукописях советских хранилищ / Б. Л. Фонкич // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. – СПб.: АН СССР, 1981. – С. 11–27.
90. Фролов Д. Л. Ромейское общество в период «франкократии»: структура и социальные отношения / Д. Л. Фролов. – Дис. ... канд. ист. наук: 5.6.2 / Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. – Ярославль, 2022. – 334 с.
91. Фролов Д. Л. Термин «ἄρχων» в «Морейской хронике» и «Ассизах Романии» / Д. Л. Фролов // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. – Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 2. – С. 38–41.
92. Хвальков Е. А. Текст византийско-венецианского договора 1265 г. / Е. А. Хвальков // Античная древность и средние века. – 2014. – Вып. 42. – С. 236–246.
93. Ченцова В. Г. К вопросу о титуле «деспот» в Морее. (Интерпретация фрагмента из «Истории» Георгия Пахимера) / В. Г. Ченцова // Господствующий класс феодальной Европы. – М.: ИВИ АН СССР, 1989. – С. 26–38.
94. Шукуров Р. М. Зона контакта: проблемы межцивилизационных отношений в современной византинистике / Р. М. Шукуров // Византийский временник. – 1999. – Т. 59. – С. 258–268.

95. Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461) / Р. М. Шукуров. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – 631 с.
96. Allsen M. J. Intertextuality and Compositional Process in Two Cantilena Motets by Hugo de Lantins / M. J. Allsen // *The Journal of Musicology*. – 1993. – Vol. 11. – № 2. – P. 174–202.
97. Andrews K. Castles of the Morea / K. Andrews. – Amsterdam: A.M. Hakkert, 1978. – 274 p.
98. Angold M. After the Fourth Crusade: the Greek Rump States and the Recovery of Byzantium / M. Angold // *The Cambridge History of the Byzantine Empire, c. 500–1492* / ed. J. Shepard. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 731–758.
99. Angold M. Archons and Dynasts: Local Aristocracies and the cities of the Later Byzantine Empire / M. Angold // *The Byzantine Aristocracy IX to XIII Centuries* / ed. M. Angold. – Oxford: B.A.R. International Series, 1984. – P. 236–253.
100. Angold M. Greeks and Latins after 1204: The Perspective of Exile / M. Angold // *Mediterranean Historical Review*. – 1989. – Vol. 4. – Iss. 1. – P. 63–86.
101. Angold M. Michael VIII Palaiologus and the Aegean / M. Angold // *Liquid and Multiple. Individuals and Identities in the Thirteenth-century Aegean* / ed. G. Saint-Guillain, D. Stathakopoulos. – Paris: l'Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2012. – P. 27–44.
102. Armstrong P. The Survey Area in the Byzantine and Ottoman Periods / P. Armstrong // *Continuity and Change in a Greek Rural Landscape: the Laconia Survey* / ed. W. Cavanagh, J. Crouwel, R. W. V. Catling, G. Shipley. – London: British School of Athens, 2002. – Vol. 1. – P. 339–402.
103. Athansoulis D. The Triangle of Power Building Projects in the Metropolitan Area of the Crusader Principality of the Morea /

- D. Athansoulis // Viewing the Morea Land and People in the Late Medieval Peloponnese / ed. Sh. E. Gerstel. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2009. – P. 111–151.
104. Balard M. Latins in the Aegean and the Balkans (1300–1400) / M. Balard // The Cambridge History of the Byzantine Empire, ca. 500–1492 / ed. J. Shepard. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 834–851.
105. Balard M. Les latins en Orient (XIe–XVe siècle) / M. Balard. – Paris: Presses universitaires de France, 2006. – 408 p.
106. Barker J. W. The Problem of Appanages During the Palaiologan Period / J. W. Barker // Byzantina. – 1973. – T. 3. – P. 105–122.
107. Bartusis M. C. The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453 / M. C. Bartusis. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997. – 438 p.
108. Beihammer A. D. A Transcultural Formula of Rule: The Byzantine-Frankish Discourse on the Formation / A. D. Beihammer // Union in Separation: Diasporic Groups and Identities in the Eastern Mediterranean (1100–1800) / ed. G. Christ, F.-J. Morche, R. Zaugg, W. Kaiser, S. Burkhardt, A. D. Beihammer. – Roma: Viella, 2015. – P. 435–452.
109. Berend N. Medievalists and the Notion of the Frontier / N. Berend // The Medieval History Journal. – 1999. – Vol. 2. – P. 55–72.
110. Bon A. La Morée franque: recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe (1205–1430) / A. Bon. – Paris: E. de Boccard, 1969. – 746 p.
111. Brendan O. The Ethnic Composition of Medieval Epirus / O. Brendan // Imagining Frontiers Contesting Identities / ed. S. G. Ellis, L. Klusáková. – Pisa: Edizioni Plus; Pisa University Press, 2007. – P. 125–154.
112. Buchon J. A. Recherches Historiques sur la Principauté Française de Morée et Ses Hautes Baronies / J. A. Buchon. – Paris: J. Renouard et cie, 1845. – Vol. 1. – 529 p.

113. Carile A. *La Rendita Feudale nella Morea Latina del XIV secolo* / A. Carile. – Bologna: Pàtron editore, 1974. – 236 p.
114. Carr M. *Merchant Crusaders in the Aegean, 1291–1352* / M. Carr. – Woodbridge; Suffolk: Boydell & Brewer, 2015. – 214 p.
115. Carr M. *Motivations and Response to Crusades in the Aegean: c.1300–1350* / M. Carr. – Doctoral Thesis. – Royal Holloway, University of London, 2011. – 285 p.
116. Chrysostomides J. *An Unpublished Letter of Nerio Acciaiuolli (30 October 1384)* / J. Chrysostomides // *Byzantina*. – 1975. – Vol. 7. – P. 113–128.
117. Chrysostomides J. *Merchant versus Nobles: a Sensational Court Case in the Peloponnese (1391–1404)* / J. Chrysostomides // *Byzantium and Venice, 1204–1453: Collected Studies* / ed. M. Heslop, Ch. Dendrinos. – Farnham: Ashgate; Variorum, 2011. – 116–134.
118. Chrysostomides J. *Symbiosis in the Peloponnese in the aftermath of the Fourth Crusade* / J. Chrysostomides // *Byzantium and Venice, 1204–1453: Collected Studies* / ed. M. Heslop, Ch. Dendrinos. – Farnham: Ashgate; Variorum, 2011. – P. 155–167.
119. Coureas N. *The Latin and Greek Churches in the Greek Territories under Latin Rule* / N. Coureas // *A Companion to Latin Greece* / ed. N. Tsougarakis. – Leiden; Boston: Brill, 2014. – P. 145–184.
120. Dennis G. T. *Byzantium and the Franks: 1350–1420* / G. T. Dennis. – London: Variorum Reprints, 1982. – 320 p.
121. Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis zu 1453* / F. Dölger. – München, Berlin: R. Oldenbourg, 1932–1960. – T. 3: Regesten von 1204–1282. – 78 s. – T. 4: Regesten von 1282–1341. – 165 s.
122. Dourou-Eliopoulou M. *The Image of the “Greek” and the Reality of Greco-Latin Interaction in Romania, according to 13th and 14th-century Latin Sources* / M. Dourou-Eliopoulou // *Byzantium and the West*.

- Perception and Reality (11th–15th c.) / ed. N. G. Chrissis, A. Kolia-Dermizaki, A. Papageorgiou. – London; New York: Routledge, 2020. – P. 220–229.
123. Eszer A. K. Das abenteuerliche Leben des Johannes Laskaris Kalopheros. Forschungen zur Geschichte der ost-westlichen Beziehungen im XIV Jh. / A. K. Eszer. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1969. – 269 s.
124. *Frontiers in Question: Eurasian Borderlands, 700–1700* / ed. D. Power, N. Standen. – Basingstoke, Hampshire: Macmillan; New York: St. Martin's Press, 1999. – 293 p.
125. Gasparis Ch. *Byzantine Families in Venetian Context: The Gavalas and Ialinas Families in Venetian Crete (XIIIth–XIVth centuries)* / Ch. Gasparis. – Athens: National Hellenic Research Foundation, 2019. – 131 p.
126. Gasparis Ch. *Land and Landowners in the Greek Territories under Latin Dominion, 13th–14th Centuries* / Ch. Gasparis // *A Companion to Latin Greece* / ed. N. Tsougarakis. – Leiden; Boston: Brill, 2014. – P. 73–113.
127. Geanakoplos D. J. *Byzantium: Church, Society, and Civilization Seen through Contemporary Eyes* / D. J. Geanakoplos. – Chicago: University of Chicago Press, 2006. – 485 p.
128. Geanakoplos D. J. *Greco-Latin Relations on the Eve of the Byzantine Restoration: the Battle of Pelagonia* / D. J. Geanakoplos // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1953. – № 7. – P. 99–142.
129. Geanakoplos D. J. *Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282: A Study in Byzantine-Latin Relations* / D. J. Geanakoplos. – Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 1959. – 434 p.
130. Gerland E. *Neue Quellen zur Geschichte des Lateinischen Erzbistums Patras* / E. Gerland. – Leipzig: Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1903. – Vol. 5. – 296 p.
131. Gerstel Sh., Kappas M. *Between East and West: Locating Monumental Painting from the Peloponnese* / Sh. Gerstel, M. Kappas // *Cross-Cultural Interaction Between Byzantium and West, 1204–1669*. Whose

- Mediterranean Is It Anyway? / ed. A. Lymberopoulou. – London; New York: Routledge; Milton, 2018. – P. 175–202.
132. Gill J. John VI Cantacuzenus and the Turks / J. Gill // *Byzantina*. – 1985. – Vol. 13. – № 1. – P. 55–76.
133. Gilles E. J. «Nova Francia»? Kinship and Identity among the Frankish Aristocracy in Conquered Byzantium, 1204–1282 / E. J. Gilles. – PhD Dissertation. – Princeton University, 2010. – 362 p.
134. Glykatzi-Ahrweiler H. Une Mention Méconnue des Mélingues du Taygète / H. Glykatzi-Ahrweiler // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. – 1962. – Vol. 86. – № 1. – P. 1–10.
135. Guérin M. Les dames de la Morée franque (XIIIe–XVe siècle): Représentation, rôle et pouvoir des femmes de l'élite latine en Grèce medievale / M. Guérin. – Thèse de doctorat. Histoire. – Université Paris-Sorbonne, 2014. – 545 p.
136. Guillard R. Recherches sur l'Histoire Administrative de l'Empire Byzantin: Le Despote, δεσπότης / R. Guillard // *Revue des études Byzantines*. – 1959. – Vol. 17. – P. 55–89.
137. Hodgetts C. Land Problems in Coron: 1298–1347: A Contribution on Venetian Colonial Rule / C. Hodgetts // *Byzantina*. – 1983. – Vol. 12. – P. 137–157.
138. Hodgetts C. Venetian Officials and Greek Peasantry in the Fourteenth Century / C. Hodgetts // *ΚΑΘΗΓΗΤΡΙΑ: Essays presented to Joan Hussey for her 80th Birthday*. – Camberley (Surrey): Porphyrogenitus, 1989. – P. 481–499.
139. Hopf C. Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit / C. Hopf / ed. J. S. Ersch, J. G. Gruber. – Leipzig: Brockhaus, 1867–1868. – Vol. 1(85). – 438 s. – Vol. 2 (86). – 512 s.
140. Housley N. Frontier Societies and Crusading in the Late Middle Ages / N. Housley // *Mediterranean Historical Review*. – 1995. – Vol. 10. – Iss. 1–2. – P. 104–119.

141. Ilieva A. Frankish Morea 1205–1262. Socio-Cultural Interaction Between the Franks and Local Population / A. Ilieva. Athens: Historical Publications St. D. Basilopoulos, 1991. – 309 p.
142. Jacoby D. From Byzantium to Latin Romania. Continuity and Change / D. Jacoby // *Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204* / ed. B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. – London: Frank Cass, 1989. – P. 1–44.
143. Jacoby D. La «Compagnie catalane» et l'Etat catalan de Grèce: quelques aspects de leur histoire / D. Jacoby // *Journal des Savants*. – 1966. – P. 78–103.
144. Jacoby D. La féodalité en Grèce médiévale: les «Assises de Romanie», sources, application et diffusion / D. Jacoby. – Paris: Mouton & Co; La Haye, 1971. – 358 p.
145. Jacoby D. Peasant Mobility across the Venetian, Frankish and Byzantine Borders in Latin Romania, Thirteenth-Fifteenth Centuries / D. Jacoby // *I Greci durante la venetocrazia: Uomini, spazio, idee (XIII–XVIII sec.)*. – Atti del Convegno Internazionale di Studi. Venezia, 3–7 dicembre 2007. – P. 523–537.
146. Jacoby D. Recherches sur la Méditerranée orientale du XIIe au XVe siècle / D. Jacoby. – London: Variorum Reprints, 1979. – 384 p.
147. Jacoby D. The Economy of Latin Greece / D. Jacoby // *A Companion to Latin Greece* / ed. N. Tsougarakis. – Leiden; Boston: Brill, 2014. – P. 185–216.
148. Jacoby D. The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade / D. Jacoby // *The American Historical Review*. – 1973. – Vol. 78. – № 4. – P. 783–906.
149. Jacoby D. The Jewish Communities in the Social Fabric of Latin Greece: Segregation and Interaction / D. Jacoby // *A Companion to Latin Greece* / ed. N. Tsougarakis. – Leiden; Boston: Brill, 2014. – P. 255–287.

150. Jacoby D. Un régime de Coseigneurie Gréco-Franque en Morée: Les «Casaux de Parçon» / D. Jacoby // *Mélanges d'Archéologie et d'Histoire*. – 1963. – T. 75. – № 1. – P.111–125.
151. Kaldellis A. *Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition* / A. Kaldellis. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 468 p.
152. Kaldellis A. *The Social Scope of Roman Identity in Byzantium: An Evidence-Based Approach* / A. Kaldellis // *BYZANTINA SYMMEIKTA*. – 2017. – № 27. – P. 334–388.
153. Kalligas H. *Byzantine Monemvasia. The Sources* / H. Kalligas. – Monemvasia: Akroneon, 1990. – 292 p.
154. Kalligas H. *Monemvasia: a Byzantine City State* / H. Kalligas. – London: Routledge, 2013. – 210 p.
155. Kalligas H. *The Miniatures in the Chrysobulls of Andronikos II for Monemvasia* / H. Kalligas // *Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников* / Отв. ред. Р. М. Шукуров. – М.: «Индрик», 2009. – P. 365–378.
156. Kolbaba T. M. *The Patriarchate and the Western Church to 1204* / T M. Kolbaba // *A Companion to the Patriarchate of Constantinople* / ed. Ch. Gastgeber, E. Mitsiou, J. Preiser-Kapeller, V. Zervan. – Leiden; Boston: Brill, 2021. – P. 42–62.
157. Laiou A. E. *Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328* / A. E. Laiou. – Cambridge: Harvard University Press, 1972. – 390 p.
158. Laiou A. E. *Institutional Mechanisms of Integration* / A. E. Laiou // *Byzantium and the Other: Relations and Exchanges* / ed. C. Morrisson; R. Dorin. – Farnham; Burlington: Ashgate; Variorum, 2012. – P. 161–181.
159. Laiou A. E. *The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System: Thirteenth-Fifteenth Centuries* / A. E. Laiou // *Dumbarton Oaks Papers*. 1980/1981. – Vol. 34/35. – P. 177–222.

160. Laiou A. E. *The Papaiologoi and the World Around Them (1261–1400)* / A. E. Laiou // *The Cambridge History of the Byzantine Empire, ca. 500–1492* / ed. J. Shepard. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 803–833.
161. *Le monde Byzantin* / ed. A. Laiou, C. Morrisson. – Paris: Presses universitaires de France, 2011. – Vol. 3. Byzance et ses voisins, 1204–1453. – 494 p.
162. Lock P. *Sanudo, Turks, Greeks and Latins in the Early Fourteenth Century* / P. Lock // *Contact and Conflict in Frankish Greece and Aegean, 1204–1453* / ed. N. G. Chrissis, M. Carr. – London; New York: Routledge, 2014. – P. 135–149.
163. Lock P. *The Franks in the Aegean, 1204–1500* / P. Lock. – London; New York: Longman, 1995. – 400 p.
164. Lock P. *Castles and Seigneurial Influence in Latin Greece* / P. Lock // *From Clermont to Jerusalem: The Crusades and Crusader Societies 1095–1500* / ed. A. V. Murray. – Turnhout: Brepols, 1998. – P. 173–185.
165. Loenertz R.-J. *Byzantina et Franco-Graeca* / R.-J. Loenertz. – Rome: Edizioni di Storia e Letteratura, 1970–1978. – Vol. 1. – 632 p. – Vol. 2. – 451 p.
166. Loenertz R.-J. *Les Ghisi, dynastes vénitiens dans l'archipel (1207–1390)* / R.-J. Loenertz. – Venezia: L. S. Olschki, 1975. – 510 p.
167. Loenertz R.-J. *Pour la biographie de Jean Lascaris Calophéros (A propos de deux publications récentes)* / R.-J. Loenertz // *Revue des études byzantines*. – 1970. – Vol. 28. – P. 129–139.
168. Loenertz R.-J. *Pour l'histoire du Péloponnèse au XIVe siècle (1382–1404)* / R.-J. Loenertz // *Études byzantines*. – 1943. – T. 1. – P. 152–196.
169. Longnon J. *L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée* / J. Longnon. – Paris: Payot, 1949. – 363 p.
170. Longnon J. *Problèmes de l'histoire de la principauté de Morée* / J. Longnon // *Journal des savants*. – 1946. – Avril – Juin. – P. 77–93.

171. Lognon J. La renaissance de l'hellénisme dans le despotat de Morée / J. Longnon // *Journal des Savants*. – 1954. – Vol. 3. – P. 111–133.
172. Maniati-Kokkini T. Μιξοβάρβαροι and λίκιοι: Theory and practice regarding the integration of Westerners in Late Byzantine social and economic reality / T. Maniati-Kokkini // *Byzantium and the West: Perception and Reality (11th–15th c.)* / ed. N. G. Chrissis, A. Kolia-Dermizaki, A. Papageorgiou. – London; New York: Routledge, 2019. – P. 286–305.
173. Matschke K. P. Commerce, Trade, Markets, and Money, Thirteenth–Fifteenth Centuries / K. P. Matschke // *The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century* / ed. A. E. Laiou. – Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002. – Vol. 2. – P. 755–790.
174. Medieval Greece: Encounters Between Latins, Greeks and Others in Dodecanese and the Mani / ed. M. Heslop. – London; New York: Routledge, 2021. – 348 p.
175. Medieval Frontiers: Concepts and Practices / ed. D. Abulafia, N. Berend. – Aldershot: Ashgate, 2002. – 306 p.
176. Medieval Frontier Societies / ed. R. Bartlett, A. MacKay. – Oxford: Oxford University Press; New York: Clarendon Press, 1989. – 408 p.
177. Miller W. The Latins in the Levant, a History of Frankish Greece (1204–1566) / W. Miller. – New York: E. P. Dutton and Company, 1908. – 675 p.
178. Millet G. Inscriptions Inédites de Mistra / G. Millet // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. – 1906. – Vol. 30. – P. 453–466.
179. Moravcsik G. Byzantinoturcica. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker / G. Moravcsik. – Berlin: Akademie-Verlag, 1958. – Bd. 2. – 376 s.
180. Morfakidis M. Andrónico II et Roger de Flor: causas de su enfrentamiento / M. Morfakidis // *Erytheia: Revista de estudios bizantinos y neogriegos*. – 1987. – № 8. 1. – P. 17–31.

181. Nanetti A. Theseus and the Fourth Crusade: Outlining a Historical Investigation of a Cultural Problem / A. Nanetti // *Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников* / Отв. ред. Р. М. Шукуров. – М.: «Индрик», 2009. – P. 385–436.
182. Necipoğlu N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire / N. Necipoğlu. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 350 p.
183. Nicol D. M. Byzantium and Venice: a Study in Diplomatic and Cultural Relations / D. M. Nicol. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 425 p.
184. Nicol D. M. Mixed Marriages in Byzantium in the Thirteenth Century / D. M. Nicol // *Studies in Church History* / ed. C.W. Dugmore, C. Duggan. – London: Nelson, 1964. – Vol. 1: Papers Read at the First Winter and Summer Meetings of the Ecclesiastical History Society. – P. 160–172.
185. Nicol D. M. The Byzantine Family of Kantakouzenos, ca. 1100–1460. A Genealogical and Prosopographical Study / D. M. Nicol. – Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1968. – 265 p.
186. Nicol D. M. The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453 / D. M. Nicol. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 463 p.
187. Oikonomidès N. Hommes d'Affaires Grecs et Latins à Constantinople: XIIIe–XVe siècles / N. Oikonomidès. – Montréal: Institut d'études Médiévales Albert-le-Grand; Paris: J. Vrin, 1979. – 149 p.
188. Ortega I. Les Lignages nobiliaires dans la Morée Latine (XIIIe–XVe siècle), permanences et mutations / I. Ortega. – Turnhout: Brepols, 2012. – 704 p.
189. Page G. Being Byzantine. Greek Identity Before the Ottomans / G. Page. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 330 p.
190. Panayotopoulos V. Le peuplement du Péloponnèse: XIIIe–XVIIIe siècles / V. Panayotopoulos. – Thèse de 3e cycle. – Université de Paris–Sorbonne (Paris IV). – 1982. – 332 p.

191. Papadia-Lala M. *Society, Administration and Identities in Latin Greece* / M. Papadia-Lala // *A Companion to Latin Greece* / ed. N. Tsougarakis. – Leiden; Boston: Brill, 2014. – P. 114–144.
192. Papalexandrou A. *The Architectural Layering of History in the Medieval Morea Monuments, Memory, and Fragments of the Past* / A. Papalexandrou // *Viewing the Morea Land and People in the Late Medieval Peloponnese* / ed. Sh. E. Gerstel. – Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2009. – P. 23–54.
193. Parmeggiani A. *L'iconografia della nascita della Vergine: un modello di femminilità (Gli affreschi di Mistrà, XIV-XV secolo)* / A. Parmeggiani // *Studi di storia del cristianesimo. Per Alba Maria Orselli* / L. Canetti, M. Caroli, E. Morini, R. Savigni. – 2008. – № 16. – P. 269–281.
194. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* / erst. E. Trapp, R. Walther, H.-V. Beyer u. a. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976–1995. – Fasc. 1–12.
195. Ragkou K. *The Economic Centrality of Urban Centers in the Medieval Peloponnese: Late 11th – Mid 14th Centuries* / K. Ragkou // *Land*. – 2018. – Vol. 7 (4). – №. 153. – P. 1–23.
196. Rodrigues T. L. *The Old French Chronique de Moreé: Historiographic-Romance Narrative, the Greek Context, and Courtoisie* / T. L. Rodrigues. – PhD Dissertation. – Princeton University, 1996. – 489 p.
197. Runciman S. *Mistra. Byzantine capital of the Peloponnese* / S. Runciman. – London: Thames and Hudson, 1980. – 160 p.
198. Sansaridou-Hendrickx Th. *The World View of the Anonymous Author of the Greek Chronicle of the Tocco (14th–15th Centuries)* / Th. Sansaridou-Hendrickx. – PhD Dissertation. – Rand Afrikaans University, 2000. – 242 p.
199. Sampsonis F. *L'administration de la Morée par Charles Ier d'Anjou (1267-1285). L'apport majeur d'une source délicate: les registres angevins* / F. Sampsonis // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age*. – 2008. – T. 120. – №1. – P. 139–157.

200. Sampsonis F. La place de la Morée franque dans la politique de Charles Ier d'Anjou (1267–1285) / F. Sampsonis // *Revue des études byzantines*. – 2011. – T. 69. – P. 81–109.
201. Sanders G. D. R. William of Moerbeke's Church at Merbaka: The Use of Ancient Spolia to Make Personal and Political Statements / G. D. R. Sanders // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. – 2015. – Vol. 84. – № 3. P. 583–626.
202. Saranti-Mendelovici H. A propos de la ville de Patras aux 13e-15e siècles / H. Saranti-Mendelovici // *Revue des études byzantines*. – 1980. – T. 38. – P. 219–232.
203. Schabel Ch. Antelm the Nasty, first Latin Archbishop of Patras (1205 – ca. 1241) / Schabel Ch. // *Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000–1500: Aspects of Cross-cultural Communication* / ed. A. D. Beihammer, M. G. Parani, Ch. Schabel. – Boston; Leiden: Brill, 2008. – P. 93–137.
204. Setton K. M. Catalan Domination of Athens, 1311–1388 / K. M. Setton. – Cambridge: Mediaeval Academy of America, 1948. – 323 p.
205. Setton K. M. The Papacy and the Levant (1204–1571) / K. M. Setton. – Philadelphia: American Philosophical Society, 1976. – Vol. 1: The Thirteenth and Fourteenth Centuries. – 512 p.
206. Shawcross T. Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece / T. Shawcross. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 401 p.
207. Shea J. The Late Byzantine City: Social, Economic and Institutional Profile / J. Shea. – PhD Dissertation. – University of Birmingham, 2010. – 361 p.
208. Skartsis S. Chlemoutsi Castle (Clermont Castel Tornese), NW Peloponnese. Its pottery and its Relations with the West (13th – early 19th centuries) / S. Skartsis. – PhD Dissertation. – University of Birmingham, 2009. – 427 p.
209. Smarnakis I. Political Power, Space, and Identities in the State of Epiros (1205–1318) / I. Smarnakis // *The Routledge Handbook on Identity in*

- Byzantium / ed. M. E. Stewart, D. A. Parnell, C. Whately. – London; New York: Routledge, 2022. – P. 300–311.
210. Stancioiu C. Objects and Identity: An Analysis of Some Material Remains of the Latin and Orthodox Residents of Late Medieval Rhodes, Cyprus, and Crete / C. Stancioiu. – PhD Dissertation. – University of California, 2009. – 421 p.
211. The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A.P. Kazhdan. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1991. – 2232 p.
212. Thiriet F. Etudes la Romanie greco-venitienne (Xe–XVe siècles) / F. Thiriet. – London: Variorum, 1977. – 362 p.
213. Topping P. Co-existence of Greeks and Latins in Frankish Morea and Venetian Crete / P. Topping // XVe Congrès International d'études Byzantines. Rapports et co-rapports. – Athens: Association internationale d'études byzantines, 1976. – Vol. 1. – P. 3–23.
214. Topping P. The Morea (1311–1364); The Morea (1364–1460) / P. Topping // A History of the Crusades / ed. K.M. Setton, H.W. Hazzard. – Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1975. – Vol. 3: The Fourteen and Fifteen Centuries. – P. 104–140; – P. 141–166.
215. Treadgold W. A History of Byzantine State and Society / W. Treadgold. – Stanford, California: Stanford University Press, 1997. – 1020 p.
216. Tsougarakis N. I. The Latins in Greece: A Brief Introduction / N. I. Tsougarakis // A companion to Latin Greece / ed. N. I. Tsougarakis, P. Lock. – Boston; Leiden: Brill, 2014. – P. 1–22.
217. Tsougarakis N. I. The Latin Religious Orders in Medieval Greece, 1204–1500 / N. I. Tsougarakis. – Turnhout: Brepols, 2012. – 391 p.
218. Tzavara A. Clarentza: une ville de la la Morée latine, XIIIe–XVe siècles / A. Tzavara. – Venice: Institut hellénique d'etudes byzantines et post-byzantines de Venise, 2008. – 357 p.

219. Von Löhneysen W. F. *Mistra: Griechenlands Schicksal im Mittelalter. Morea unter Franken, Byzantinern und Osmanen* / W. F. Von Löhneysen. – München: Prestel, 1977. – 498 s.
220. Vranoussi E. L. *Deux documents byzantins inédits sur la présence albanaise dans le Péloponnèse au XVe siècle* / E. L. Vranoussi // *Οι Άλβανοί στο Μεσσηνία: International Congress* / ed. Ch. Gasparis. – Athens: National Hellenic Research Foundation, 1998. – P. 293–305.
221. Zachariadou E. *Holy War in the Aegean during the Fourteenth Century* / E. Zachariadou // *Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean After 1204* / ed. by B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. – London: Frank Cass, 1989. – P. 212–225.
222. Zakythinos D. A. *Le Despotat Grec de Morée* / D. A. Zakythinos. – Paris: Les Belles Lettres, 1932. – Vol. 1. Histoire politique. – 334 p.
223. Zakythinos D. A. *Le Despotat Grec de Morée* / D. A. Zakythinos. – Athenes: l'Hellénisme Contemporain, 1953. – Vol. 2. Vie et Institutions. – 408 p.
224. Zečević N. *The Tocco of the Greek Realm: Nobility, Power and Migration in Latin Greece (14th-15th centuries)* / N. Zečević. – Belgrade: Makart, 2014. – 224 p.

Просопография участников греко-латинского взаимодействия*I. Латиняне Ахайи (нобилитет)*

1. Андроник Асень Дзаккариа (*Andronikos Asen Zaccaria*, ум. в 1401) – сын Чентурионе I, барон Халандрицы, великий коннетабль Ахайи. Муж Екатерины ле Мор, барон Аркадии с 1388 г. В 1395 г. пленен ромеями вместе с Педро де Сан Супераном, выкуплен венецианцами.
2. Анжело Аччайуоли (*Angelo Acciaiuoli*, PLP. № 1607, ~1340–1408) – латинский архиепископ Патр (1365–1366/7), сторонник Филиппа II Тарентского против Гуго де Лузиньяна в междоусобной борьбе 1366 г.
3. Ансо де Туси (*Anselm de Toucy; Τουσί, Ἀσέλ δε*, PLP. № 29198, ум. в 1273) – сын балыи Латинской империи Наржо де Туси и дочери знатного грека Феодора Враны (имя неизвестно). Был родственником князя Гийома II. В 1259 г. пленен при Пелагонии. Знал греческий и турецкий языки (Chron. Gr. 5219–5239). Переманил отряд турецких наемников на сторону франков. В 1264 г. франки под его началом завоевали и разграбили Скорту и Аркадию. После 1267 г. Капитан флота Карла Анжуйского.
4. Бальтазар де Форба (*Balthazar de Forba*) – генуэзец, балыи Ахейского княжества в 1372 г., конфликтовал с архиепископом Патр и венецианскими территориями.
5. Бартоломео II Гизи (*Bartolomeo II Ghisi*, ум. в 1341) – один из венецианских триархов Эвбеи, великий коннетабль Ахейского княжества. Пленен греками в 1320 г. в битве у замка св. Георгия, отправлен в Константинополь. В 1325 г. участвовал в войне Иоанна де Гравины против греков Мистры.

6. Бенуа (*Benoit*), архиепископ Патр (1278/9) – был выбран баронами огласить их решение о несогласии присяге бальи после смерти Гийома II (Chron. Gr. 7840–7879).
7. Беньямин (*Benjamin*) – канцлер Ахейского княжества итальянского происхождения, в 1320 г. попал в плен в битве у замка св. Георгия, отправлен в Константинополь.
8. Бертран де Бо (*Bertrand des Vaux*) – бальи Екатерины де Валуа-Куртене (~1335) в Ахайе.
9. Бонифаций (*Bonifaces*) – сержант в замке св. Георгия, принял участие в диверсии Фотия и Анино (Chron. Fr. 805–813).
10. Вилен д'Онэ (*Vilain I d'Aulnay*, ум. в ~1269) – выходец из Шампани, маршал Латинской империи. Прибыл на Пелопоннес после потери латинянами Константинополя. Князь Гийом II пожаловал ему баронию Аркадия.
11. Галеран д'Иври (*Galeran d'Ivry*) – первый бальи Ахейского княжества после смерти Гийома II (1278). Князь Гийом утвердил его в этой должности до своей смерти. Хронист подчеркивал, что он был родом из Апулии и не собирался оставаться в Морее надолго (Chron. Gr. 6527–6545, 6546–6588, 6719–6762).
12. Ги I де ла Рош (*Guy I. de la Roche* / Ῥότζε, [Γυλιάμος] ντὲ λα, PLP. № 24399, 1205–1263) – герцог Афин (1225–1263). Имел разногласия с князем Гийомом II. Был категорически против передачи земель византийцам в 1261 г. (Chron. Gr. 4332–4376, Chron. Fr. 212).
13. Ги д'Энгьен (*Guy de Enghien*, ум. в 1387) – последний франкский сеньор Аргоса и Навплиона. В междоусобной войне в Ахайе (1366) вместе с Мануилом Кантакузином поддерживал Марию де Бурбон и Гуго де Лузиньяна.
14. Ги де Тремюй (*Guy de Tremouille* / Τρεμουλλάς, Γυῖς ντε, PLP. № 29248, ум. в ~1287) – барон Халандрицы, бальи и генерал-викарий Ахайи (1282–1285) (Chron. Gr. 8074–8107, Chron. Fr. 524, 526).

15. Ги де Шарпиньи (*Guis de Cherpeigny*, ум. в ~1295) – барон Востицы и бальи Ахайи, убитый по ошибке архонтом Фотием, принявшим его за своего обидчика Готье де Лидекерке ок. 1295 г. (Chron. Fr. 673–676).
16. Гийом II де Виллардуэн (*Guillaume de Villehardouin*; Γουλιέλμος, PLP. № 4359, ~1208–1278) – князь Ахайи (1246–1278), младший брат предыдущего князя Жоффруа II де Виллардуэна (1229–1246). В 1259–1262 находился в византийском плену; с 1261 г. великий domestik Византии, с 1267 – вассал Карла Анжуйского.
17. Гийом де ла Рош (*Guillaume de la Roche* / Ρότζε, Γυλιάμος ντὲ λα, PLP, № 24400, ум. в. 1287) – герцог Афин (1280–1287), был женат на Елене Ангелине Комнине, дочери греческого севастократора Фессалии (Chron. Gr. 7927–7959).
18. Гийом де Мёрбеке (*Guillelmus de Morbeka*, ум. в 1286) – латинский архиепископ Коринфа (1278–1285), знал греческий язык, инициировал строительство церкви Панагии в Мербаке.
19. Гийом де Талай (*Guillaume de Talay*) – кастелян Наварино (Пилоса), поддерживал Марию де Бурбон и Гуго де Лузиньяна в междоусобной войне 1366 г., призвал на помощь Ги д'Энгьена и Мануила Кантакузина (Chron. Arag. 697–698).
20. Гийом Франжипани (*Guillaume Frangipani*) – архиепископ Патр, бальи Ахейского княжества после отъезда Иоанна де Гравина (Chron. Arag. 657–659).
21. Готье II де Розье (*Gautier II de Rosteres*, ум. в ~1273) – барон Аковы, один из предводителей франков в войне с греками в начале 1270-х гг. Участвовал с князем во военных действиях в Италии (Chron. Gr. 6589–6633, 6853–6890).
22. Готье де Лидекерке (*Gautier de Lindequerque*) – сеньор Коринфа, близкий родственник князя Флориса, его конфликт с архонтом Фотием поставил под угрозу мир между греками и франками в конце XIII в. (Chron Fr. 663–670).

23. Готье де Лор (*Gautier de Lor*) – французский рыцарь, бальи Ахейского княжества, участник союза по обороне Пелопоннеса от турок в 1363/1364 гг. (Chron. Arag. 684–686).
24. Гуго де Лузиньян (*Hugues de Lusignan*, 1335–1385) – князь Галилеи, сын Марии де Бурбон, в 1366 г. безуспешно претендовал на титул князя Ахайи. Двоюродный брат Изабеллы – жены Мануила Кантакузина, деспины Мореи.
25. Джованни Аччайуоли – латинский архиепископ Патр (1360–1363).
26. Дре де Бомон (*Dreux de Beaumont*) – с 1272 г. бальи Ахейского княжества, участвовал в войне против греков Мистры (Chron. Gr. 6721–6731).
27. Екатерина де Валуа-Куртене (*Catherine de Valois-Courtenay*, 1302/03–1346) – княгиня-регент Ахайи (1332–1346), мать Роберта Тарентского.
28. Екатерина ле Мор (*Catherine le Maure*) – старшая дочь барона Аркадии Эрара III, жена следующего барона Андроника Асеня Дзаккарии.
29. Жак (*Jacques*) – епископ Олены, пленен греками в 1320 г. в битве у замка св. Георгия, однако позднее отпущен как представитель церкви. В 1321 г. был в числе баронов, предложивших присягу Венеции (Chron. Arag. 652–654).
30. Жак де Бо (*Jacques des Vaux*, 1354–1383) – князь Ахайи в 1380–1383.
31. Жаклин де ла Рош (*Jacqueline de la Roche*) – баронесса Велигости и Дамалы, с 1311 г. в браке с Мартино Дзаккариа, сеньором Хиоса.
32. Жан де Катав (*Jean de Catavas*, PLP. № 11404) – бальи князя Гийома II в 1260-е, руководил франками в битве у Принницы (1263) (Chron. Gr. 4821–4829).
33. Жан де Нивеле (*Jean de Nivelet*) – капитан крепости Никли, отвечал за ее защиту во время войны с греками в 1270-е (Chron. Gr. 6672–6718).
34. Жан де Сент-Омер (*Jean de St.-Omer* / *Ἰωάννης, Ντζά, Ντζία, Ντζάς*, PLP. № 24701) – супруг Маргариты из Пассавы, потомственный маршал Ахайи.

35. Жан де Шодерон (*Jean de Chauderon / Γεώργιος Ντζάς ντὲ*, PLP, № 29398, ум. в 1294) – великий коннетабль княжества (с 1277 г.), «цвет морейского рыцарства», советник князя Флориса. Ратовал за мир с греками. Вместе с Жоффруа д'Онэ был посланником князя к императору Андронику II с просьбой о мире на Пелопоннесе. Знал греческий. (Chron. Gr. 4492–4515, 6853–6890, 7750–7780, 8471–8507, 8644–8688, 8729–8769).
36. Жерар де Реми (*Girard de Remy*) – рыцарь Ахейского княжества, проживал в Нинице (Скорта). Во время ярмарки поссорился с греческим купцом Коркондилем, который в качестве мести спланировал передать грекам франкский замок св. Георгия (Chron. Fr. 803).
37. Жоффруа д'Онэ (*Geoffroy d'Aulnay / d'Aunois*) – барон Аркадии, вместе с Жаном Шодероном посланник Флориса к императору Андронику II с просьбой о мире на Пелопоннесе. Знал греческий (Chron. Gr. 8729–8769).
38. Жоффруа де Брюйер (младший) – племянник лорда Каритены, претендовал на его земли, захватил Аракловон в Скорте, хотел передать его грекам. Получил в наследство небольшое феодальное владение Морейна в качестве приданого своей жены Маргариты де Корс, которая была двоюродной сестрой лорда Аковы (Chron. Gr. 8108–8145).
39. Жоффруа де Брюйер / Бриэль (*Geoffroy / Geoffrey of Bruyères*) Владелец Каритены (1238–1275), племянник Гийома II. Находился в плену после поражения при Пелагонии (1259–1262). Сопровождал греков на Пелопоннес для сдачи Мистры, Монемвасии и Великой Майны (Chron. Gr. 4359–4376). Возвел в рыцари часть своих греческих вассалов (Chron. Arag. 331).

40. Жоффруа де Турне (*Geoffroy de Tournay*) – баннерет Карла Анжуйского в Морее. Вместе с Жаном Шодероном выступал советником Флориса в вопросе взаимоотношений с греками (Chron. Gr. 8471–8507).
41. Изабелла де Виллардуэн (*Isabella de Villehardouin / Ζαμπέα*, PLP № 6445, 1260/3–1312) – старшая дочь князя Гийома II, жена Карла II по договору в Витербо (1267), жена Флориса д’Эно и Филиппа Савойского, двух последующих князей.
42. Израил (*Israel*) – епископ венецианского Корона (1338–1341), вероятно, имел земли в Ахайе, посланник в 1341 г. к Кантакузину в Дидимотику.
43. Иоанн (Жан) де Гравина (*Jean de Gravina*) – князь Ахайи (1322–1332), предпринял неудачную попытку отвоевать земли у греков (1325).
44. Карл I Анжуйский (*Charles d'Anjou*, 1227–1285) – король Сицилии (1266–1282) и Неаполя (1282–1285). С 1267 г. сюзерен Ахейского княжества. После смерти Гийома II – князь Ахайи (1278–1285). Никогда не был на Пелопоннесе, но неоднократно отправлял туда отряды для войны с греками.
45. Карл II Анжуйский (*Charles II d'Anjou*, 1248–1309) – король Неаполя (1285–1309), князь Ахайи (1285–1289).
46. Карло Дзено (*Carlo Zeno*, PLP. № 27914, 1334–1418) – венецианец, руководил обороной Патр во время междоусобной войны 1366 г.
47. Конрад Спинола (*Conrad Spinola*) – адмирал Неаполитанского королевства, в 1317 г. отправлен в Ахайю сопротивляться наступлению ромеев.
48. Леонардо да Вероли (*Leonardo da Veroli, Λινάρδος*, PLP, №14952) – канцлер (логофет) Морей (1261–1281), не участвовал в битве при Пелагонии, присутствовал на «дамском» парламенте. Главный советник князя. Вероятнее всего, знал греческий, собрал библиотеку с греческими и латинскими рукописями (Chron. Gr. 4377–4405; 6719–6762; 7533–7578; Chron Fr. 292, 436, 488).

49. Людовик Бургундский (*Louis de Bourgogne*, ум. в 1316) – муж Матильды д'Эно, князь Ахайи (1313–1316). Впервые в истории княжества заключил военный союз с греками Мистры (Chron. Arag. 608).
50. Люси ле Мор (*Lucia Le Maure*) – дочь барона Аркадии и маршала Ахейского княжества Эрара III ле Мора (ум. в 1388), жена греческого аристократа Иоанна Ласкариса Калофера.
51. Майо (Матьё) де Великурт (*Mahieu de Véligourt*, PLP, № 2555, ум. в 1263) – барон Дамалы, за которого Михаил VIII в 1261 выдал Феодору, сестру Иоанна IV Ласкариса.
52. Маргарита де Виллардуэн (*Marguerite de Villehardouin*, 1266–1315) – младшая дочь князя Гийома II, он оставил ей в наследство две трети баронии Акова. Умерла в заточении на Пелопоннесе после нескольких неудачных попыток объявить себя княгиней ахейской.
53. Маргарита из Пассавы (де Нейи) (*Marguerite de Passavant / Μαργαρίτα*, PLP, №16836) – дочь и наследница Жана де Нейи, барона Аковы. Находилась в византийском плену в Константинополе вместо князя (1262–1270-е). Вероятно, за это время выучила греческий язык. По возвращении (ок. 1275) осталась без фамильных земель, т. к. ее отец умер, а срок предъявления прав на наследство вышел.
54. Мария д'Энгьен (*Marie d'Enghien*, ум. в ~1393) – наследница Ги, последнего франкского сеньора Аргоса и Навплиона. В 1377 г. вступила во владение и была выдана замуж за венецианца Пьетро Корнаро. После смерти мужа продала свои владения Венеции.
55. Мартино Дзаккариа (*Martino Zaccaria*, ум. в 1345) – барон Дамалы и Велигости (с 1311), супруг Жаклин де ла Рош. Последний латинский сеньор Хиоса.
56. Матильда д'Эно (*Mathilde de Hainaut*, 1293–1331) – дочь Изабеллы де Виллардуэн и Флориса д'Эно, княгиня Ахайи (1313–1318).

- 57.Нерио Аччайуоли (*Neri I Acciaiuoli*, ум. в 1394) – флорентиец, в 1360 г. получил в управление земли в Элиде, западной Скорте и Мессении. Герцог Афин (1385/8–1394).
- 58.Николай Аччайуоли (*Niccolò Acciaiuoli*, 1310–1365) – представитель знатного флорентийского рода, сенешаль Неаполитанского королевства. В 1338 г. прибыл на Пелопоннес вместе с Екатериной де Валуа-Куртене. Получил от нее ряд феодальных владений в Ахейском княжестве.
- 59.Николя II де Сент-Омер (*Nicolas II de St.-Omer*, ум. в 1294) – владетель половины Фив, представлял интересы Маргариты из Пассавы в суде по поводу баронства Акова. После смерти Гийома II взял в жены княгиню Агнес (Анну). Стал бальи и генерал-викарием (1287–1289) по приказу из Неаполя.
- 60.Паоло Фоскари (*Paolo Foscari*, ум. в 1394/6) – венецианский гражданин, архиепископ Патр (1375–1394/6). Продвигал интересы Венеции в Ахайе, был посредником при договоре Марии д'Энгьен с республикой.
- 61.Педро де Сан Суперан (*Pedro de San Superano*, ум. в 1402) – один из капитанов Наваррской компании, князь Ахайи (1396–1402), муж Марии Дзаккариа. В 1395 г. пленен ромеями, выкуплен в том же году (или в начале 1396) венецианцами.
- 62.Перен Кумэн (*Perrin Coumain*) – сержант на службе у Ансо де Туси, дал ему совет насчет места, где укрылись греки после Макри-Плаги (Chron. Gr. 5414–5439).
- 63.Посланники франков (двое, имена не названы) – направлены Флорисом в Мистру с предложением длительного мира (Chron. Gr. 8644–8688).
- 64.Пьер де Во (*Pierre de Vaux*) – один из мудрейших представителей знати в XIII в., советник князя. (Chron. Gr. 4377–4405, 4406–4416, 6301–6345).
- 65.Ренье де Парто (*Rénier*) – архиепископ Патр (1315), входил в число баронов, советовавших Людовику Бургундскому запросить военную помощь у греков (Chron. Arag. 587, 608).

- 66.Роже (*Roger*) – архиепископ Патр (1337–1347), сторонник союза с Византией в 1330-е гг.
- 67.Сестра Жана де Шодерона (имя неизвестно) –отправлена заложницей в Константинополь в 1261 г. (*Chron. Gr.* 4492–4515). Вероятно, была выдана замуж за византийского аристократа.
- 68.Симон де Видуан (*Simon de Vidoigne*) – капитан франкского отряда в Скорте. Его призвал на помощь кастелян Аракловона Филокал, когда замок захватил Жоффруа младший (*Chron. Gr.* 8323–8361; *Chron. Fr.* 576).
- 69.Тюркские наемники (двое, имена не названы) – остались на Пелопоннесе, крещены по католическому обряду и посвящены в рыцари. Князь Гийом II пожаловал им феодальные владения – дополнили ряды вассалов князя (*Chron. Gr.* 5728–5758).
- 70.Филипп Анжуйский (*Philippe d'Anjou*, 1256–1277) – сын Карла Анжуйского, первый муж Изабеллы де Виллардуэн. По договору в Витербо, должен был стать князем Ахайи, но умер на год раньше Гийома II.
- 71.Филипп де Жуанвиль (*Philippe de Joinville*, ум. ~1373 г.) барон Востицы и Нивеле, бургундец, сторонник союза с Византией в 1330-е гг. Балыи Ахейского княжества (1348–1349).
- 72.Филипп де Лагонесс – балыи Ахейского княжества в 1280–1282.
- 73.Филипп Савойский (*Philippe I de Savoie*, 1278–1334) – второй муж Изабеллы де Виллардуэн, князь Ахайи (1301–1307).
- 74.Филипп Тарентский (*Philippe d'Anjou et Taranto*, 1278–1332) – князь Ахайи (1307–1313).
- 75.Филипп де Туси (*Philip de Toucy*) – брат Ансо, находился в плену в Константинополе. Его держали в «старых дворцах». Был возвращен братом из плена после битвы при Макри-Плаги (*Chron. Gr.*, 5207–5237, 5414–5439).

- 76.Флорис д'Эно (*Florent de Hainaut*, *Φλοράνς*, PLP, № 29982, ум. в 1297) – второй муж Изабеллы де Виллардуэн, князь Ахайи (1289–1297). Заключил первое долгое перемирие с греками (1289–1296).
- 77.Франциск де Сан-Северино (*Francesco de San Severino*) – неаполитанец, бальи Ахейского княжества. Напал на греков при Гардики в 1375 г., захватил город, но не сумел взять замок (*Chron. Arag.* 713).
- 78.Чентурионе I Дзаккариа (*Centurione I Zaccaria*, ум. в 1382) – барон Дамалы и Халандрицы, бальи Ахейского княжества с 1365 г. (с перерывами). С 1370 г. великий коннетабль Ахайи.
- 79.Эрар III ле Мор (*Erard le Maure*, ум. в 1388) – барон Аркадии, маршал Ахейского княжества.
- 80.Эсташ Пагано де Ночера – бальи Ахейского княжества в 1317 г.
- 81.Этьен ле Мор (*Etienne le Maure*) – барон Аркадии, в 1325 г. участвовал в войне с греками под началом князя Иоанна де Гравина (*Chron. Arag.* 659).

II. Ромеи (нобилитет)

- 82.Алексей Ласкарис Метохит (*Μετοχίτης*, *Ἀλέξιος Λάσκαρις Παλαιολόγος*, PLP № 17977) – кефал Морей до 1348 г., позднее – великий domestik Византии (1355–1369).
- 83.Алексей Фил (*Philes Alexios* / *Φιλῆς Ἀλέξιος*, PLP № 29809, ум. в 1263) – мегадомestik Византии, пленен у Приницы в 1263 г., умер в тюрьме замка Хлемутци (*Chron. Fr.* 306–311, 314–320, 340–347, 354–362).
- 84.Алексей Филантропин (*Ἀλέξιος Φιλανθρωπηνός*, PLP № 29751) – протостратор Византии, командовал византийским флотом, в 1263 г. возглавлял атаки на прибрежные территории Ахейского княжества.

85. Анна Комнина Дукиня / Агнес де Виллардуэн (*Agnès / Ἄννα*, PLP, №1000, ум. в 1286) – дочь правителя Эпира Михаила II, третья жена князя Гийома II (с 1258), княгиня Ахайи.
86. Андроник Асень (*Ἀσάνης, Ἀνδρόνικος*, PLP. № 1489, ум. ~1342) – представитель императорского рода, кефал Морей (1316–1321), был известен как мудрый и энергичный правитель. Отвоевал часть Аркадии и Скорты, разбил франков в битве у замка св. Георгия (*Chron. Arag.* 642–646).
87. Архонты из Константинополя (двое, имена не названы) – весно 1264 г. отправлены великим доместиком Константином за тюркским отрядом с заданием переубедить их и вернуться на сторону византийцев. Потерпели неудачу (*Chron. Gr.* 5129–5174).
88. Бартоломея Аччайуоли (*Bartolomea Acciaiuoli*, ум. в ~1396) – дочь Нерио Аччайуоли. В 1383/4 выдана замуж за деспота Морей Феодора I Палеолога. Насколько известно, не принимала православие.
89. Георгий Сугромайи (*Sguromailli/Sguromailly*) – греческий архонт, возможно гасмул, родом из Мессении. Симпатизировал франкам и помог вернуть Каламату, за что был вынужден бежать в Цаконию (*Chron. Fr.* 721).
90. Димитрий Кантакузин (*Δημήτριος Καντακουζηνός*, PLP, №10961, ум. в 1384) – сын Матфея Кантакузина, племянник Мануила. Деспот Морей (1383–1384).
91. Димитрий Рауль (*Ῥαούλ, Δημήτριος Παλαιολόγος*, PLP. № 24117) – византийский военачальник в Морее, одержал победу над наваррцами Ахейского княжества в 1395 г., пленил Педро де Сан Суперана.
92. Елена Ангелина Комнина – дочь севастократора Фессалии Иоанна Дуки. Была выдана замуж за Гийома де ла Роша. После смерти мужа была регентом своего несовершеннолетнего сына Ги II (*Chron. Gr.* 7927–7959, *Chron. Fr.* 546).

93. Засси (*Zassi*) – грек из Янницы (близ Калавриты), предводитель крупного славянского отряда. В 1334 г. инициировал набеги на венецианские территории.
94. Знатный франк из Константинополя (имя не названо) – в 1263 г. прибыл на Пелопоннес из Константинополя, давал советы севастократору Константину Палеологу о способах ведения войны против франков (*Chron. Gr.* 4895–4897).
95. Изабелла де Лузиньян (*Isabelle de Lusignan, Λουζουνία, Ζαμπέα Καντακουζηνή τε*, PLP, № 92549, ум. в 1382) – дочь короля Киликийской Армении Константина III (1342–1344), родственница королей Кипра. Около 1347 г. вышла замуж за Мануила Кантакузина. Деспина Морей (1348–1380). После смерти мужа покинула Пелопоннес и отправилась на Кипр.
96. Жак де Шасси / Засси (*Jaque Chasy*) – знатный грек из Калавриты, родственник Фотия, «самый отважный воин на службе у императора в Морее» (*Chron. Fr.* 669).
97. Иоанн VI Кантакузин (*Καντακουζηνός, Ἰωάννης VI*, PLP. № 10973, ~1293–1383) – император Византии (1347–1354). Был назначен кефалом Морей в 1321 г. после Андроника Асеня, но сумел избежать отправки на Пелопоннес. Заключил договоренность с посланниками франков в 1341 г., но не сумел реализовать присоединение Ахейского княжества из-за начала гражданской войны. Назначил своего сына первым деспотом Морей. После отречения несколько раз бывал на Пелопоннесе. Умер в Мистре.
98. Кавалларий (имя не названо) (*Kavallaritses / Καβαλλάριτης*, PLP. № 10045, ум. в 1264) – один из предводителей греков в битве при Макри-Плаги, пленен. Был отправлен в Велигости, позднее в Хлемутци, где и умер (*Chron. Gr.* 5414–5439).
99. Кантакузин (*Καντακουζηνός*, ум. в 1316) – первый кефал Морей, назначенный на долгий срок (1308–1316).

100. Константин Палеолог – малолетний сын Михаила VIII. Князь Гийом II стал его крестным отцом по договору от 1262 г. (Chron. Gr. 4332–4376).
101. Константин Палеолог – севастократор, великий domestik Византии, брат Михаила VIII, отправлен с войсками на Пелопоннес для продолжения войны с франками. Не принимал участие в битве при Приннице, находясь в шатре. Под предлогом болезни покинул Морею перед битвой при Макри-Плаги (Chron. Gr. 4629–4665).
102. Макрин (Μακρινός / Μακρινός, PLP, № 16358) – паракимомен Византии, в 1262 г. был отправлен на Пелопоннес сражаться против франков. Пленен при Макри-Плаги, обменен на Филиппа де Туси (Chron. Gr. 4629–4665).
103. Мануил Кантакузин (Καντακουζηνός, Μανουήλ Παλαιολόγος, PLP. № 10981, ~1330–1380) – сын императора Иоанна VI, первый деспот Мореи (1348–1380). Заключил продолжительный мир с франками Ахейского княжества, предпринимал с ними совместные военные экспедиции против турок и каталонцев. Был женат на представительнице французского рода Изабелле де Лузиньян.
104. Мануил Рауль (Ραούλ Μανουήλ; PLP, № 24130) – византийский чиновник в Мистре при деспоте Мануиле Кантакузине (до 1362).
105. Мануил Франкопул (Φραγκόπουλος Μανουήλ, PLP. № 30139) – начальник стражи, протостратор Мореи. В 1394 г. представитель деспота Феодора I при заключении мирного договора с Венецией в Модоне.
106. Матфей Кантакузин (Καντακουζηνός, Ματθαῖος Ἀσάνης, PLP. № 10983, ~1325–1383) – деспот Мореи (1380–1383), старший брат Мануила, отец Димитрия. Придерживался в управлении политики своего брата.
107. Михаил Кантакузин (Kantakouzenos / Καντακουζηνός, PLP № 10953, ум. в 1264) – вероятно, прадед Иоанна VI Кантакузина. Византийский наместник Монемвасии (1262–1264). Прославленный воин.

- Командовал передовым отрядом, погиб в битве с франками (Chron. Gr. 4554–4577, 5007–5043).
108. Михаил VIII Палеолог (Μιχαήλ Η΄ Παλαιολόγος) – император Византии (1261–1282), по договору с Гийомом II Виллардуэном вернул юго-восточные территории Морей (1262), пожаловал Гийому II титул великого домашнего империи.
109. Наместник Мистры в 1289 г. (имя не названо) – к нему Флорис д’Эно направил двоих посланников с предложением заключить длительный мир (Chron. Gr. 8644–8688).
110. Племянник императора (имя не названо) – прибыл в Монемвасию и привел отряды половцев, турок и ромеев из Никеи (Chron. Gr. 6634–6671).
111. Посланник к императору (имя не названо) – в 1289 г. был направлен в Константинополь с просьбой разрешить заключить длительный мир с франками (Chron. Gr. 8689–8728).
112. Сирианис Гиллопул (*Syriannis Gilopoulos*) – кастелян крепости Гардики, которую осаждали франки в 1375 г. Вероятно, гасмул (Chron. Arag. 714–715).
113. Сгуромайи (*Sguromalles* / Σγουρομάλλης, PLP № 24994) – севаст из Лаконии, в начале XIV в. Вероятно, родственник Георгия.
114. Феодор I Палеолог (Παλαιολόγος Θεόδωρος Ι. PLP № 21460, 1355–1407) – первый деспот Морей из династии Палеологов (1383–1407). В 1383 г. заключил политический союз с Нерио Аччайуоли, взял в жены его старшую дочь Бартоломею. Присоединил к деспотату Коринф и часть территорий Ахейского княжества.
115. Филантропин (*Philanthropenos* / Φιλανθρωπινός, PLP № 29748) – кефал императора в Морее (1290), знатный человек. Вел переговоры с князем Флорисом о мире. Дал князю совет (на личной встрече в Андравиде) направить к императору по 2 посланника от греков и от франков, чтобы с большей вероятностью получить хороший прием и заручиться

хрисовулом о мире на Пелопоннесе. Отправился в Константинополь вместе с Жаном Шодероном и Жоффруа д'Онэ (Chron. Gr. 8689–8728, Chron. Fr. 602, 603, 605).

116. Фотий (*Foty*) – знатный грек из Калавриты, имел землю на франкской стороне в «смешанном владении», его конфликт с Жераром де Реми спровоцировал новый виток военных действий и привел к потере франками замка св. Георгия (Chron. Fr. 663–692).

III. Знать и должностные лица Ахейского княжества греческого происхождения

117. Гийом Каллигопул – представитель греческого знатного рода, принявшего власть франков. Владел землями близ Андравида. Вместе с братом (имя неизвестно) инициировали строительство церкви Панагии в Гастуни (1278–1279).

118. Брат Гийома Каллигопула (имя неизвестно) – представитель греческого знатного рода, принявшего власть франков. Со старшим братом Гийомом инициировали строительство церкви Панагии в Гастуни (1278–1279).

119. Иоанн Ласкарис Калофер (Καλόφερος, Ἰωάννης Λάσκαρις, PLP, № 25311, ум. в 1392) – представитель знатного византийского рода. Состоял на дипломатической службе, принял католицизм около 1357 г. В 1370 г. женился на Люси ле Мор, дочери барона Аркадии Эрара III. В 1377 г. Венеция запретила ему находиться ему в Короне и Модоне, поскольку он являлся гражданином Генуи. В 1388 г. получил и венецианское гражданство.

120. Иоанн Мисито (*Janni Misito*) – землевладелец греческого происхождения, могущественный ахейский феодал в первой половине XIV в., его род владел землями в Мессении и Скорте.

121. Иоанн Мурмурус (*Johannes Murturus*) – сменил Стефаноса Каттрулла на посту протовестиария Ахейского княжества.

122. Иоанн Супини (*Johannes Supini*) – греческий землевладелец из Ахейского княжества. Его лен граничил с венецианскими владениями, что стало причиной судебного разбирательства в 1328 г.
123. Кир Василопул (*Quir Vasylopule*) – протовестиарий княжества в конце XIII в.
124. Колинет (*Κολλινέτος / Kollinetos*) – протовестиарий княжества в конце XIII в. (Chron. Gr. 7672–7704).
125. Жан Сидерос (*Ντζιουάν Σιδηρός, PLP, № 25311*) – феодал Ахейского княжества смешанного происхождения. Перед своей смертью в 1278 г. князь Гийом II наделил его деда феодальными землями. В 1341 г. участвовал в посольстве к Кантакузину в Дидимотику.
126. Стефанос Куттрулл (*Stephanum Cutrullum*) – протовестиарий Ахейского княжества в XIV в., принадлежал к знатной греческой семье, имевшей земельные владения в княжестве.
127. Филокалос (*Φιλόκαλος / Philocalos*) – кастелян Аракловона, захваченного Жоффруа младшим в 1276 г. (Chron. Gr. 8323–8361; Chron. Fr. 564).

IV. Греки Пелопоннеса (рядовое население)

128. Акиндин Псимарис (*Ἀκίνδυνος Ψημάρης*) – грек из Корона, в 1334 г. назначил своим поверенным венецианца Никола Карпо для финансового разбирательства с Джованни Босацци из Кандии.
129. Анино (*Anino*) – друг и родственник греческого купца Коркондила, друг сержанта Бонифация. Помог сдать грекам замок св. Георгия в 1296 г. (Chron. Fr. 803–813).
130. Афанасий Асень (*Atanassius Aseniti*) – грек из Корона, в 1362 г. назначил своим поверенным венецианца Марино Зангиди для кредитования Джорджио из Кларенцы.

- 131.Василий Камарато (*Vasilli Camarato*) – один из старейшин деревни Мониста близ Корона, в 1328 г. представлял деревню в жалобе республике на канцлера Николетто Танто.
- 132.Василий Полистари (*Vasilli Polistari*) – житель Монисты, один из пострадавших от злоупотреблений канцлера Корона Николетто Танто в 1328 г.
- 133.Гийом Макри (*Guillermes Macri*) – житель Скорты, участник восстания греческого населения против князя Филиппа Савойского в 1305 г. Несмотря на франкское имя, вероятно, грек или гасмул. Один из двух «наиболее рассудительных и красноречивых», кто под видом паломников добрался до Лакедемона на переговоры с кефалом Мореи (Chron. Fr. 924).
- 134.Димитрий Полистари (*Dimitri Polistari*) – житель Монисты, один из пострадавших от злоупотреблений канцлера Корона Николетто Танто в 1328 г.
- 135.Заклученные греки в Аракловоне (двое, имена не названы) – помогли Жоффруа младшему направить письма наместнику императора в Мистру (Chron. Gr. 8278–8322).
- 136.Иоанн Кремолизи (*Can Cremolisi*) – греческий купец из Корона, получивший венецианское гражданство. Известен также тем, что ссудил крупную сумму Нерио Аччайуоли и начал судебный процесс по выплате долга. Процесс затянулся вплоть до смерти Нерио.
- 137.Иоанн Полистари (*Can Polistari*) – житель Монисты, один из пострадавших от злоупотреблений канцлера Корона Николетто Танто в 1328 г.
- 138.Иоанн Хамарет (*Can Chamareto*) – житель Монисты, в 1328 г. свидетель по делу злоупотреблений канцлера Корона Николетто Танто.
- 139.Ирина – гречанка из Модона, жена венецианца Андреа Марчелло, умерла ок 1374 г.

- 140.Ирина (*Erene*) – гречанка из Монисты, ложно обвиненная канцлером Николетто Танто.
- 141.Капитан (имя не названо) – привел греческий отряд к Аракловону с войском в ответ на призыв Жоффруа младшего (Chron. Gr. 8278–8361).
- 142.Константин Порфирий (Κωνσταντίνος Πορφύριος) – богатый греческий купец из Корона, в 1371 г. назначил доверенными лицами для кредитования неких Яникоса Босацци из Кандии и Николая Стровилиса.
- 143.Коркондиль (*Corcodille*) – греческий торговец из Великой Араховы, оскорбленный на ярмарке Вервены Жераром де Реми (Chron. Fr. 803–813).
- 144.Лев Меристик (*Λέων Μεριστικός*) – грек из Корона, в 1333 г. назначенный поверенным латинянина Джакомо Пизани.
- 145.Лев Франголио (*Lio Frangolio*) – житель Монисты, в 1328 г. свидетель по делу злоупотреблений канцлера Корона Николетто Танто.
- 146.Марино Склавос (Σκλάβος) – грек, поверенный Марко Веньера, в 1372 г. назначен им драгоманом курии и резидентом Модона.
- 147.Местные проводники турецкого отряда (имена не названы) к князю Гийому II в 1264 г. – сопровождали наемников 4 дня в лагерь франков (Chron. Gr. 5275–5315).
- 148.Местный житель (имя не названо) – помог Константину Палеологу сбежать из Принницы в Мистру (Chron. Gr. 4810–4847).
- 149.Никифор Властос (*Nichiforus Vlasto*) – грек из Корона, заявленный свидетелем в договоре 1334 г. В 1342 г. он сам был назначен поверенным венецианца Анджело Барбериго.
- 150.Никола Хамарет (*Nicola Camareto*) – житель Монисты, в 1328 г. свидетель по делу злоупотреблений канцлера Корона Николетто Танто.
- 151.Николай Андарос (*Νικόλαος Άνδαρος*) – грек из деревни Петриадес близ Корона, владел несколькими виноградниками, один из которых в 1371 г. передал венецианцу Антонио Романо.

152. Николай Патрский – кастелян франкского замка св. Георгия, в 1320 г., вероятно, инициировал соглашение с греками и передал им замок (Chron. Fr. 1024).
153. Николай Полистари (*Nicola Polistari*) – житель Мониеты, один из пострадавших от злоупотреблений канцлера Корона Николетто Танто в 1328 г.
154. Николай Цильямари (*Nicole Zilliamary*) – житель Скорты, участник восстания греческого населения против князя Филиппа Савойского в 1305 г. Вероятно, грек или гасмул. Один из двух «наиболее рассудительных и красноречивых», кто под видом паломников добрался до Лакедемона на переговоры с кефалом Мореи (Chron. Fr. 924).
155. Стаматия (*Σταματία*) – гречанка из Модона, в 1333 г. вышла замуж за венецианца по имени Джованино.
156. Фодорис Скулогенис (*Θοδωρήσ Σκουλογένης*) – грек из Модона, в 1374 г. выдал венецианцу Петро Бону расписку о наследстве своей матери или близкой родственницы.
157. Фодорис Хавлида (*Thodoro Chavlida*) – один из старейшин деревни Мониета близ Корона, в 1328 г. представлял деревню в жалобе республике на канцлера Николетто Танто.
158. Фодорис Хамерет (*Todoro Chamareto*) – житель Мониеты, в 1328 г. свидетель по делу злоупотреблений канцлера Корона Николетто Танто.
159. Хали (*Chali / Κάλι*) – двадцатилетняя гречанка из Корона, в 1333 г. заключила десятилетний договор о службе Катерине Молин, жене венецианца Бенедетто Молина.

V. Венецианцы Пелопоннеса

160. Альбано Контарини (*Albano Contarini*) – губернатор Аргоса и Навплиона (1388–1389).

161. Анджело Барбериго (*Angelo Barberigo*) – венецианец из Корона, в 1342 г. назначил своим поверенным грека Никифора Властоса.
162. Андреа Марчелло (*Andrea Marcello*) – венецианец из Модона, муж гречанки Ирины, умер до 1374 г.
163. Андреа Морозини (*Andrea Morosini*) – кастелян Корона и Модона в 1351/52 и до 1356 гг.
164. Андреа Фосколо (*Andrea Foscolo*) – кастелян Корона в 1356 г.
165. Антонио Романо (*Antonio Romano*) – венецианец из Корона, в 1371 г. приобрел виноградник у грека Николая Андароса.
166. Бертуччо Лоредан (*Bertuccio Loredan*) – кастелян Модона в 1377 г.
167. Галеаццо Нани (*Galeacco Nani*) – венецианский консул Кларенцы в 1356 г.
168. Джакомо Пизани (*Giacomo Pisani*) – латинянин, житель Корона, в 1333 г. назначил своим доверенным лицом грека Льва Меристика.
169. Джованни Контарини (*Giovanni Contarini*) – кастелян Корона и Модона в 1351/52 г.
170. Джованни Кверини (*Giovanni Querini*) – кастелян Модона в 1356 г.
171. Джованни Лоредан (*Giovanni Loredan*) – кастелян Модона в 1368 г.
172. Джованнино (*Giovannino*) – венецианец из Модона, в 1333 г. женился на гречанке Стаматии.
173. Израил (*Israel*, дублируется) – епископ Корона около 1341 г.
174. Леонардо Бембо (*Leonardo Bembo*) – кастелян Корона и Модона до 1390 г.
175. Марино Бокерио (*Marino Boxerio*) – венецианский купец, в 1357 г. понес убытки в Патрах.
176. Марино Зангиди (*Marino Zanguidi*) – венецианец, житель Корона, писец курии, в 1362 г. назначен поверенным грека Афанасия Асеня.
177. Марко Бриксано (*Marco Brixano*) – венецианский купец, в 1357 г. понес убытки в Патрах.

- 178.Марко Веньер (*Marco Venier*) – сын кастеляна Корона и Модона, в 1372 г. назначил своего поверенного грека Марино Склавоса драгоманом курии и резидентом Модона.
- 179.Марко Джустиниани (*Marco Giustiniani*) – кастелян Корона в 1341 г.
- 180.Марко Кверини (*Marco Querini*) – кастелян Модона в 1356 г.
- 181.Марко Лоредан (*Marco Loredan*) – венецианский купец, в 1357 г. понес убытки в Патрах.
- 182.Марко Фалье (*Marco Falier*) – венецианский купец, в 1338 г. опоздал на галей Гольфа после Ярмарки св. Димитрия в Кларенце.
- 183.Никола Карапо (*Nicola Carapo*) – венецианец из Корона, назначенный поверенным грека Акиндина Псимариса в 1334 г.
- 184.Никколо Пизани (*Niccolò Pisani*) – кастелян Корона в 1341 г.
- 185.Никколо / Никколетто Танто (*Niccolò / Nicoletto Tanto*) – канцлер Корона, на которого жителями деревни Мониста в 1328 г. была подана жалоба в венецианский суд. В 1343 г. он вновь фигурирует в венецианских документах как канцлер Корона.
- 186.Пьетро ди Бернардо (*Pietro di Bernardo*) – венецианский купец, умер в Востице в 1365 г.
- 187.Пьетро Гримани (*Pietro Grimani*) – кастелян Корона и Модона в 1384 г., которому Феодор I Палеолог предложил передать Монеувасию.
- 188.Паоло Лоредан (*Paolo Loredan*) – кастелян Корона и Модона до 1356 г.
- 189.Пьетро Контарини (*Pietro Contarini*) – венецианский купец, в 1338 г. опоздал на галей Гольфа после Ярмарки св. Димитрия в Кларенце.
- 190.Пьетро Корнаро (*Pietro Cornaro*, ум. в 1388) – венецианский гражданин, муж Марии д'Энгьен, сеньор Аргоса и Навплиона (1387–1388).
- 191.Пьетро Лоредан (*Pietro Loredan*) – кастелян Корона в 1328 г.

- 192.Склави Вентури (*Sclavi Venturi*) – венецианский купец, понес крупные убытки в Кларенце в 1341 г.
- 193.Стефано Сиера (*Stefano Siera*) – концлер Корона и Модона в 1362 г.
- 194.Тадео Джустиниани (*Tadeo Giustiniani*) – кастелян Корона в 1365 г.
- 195.Франциск (*Franciscus*) – латинянин из Корона, заявленный свидетелем в договоре 1334 г.
- 196.Франческо Криспо (*Francesco Crispo*) – герцог Наксоса, в 1394 г. убедил деспота Феодора I заключить мирный договор с Венецией.
- 197.Франческо Бембо (*Francesco Bembo*) – кастелян Корона в 1374 г.
- 198.Франческо Фалье (*Francesco Falier*) – епископ Модона в 1374 г.
- 199.Эрмолао Венье (*Ermolao Venier*) – кастелян Корона в 1374 г.

Карты

Карта 1. Города и замки Пелопоннеса (по: Lock P. Castles and Seigneurial Influence in Latin Greece. P. 186).

Карта 2. Границы государственных образований Пелопоннеса к 1278 г. (по: Map of the Greek and Latin states in southern Greece ca. 1278 [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Principality_of_Achaea#/media/File:Greece_in_1278.svg (дата обращения: 15.02.2023).

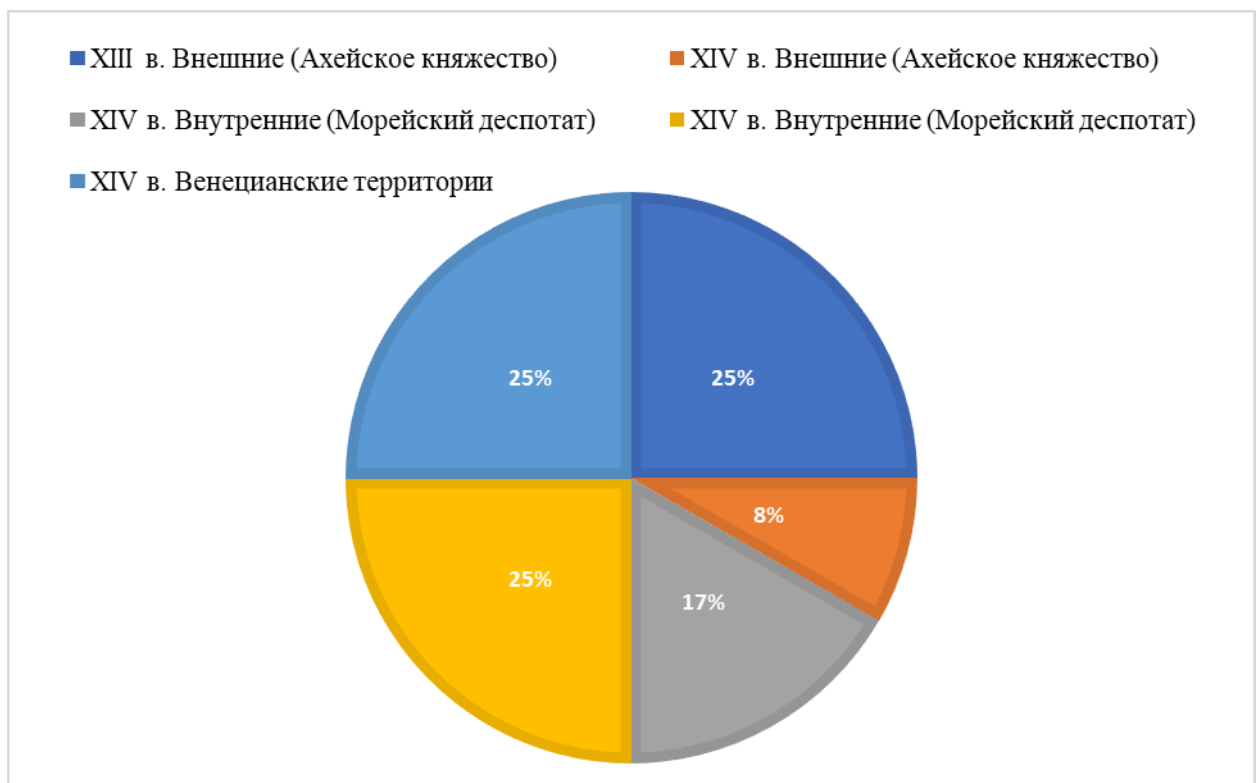
Карта 3. Границы государственных образований Пелопоннеса к 1388 г. (по: Miller W. The Latins in the Levant... P. 332).

Таблицы

Таблица 1. Греко-латинские браки, зафиксированные источниками

Количество смешанных браков в:	Ахейское княжество		Морейский деспотат		Венецианские Корон и Модон
	Внутренние	Внешние	Внутренние	Внешние	
XIII в.	-	3	-	-	-
XIV–начало XV в.	-	1	2	3	3

Таблица 2. Соотношение данных о смешанных браках на Пелопоннесе в XIII и XIV – начале XV в.

Иллюстрации

Илл. 1. Церковь Панагия в Мербаке (по: Athansoulis D. The Triangle of Power Building Projects... P. 150)

Илл. 2. Итальянская керамика в декоре алтарной части Панагии в Мербаке (вид снаружи) (по: Sanders G. D. R. William of Moerbeke's Church at Merbaka... P. 587)

Илл. 3. Воин-святой в церкви св. Франциска в Кларенце (по: Athansoulis D. The Triangle of Power Building Projects... P. 124)

Илл. 4. Фрагмент иконы св. Георгия. Кастория, XIII в. Byzantine and Christian Museum (Athens, Greece). Фото автора

Илл. 5. Церковь Панагии в Гастуни близ Андравиды (по: Athansoulis D. The Triangle of Power Building Projects... P. 145)